

— НОВАЯ АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА —

— Н.А.САВИН —

ПОСЛЕДНИЕ СЕВЕРЫ

Table of Contents

[Annotation](#)

[Николай Савин Последние Северы](#)

[Введение](#)

[История вопроса](#)

[Часть 1 Извращенец на престоле \(213-222 гг.\)](#)

[Глава 1 Начало правления](#)

[Глава 2 Римский Содом](#)

[Глава 3 Избавление](#)

[Часть 2 Ещё очин «потомок Каракаллы» \(222-255 гг.\)](#)

[Глава 1 Закрепление на троне](#)

[Глава 2 Характер, привычки, образ жизни](#)

[Глава 3 Организация власти](#)

[Глава 4 Провинции империи](#)

[Глава 5 Внутренняя политика Александра](#)

[Глава 6 Персидская война. 229-233 годы](#)

[Глава 7 Аламаннская война. 255-255 годы](#)

[Глава 8 Заговор и убийство](#)

[Заключение](#)

[Литература](#)

Annotation

Приход к власти сирийской ветви династии Северов был попыткой римской армии вернуть «лучшие» времена Септимия Севера и Каракаллы, а аристократии – «лучшие» времена Антонина Пия и Марка Аврелия. Эта попытка не удалась, как из-за негодности самих последних императоров Северов, так и по объективным причинам нарушения государственной стабильности.

Перекус в несоразмерном повышении роли армии и понижении качества управления при росте экономических проблем и духовном кризисе имперского населения можно назвать «Скрытым кризисом» (или начальным этапом «Кризиса III века»). Его начало можно датировать временами Септимия Севера, во времена Каракаллы и Гелиогабала наступил пик «Скрытого кризиса», а при Александре ситуация дозрела и до открытой фазы, апофеозом чего стало убийство принцепса. Убийство последнего из Северов стало переломным моментом между скрытым и открытым кризисом империи. Именно последний этап «Скрытого кризиса» империи рассматривается в данном труде в форме политических биографий и психологических портретов Гелиогабала и Александра Севера.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Николай Савин

Последние Северы

Новая античная библиотека. Исследования

© Н.А. Савин, 2025

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

Введение

Династия Северов была прервана смертью императора Каракаллы в апреле 217 года. Захвативший власть префект претория Макрин не имел к Северам никакого отношения. Однако, новому императору не удалось стать основателем новой династии, хотя он и старался. Макрин не оценил степени симпатий к Северам и Каракалле, в частности, в армии, среди аристократии и в широких кругах простого народа, а также уважения к Северам среди народов, окружавших Империю. Кроме того, сам Макрин не оправдал надежд и явно не справлялся с обязанностями императора. Прошло всего чуть больше года, как среди сирийских войск началось восстание, которое быстро привело к поражению и гибели Макрина, и возвращению к власти тех же самых Северов, только на этот раз в лице представителей женской сирийской линии династии. На престол империи взошёл племянник Каракаллы Антонин Гелиогабал.

Этими событиями заканчивалась наша предыдущая книга о военной истории Римской империи, которую мы теперь продолжаем, поставив себе задачу рассказать об истории правления последних двух представителей династии, или, если быть более справедливым, женской части семейства Северов во главе с Юлией Месой, Юлией Соэмией и Юлией Мамеей. Изначально, это была попытка вернуть власть династии Северов, поддержанная армией, не желавшей долее терпеть узурпацию Макрина, выражавшего интересы гвардии и второго уровня придворных кругов, как бы Макрин ни старался поладить с сенатом и нобилитетом.

Напомним, что к моменту свержения Макрина, огромная римская армия стояла в восточных провинциях империи, удерживаемая там проблемами мира с Парфией, мятежами провинциалов и неустойчивостью власти. Там же находился и императорский двор со всеми службами. Возвращение европейских войск на места их постоянной дислокации и императорского двора в Рим было главной задачей нового правительства. Макрин не успел сделать этого, что, возможно, сыграло роковую роль в его судьбе. Необходимо было, также, восстановить единую вертикаль власти, успокоить мятежи, восстановить экономику империи и снять проблемы с соседями Рима. Теперь эти задачи предстояло решить правительству Юлии Месы.

История вопроса

Времена последних Северов – крайне трудный для изучения период римской истории. Объясняется это как минимальным количеством и

низким качеством наших первоисточников, так и противоречивостью характеров обоих последних императоров династии, и сложностью политических обстоятельств, в которых они действовали. Что до первоисточников, то число их можно пересчитать по пальцам одной руки, при этом они не только малоинформативны, но и спорны. Самым объёмный из имеющихся у нас источников – это сборник «Авторы жизнеописаний Августов» – АЖА (*Scriptores Historiae Augustae*), где две из глав, написанных Элием Лампридием, посвящены Гелиогабалу и Александру Северу. Существует множество вопросов о данном источнике, например, о его датировке (сами авторы относят его ко временам Диоклетиана и Константина), которая могла бы более точно определить мотивы написания работы, или о самом авторстве (как указано в источнике – это сборник сочинений шести людей, но ни один из них более никак не известен). Сборник явно пристрастный политически и явно выражает мнение сенатской аристократии. Многие сюжеты и материалы сборника кажутся неправдоподобными, некоторые явно ошибочны, но некоторые, считавшиеся выдумкой, впоследствии подтвердились или были признаны таковыми. Так что споры о качестве текстов АЖА ведутся до сих пор.

Куда более авторитетным источником считается «Римская история» Диона Кассия, бывшего современником династии Северов. Однако, настоящий полный текст о временах последних Северов до нас не дошёл, а то, что дошло в выдержках византийца Ксифилина, крайне неполно и изобилует лакунами. Да и сам Дион, будучи в хороших отношениях с Александром Севером, явно тенденциозен в изображении своего покровителя, да и с Гелиогабалом осторожен. Куда более, чем с Каракаллой, например. Сенатская позиция Диона тоже не способствует объективности источника.

Третьим из основных источников является «История императорской власти после Марка» Геродиана, современника событий, выходца из Сирии, однако занимавшего лишь мелкие административные должности. Работа не точна по хронологии, автор не знает многих аспектов политики верхов, да и многих деталей, ведь он не был вхож в императорский дворец, но зато работа улавливает разнородность политических настроений, особенно на нижних этажах империи, а автор не зависит от утвердившейся конъюнктуры и может более правдиво показать картину происходившего. Однако, и этот источник весьма краток.

Ещё о последних Северах есть очень лапидарные фрагменты у Зосима, Секста Аврелия Виктора, Евтропия, Орозия и некоторых других авторов. Практически ничего нового они не дают.

Есть материалы эпиграфики, монеты, археологические материалы, элементы архитектуры и искусства, которые сильно помогают в восстановлении объективной картины событий и жизни того времени, но, всё же, не могут заменить нарративные источники.

Вот и всё, что мы имеем. Именно поэтому современная наука довольно редко обращается ко временам последних Северов. Кроме беглого рассказа в рамках трудов, посвящённых общей истории Римской империи, есть лишь несколько специализированных монографий биографического характера. Писали о последних Северах Э. Гиббон, Дж. Буркхардт и Дж. Фрезер. Тогда, по поводу Гелиогабала, на первый план выступил аспект, который доминировал в XIX и начале XX века: идея его специфически восточного деспотизма. Этот аспект был особенно характерен для Альфреда фон Домашевского. В то время часто говорили о культурной победе восточного варварства над традиционным римским достоинством и добродетелью.

В начале XX века оценки Гелиогабала изменились в соответствии с общей тенденцией гиперкритицизма и недоверия к античным источникам. Первой объемной биографией его была «Удивительный император Гелиогабал» (1911) Дж. Стюарта Хэя, серьезное и систематическое исследование, более сочувственное, чем у предыдущих историков, которое, тем не менее, подчеркивало экзотичность Гелиогабала, называя его правление периодом «огромного богатства и чрезмерной расточительности, роскоши и эстетизма, доведенных до предела, и чувственности во всех утонченных восточных привычках».

Писал о Гелиогабале французский писатель, поэт, драматург, театральная деятельность и философ Антонен Арто (1934). Его роман «Гелиогабал – коронованный анархист», это повесть о природе тотальной власти. Напомним, что это было время триумфа фашизма и нацизма со всеми их ответвлениями. Арто не скрывает своего восхищения тираном-первертом, тотальная власть которого, по мнению автора, идет от отличной злой воли, а от самой стихии солнечного света, из которой рожден Гелиогабал, богочеловек, соединяющий в себе мужское и женское начала.

В 1955 году Максимилиан Ламбертц, автор статьи об Гелиогабале в *Realencyclopädie der Classischen Archaeologie*, пришел к выводу, что Гелиогабал всегда был управляемым женщинами мальчиком, не мужчиной, а только орудием волевой бабушки.

В 2014 году вышла хорошая книга Клауса Альтмайера о Гелиогабале (Элагабал: Римский священник-император и его время). Этот труд наиболее взвешенно подходит к источникам, но, в целом, Альтмайер ищет постоянных оправданий поступкам и поведению Гелиогабала.

Лучшей на сегодняшний день биографией Гелиогабала, стала, вышедшая в 2022 году книга бывшего оксфордского историка и современного писателя Гарри Сайдботтома «Безумный император», ставшая книгой года по версии *The Spectator*, *BBC History Extra* и *Financial Times*. Сайдботтом прекрасно разобрался во всех аспектах характера и деятельности Гелиогабала и правительства Мессы и написал высокопрофессиональную и литературно красивую историю

правления этого императора. Ему удалось избавиться от гиперкритицизма в отношении источников и не допустить оправдания гомосексуальных извращений Гелиогабала в угоду современной западной конъюнктуре.

А она к XXI веку, привела к откровенному оправданию и восхвалению Гелиогабала. Так, Мартин Икс в «Образах Элагабала» (2008 г.; переиздано как «Преступления Элагабала» в 2011 и 2012 гг.) сомневается в надежности древних источников и утверждает, что именно неортодоксальная религиозная политика императора оттолкнула правящую элиту Рима до такой степени, что его бабушка сочла целесообразным устранить его и заменить двоюродным братом. Он назвал античные истории, относящиеся к императору, частью долгой традиции «ассасинации характера» в древней историографии и биографии».

Леонардо де Аррисабалага-и-Прадо в книге «Император Элагабал: факт или вымысел?» (2008), также критикует древних историков и предполагает, что ни религия, ни сексуальность не сыграли роли в падении молодого императора. Вместо этого Прадо предполагает, что Гелиогабал проиграл в борьбе за власть внутри императорской семьи, что лояльность преторианской гвардии была выставлена на продажу и что у Юлии Мезы были ресурсы, чтобы перехитрить и перекупить своего внука. В этой версии событий, как только Гелиогабал, его мать и его ближайшее окружение были убиты, началась кампания по убийству их репутации, в результате чего возникла гротескная карикатура, сохранившаяся до наших дней. Но, правда, другие историки, в том числе Икс, критиковали Прадо за чрезмерный скептицизм в отношении первоисточников.

Уорик Болл в своей книге «Рим на Востоке» пишет извиняющий отчет об императоре, утверждая, что описания его религиозных обрядов были преувеличены и их следует отвергать как пропаганду, подобно тому, как отвергаются языческие описания христианских обрядов. Болл описывает ритуальные обряды императора как разумную политическую и религиозную политику, утверждая, что синкретизм восточных и западных божеств заслуживает скорее похвалы, чем насмешек. В конце концов, он изображает Гелиогабала как ребенка, вынужденного стать императором, который, как и ожидалось от верховного жреца культа, продолжал свои ритуалы даже после того, как стал императором. Болл оправдывал казни Гелиогабалом видных римских деятелей, которые критиковали его религиозную деятельность. Наконец, Болл утверждает духовную победу Гелиогабала в том смысле, что его божество будет приветствоваться Римом в форме Sol Invictus 50 лет спустя. Болл утверждает, что Sol Invictus оказал влияние на монотеистические христианские верования Константина, утверждая, что это влияние сохраняется в христианстве и по сей день.

Такая критика источников, которую некоторые исследователи, в том числе и мы, считают преувеличенной, означает, что многие утверждения в нарративных источниках отвергаются как сомнительные или неправдоподобные, а совокупность фактов значительно сокращается. В результате на первый план выходят археологические источники. А ведь, несмотря на свою ценность, они могут дать лишь очень ограниченную картину. Фактически огульное отрицание правдивости античных источников не даёт науке ничего, кроме вреда и искажения истории. Понятно, что к первоисточникам надо подходить критически и осторожно, но, всё же, в основу отношения к ним стоит положить базовое доверие к искреннему желанию автора сохранить и донести читателям правду. В древности письменное слово было весьма трудоёмким, дорогим и уважаемым, чтобы сочинять откровенные небылицы, рискуя прослыть лжецом. Так что мы будем опираться на античные первоисточники достаточно уверенно, предполагая, что в своей основе они правдивы. Конечно, источники необходимо подвергать любой возможной проверке и анализу, привлекая эпиграфику и археологию, на базе чего построить непротиворечивую концепцию эпохи.

В отличие от Гелиогабала, Александр Север многие столетия рассматривался Римской, а затем европейской историографией, как идеальный правитель. Даже в XVIII веке все еще преобладал традиционный образ мудрого, добродетельного, гуманного и любимого народом правителя, нарисованный *Historia Augusta*, который поддержал Эдвард Гиббон. В последние столетия занимались Александром Севером, в основном, немцы. Якоб Буркхардт находился под сильным влиянием старой традиции и писал в 1853 году, что Александр был «истинным святым Людовиком древности», который сопротивлялся «бесконечному множеству соблазнов деспотизма», и «вступил на путь справедливости и милосердия». Этот «непонятый человек в столетие, которое знало только страх», не смог завоевать уважения, но неизбежно потерпел неудачу.

Однако с XIX-го века возобладала неблагоприятная оценка Александра, подчеркивающая его роковую несамостоятельность и отсутствие решимости. Сокрушительный вердикт вынес Альфред фон Домашевский (1909). Он назвал Александра «плачевнейшим из всех цезарей». Во время его правления «последнее подобие порядка в империи исчезло», следствием ошибочной политики стал «полный крах всего административного строя». Эрнст Корнеманн (1939) считал, что «слабый, так и не достигший зрелости» Александр был несправедливо превращен в «свещающуюся фигуру со странным ореолом». Вильгельм Энслин (1939) отметил, что молодой император не смог выполнить свою задачу, поскольку, несмотря на свое имя, он не был ни (Септимием) Севером, ни Александром (Великим). Альфред Хойе (1960) охарактеризовал Александра как «незначительного, но, по крайней

мере, безобидного молодого человека, который «так и не превратился в мужчину». Для Германа Бенгтсона (1973) Александр был «слабым, посредственным правителем, который не сделал ничего выдающегося ни в политической, ни в военной области»; для его правительства «было характерно женское начало». Карл Крист (1988) также указывает, что Александр «в принципе никогда не достигал полной независимости». Твердости и напористости ему не хватало, он мог «только лавировать от одного кризиса к другому». Бруно Блекманн (2002), который называет Александра «маменькиным сынком», считает, что приход к власти Мамеи следует объяснять не правлением восточных женщин, а просто тем, что «император так и остался ребёнком». Хотя Александр, возможно, и принимал собственные решения в последние годы своего правления, его отказ предоставить солдатам ожидаемые денежные подарки был выражением нереалистичного отношения и, учитывая временные обстоятельства, был фатальной ошибкой.

Герберт Бенарио относит нестабильность положения Рима и начало кризиса именно несамостоятельности Александра и ключевому влиянию на него женщин, приведшему к неграмотной внешней политике [Benario, Herbert W., Alexander Severus (A.D. 222-235). URL: <http://www.roman-emperors.org/alexsev.htm> (дата обращения: 17. 06. 2015)].

Польский исследователь А. Кравчук считает Александра противоположностью двоюродного брата Гелиогабала в личных качествах, но тем не менее, тоже не склонен рассматривать императора как независимую политическую фигуру. На протяжении всего правления он пользовался помощью не только матери, но и ближайших помощников – Ульпиана, императорского совета, «специального органа из шестнадцати советников» [Кравчук А. Галерея римских императоров / А. Кравчук. – М., 2009. с.489].

Александр делал ставку на помощь угасающей аристократии и отдалялся от набирающей силу армейской элиты, что и предрешило судьбу. Этой линии придерживается ученый Кандучи [Canduci. Alexander, Triumph & Tragedy: The Rise and Fall of Rome's Immortal Emperors / Canduci. – 2010. – Pier 9. s.61].

А вот исследователь Сотерн снимает Александра обвинения. Он высказывает мысль, что правление Александра в целом было весьма благополучно, но возродившаяся Персидская держава и натиск германцев расшатали политическое равновесие, это, в свою очередь, со смертью императора вылилось в полномасштабный кризис. [Southern, Pat. The Roman Empire from Severus to Constantine / P. Southern. – Routledge, 2001. s.61].

Дж. Б. Кэмбелл уделяет внимание вопросу взаимоотношения Александра и армии. Так, принцепс сделал многое, чтобы обеспечить и улучшить права солдат: подтвердил, что воины могли назвать кого

угодно в качестве наследников завещании, [Campbell, J.B., The Emperor and the Roman Army 31 BC – AD 235 / J. B. Campbell. – Clarendon, 1984. s.221] могли освобождать своих рабов [s. 224], была обеспечена правовая база неприкосновенности личного имущества солдата, проходящего службу [s. 237].

Весьма удачной оказалась биография Александра Севера, написанная британским учёным Джоном Макхью. Вероятно, она является лучшей и самой полной на сегодняшний день. Оценка автором Александра сбалансирована, лишена субъективности и опирается на серьёзные данные и основания. В труде разобраны буквально все аспекты деятельности Александра и его правительства.

В отечественной историографии, несмотря на достаточно противоречивый материал источников, личность находившегося у власти ни много ни мало 13 лет Александра Севера в историографии до сих пор комплексно не рассматривалась.

С. И. Ковалев выразил мысль о получении принцепсом прекрасного образования, позволившего молодому человеку осмыслить ответственность за занимаемый пост. И, все же, природная мягкость и слабоволие не дали ему выйти из-под влияния властных женщин [Ковалев, С. И. История Рима / С. И. Ковалев. – Л., 1948.-с. 646].

В. И. Кузищин придерживается точки зрения, что «царственный подросток не мог управлять государством, да и в более зрелом возрасте не испытывал подобного желания» [Кузищин В. И. История древнего Рима / В. И. Кузищин, И. А. Гвоздева. – М., 2010. – с. 284]. Политическая же деятельность 222-235 гг. неразрывно связывается с личностью матери императора Юлией Мамеей, которая была фактической правительницей и осуществляла стабилизацию внутреннего и внешнего положения империи.

Е. В. Федорова характеризует принцепса как небезыдейную силу, которая смогла не только реставрировать порядки, бывшие до Гелиогабала, но ввести множество разнообразных и полезных законов, примирить все общественные слои. По личным качествам это был добродетельный человек, к тому же – весьма талантливый – и в рисовании, и в спорте, и в музыкальных изысканиях [Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах / Е. В. Федорова. – М., 1979., с. 222]. Лишь скабрёзность матери настроила против него легионы, отплатившие сполна всей династии.

Кратким, но достаточно сбалансированным исследованием последнего времени можно считать статью Гусева К.Д. «Правление и личность Александра Севера как проявление «скрытого кризиса III века».

Такова общая база, на основе которой написана наша книга. Надеемся, что она несколько освежит скучный отечественный материал и будет интересна любителям истории.

Часть 1

Извращенец на престоле (213-222 гг.)

Глава 1

Начало правления

Восстановление династии Северов происходило в провинции Сирия. Вкратце напомним обстоятельства этого дела. Восстание против императора Макрина, фактического убийцы Антонина Каракаллы, началось в Эмесе, а организатором его стала Юлия Меса, вдова Гая Юлия Авита Алексиана, который был легатом Реции, консулом-суффектом и дуксом при Септимии Севере, а при Каракалле стал проконсулом провинции Азия, сопровождал императора в Месопотамии и стал советником наместника Кипра, где и умер незадолго до описываемых событий в 217 году [Дион Кассий, 80, 3,2].

Юлия Меса имела весьма знатное происхождение. Она была старшей дочерью Гая Юлия Бассиана, первосвященника Храма Солнца в Эмесе. Храм был посвящён сирийскому и арамейскому богу солнца Эль-Габалу (аналог финикийского Баала). Мы знаем, как храм выглядел, по тогдашним монетам. Архитектура храма была полностью греческой. Он был установлен на подиуме, к которому вел лестничный пролет. Вход был обрамлен шестью колоннами, которые поддерживали высокий фронтон. Внутри находился чёрный камень конической формы, олицетворявший бога Эль-Габала. Культ Баала в Эмесе контролировался жрецами-правителями княжества, род которых происходил от арабского шейха Сампсикерама и его сына Ямблиха, (Страбон XVI, II, 10) даже после включения княжества в состав провинции Сирия при Домициане. Так что Бассиан был не только жрецом, но и князем-правителем.

Изображение храма Эль-Габала и чёрного камня на монете

Эмеса в то время во многих отношениях выглядела так, как будто это был типичный греческий город под властью римлян: он перенял достаточно греческой культуры, чтобы считаться полностью эллинизированным. Все надписи, найденные в окрестностях, а их более семисот, написаны на греческом языке, как и надписи на монетах, выпущенных городом. Это не было обязательным условием. В Пальмире, расположенной в 130 км. к востоку, но тесно связанной с Эмесой караванной торговлей, многие надписи были на местном языке. На западе Сидон и Арка чеканили монеты на финикийском языке в том же III веке нашей эры.

Эмеса получила статус римской колонии либо от Септимия Севера, либо от Каракаллы. С 212 года, после принятия Конституции Антонина, все свободные жители города стали римскими гражданами и, таким образом, получили все права. Из гражданской чеканки монет мы знаем, что в Эмесе проводились игры с безупречно греческими названиями: Пифийские и Элейские. То, что известные романисты Ямвлих (вероятно) и Гелиодор (несомненно) были родом из Эмесы, указывает на развитый уровень греческой культуры в этом городе.

Культ Элагабала известен очень плохо, однако ничто из того, что мы о нём знаем, не соответствует тому, что позже продемонстрировал император Гелиогабал. Это был местный культ, давным-давно эллинизированного бога Солнца, странноватый для европейцев, но не более того. Никаких явных отклонений от принятой в империи морали за культом не было замечено. Мы знаем, что когорта эмесенских лучников построила храм Элагабалу, когда разместилась гарнизоном в Интерцизе в Паннонии. В Эль-Кантаре в Египте другое подразделение из Эмесы посвятило храм Солнцу Непокоренному. Гай Юлий Авит Алексиан, дед Гелиогабала по материнской линии, построил алтарь своему «богу предков», когда управлял Рецией. Серия надписей из

римского района Трастевере идентифицирует некоего Тиберия Юлия Бальбилла, скорее всего, выходца из Эмесы, как жреца Элагабала. Последняя надпись Бальбилла датируется 215 годом.

И ничего. Никаких нарушений закона, человеческих жертвоприношений, никакого гомосексуального разврата нигде не зафиксировано. Так же, как и никаких попыток миссионерства и экспансии. Вместо этого люди из Эмесы спокойно служат или живут в разных провинциях империи и привозят с собой своего бога. За исключением редких случаев. Так, в правление Адриана некто Луций Теренций Басс, знаменосец когорты III Breucorum, сделал надпись Солу Элагабалу, когда служил в Нижней Германии. Бревки жили и вербовались в Паннонии. Теренций мог быть эмесенцем-одиночкой, служащим в подразделении бревков далеко от дома – что возможно. А мог быть бревком, в силу каких-то жизненных обстоятельств принявшим чужую веру. В общем, он кажется исключением, подтверждающим правило, что эмесенскому богу поклонялись лишь сами эмесенцы. Когда Гелиогабал перенес своего бога в Рим, подавляющее большинство жителей империи за исключением самих эмесенцев и случайных Теренциев, никогда не слышали о черном камне Элагабала. Впрочем, нельзя принижать уровень развития коммуникаций в императорском Риме. Вот второй случай. Надпись, найденная в амфитеатре Тарраконы в Испании, относится ко второй половине 218 года и описывает своего корреспондента как *Sacerdos Amplissimus Dei Invicti Solis Elagabali*: «Верховный жрец Непобедимого Солнца Элагабала». А ведь Гелиогабал только что стал императором.

К описываемому времени 52 % известных нам сенаторов имели неиталийское происхождение. Менее цивилизованные провинции давали малое количество сенаторских родов. Так, Британия пока не дала ни одного, Мавритании – троих, зато много дали Галлия, Испания, Африка и Восток. Многие из первых сенаторов с Востока, будучи потомками династий упраздненных царств-клиентов, имели давние связи с Римом. К 218 году нашей эры выходцы с востока составляли более половины всех сенаторов провинциального происхождения и около четверти Сената.

В верха римского общества Юлия Меса попала благодаря своей младшей сестре Юлии Домне, которая вышла замуж за основателя новой династии императора Септимия Севера. С тех пор Меса жила в Риме при императорском дворе и там же вышла замуж за сирийца Алексиана, которому родила двух дочерей. Старшая дочь Юлия Созмия Бассиана вышла замуж за Секста Вария Марцелла. Это был могущественный выходец из всаднического сословия, опять же сириец. Варий происходил из Апамеи и находился на прокураторской службе: около 195/196 года был «прокуратором вод» в Риме, пока Север находился на востоке, потом стал прокуратором Британии после разгрома Альбина в 197 году. Там он остался на два срока (до 202

года). После этого Варий три срока был прокуратором частного имущества императора (*rationis privatae*) в Риме. В это время он женился на Соэмии и стал отцом будущего императора Гелиогабала (Секста Вария Авита Бассиана). В 208–211 годах Марцелл со всей семьёй принял участие в Британском походе Септимия Севера, так что Меса и маленький Авит/Гелиогабал провели три года в холодном северном Эборакуме. В марте 212 года Каракалла назначил Марцелла на высочайшие должности префекта Рима и префекта претория (212–216 гг.). Впоследствии Марцелл получил сенаторское звание, стал префектом военной казны, легатом легиона III Augusta и президом Нумидии (216–217 гг.). Он явно имел при дворе Северов немалое влияние. Умер он, по-видимому, в 217 году. Саркофаг его был найден археологами в Велитрах, примерно в двадцати милях к юго-востоку от Рима. Альбанские холмы вокруг Велитр были излюбленным курортом для элитных римлян, спасавшихся там от летней городской жары. Марцелл тоже жил там и был похоронен в своем собственном поместье.

Вторая дочь Месы Юлия Авита Мамея вступила в брак с Марком Юлием Гессием Марцианом. Он происходил из финикийского города Арки и тоже занимал различные прокураторские должности. Как мы видим, он тоже был сирийцем или финикийцем, что говорит об устойчивой тенденции правителей Эмесы заключать браки с земляками. Мамея стала матерью будущего императора Александра Севера (Марка Юлия Гессия Бассиана Алексиана).

Сыновья воспитывались матерями при бабушке, то есть, при императорском дворе. К 218 году Бассиан достиг возраста четырнадцати лет (родился в марте 204 года), а Алексиану пошел десятый год (родился 1 октября 208 года). По обычаям семьи, они были посвящены богу Солнца Элагабалу и воспитывались в своей религии. Более того, Бассиан был уже жрецом Элагабала. Сначала это была, видимо, формальность, но, когда Макрин выслал семью в Эмесу, Бассиан реально стал служить в главном храме Элагабала в городе предков. Бассиан был очень красив и изящен, но, как считается, был быстро развращён ритуальными храмовыми оргиями, в том числе, гомосексуальными. Только вот мы, например, в этом сомневаемся. Как мы уже указывали выше, никаких извращений в официальном культе Элагабала до этого не было зафиксировано. Обычный восточный культ. Как, например, обычная сегодня католическая церковь. Там официально категорически запрещён гомосексуализм и любой разврат, но скандалов на эту тему там полно. Да и секты на его базе возникали. То же могло быть и с Бассианом. Нам кажется, что Бассиан сам определил свою судьбу, совершив однажды, как сейчас говорят, каминг-аут, «почувствовав» себя женщиной. Или это происходило постепенно. И именно Бассиан, будущий Гелиогабал, стал основателем той сатанинской секты, которую вывез из Эмесы в Рим вместе с «чёрным камнем» Элагабала. Его секта была принципиально

отлична от изначального эмесенского культа. Как к этому отнеслись его мать и бабушка, мы не знаем, но эта сторона жизни Бассиана не афишировалась семьёй. Видимо, думали, что перебесится. Между тем, именно эта сторона жизни и стала определяющей в характере будущего императора.

Домна и Меса были очень умными женщинами, начитанными и высоко образованными. Их литературно-философский кружок при императорах Септимии Севере и Каракалле был широко известен. Они покровительствовали тогдашним учёным, литераторам, историкам, юристам. Домна вела значительную часть государственных дел при своём сыне Каракалле, а Меса ей помогала. Она была в курсе всех проблем империи. Учитывая тот факт, что вплоть до 217 года Меса проживала при императорском дворе, можно с уверенностью сделать вывод о наличии большого количества сторонников и клиентов её семьи в армии, чиновничестве и аристократии. После смерти Домны, как мы уже сказали, император Макрин приказал Месе возвратиться на родину в Эмесу, где проживать в отцовском доме. Имущество ей было сохранено. Между тем, за долгие годы жизни при императорском дворе, Меса накопила огромное состояние.

Рядом с Эмесой в Рафанее располагался постоянный лагерь легиона III Gallica. Многие воины этого легиона исповедовали местную религию и часто приходили в храм, где с удовольствием общались с Бассианом. Вряд ли он тогда демонстрировал воинам свои извращения. Часть же воинов легиона были клиентами Юлии Месы и находились под её покровительством. Именно среди воинов этого легиона Меса и запустила слух о том, что её внук Бассиан Гелиогабал в действительности по рождению сын Антонина Каракаллы, ибо Антонин часто посещал её дочерей, которые были юными и прекрасными, в то время, когда она жила с сестрой во дворце. Воины распространили этот слух, так что он разошелся по всему гарнизону Рафаниеи и был с энтузиазмом воспринят воинами и жителями города. 15 мая 218 года гарнизон Рафаниеи объявил Бассиана Гелиогабала императором Антонином и отказался подчиняться Макрину как узурпатору и убийце императора Каракаллы. Автором последнего слуха была покойная Домна, от которой его и подхватила Меса. Солдаты охотно приняли эту версию событий 217 года, что и стало основной причиной мятежа. В последовавшей за этим краткой, но ожесточённой гражданской войне, Макрин был разбит и бежал, а его сын и наследник Диадумениан убит.

Новоиспечённый император Антонин (Гелиогабал) с армией вступил в столицу Сирии Антиохию вечером 9 июня 218 года. Он должен был въехать через Восточные ворота, пройти по широкой улице с колоннадами, повернуть направо у Омфала, центра города, и по улице, которая вела вниз к мосту, перекинутому через реку Оронт, попасть в императорский дворец, стоявший на острове. Воины жаждали ограбить богатый город, считая жителей, симпатизирующими Макрину, однако

Юлия Меса понимала значение Антиохии, которая на тот момент была единственным реальным центром её власти. Она убедила внука пообещать солдатам по 500 денариев при условии сохранения города в целости. Деньги были выданы, причём часть из них была взыскана с горожан, с радостью пожертвовавших малым, ради сохранения большего. Из Антиохии Антонин (руками матери и бабки) написал в Сенат, приняв императорские титулы, не дожидаясь одобрения Сената, что нарушало традицию, но стало обычной практикой среди императоров со времён Септимия Севера. Официально он стал именоваться «император Цезарь Марк Аврелий Антонин Благочестивый Счастливый Август Гелиогабал». Впредь мы будем называть его Гелиогабалом, хотя, как раз так его римляне не называли, а называли Антонином при жизни и Лже-Антонином после смерти. В соответствии с фиктивным усыновлением Септимия Севера Марком Аврелием, Гелиогабал тоже теперь возводил ряд своих предков вплоть до Нервы и Траяна (см. например: CIL VIII 10347). Направленные в Рим письма провозглашали амнистию для Сената, подтверждали его законы, но осуждали администрацию Макрина и его сына. В первую очередь, Меса, а именно она, видимо, писала это письмо, подчёркивала низкое происхождение Макрина и впервые официально раскрывала его заговор против Антонина Каракаллы, выставляя преступником и узурпатором. Ведь раньше большинство граждан империи и сенат официально считали, что Каракалла пал жертвой мести убийцы-одиночки. Вот фрагмент письма: «Этот человек, которому даже не позволялось войти в здание сената после объявления о том, что вход туда запрещен для всех, кроме сенаторов, осмелился захватить власть и стать самодержцем прежде, чем сенатором, предательски убив императора, которого был призван охранять» [Дион Кассий. Римская история 79, 1].

Возможное изображение Юлии Месы

В том же письме, «Гелиогабал», то есть, Меса, не скупился на обещания не только воинам, но и сенату и народу (он возвестил о том, что всегда и во всем будет стремиться поступать подобно Марку Аврелию и Августу, последний из которых принял власть также в юном возрасте). Именно это обещание было идеальным для сената, хотя патриции и понимали, что оно вряд ли будет выполнено. Со времён Септимия роль аристократии всё больше переходила к чиновничеству, и тенденция эта была устойчивой.

Кроме письма, Меса отправила сенату памятные записи Макрина и письма последнего к префекту города Марию Максиму с дурными отзывами о сенаторах, надеясь с помощью этих документов вызвать еще большую ненависть сенаторов к Макрину и Марию Максиму и добиться большего расположения к себе.

Между прочим, это письмо Меса поручила отвезти в Рим бывшему центуриону легиона IV Scythica Клавдию Элию Поллиону, отличившемуся захватом цезаря Диадумениана и срочно получившему за это ранг консуляра. Она явно рассчитывала на этого человека. Как и на префекта легиона II Parthica Публия Валерия Евтихиана Комазона, который стал префектом претория и получил консульские отличия (*Ornamenta consularia*). Комазон был человеком самого низкого происхождения. В молодости он выступал в Риме в качестве пантомима (Геродиан V. 7. 6; АЖА. Гелиогабал 12. 1), но потом, вероятно, выбрал военную карьеру и начал службу простым солдатом. Возможно, он даже не был римским гражданином, ведь во Фракии, где он служил, не было римских частей. В 193 году за какой-то существенный проступок

он был отправлен легатом Фракии на триеры. Однако, тут подоспел переворот Септимия Севера, для которого легат Фракии был врагом. Соответственно, Комазон, как пострадавший от последнего, оказался в числе сторонников Севера. Он сделал блестящую карьеру, получил всаднический титул, и к 218 году был уже префектом легиона II Parthica, а теперь вот стал префектом претория (AE 1955,51) и позднее даже консулом 220 года (AE 1950, 238) и трижды префектом Рима (Дион. LXXIX, 4,1-2). См. подробнее о его карьере: Kettenhofen E. Die syrischen Augustae in der historischen Überlieferung: ein Beitrag zum Problem der Orientalisierung. Bonn, 1979. S. 29 ff.

Дион Кассий характеризует Комазона как лицедея и шута, полностью оправдывавшего своё прозвище «Гуляка». Это явное преувеличение. Комазон был весьма умен и работоспособен, но для Диона он был выскочкой и ни в коем случае не ровней.

Сам же легион II Parthica за предательство Макрина был награжден пышным титулом Antoniniana Pia Fidelis Felix Aeterna.

Поллион стремительно помчался в Рим. Скорее всего, он плыл на быстроходном военном корабле из Антиохии до Брундизия или даже до Остии. В любом случае, он прибыл в Рим уже в середине июня и передал письма в сенат. Возможно, он сам и зачитал их. Именно Поллион должен был проследить за нормальным переходом власти в Риме. Для этого у него были часть преторианцев и часть легиона II Parthica. Гелиогабал (точнее Меса) прислал этим воинам письма с призывом о признании и просьбой поддержать Поллиона. Как отреагировали в Италии на столь ошеломительные известия? Лампридий утверждает, что «все классы были полны энтузиазма». И наоборот, Геродиан говорит, что царило «всеобщее уныние». На самом деле реакция сенаторов была неоднозначной. Без сомнения, большинство, подобно Кассию Диону, держали свои взгляды при себе и со всем соглашались. Большинство сенаторов не любили Макрина, но они ненавидели и Каракаллу. А ведь Гелиогабал был представлен как сын Каракаллы. Кассий Дион говорит, что они были охвачены страхом. У многих были на то веские причины. Реакция народа неизвестна, но судя по всеобщей любви к Каракалле, она должна была быть одобрительной.

Как бы то ни было, сенаторы признали Гелиогабала императором и сыном Каракаллы. В середине июня 218 года Гелиогабала провозгласили консулом. При этом вторым консулом остался, не воспринимаемый сенатом, а значит безопасный, бывший префект претория Марк Оклатиний Адвент, находившийся в Риме, куда его направил ещё Макрин. Таким образом, один консул теперь находился в Антиохии, а другой – в Риме, хотя, реально там «рулил» человек Месы Поллион.

Чтобы заручиться поддержкой широких кругов населения, сенат обожествил покойных Каракаллу, пользовавшегося большой

популярностью, и Юлию Домну, а Юлия Меса и Юлия Созмия получили высший титул «августа», как когда-то Домна. Имя же Макрина было вычеркнуто Сенатом из всех документов и предано проклятию (поэтому императорские артефакты Гелиогабала свидетельствуют, что документально он наследовал власть напрямую от Каракаллы, а никакого Макрина как бы и не было).

Ещё до 13 июля 218 года Сенат назвал 14-летнего подростка Гелиогабала «отцом отечества» (*pater patriae*). 14 июля он был принят в коллегии всех римских священнослужителей, включая коллегия понтификов, где получил высшую должность «Великого понтифика» (*pontifex maximus*) [Дион Кассий. Римская история 79, 1, 8]. Таким образом, Гелиогабал стал верховным жрецом Римской империи. Раньше это была довольно дежурная должность, но не теперь. Скоро Рим это почувствует.

В общем, Поллион вполне успешно справился с задачей установления новой власти в Риме, после чего вновь срочно понадобился Месе. Считается, что ещё по пути в Италию Поллиону было поручено разобраться с неприятностями в Вифинии. Мы не знаем природы этих беспорядков. Наместник провинции Цецилий Аристон, вроде бы, был лоялен Гелиогабалу. Об этом можно сделать вывод, исходя из того, что примерно в это же время беглый император Макрин боялся Аристона, поэтому не поехал в столицу провинции Никомедию, а пытался инкогнито переправиться в Европу. Возможно, он ошибался и Аристон вовсе не был сторонником Гелиогабала. Но, как бы то ни было, никакого мятежа в Вифинии сразу после захвата власти Гелиогабалом не было. Поллион просто не успел бы принять участие в его подавлении, поскольку сломя голову мчался в Рим. Значит, восстание произошло чуть позже. Вероятно, это было в августе 218 года. Может быть, беспорядки начались после захвата Макрина, которого вифинцы не хотели выдавать Гелиогабалу. Уж очень странно всё сложилось в Вифинии: арест Макрина и восстание, а потом зимовка там императора с армией. В общем, восстание в Вифинии было поручено подавить именно Поллиону. Кассий Дион говорит, что Поллион быстро покорил Вифинию. Какими силами? Он, конечно, мог собрать какие-то ауксилы в окрестных провинциях, включая саму Вифинию, где дислоцировалась Фракийская когорта, но мы попробуем выдвинуть ещё одно предположение. Дело в том, что сразу после Вифинии, Клавдий Элий Поллион был назначен легатом пропретором провинции Верхняя Германия. Это подтверждает надпись CIL XIII, 6807 из Могонциака. Между тем, нам известно, что в это самое время вексилляция войск Верхней Германии (как, впрочем, и Нижней) начала своё возвращение на родину из Каппадокии. Принято считать, что она выступила в Европу одновременно с императорским двором осенью 218 года. Однако, точно это неизвестно и нигде не указано. Не могло ли быть так, что Германская вексилляция вышла раньше, чтобы подавить восстание в

Вифинии? Вполне могло. В этом случае, вексилляция и должна была подавить эти волнения, а возглавил её Поллион, которого сначала поставили префектом Германской вексилляции, а потом легатом Верхней Германии. Дион утверждает, что Германская вексилляция зимовала в Вифинии. Значит, и Поллион был там. Клавдий Элий Поллион вновь доказал свою преданность и талант. Приходится признать, что этот человек оказался удачным выбором Месы. А ведь Верхняя Германия была важной провинцией с двумя легионами вдоль верхнего Рейна и массой ауксилиев. Эти войска уже выдвигали и ставили своих императоров. Поэтому Рим всегда держал на Рейне самых надёжных людей. Кстати, след Поллиона обрывается как раз в Могонциаке. После года головокружительного успеха (центурион – захватчик Диадумениана – сенатор в ранге проконсула – представитель новой власти в сенате и Италии – наместник Вифинии – наместник Верхней Германии) мы больше ничего не слышим о Поллионе. Надпись в Могонциаке не стерта, значит Поллион не пострадал *OTdamnatio memoriae*. Возможно, после Германии он оказался не у дел и наслаждался спокойной жизнью на пенсии, живя на миллион сестерциев, которые достались ему вместе со статусом сенатора. Но мы ещё пару раз встретимся с Поллионом.

Всё лето 218 года Гелиогабал оставался в Антиохии, очевидно, опасаясь уходить с симпатизирующего ему Востока до более серьёзного укрепления власти. Следует учесть, что тогда ещё жив был Макрин, который находился в бегах. Существовала вероятность того, что ему удастся попасть в Европу и организовать сопротивление сирийскому клану западных войск. Бывший императорский двор Макрина находился в Антиохии и его тоже надо было «вычистить» под нового императора. А ведь ещё надо было расставить своих людей на Востоке. Всем этим Юлиа Меса от имени внука и занялась. Двор, наместники, военачальники и чиновничество на Востоке были основательно «почищены». Кое-кто лишился жизни. Были казнены даже некоторые всадники императорского двора, ближайшие соратники Макрина. Среди них Дион называет префекта претория Юлиана Нестора. Скорее всего, был казнён и второй префект претория Ульпий Юлиан. Оба были соучастниками убийства Каракаллы, участниками гражданской войны и на пощаду им не стоило рассчитывать. Были казнены преторианские трибуны Немезиан и Аполлинарис, убийцы Каракаллы. Был казнён также легат Келесирии Гай Фабий Агриппин, участник заговора против Каракаллы.

Вероятно, тогда же был смещён и казнён легат Аравии Пик Цериан (если его имя правильно написано в тексте – скорее Пика Цезиан), возможно, за то, что не объявил вовремя о поддержке Гелиогабала, и его обязанности стал исполнять молодой прокуратор провинции Гай Фурий Сабин Аквила Тимесифей. Здесь мы впервые встречаемся с этим видным государственным деятелем Рима III века. Судя по имени,

Тимесифей, возможно, был анатолийцем по происхождению и принадлежал к сословию всадников. Он родился в 190 году и прошёл всадническую карьеру. Начал Аквила префектом когорты I *Gallica Civium Romanorum equitata* (210–212 гг.), стоявшей в Тарраконской Испании. Следующей должностью Тимесифея стала должность прокуратора провинции Аравия (215–222 гг.). В дополнение к этой должности он также дважды (218 и 222 гг.) исполнял обязанности ее легата. В этом качестве он командовал III Киренаикским легионом. Вот как раз в описываемый нами момент Тимесифей и исполнял обязанности легата в первый раз, то есть, был президом. Нельзя сказать, что Тимесифей был человеком Месы или Гелиогабала. Очень скоро он вернулся к должности прокуратора и дальше при Гелиогабале не продвинулся. Скорее всего, тогда его повысили за неимением лучшего, временно. Уже к концу года легатом Аравии был назначен сенатор Флавий Юлиан. А дальнейшую историю Тимесифея мы рассмотрим ниже.

Префект Египта Юлий Базилиан, уже назначенный Макрином префектом претория, узнав о поражении своего императора, бежал на корабле в Италию, но был предан римским другом, к которому обратился за помощью, схвачен в Брундизии и привезён в Никомедию, где казнён осенью этого года. Новым префектом Египта Меса назначила некоего судью Каллистиана (218–219 гг.). Он доработал руководителем Египта до конца этого года, когда ему на смену был назначен обычный префект Геминий Хрест (219–222 гг.), который, однако, прибыл в Египет только к августу 219 года. Хрест поднялся в 222 году до ранга префекта претория, но что-то пошло не так и он был казнён Ульпианом, сменившим его на посту.

Был смещён и отстранён от командования легат Сирии-Финикии Марий Секунд. Легион III *Gallica* подчинялся ему и Эмеса тоже находилась в его провинции, но мы не слышим ничего о реакции Мария на восстание. Это был человек Макрина, который относился к нему с большим уважением. Об этом свидетельствует тот факт, что юрисдикция Мария Секунда распространялась даже на некоторые районы Египта. Неясно, были ли Секунду предоставлены административные полномочия в отношении части Египта или особая сфера ответственности, например, военные поставки. Как бы то ни было, это было отклонение от общепринятой процедуры, поскольку ранее Египтом никогда не управлял сенатор. Похоже, что Марий Секунд не поддержал Гелиогабала своевременно, за что и поплатился.

Правительство Месы ещё убрало с поста легата Каппадокии Марка Мунация Суллу Цериалиса. Хотя он был человеком Каракаллы, оставлять его на посту, где он командовал двумя легионами, Меса не рискнула. На его место был поставлен Марк Ульпий Офеллий Теодор (218–221 гг.), о котором известно, что он был императорским секретарём Каракаллы и всадником в 212–213 гг. За свою работу он

получил повышение и стал сенатором. Судя по имени, он был из греческой семьи, получившей римское гражданство при Траяне. Вероятно, он был местным и хорошо знакомым Месе. Назначение этого «нового человека» – выходца с Востока, может быть подтверждением того, что правительству Гелиогабала отчаянно не хватало сторонников с высоким статусом и оно было вынуждено полагаться на местных жителей, не имеющих сенаторского происхождения.

Видимо, был сменён неизвестный нам легат-пропретор Сирии-Палестины, место которого занял Гай Юлий Тарий Тициан (218–222 гг.). Этот сенатор стал известен сравнительно недавно по нескольким надписям из Кесарии, Гиппона и Такины. Из них мы узнали, что Тициан, примерно, в 205–206 годах или чуть позже был проконсулом Ликий-Памфилии. Значит, консулом-суффектом он побывал ещё раньше. Тарий был, скорее всего, родом из Фригии, откуда в его время известна знатная женщина Юлия Тария Стратоника, возможно, его сестра. Она с мужем участвовала в организации Секулярных игр 204 года. Интересно, что в одной из надписей (CIP II Nr. 1231), палестинский легион X Fretensis, который подчинялся Тициану, носит почётное наименование Antoniniana, а это означает, что легион поддержал восстание Гелиогабала в мае 218 года, за что и получил отличие. Его легатом тогда был Марк Флавий Квирина С... Что до Тициана, то он является единственным известным наместником провинции, которому поставили аж две статуи. Это произошло как раз в Сирии-Палестине. Похоже, что Меса очень уважала этого человека и была в нём уверена.

Нам ничего не известно насчёт наместников и войск Месопотамии, но там были скорее озабочены возрастанием персидской угрозы, а не политическими перипетиями в империи.

Итак, семеро казнённых, несколько человек сняты с поста. Ничего необычного после насильственной смены режима. Ничего такого, что обязательно вызвало бы широкое негодование среди правящего класса. Все жертвы либо были близки с Макрином, либо перешли на его сторону с достаточной готовностью. Ставки в имперской политике всегда были высоки.

Осенью был также казнён сенатор Силий Мессала. Возможно, здесь подразумевается консул-суффект 193 года Марк Силий Мессала, о котором нам практически ничего не известно. Неизвестно также, где он находился, скорее всего, управлял какой-то провинцией неподалёку от Сирии. Мессала писал письма в сенат, в которых старательно докладывал о событиях в Сирии. Видимо, там было много такого, о чём Меса хотела бы умолчать. Может быть и об истинном поведении Гелиогабала. Это вызвало её недовольство, и она от имени Гелиогабала вызвала сенатора в Сирию под фальшивым предлогом нового назначения. Однако, по приезду он был казнён, а сенат утвердил этот приговор лишь в следующем году. Похоже, что в Риме даже не знали о казни сенатора. Гелиогабал в хамской форме сообщил об этом, и о

казни Помпония Басса, только в письме из Наисса в следующем году. Там он назвал их дознавателями его образа жизни и хулителями происходящих во дворце событий. «Я не предоставил вам доказательства их заговора, – писал он, – ибо зачитывать эти свидетельства не имеет смысла, когда преступники уже мертвы» [Дион Кассий. Римская история 80, 5]. Он вовсе не оправдывался перед сенатом, а нагло ставил своё решение о казни сенаторов выше мнения верховного органа. Почему Гелиогабал соединил в одном письме Мессалу и Басса? Не исключено, что Мессалу казнили не сразу, а уже в Мёзии в 219 году вместе с Бассом.

Примерный маршрут Гелиогабала по Малой Азии

По словам Геродиана, Меса очень торопилась в Рим, однако дела задерживали двор Гелиогабала в Антиохии всё лето. Правда, жила императорская семья во вполне комфортных условиях. Императорский дворец в городе был построен во времена Селевкидов и с тех пор часто был временным домом для разных императоров и их семей. В течение II и начала III веков Траян, Луций Вер и Каракалла переносили в город весь свой двор. Это же было и при Макрине. Город сильно пострадал во время землетрясения 115 года и многое в нём пришлось восстанавливать. Император Траян во время землетрясения был вынужден укрываться на стадионе, располагавшемся на острове возле дворца. Будучи резиденцией императоров, город постепенно украшался необходимыми зданиями и инфраструктурой, отражающими имперскую власть. К 218 году он лишь недавно восстановил свой официальный статус мегаполиса, вероятно, благодаря Каракалле,

после того как Септимий Север понизил его статус за поддержку Нигера. В пяти милях к югу от Антиохии лежала Дафна, известная своими горячими источниками и водопадами, защищенная от палящего солнца высокими дубами, кипарисами и лаврами. Богатые и состоятельные люди построили в этом районе множество вилл, превратив его в курортную зону. Вряд ли можно сомневаться, что юный Гелиогабал приезжал купаться или даже оставался в этом тихом пригороде, вдали от городской жары в поздние летние месяцы. Гелиогабал чувствовал себя как дома в культурной смеси города, в котором проживало около 500000 человек греческого, римского, сирийского и еврейского происхождения. В конце концов, он был полусирийцем и последние годы жил именно в Сирии, не был особенно романизирован и оставался упорно преданным своей роли главного жреца Элагабала. Тут есть ещё один момент. По мнению Сайдботтома, задержка с выездом в Рим могла, в том числе, объясняться тщательной подготовкой Гелиогабала к перевозу в Италию чёрного камня своего бога, а также массы его служителей, жрецов, жриц, материалов и утвари. Наверняка, так оно и было. Мы только добавим, что Гелиогабал должен был взять с собой именно своих сектантов, а истинных жрецов и служителей оставить. Это должно было вызвать проблемы, которые потребовали времени для решения.

Только осенью, после захвата и гибели Макрина, Гелиогабал со всем двором и европейскими войсками, направился к Босфору. «Армия Вторжения» Каракаллы, которая теперь была армией Гелиогабала, наконец-то, начала отходить из Восточных провинций, после четырёх лет пребывания там. Двор и армия шли по дороге через Киликию. Мы знаем это из того факта, что город Аназарб получил от нового императора титул «первого, самого большого и красивого» города Киликии. Кроме того, город получил право организации особых игр «Антониний». Маршрут Гелиогабала показан на карте. Она, конечно, примерная. Считается, что при проезде Гелиогабала, в каждом городе вводился культ Элагабала. Как и само шествие Гелиогабала, гражданский культ не был организован в одночасье. Необходимо было построить храмы или, по крайней мере, переосвятить, сделать изображения, назначить священников, учредить фестивали и выделить на всё это финансирование. Если мы сопоставим те города в Малой Азии, где позже был установлен культ Элагабала, с тем местом, где император осматривал труп Макрина (Архелаида), и заполним пробелы в атласе Баррингтона, это даст нам правдоподобный маршрут, проходящий через Антиохию – Александрию-на – Иссе – Иераполис/Кастабла – Аназарб – Таре – Фаустинополь – Тиана – Архелаида – Анкира – Юлиополь – Никомедия [Harry Sidebottom: The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome. Oneworld, London 2022. S. 154].

Прибытие императорской свиты было благоприятным моментом для любого города. Можно было установить контакты и устойчивую линию связи с самим императором, а также с его приближенными. Можно было просить об одолжении. Это могли быть титулы – Колония, Метрополия, Первый, Величайший, Самый Красивый, Смотритель Храма – всё это было полезно в непрекращающейся борьбе за статус между соседними городами, или эти титулы могли принести больше материальных выгод: право быть центром судебных разбирательств (что увеличивало доходы, поскольку приносило городу тяжущихся и других лиц), или расширить городской совет (советники платили взносы), или, что лучше всего, свобода от налогообложения. С другой стороны, появление императора влекло за собой расходы и потенциальные беды. Всех этих придворных, чиновников, слуг и солдат нужно было разместить и снабдить провизией, а наиболее важных из них – развлечь. Расквартированные войска всегда доставляли неприятности: они занимались грабежом и насилием. И, в случае недовольства, вместо наград император мог назначить наказания: потерю статуса и штрафы для города, изгнание или смерть для отдельных лиц. В самом худшем случае он мог бы натравить солдат на граждан и начать резню, как Каракалла в Александрии. Таким образом, прибытие императора всегда было временем крайней напряженности для города [Harry Sidebottom: The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome. Oneworld, London 2022. 5.155].

К зиме войска и двор Гелиогабала собрались в Никомедии. И вот там юный Гелиогабал, по словам Геродиана, сразу же начал демонстрировать римлянам и грекам свой новый религиозный пыл и привычки. Вполне очевидно, что эмесенские ритуалы на Востоке были давно знакомы и не вызвали бы такого возмущения. Значит, там было нечто иное. В общем, Гелиогабал, вместо занятий государственными делами, начал справлять свой культ Элагабала, чёрный камень которого он взял с собой из Эмесы. Он с упоением плясал в его храме под звуки флейты и тимпанов. Одевался он в пышные восточные наряды из китайского шёлка, увешивая себя драгоценностями. Римскую и греческую одежду он откровенно презирал и явно демонстрировал это окружающим. [Геродиан. История V, 5–6].

Лампридий утверждает, что Гелиогабал уже там, во время зимовки в Никомедии, занимался всяким грязным развратом, отдаваясь мужчинам и ведя себя по-свински [АЖА. Антонин Гелиогабал V, 1]. Мы понимаем, что Лампридий – предвзятый источник и может преувеличивать, однако, его текст вполне укладывается в нашу версию извращения Гелиогабалом культа своего бога. Лампридий ведь потому и возмущается, что в официальном культе Элагабала ничего подобного не было.

Отметим, что Гелиогабал стал, пожалуй, самым скандальным из римских императоров, причём настолько, что раньше всегда

безоговорочно служил примером наихудшего из возможных правителей (хуже Калигулы, Нерона и Коммода), а сегодня в историческом сообществе стала явно преобладать тенденция к его обелению и оправданию, сопровождающаяся неистовой критикой античных источников, якобы лживо и предвзято отнесшихся к этому человеку. Однако, похоже, что римляне знали, о чём говорили. По ходу рассказа о правлении Гелиогабала мы попробуем разобраться в его сущности, характере и поведении. Как пишет Гарри Сайдботтом, наряду с сексом, смертью и декадансом, история Гелиогабала является идеальной призмой, через которую можно рассматривать другие вопросы, имевшие центральное значение для императорского Рима. Каковы были пределы политической власти? Насколько далеко правитель должен вмешиваться в жизнь своих подданных? Что на самом деле должен был делать император? Что представляет собой религиозный экстремизм? Когда достойное восхищения благочестие превратилось в суеверие и опасный фанатизм? Как создавалась этническая принадлежность? Ненавидели ли Гелиогабала за то, что он был сирийцем? Были ли римляне расистами? Эти вопросы мы и рассмотрим.

Мы уже писали, что психологический и мировоззренческий перелом в юном Гелиогабале произошёл ещё в Эмесе за те, примерно, 9-10 месяцев, что он там жил и служил в храме Элагабала. Как и что там происходило, гадать бесполезно, но, мальчик сирийского происхождения, воспитанный как римлянин в самом Риме и его провинциях, всё-таки ощутил себя сирийцем и верховным слугой Элагабала, призванным превратить своего бога в высшее божество всей Римской империи. Все оставшиеся годы своей жизни Гелиогабал истово пытался выполнить свою миссию слуги Элагабала, не обращая никакого внимания на отношение к этому населения империи и, особенно, самих римлян.

В общем-то, империя явно нуждалась в какой-то новой религии, которая смогла бы объединить всё разнородное население государства. Старая римская вера была политеичной. У римлян были свои боги, но они обычно не возражали и против принятия новых божеств. Для этого надо было «заключить с новым божеством договор», в котором оно принимало на себя обязательство защищать римский народ. Римляне же организовывали культ нового божества. Так происходила ротация богов. Некоторые старые боги поблекли и были забыты. Их место заняли новые, более популярные и активные. Часто пришельцев приравнивали к уже известным божествам.

Так, в 433 году до н. э. Риму был представлен Аполлон. Император Август гордился особыми отношениями с Аполлоном и построил ему храм на Палатине.

В 204 году до н. э., во время войны с Ганнибалом, римский сенат позвал мать богов Кибелу из Азии. Для размещения нового божества на Палатине был построен храм. Ее культовым образом был

необработанный камень, упавший с небес. Кибела пришла со свитой женоподобных жрецов, часто самоистязавшихся, которые носили экзотические одежды и поклонялись ей восточной музыкой, дикими криками и экстатическими танцами. Похоже на Элагабала.

За столетие до Гелиогабала поклонение персидскому богу солнца Митре, *Deus Sol Invictus Mithras*, жрецы которого носили ярко выраженные восточные костюмы, распространилось по всей Римской империи, включая сам Рим.

Эти божества, а также другие, такие как Исида или Юпитер Долихен, являлись предшественниками Элагабала. Но там были принципиальные различия. Аполлон был не восточным, а греческим богом. Персидские ритуалы Митры ограничивались посвященными людьми и не были публичными. Культ Кибелы строго контролировался римским государством. Горожане поклонялись ей традиционными способами, с жертвоприношениями и играми, за которыми наблюдал старший судья. Экзотические элементы – вся эта инопланетная музыка, прыжки и пение в диких костюмах, не говоря уже о кастрации, – были оставлены иностранному духовенству, вступать в которое римлянам было запрещено законом [Harry Sidebottom: *The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome*. Oneworld, London 2022. S. 230].

Так что же было плохого в том, что император ввел своего бога Элагабала в Рим? Да, как раз то, что это был не Элагабал, а то, что сумасшедший юнец-император посчитал Элагабалом. Поэтому выбор оказался негодным. Настоящего Элагабала римляне бы приняли. Как мы увидим, даже сенаторы честно пытались принять нового бога и отстаивали долгие церемонии в его честь. Вряд ли он стал бы сильно популярен, поскольку был национальным богом небольшой части Сирии, но всё могло пройти безболезненно. Да только это был не тот бог.

Культ, привезённый Гелиогабалом, не пытался принять и примирить все религии, растворив их в Олимпийской, поскольку никого и ни с кем не примирял, а только подчинял с перспективой последующего уничтожения. Моральные принципы римской религии были куда выше, нежели у веры Гелиогабала. Его культ был культом отбросов общества и не выражал ничьих интересов, кроме интересов маргиналов. Принятие такой веры не поднимало, а опускало римское общество, что, несомненно, привело бы его к быстрой гибели. А ведь римляне вовсе не были расистами и охотно перенимали разнообразные религиозные новшества. Всего через 100 лет они вполне себе мирно приняли христианство, имевшее корни в ещё большем захолустье, чем Эмеса и в обществе, к которому римляне относились весьма критически. К тому же, христианство напрочь отвергало все старые религии, как поклонение демонам, что серьёзно возмущало их адептов. Но зато христианство объединяло людей на куда более высоких моральных принципах и мораль его была выше римской. Поэтому население

империи приняло христианство, как-то примирившись с запретом старых верований, а веру Гелиогабала не приняло, и попытка провалилась. Сыграла в этом роль и сама личность Гелиогабала, никак не подходившая для объединения народа. В качестве императора, он был не лучше, чем в качестве религиозного реформатора.

Тогда, в Никомедии, Меса прекрасно понимала, что Гелиогабал подрывает свой авторитет подобным поведением, а это было очень опасно. Из того, что мы знаем о Месе, можно представить, что она уже тогда должна была понять неуданность выбора Гелиогабала императором, однако пока она ничего не могла с этим поделать. Заменить Гелиогабала пока было нечем, а саму её как правительницу империи никто бы не принял. Приходилось рулить из-за спины внука. Оставалось ждать и пытаться как-то смягчить его поведение. Она пыталась уговорить его вести себя как римлянин и император, однако Гелиогабал был безнадёжен. Он был откровенным фанатиком и поступал ровно наоборот. Назло сенату, чтобы позлить и унижить его, да и вообще римлян, он приказал сделать свой огромный портрет во весь рост, в священническом облачении внутри своего храма с идолом Элагабала, которому он совершал жертвоприношение. Эту картину он отправил в Рим с приказом выставить его в самой середине курии, на самом высоком месте, над головой статуи Победы/Виктории, которой, сходясь в сенат, каждый сенатор воскурял ладан и совершал возлияние вином. Он приказал, чтобы все римские должностные лица при совершении каких-либо общественных жертвоприношений прежде других богов, которых они призывают, священнодействуя, называли нового бога Элагабала.

Существовал ли в действительности такой портрет, неизвестно, Дион Кассий не упоминает о нём. Если портрет действительно повесили над Викторией, то сенаторы были поставлены в двусмысленную позицию – совершение подношений богине Виктории выглядело и как подношения Гелиогабалу с его богом, что явно унижало сенаторов-римлян.

Видимо, ошибки руководства, личные обиды, неверие в прочность новой власти и сектантское поведение Гелиогабала, слухи о котором быстро распространялись, сразу вызвали реакцию. Дион указывает, что уже при передвижении по Малой Азии, Гелиогабал встречал открытое неудовольствие народа. Вряд ли оно могло быть вызвано какими-то политическими причинами, до которых простому народу не было дела. Скорее всего, жители Востока сразу поняли искажение веры, практикуемое Гелиогабалом, и выступали против этого. Восстание в Вифинии было ещё раньше. Он тогда отнёсся к проявлениям протеста достаточно спокойно и никого не казнил, видимо, надеясь, что его новую веру примут. Но терпение отнюдь не было главной добродетелью Гелиогабала и скоро закончилось. Обозлили его мятежи в Сирии и Азии зимой 218–219 года. Характерно, что восстали именно

те легионы, которые привели Гелиогабала к власти и на поддержку которых он явно рассчитывал.

Никаких подробностей этих мятежей, к сожалению, не известно. Дион Кассий очень смутно пишет об этом, сводя всё к проискам каких-то незначительных людей. Например, касаясь сирийских легионов, по его словам, некий сын центуриона попытался поднять на мятеж легион III Gallica в Рафанее, а какой-то суконщик хотел склонить к мятежу легион IV Scythica Antoniniana в Зевгме [Дион Кассий. Римская история 80. 7. 3]. Конечно, это явная попытка скрыть и принизить значение восстаний легионов. Сам же Дион чуть ранее (80. 7. 1) уточняет, что, на самом деле, эти сирийские легионы до конца 218 года успели взбунтоваться дважды. Первый раз во главе мятежа стояли легаты этих легионов. Так, Геллий Максим командовал легионом IV Scythica Antoniniana, а Вер был легатом легиона III Gallica. Дион разъясняет, что оба легата были выходцами из низов. Один из них попал в сенат из центурионов, а другой был сыном лекаря. Считается, что отцом Геллия Максима был врач императора Каракаллы Луций Геллий Максим. За свои заслуги он получил чин провинциального прокуратора, что сделало его главным финансовым директором своей провинции. Сам он не получил сенаторского звания, а только всадника. А вот его сын уже стал сенатором. Если такие особенности происхождения легатов соответствуют действительности, то это весьма интересно. Как-то так сложилось, что легаты двух восточных легионов были простого происхождения. Несомненно, это были выдвиженцы либо Каракаллы, либо Макрина, скорее первое. Именно Каракалла мог усилить командование восточных легионов своими протеже перед Парфянским походом. Его, происхождение людей, особенно военных, мало волновало. А то, что эти легионы восстали против Макрина, свидетельствует против того, что легатов назначал Макрин. Но это, конечно, лишь предположение.

Существует предположение, что Геллий Максим и Вер после переворота Гелиогабала стали легатами своих провинций. Нам оно кажется безосновательным, поскольку Дион Кассий прямо называет Максима и Вера легатами легионов в контексте их мятежей. И если Вер действительно мог теоретически стать одновременно легатом Сирии-Финикии и остаться легатом единственного тамошнего легиона III Gallica, то в Келесирии стояло два легиона и Максим не мог одновременно стать легатом провинции и остаться легатом одного из легионов. По нашему мнению, легаты легионов остались при своих должностях, что и вызвало их реакцию, и попытки восстания. Быть может, Геллий Максим и Вер были недовольны размерами благодарности Гелиогабала за приведение его к власти? Ведь, например, простой центурион того же легиона IV Scythica Поллион стал консуляром, а его легат остался при своей должности. Солдат III Gallica Ганнис стал командующим, а Вер также остался легатом.

Никаких подробностей этих волнений нам неизвестно. Мы вообще ничего не знаем о причинах этих мятежей. Дион только отмечает, что зачинщики жаждали власти, поскольку в империи начался беспорядок и беззаконие. Получается, что Дион характеризует правление Гелиогабала как беспорядок и беззаконие. Для знатного патриция приход к власти сирийских всадников мог именно так и выглядеть.

Легаты указанных легионов, якобы, стремились к императорской власти. Лампридий же говорит, что воины были поражены и возмущены поведением Гелиогабала, поэтому раскаялись в том, что привели его к власти и решили сменить его на двоюродного брата – Александра Севера. В последнем можно усомниться, поскольку Александр был ещё очень мал, но главное, он никак не пострадал после подавления мятежа. Значит, его имя нигде не прозвучало. Тут Лампридий явно смешивает тогдашние события с событиями более позднего времени. Но, вот, касаясь «беспорядка и беззакония» в империи и разочарования солдат, тут никаких возражений нет. Оба римских историка правы. Это явно было одной из причин восстания. Скандальное поведение юного императора быстро привело воинов, которые были местными и прекрасно понимали особенности местных религий, к отрезвлению, начались разговоры, потом брожение, командование легионов было того же мнения и, видимо, надеялось на поддержку других частей и подразделений. Надежды эти были не беспочвенны. Например, заволновалась Германская вексилляция. Дион оговаривается о волнениях вексилляции германских легионов во время зимовки в Вифинии (80, 4, 5). Метили ли легаты легионов в императоры, сказать невозможно, но нам это кажется сомнительным. Не тот уровень. Однако, что-то пошло не так и восстание было подавлено, вероятно, даже толком не начавшись. Схватили и казнили легатов, потом трибунов и центурионов, и воины оказались обезглавлены. Кто конкретно подавил восстание III Gallica в Рафанее, неизвестно. Провинция располагала только одним легионом. Возможно, подавляли восстание легионы VI Ferrata и X Fretensis из соседней Сирии-Палестины. Может быть, не случайно тогда они получили почётное наименование Antoniniana. О VI Ferrata certa constans мы говорим предположительно. О легате Ве́ре известно, что он подвергся проклятию памяти (*damnatio memoriae*) и его имя было стёрто со всех надписей [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. 95 p].

В Келесирии Геллий Максим пытался возмутить свой легион IV Scythica Antoniniana. Обратим внимание, что легион получил почётное имя, очевидно, за роль, сыгранную в весеннем восстании, но это не помешало ему дважды за одну осень взбунтоваться. Его восстание было быстро подавлено благодаря решительным действиям легата легиона XVI Flavia Firma, который дислоцировался в соседнем лагере Самосата. Геллий Максим был казнён.

Однако, мятежные легионы на этом не успокоились. Согласно Диону Кассию, они попытались восстать ещё раз. Напоминаем, что некий сын центуриона попытался поднять на мятеж легион III Gallica в Рафанее, а какой-то суконщик хотел склонить к мятежу легион IV Scyphica Antoniniana в Зевгме [Дион Кассий. Римская история 80. 7. 3].

Есть предположение, что в Рафанее солдаты протестовали против перевода легиона в другой лагерь, о чём упоминает Геродиан. Нам это не кажется верным. Во-первых, легионы время от времени меняли лагерь, а Финикия не настолько большая провинция, чтобы легион услали куда-нибудь за тридевять земель. Во-вторых, бунтовали два легиона в разных провинциях. Так что причина была в другом и нам кажется, что она была связана именно с сектантскими извращениями местной религии Гелиогабалом. Мало того, легион III Gallica даже был раскассирован! Это, несомненно, стало шоком для всей империи. Ведь такого не было аж с 70 года, имея в виду кассацию из-за мятежа. 148 лет – большой срок, чтобы отвыкнуть даже от самой мысли о таком позоре. Поражает крайняя суровость наказания. Гелиогабал вполне мог обойтись мерами попроще, как поступали многие императоры до него. Ведь мятежи легионов случались не раз. Однако, новый император настоял именно на расформировании легиона, приведшего его к власти. Здесь как раз и чувствуется именно решение самого Гелиогабала, показавшего себя впоследствии неуравновешенным, истеричным, мстительным психопатом. Вряд ли осторожная Меса пошла бы на такую меру. А вот её внук всегда был сторонником крайностей. Именно суровость наказания говорит за то, что Гелиогабал мстил легиону за непринятие его извращённой веры. Это была личная обида.

Итак, легион был с позором расформирован. Легионеры были раскиданы по другим легионам. Воины попали, в основном, в состав легиона III Augusta в Африку, подальше от других легионов и своих семей. Название легиона было стёрто с надписей. Кроме того, император отнял «италийское право» у главного штаба легиона, города Тира Финикийского, и лишил его статуса метрополии. Город также был лишен статуса колонии, в отличие от своего соперника Сидона. Сидон же получил от императора официальный титул «Верный», а также гарантированные регулярные поставки зерна. Это способствовало привлечению в Сидон мигрантов не только из окрестностей, но и из того же Тира, например. Так что Сидон стал процветать за счет своего конкурента. Такое жестокое наказание города Тира также, наверняка объясняется личным вмешательством Гелиогабала, прекрасно знавшего все особенности ситуации в окрестностях родной Эмесы. Знавшего значение Тира для легиона III Gallica. А теперь узнавшего об отношении местного населения к его секте. Повторим, что это был тот самый легион, который всего полгода назад привёл Гелиогабала к власти!

Раскассирование легиона – дело серьёзное. III Gallica защищал внутреннюю, самую населённую и богатую часть Сирии, где никто не мог его заменить, а ведь никакой замены и не предусматривалось. У других восточных легионов были свои зоны ответственности, которые они не могли ослаблять. Однако, похоже, что Гелиогабала эти проблемы несколько не интересовали. Никаких попыток прикрыть опустевшую зону он не предпринимал, возможно, надеясь на Месопотамские войска. Скоро это привело к набегу на Хатру персидского царя Ардашира, а потом и к более тяжёлым последствиям.

Второе восстание легиона IV Scyphica Antoniniana тоже было подавлено. Там ситуация тёмная. Мы знаем, что в некоторых надписях его название было стёрто, значит легион предали проклятию памяти. Но, может, Гелиогабала удалось убедить ограничиться одной кассацией, не злить остальные легионы и не разрушать оборону Сирии? В отличие от III Gallica, легион IV Scyphica Antoniniana не был расформирован. Вполне очевидно, что ослабление восточной группировки Рима аж на два легиона, могло привести к тяжёлым последствиям для безопасности имперских провинций. Вероятно, самому Гелиогабалу было плевать, но Меса всё понимала и сумела отстоять легион. Вместо кассации ему был назначен новый и необычный командир. Он известен по двум надписям, найденным в Риме, обе намеренно изуродованы, сохранилась только часть его имени:...ATVS. Он был имперским секретарем из всадников. Ранее он должен был учить юного императора чтению. Теперь в Зевгму был отправлен не сенатор со статусом пропретора, как положено, а всадник, чтобы обеспечить верность легиона IV Scyphica Antoniniana. Когда дело доходило до кризиса, как это было с Поллионом, режим пренебрегал условностями и обращался к лояльности приближенных ко двору. Характерно, что... ATVS справился и сумел успокоить легион. У этого человека будет впечатляющая карьера при Гелиогабале. Он станет префектом по снабжению зерном, комитом императора, называвшим себя *amicis fidissimus* (самый верный друг), а затем префектом претория в 220-222 годах [John S McHugh. *Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235* Pen and Sword History 2017. 95 p]. Хотя, учитывая повреждения надписей об этом человеке, понятно, чем его карьера закончится.

И, кстати, тогда же новым легатом Келесирии мог стать сенатор Квинт Атрий Клоний (219-222 гг.?). Начало карьеры Клония неизвестно. Надпись CIL 6, 2004 показывает, что он был избран в коллегию жрецов Юпитера 10 апреля 200 года. Он упоминается и в надписи CIL 2, 4111, найденной в Тарраконе и датированной правлением Александра Севера (222-235 гг.). Надпись указывает на то, что он был наместником (*Legatus Augusti pro praetore*) провинций Фракии, Каппадокии, Сирии Майор (то есть Келесирии) и Ближней Испании. Предположительно, он был легатом Фракии с 211/212 по 213 год, и за это время он заочно

побывал консулом-суффектом, о чем свидетельствует надпись на греческом языке. Следующее наместничество, в Каппадокии он, вероятно, осуществлял с 213/214 по 215/216 годы. Таким образом, Атрий был человеком Северов, сделавшим карьеру при них и продолжившим её теперь. Свое наместничество в Келесирии он, вероятно, осуществлял во время правления Гелиогабала (219-222 гг.), в то время как его легатуру в Ближней Испании можно датировать из-за надписи временами правления Севера Александра. В данном случае Атрий оказался удачной кандидатурой и сумел стабилизировать ситуацию в Келесирии.

Однако же, Сирией проблемы той зимы не ограничились. Дион Кассий пишет, что какой-то частный гражданин пытался возмутить Понтийский флот, стоявший в Кизике в то время, когда Гелиогабал зимовал в Никомедии. Об этом человеке не известно ничего, хотя Дион сам признаёт, что лично произвел тщательное расследование этого дела в Пергаме, поскольку был в то время каким-то важным чиновником в Азии, назначенным на эту должность ещё Макрином. Моряки, служившие в Понтийском флоте, тоже были местными, восточного происхождения, и им тоже могли не понравиться извращения Гелиогабалом одного из их культов. Элагабал был одним из множества проявлений Ваала на Востоке империи и люди понимали, что имеют дело с одним и тем же богом.

В самом Пергаме была другая ситуация. Там произошла вспышка общественного недовольства, возможно, в результате решения императора отозвать неокории (храмовое попечительство) у некоторых городов региона. Неокории предоставлялись тем общинам, которые имели провинциальные храмы императорского культа. Эта честь могла быть дарована только императором и часто изображалась на местных монетах как способ рекламы престижа города. За этот желанный статус велась ожесточенная борьба, и ко временам Северов города Пергам, Смирна и Эфес занимали равное положение, обладая тремя неокориями каждый. Соперничество между этими городами обострилось, когда Макрин подтвердил право Эфеса называться первым городом Азии, что вызвало возмущение в других общинах. Дион Кассий, который в 218 году был куратором Пергама и Смирны, писал, что жители Пергама были оскорблены императором, когда тот отменил привилегии, дарованные им Каракаллой (78.20.4, 79.7.4). Макрин попытался решить эти проблемы, назначив нового проконсула, который должен был выступать в качестве его официального представителя в провинции Азия. Он выбрал видного сенатора Гая Юлия Аспера, который дважды был консулом и городским префектом, на должность проконсула Азии. Сила и влияние Аспера подчеркиваются тем фактом, что он был покровителем не менее шести провинций – Британии, двух Мавританских и трех испанских провинций, – что отмечено на нескольких памятных статуях с его виллы в Тускуле. Вообще, мы мало

знаем об этой семье. Гай Юлий Аспер был родом из малоазийской Атталии (нынешней Анталы), происходя из Галериевой трибы. Видимо, это был род, выдвинувшийся при Цезаре и с тех пор принадлежавший к знати Ликий. Аспер в молодости участвовал в Маркоманнских войнах, а при Коммоде стал консулом-суффектом, правда год его консулата пока неизвестен. Удивительно, но мы ничего не знаем о его карьере до 204–205 годов, когда Септимий Север назначил его проконсулом Африки. А ведь эта должность была весьма высокой и до неё нобиль должен был пройти большой путь. Вернувшись из Африки, Гай Юлий Аспер заседал в сенате и был одним из самых уважаемых сенаторов. Не случайно именно он в декабре 211 года был назначен префектом Рима и консулом на 212 год, да ещё и вместе с сыном, что только подчёркивает степень уважения к этой семье. Аспер входил также в состав жреческих коллегий фламинов Марса и палатинских салиев. В марте 212 года Каракалла, почему-то не доверявший Асперу, отстранил его и тот отправился в ссылку в Тускул. Он снял опалу с Аспера только к концу своей жизни, видимо, испытывая кадровый голод. Так Аспер и стал кандидатом на должность проконсула Азии. Первоначально он был выбран путем жеребьёвки ещё во время правления Каракаллы, но попросил освободить его от этой должности. Новый император Макрин отклонил просьбу Аспера и настоял на том, чтобы тот отправился в Азию для вступления в должность, но тогда Аспер позволил себе оскорбительные высказывания в его адрес. Узнав об этом, Макрин отменил назначение. Как и в случае с изгнанием сторонников Каракаллы из дунайских провинций, для смещения Аспера был придуман удобный предлог: как пишет Дион (78.22.3–4), Макрин попросил освободить Аспера от должности «из-за его возраста и болезни». Почему Аспер отказался, нам неизвестно, может и правда болел. Как отнеслось правительство Месы к Асперу, нам неизвестно. Быть может и уцелел старый сенатор в своей Атталии.

В связи его уходом, проконсулом Азии тогда был назначен Квинт Аниций Фауст (217–219 гг.), известный полководец Септимия Севера, консул-суффект 198 года и «покоритель Африки», завоевавший племя гарамантов. Это тоже был весьма уважаемый сенатор, который должен был успокоить жителей провинции. Проконсульство Фауста, фактически, должно было закончиться ещё в 218 году, но вероятно, было продлено на один год, потому что его преемнику не было позволено вступить в должность. Дело в том, что, по рассказу Диона Кассия, новый проконсул Марк Ауфидий Фронтон, сын друга императора Марка Аврелия Гая Ауфидия Викторина и ординарный консул 199 года чем-то не угодил народу и императору. Фронтон сначала был назначен проконсулом Африки на 217/218 год. Однако, в связи с тем, что африканцы выступили против него, Фронтон попросил заменить ему провинцию на Азию. Макрин не дал ему эту провинцию, продлив срок проконсулата Фауста. Фронтону он позволил, оставаясь

дома, получить 250 тысяч денариев компенсации. Тот от денег отказался, ссылаясь на то, что хочет управлять провинцией. Фронтон можно понять. Деньги у него, как у сенатора, были, а вот двукратный отказ в важнейших провинциях был крайним оскорблением. И вот теперь Фронтон (219–220 гг.) все-таки получил от нового императора Гелиогабала Азию и причитающуюся сумму денег, что подтверждает надпись из Формия. Интересно, почему Фронтон так не хотели жители Африки?

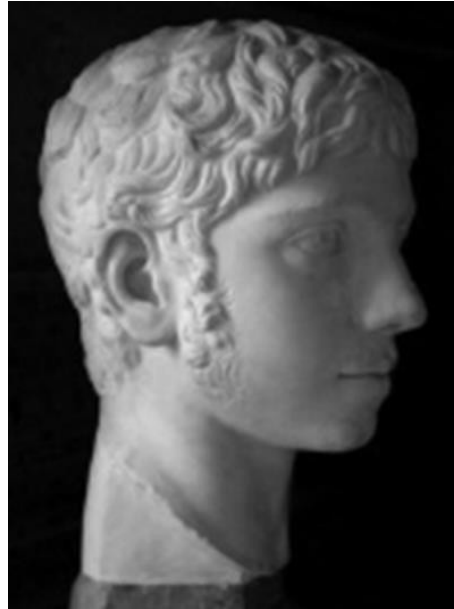
Что же до Аниция Фауста, то он и его семья никак не пострадали. В конце концов, его срок проконсульства уже давно закончился и ему было положено оставить свой пост.

Решены ли были проблемы провинции Азия в результате этих назначений, мы тоже не знаем.

Ещё вспомним о бунте Германской вексилляции, зимовавшей там же в Вифинии. Вот он вряд ли был связан с религиозными опытами императора. Может быть, он как-то связан с казнью полководца и политика, возможного родственника и личного друга Карагаллы Гая Юлия Септимия Кастина. По словам Диона, Кастин погиб из-за того, что был человеком деятельным и известным многим воинам благодаря тем должностям, которые он занимал ранее, а также из-за близости к Антонину Карагалле. Вот почему он был снят еще Макрином с должности легата Трёх Дакии и проживал в Вифинии. Кастин чувствовал опасность, поэтому написал сенату письмо, в котором предусмотрительно хвалил Гелиогабала за то, что тот снял с него опалу и разрешил вернуться в Рим из изгнания, в которое его, как и проконсула Азии Гая Юлия Аспера, отправил Макрин. Однако это письмо не помогло и Кастин был казнён. Упоминание Диона о деятельности и известности Кастина воинам, может свидетельствовать о том, что именно Кастину воины могли предложить императорскую власть, ведь он приходился каким-то родственником Септимию Северу, а раз так, то вполне мог претендовать на престол. В то время Кастину было всего 48 лет. Напомним, что легатом Верхней Германии уже был назначен бывший центурион и нынешний консуляр Клавдий Элий Поллион (219–222 гг.), успешно подавивший мятеж в Вифинии. Мы не знаем, повлияли ли на это назначение волнения в Германской вексилляции или оно произошло раньше. В любом случае, Гелиогабал (а точнее Меса) решил укрепить управление этой важной провинцией своим человеком, каковым и стал Поллион. Он сменил Клавдия Эгнатиана. Не исключено, что тогда же был сменён и легат Нижней Германии Марк Валерий Сенецион, просто мы об этом не знаем.

Напомним, что Гай Юлий Септимий Кастин родился около 172 года и начал свой *cursus honorum* около 192 года в качестве военного трибуна легиона I Adiutrix p.f. (192–194 гг.). Затем Кастин был военным трибуном легиона V Macedonia (195–197 гг.) в Дакии, легатом которой был брат императора Публий Септимий Гета. Около 198–200 годов Кастин

получил квестуру и народный трибунат, стал претором после 201 года, был куратором Соляной дороги, а также занимал несколько других гражданских постов. Наконец, молодой человек получил командование легионом I Minervia p.f. (204–206 гг.) в Бонне. Очень интересно, что как раз к окончанию срока этой милитии, в провинцию прибыл сам император. Не оставляет ощущение сознательной воли Септимия в ходе всей карьеры Кастина.

Гелиогабал

Потом Кастин получил должность дукса вексилляции по борьбе против «бунтовщиков» и «мятежников» в Галлии и Испании. Судя по всему, он справился с задачей, в течении зимы 207–208 годов разгромил наиболее крупные шайки багаудов и заставил попритихнуть остальные, за что вновь был продвинут императором. На этот раз Кастин стал легатом пропретором Нижней Паннонии (208–210 гг.). Он считался другом нового императора Каракаллы, от которого получил консулат в 211 году. Потом Каракалла дал Кастину передохнуть, для чего назначил проконсулом Крита и Киренаики (212–213 гг.). Ну, а когда Каракалла отправился на Восток, важнейшую на тот момент провинцию Три Дакии, он поручил именно Кастину (214–217 гг.). Это был пик карьеры Гая Юлия Септимия Кастина. Узурпатор Макрин вовсе не считал его своим другом и моментально сместил с поста, а Гелиогабал, как мы видим, и вовсе казнил [Дион Кассий. LXXVIII. 13. 2].

Может быть, тогда же, был казнён и один из главных организаторов восстания, и пришествия во власть Гелиогабала, Ганнис (Дион. 79, 6).

По словам Диона, его убили в Никомедии и назвали самым бесчестным из людей. А ведь сначала Гелиогабал постоянно обращался к Ганнису за советами. Видимо, уже в Никомедии император решил отделаться от Ганниса. Ганнис, конечно, вел довольно роскошную жизнь и охотно брал взятки, но он никому не причинил никакого зла и большому количеству людей оказал многочисленные благодеяния. Это мнение Диона. Он утверждает, что Ганнис преданно служил Гелиогабалу и пользовался расположением Месы и Созмии. Первая благоволила ему, потому что он был ею воспитан, а вторая – потому, что была его любовницей. Сначала Гелиогабал даже хотел заключить с ним брачный договор и провозгласить его Цезарем. Опять же, Дион пишет, что Ганнис был казнён потому, что побуждал Гелиогабала жить скромно и благоразумно. Если Дион точен, то это надо понимать так, что Ганнис пытался объяснить Гелиогабалу неправильность его поведения, пусть даже он следовал неким религиозным обрядам. То же самое, что делала и Меса, а возможно, и Созмия. Только матери и бабке мальчуган-император простил их «нравоучения», а Ганнису нет. Это, кстати, характерно. 14-летний император всего за полгода власти дозрел до убийства своего первого и лучшего союзника, и любовника матери. Причём, личного убийства. Дион пишет, что «именно Авит (Гелиогабал) оказался первым, кто нанес ему смертельный удар, ибо никто из солдат не осмелился начать кровопролитие» [Дион Кассий. Римская история 79, 7].

Из контекста сообщения Диона становится ясно, что Гелиогабал устроил на Ганниса целую засаду. Для этого он привлёк группу гвардейцев, которым поручил напасть на Ганниса, однако они, почему-то, не осмеливались это сделать. Тогда юный император сам нанёс Ганнису первый удар. Жестокость убийства тоже характерна для религиозного фанатика, ведь он знал Ганниса с детства и дружил с ним, да и об отношениях матери тоже знал. Ясно, что после такого, Гелиогабал полностью вышел из-под контроля кого-либо. Хотя отношения Гелиогабала с матерью и бабкой сложились хорошие, а их влияние и поддержка были сильными в начале правления. Они стали первыми женщинами, допущенными в Сенат и получившими титулы сенаторов: Созмия получила титул *Clarissima*, а Меса – более нетрадиционное *Mater Castrorum et Senatus* («Мать лагерей и Сената»). Они влияли на юного императора, а их изображения часто появлялись на монетах и документах того времени – уникальная честь для римской женщины. Это уважительное отношение объясняется тем, что Гелиогабал понимал свою некомпетентность в делах управления, к тому же, ему было просто лень ими заниматься, вот он и переложил это на мать и бабу.

Дион Кассий утверждает, что тогда «в других местах было много других» мятежников. Одним из них мог быть «префект», возглавивший неудавшееся восстание, о котором упоминается в египетском папирусе.

Всю вторую половину 218 года Восток трясло. Но в этих восстаниях есть что-то странное. Можно предположить, что вооруженное восстание имело бы больше шансов на успех, если бы его возглавил высокопоставленный военный деятель, командующий войсками где-то вдали от императора. Но все эти восстания происходили на Востоке, недалеко от Никомедии и организовывались людьми вовсе не первого ранга. Такое впечатление, что молодой император не произвёл должного впечатления на римское общество Востока, зато породил презрение и надежды на возможность его лёгкого свержения. Сайдботтом задаёт вопросы: неужели отношение к новому императору уже породило презрение? Может быть, наблюдая за Гелиогабалом, эти люди думали, что из них получился бы лучший император? Действительно ли они верили, что Гелиогабал был плохим правителем? И отвечает: конечно, они были правы [Harry Sidebottom: The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome. Oneworld, London 2022. S.158].

Мы не слышим ни о каких военных действиях против этих узурпаторов. Все они были быстро схвачены и казнены. О более поздних периодах правления ничего не известно, но власть Гелиогабала выдержала эти восстания.

Приближался новый год и Гелиогабал вновь назначил себя консулом. Неизвестно, чья это была инициатива – его самого или бабки. Для укрепления власти это было необходимо, значит, скорее всего, это была инициатива Месы. Вторым ординарным консулом стал пожилой сенатор Квинт Тиней Сакердот. Это был выходец из этрусской senatorской семьи, его отец и братья были консулами. Ещё в 192 году Сакердот занимал должность консула-суффекта. В 198/199 году он был проконсулом провинции Вифиния и Понт. Позднее Сакердот находился на посту проконсула Азии (в 209/210 или 210/211 году). А ещё, с 70-х годов II века Сакердот входил в состав жреческой коллегии палатинских салиев. Это очень высокий жреческий ранг, говорящий о том, что человек был представителем самой верхушки римского общества. Собственно, прозвище «Сакердот» и переводится как «жрец». Поскольку Сакердот был уже пожилым человеком, его назначение явно обеспечила хорошо его знавшая Юлия Меса.

Весной 219 года Гелиогабал направился в Италию через Фракию, обе Мёзии и обе Паннии. По дороге к столице Гелиогабал опять показал результат воспитания в духе восточного деспотизма: не ожидая сенатского решения, он принял титул «Пий Счастливый, Проконсул с трибунской властью» («Pius Felix Proconsul tribunicia potestate»).

Очевидно, уже проезжая балканскими провинциями, Гелиогабал (читай Меса) продолжил «чистку» аппарата. Так, из Рима в ставку императора был вызван уже смещённый легат Каппадокии Марк Мунаций Сулла Цериалис. Он проявлял какое-то излишнее любопытство, может быть пытался разузнать обстоятельства рождения

Гелиогабала. Вызванный ко двору, Сулла, видимо, чувствовал неладное, поэтому по пути встретился с Германской вексилляцией, возвращавшейся домой, видимо, раньше и отдельно от других вексилляций. Вероятно, Цериалис хотел заручиться поддержкой европейских воинов, однако у него ничего не получилось. Воины были ещё не готовы и считали, что им не нужно вмешиваться в разборки верхов. А может, пример кассации легиона III Gallica остановил воинов. Тем более, что во главе вексилляции в Германию должен был ехать надёжный сторонник Гелиогабала Элий Поллион. Не исключено, что он и арестовал Суллу. Цериалис был вынужден прибыть к императору, где был немедленно казнён.

Ещё был казнён бывший фракийский наместник Клавдий Аттал Патеркулиан. Когда-то он поддержал Нигера против Септимия Севера, за что был исключён Севером из сената, но, почему-то, не казнён. Каракалла же восстановил Аттала в звании сенатора и вернул ему возможность продолжить карьеру. В данный момент он был проконсулом Кипра, полученным по жребию. Так вот, во время проезда по Фракии, новый префект претория Комазон вдруг вспомнил, что именно Аттал когда-то отправил его на триеры. И теперь Комазон потребовал казнить Аттала за эту старую обиду. Просьбу друга юный Гелиогабал уважил. На Кипр были посланы фрументарии, казнившие проконсула. Правда, существует обстоятельство, несколько углубляющее подоплёку этого дела. Оно состоит в том, что в 217 году на Кипр был отправлен дед Гелиогабала и муж Юлии Месы Гай Юлий Авит Алексиан в качестве советника проконсула. Считается, что он умер по дороге и не доехал до Кипра. Не может ли быть так, что Меса считала Аттала причастным к смерти мужа? Отсюда и его казнь. Мы этого не знаем, но совпадение характерное.

Был снят с поста легат Нижней Мёзии Марк Клавдий Агриппа (218–219 гг.). Агриппа начинал свою жизнь рабом, косметологом или парикмахером. При Септимии Севере он каким-то образом стал агентом императорского казначейства. Это был всаднический пост, который не должен был занимать вольноотпущенник. Когда Север узнал о его рабском происхождении, он отправил Агриппу в изгнание. Каракалла вернул его обратно, поместив в императорский секретариат, прежде чем избрать в Сенат со званием пропретора. Перед смертью Каракаллы Агриппа командовал Понтийским флотом. Он предал императора и участвовал в заговоре. Поэтому Макрин повысил Агриппу до статуса проконсула и отправил его управлять Нижней Паннонией. Вскоре Макрин перевел Агриппу в провинцию Три Дакии. Оттуда он был назначен легатом Нижней Мезии. Вполне правдоподобно утверждается, что, находясь в Мёзии, он сохранил контроль над Дакией. Конечно, Агриппа теперь был казнён как участник убийства Каракаллы.

В Наиссе был казнён легат Верхней Мёзии Помпоний Басс. Раньше считалось, что этот сторонник Макрина был казнён только в 221 году. Супругой Басса была Анния Аврелия Фаустина, по всей видимости, правнучка Марка Аврелия. Считалось, что, когда в 221 году Гелиогабал захотел на ней жениться, он и казнил Басса, протестовавшего против этого. Помпоний был обвинен в государственной измене, а его супруге было запрещено оплакивать его. Однако, согласно новым исследованиям, гибель Басса произошла в промежуток времени между провозглашением Гелиогабала императором в Сирии в мае 218 года и его прибытием в Рим летом 219 года. В это время Басс был легатом Верхней Мёзии и его казнь может быть объяснена чисто политическими причинами, а не ревностью. Выше мы рассказывали о письме Гелиогабала в Сенат по поводу казни Басса [Bjorn Schope: *Der römische Kaiserhof in severischer Zeit* (193–235 n. Chr.), Stuttgart 2014, S. 142 f.]. На деле, Басс мог быть казнён как возможный претендент на престол, являясь мужем правнучки императора. В этом же была причина женитьбы Гелиогабала на его вдове. Преемник Басса в провинции неизвестен.

Далее был казнён легат Нижней Паннонии Элий Деций Трикциан. Его карьера началась с простого солдата в Паннонии, а в результате он достиг поста префекта легиона II Parthica. Потом он предал своего благодетеля Антонина Каракаллу и перешёл к Макрину, получив за это сенаторское звание и пост легата Нижней Паннонии, где сменил Агриппу. Многочисленные надписи в провинции носят его имя и свидетельствуют, что он заставлял легионеров ремонтировать военные дороги вдоль границы, а также улучшал дисциплину и укреплял боевой дух. Также вероятно, что его семья происходила из приграничной зоны, поэтому он установил прочные связи с семьями ветеранов, поселившихся в этом районе. Из сообщения Диона выходит, что Трикциан был казнён «из-за легиона II Parthica», которым со строгостью командовал два срока. Что здесь имеется в виду, непонятно. То ли воины требовали казни своего бывшего префекта, то ли наоборот, Гелиогабал опасался их симпатии к Трикциану. В любом случае, это был лишь повод. В реальности же, очевидно, что его ликвидировали как участника убийства Каракаллы. Во всех сохранившихся надписях Нижней Паннонии его имя было удалено. По словам Диона, он пострадал от «*damnatio memoriae*».

Итак, мы видим казни достаточно большого количества крупных сенаторов, наместников провинций. Но здесь всё просто. Дунайские наместники командовали большими армиями, лучшими в империи, являясь при этом прямыми либо потенциальными врагами новой власти. Оставлять их живыми было рискованно. Наказание за убийство императора (Каракаллы) вообще было обязательным. К тому же, Агриппа и Трикциан были простолюдинами, и их печальная судьба вряд ли беспокоила Римскую аристократию.

Освободившиеся провинции дали новому режиму возможность проявить свое покровительство и направить сигнал традиционной сенаторской элите. Так, новым легатом Нижней Паннонии стал Понтий Прокул Понтиан (219–222 гг.) из древнего самнитского плебейского рода, во времена империи переселившегося в Македонию. Возможно, именно он (или его сын) будет консулом-ординарием 238 года. Это была уважаемая сенаторская семья, имевшая в своей родословной по крайней мере одного консула и, следовательно, принадлежавшая к знати.

Человек, которому была доверена Нижняя Мезия, Тиберий Флавий Новый Руф (219–220 гг.), был италийцем из самого сердца истеблишмента. Он был консулом, как и его отец и дед до него. После возвышения Комазона, Тимесифея и, на тот момент находившегося на пике популярности, Поллиона, режим Гелиогабала теперь демонстрировал Сенату нормальное функционирование *cursus honorum*: мужчины выходцы из старинных благородных семей пользовались почётом и продолжали продвигаться по службе. Интересно, что этот посыл, похоже, сработал. По крайней мере, мы не слышим ни о каких восстаниях в западной половине империи до конца правления Гелиогабала. Восток имел совершенно другую историю.

Правда, легатом Трёх Дакий был назначен всадник Ульпий Виктор. Но, как мы уже видели, например, в Аравии, такое временно допускалось, пока не будет подыскана сенаторская кандидатура.

Был сменён и легат Реции. Имён, как бывшего, так и нового легатов мы не знаем, но знаем когномен нового легата – Дионисий (219–221 гг.) (CIL III 5874). Судя по греческому когномену, это был выходец с Востока.

Часть верных людей Каракаллы не только не были репрессированы, но и продолжили свои карьеры. Например, легатом Иллирика был поставлен друг Каракаллы Гай Октавий Аппий Светрий Сабин (219–220 гг.). Он родился около 175 года, вероятно, в городе Истонии в Лигурии. По крайней мере, его номен Светрий имеет лигурийское происхождение и весьма редко встречается в надписях. Предполагают, что отцом его был сенатор Гай Октавий Светрий Прокул, а матерью – Аппия Ветурия Аврелия Кёкива Сабинилла.

Начало карьеры Светрия Сабина, видимо, совпало с началом правления императора Септимия Севера. Его первой должностью была должность децемвира по судебным разбирательствам, которую он занимал между 193 и 194 годами, а затем стал севиром молодёжной кавалерии. О первых милитиях Светрия в надписях, ему посвящённых, почему-то, ничего не говорится и мы не знаем, чем он занимался в годы Гражданских войн. Около 200 года Сабин вошёл в состав сената, очевидно, по протекции императора. Около 201 года Гай был назначен квестором как кандидат от императора. Около 203 года он стал народным трибуном. Наконец, в 206 году Сабин получил пост претора.

После этого он отправляется легатом провинции Африка в область города Гиппон (207–208 гг.). По возвращении из провинции, примерно в 209 году, Сабин занимал должность куратора Латинской дороги. Его следующим назначением был пост судьи в Эмилии и Лигурии, на котором он находился в 210 году. В какой-то промежуток времени Сабин был куратором умбрийского города Окрикул, помогая ему выйти из кризиса.

Когда Каракалла стал императором, он немедленно назначил Светрия на пост легата легиона XXII Primigenia p.f., дислоцировавшегося в Верхней Германии (211–213 гг.), чем в очередной раз продемонстрировал привилегированность этого легиона как кузницы кадров [CIL X, 05178].

При подготовке к Германской войне, Каракалла поручил Светрию возглавить вексилляцию дунайских легионов V Macedonica и XI Claudia p.f. Надпись из Рима CIL 06, 41193 называет Светрия Сабина «комитом императора и дуксом вексилляции». То есть, в 213 году 38-летний Светрий был комитом императора и дуксом вексилляции в походе против германских племен. Затем он находился на посту легата-пропретора Реции в течение непродолжительного периода (с октября по декабрь).

Почему так мало? Потому что близкий друг императора Каракаллы, Гай Октавий Аппий Светрий Сабин был назначен ординарным консулом вместе с Луцием Валерием Мессалой Аполлинарием на 214 год. Тот факт, что его первое консульство было ординарным, а не суффектным, укрепляет во мнении, что Сабин был в милости у императора. После консульства Светрий последовательно находился на постах судьи неизвестной провинции и префекта снабжения Рима. В 215–216 годах Сабин был корректором «*electus ad corrigendum statum Italiae*». Его главной задачей было справиться с упадком законности и порядка в Италии в течение этого времени, с ростом бандитизма, поразившего сельскую местность. Возможно, в его обязанности входила фиксация налогообложения в итальянских общинах.

В 216–217 годах Гай занимал должность легата Нижней Паннонии, но после убийства Каракаллы он был заменен по приказу нового императора Макрина. На некоторое время он, кажется, впал в немилость, но в конце концов был возвращен на службу. Как мы видим, в 219 году Светрий Сабин был назначен легатом Иллирии, каковым был до 220 года. Затем в наших знаниях виден большой пробел, но, кажется, что Светрий Сабин опять потерял влияние при Александре Севере, а вот при Максимине Фракийце вновь поднялся. Между 236 и 238 годами он занимал должность проконсула провинции Африка. По всей видимости, Сабин сыграл значительную роль в восхождении на трон Гордиана III. В 240 году он находился на посту ординарного консула во второй раз вместе с Рагонием Венустом.

Кроме того, Сабин входил в состав жреческих коллегий авгуров и понтификов. Он, вероятно, жил в доме на Авентине. Женился Светрий только на 50-м году жизни (в 224 году) на Кальпурнии Фидиане Цейе Эмилиане. Дочерью супругов была Аппия Светрия Сабина, вышедшая замуж за Авла Цецину.

Вновь вернулся на службу при Гелиогабале и будущий император Максимин Фракиец. Напомним, что этот варвар-гигант поступил в *equites singulares* или в схоларии при Септимии Севере, при Каракалле получил римское гражданство, а при Макрине ушёл в отставку из гвардии. Похоже, что отставка Максимиана была вынужденной. Теперь ненавистный ему Макрин был убит и Максимин сразу засобиравшись ко двору нового императора. Когда Гелиогабал проезжал по Фракии или Верхней Мёзии, Максимин лично отправился к нему и попросился на службу, выразив надежду, что новый император будет относиться к нему также, как его дед Север. В ответ подонок на троне императора, каковым, уже, несомненно, стал Гелиогабал, шутя самым непристойным образом, спросил его: «Говорят, Максимин, что в былые времена ты одолевал и шестнадцать, и двадцать, и тридцать воинов. А можешь ли ты тридцать раз закончить с женщиной?» [Юлий Капитолин. Двое Максиминов IV, 7]. Поняв, с кем имеет дело, Максимин решил откланяться, однако друзья Гелиогабала (скорее всего сама Меса) удержали его, не желая терять уважаемого в гвардии человека. Конфликт с Максиминем, несомненно, вызвал бы негативное отношение к Гелиогабалу в среде гвардейцев и в армии. Максимин остался и получил звание преторианского трибуна, но при ничтожном Гелиогабале не мог иметь никакого значения. Он только носил почетное звание трибуна, но никогда не подходил к его руке, никогда не приветствовал его. В течение всех трех лет правления извращенца Максимин разъезжал в разные стороны; то он был занят своими полями, то отдыхом, то лечил притворные болезни.

Вообще же, Гелиогабал доехал, кажется, до самого Карнунта в Верхней Паннонии. По крайней мере, в Карнунте найдены постаменты двух статуй Гелиогабала. Сооружены они были, видимо, в честь приезда императора. Обе были намеренно повреждены, но это позже, в 222 году.

Городом, через который императорский кортеж определенно проехал, была Аквилея – восточные ворота в Италию. Император путешествовал с шиком, и его свита была многочисленной. Мы знаем всего нескольких человек, которые сопровождали Гелиогабала. Там была его семья: Меса, Созмия, его тетка Мамея и его двоюродный брат Алексан. Присутствовал префект претория Комазон. К тому времени, когда они достигли Мёзии, согласно надписи, у Комазона был коллега – Юлий Флавиан. Другим спутником и самым верным другом (*comiti amico fidissimo*) в путешествии был бывший имперский секретарь, вернувшийся в строй IV Скифский легион, и чьё имя сохранилось только в виде

окончания...ATVS. Должен был там быть и эмесенец Аврелий Евбул. Был еще один самый нужный спутник, самый важный из всех для императора. В тени зонтиков, на своей колеснице катился Непобедимый Бог Солнца Элагабал. И, хотя ни один из наших источников не упоминает об этом, мы можем быть уверены, что новые жрецы Элагабала (а точнее Гелиогабала), сопровождали черный камень. У Лампридия и у Зосимы, гораздо более позднего греческого историка, Гелиогабал был окружен всевозможными магами. Вот это они и были.

Глава 2

Римский Содом

Как бы то ни было, со всеми этими делами до Рима императорский двор добрался только во второй половине года. Историк четвертого века Евтропий утверждал (VIII, 22), что молодой император пробыл в Риме два года и восемь месяцев, таким образом, датируя его прибытие июлем 219 года. Дата, по-видимому, подтверждается монетами из Александрии, выпущенными до 29 августа того же года, на которых отмечается женитьба Гелиогабала на Юлии Павле (его первой жене). *Equites singulares*, императорские конные гвардейцы, вывесили надпись, в которой благодарили бога за благополучное возвращение Гелиогабала в Рим 29 октября. (Идеологически императоры всегда возвращались в Рим, даже если их нога никогда раньше не ступала в город.) Конногвардейцы должны были правильно определить дату – они были с императором. Правда, мы не знаем, возможно, Гелиогабал после свадьбы отъезжал из Города в какое-нибудь поместье или проехался по Италии.

Город уже пять лет не видел императора, а сам Гелиогабал уже 13 месяцев как находился у власти. Такое уже бывало, конечно. Например, Траян не появлялся в Риме более восемнадцати месяцев после провозглашения императором. Так что, у сената и народа Рима было достаточно возможностей подготовиться. Они ждали нового императора за воротами, возможно, на специально отведенном месте. Прибытие императора было грандиозным событием: «Зажигались алтари, возжигались благовония, возливались возлияния, приносились жертвы», и произносились речи, много речей. Внутри «весь город был украшен гирляндами цветов, лавровыми ветвями и богато раскрашенными материалами; он был освещен факелами и курящимися благовониями; горожане, одетые в белые одежды и с сияющими лицами, издавали множество криков доброго предзнаменования;

солдаты гарнизона тоже выделялись своими доспехами, наконец, и сенаторы вышли торжественной процессией.

Гелиогабал въехал в столицу с торжественной церемонией *adventus* и после этого больше никогда не покидал Рим или его окрестности. И действовал он в своём репертуаре. Вошёл в Город в любимой восточной одежде и вёл себя именно как жрец Элагабала. Собственно, он и оставался в первую очередь жрецом Элагабала всё время своего правления, и лишь во вторую – императором. Для начала он, конечно, произвёл обычную раздачу народу по случаю наследования императорской власти, потом щедро и пышно устроил разнообразные зрелища. Этим-то римляне были довольны. Более поздний источник, Идаций, ценность которого неясна, утверждает, что Гелиогабал сжег в Риме записи о долге перед императорской казной. Говорят, их было так много, что костры горели тридцать дней. Если бы это было правдой, это было бы очень кстати: плебс, похоже, всегда был по уши в долгах. Но вот потом Гелиогабал начал перестройку на Палатине огромного храма Юпитера, построенного Домицианом, который Гелиогабал решил посвятить Элагабалу. Туда он поместил привезённый с собой чёрный камень из Эмесы, который считал вместилищем духа своего бога. Он намеревался провозгласить Элагабала верховным богом Рима. Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Элагабала держало в своих руках тайны всех культов. В этом была одна из изюминок его сектантского культа. Настоящий Элагабал, в лице его жречества, на такое никогда не претендовал.

Эта перестройка храма заняла около года, а пока Гелиогабал озаботился своим браком. Он решил жениться на знатной римлянке. Меса и Созмия, признавая его слабые притязания на трон, выбрали невесту из одной из самых аристократических семей Рима. Это была Юлия Корнелия Павла, возможно, дочь уважаемого юриста Северана Юлия Павла, хотя об этом можно только догадываться. Её провозгласили Августой. Это было в августе 219 года, соответствующие монеты с её именем начали чеканиться в Александрии именно тогда. Напомним, что Гелиогабалу было тогда 15 лет. Куда он, а точнее, Меса и Созмия, так спешили с женитьбой? Основная цель женитьбы состояла в укреплении связей сирийского семейства Гелиогабала с римской аристократией. Официально Гелиогабал заявлял, что стремится поскорее стать отцом.

Празднество было пышным. По случаю свадьбы не только сенаторы и всадники, но и жены сенаторов получили дары, а для народа было приготовлено угощение стоимостью сто пятьдесят денариев на человека, для воинов же – на сотню дороже; были также проведены гладиаторские бои... на потеху толпе было затравлено множество диких зверей, в том числе один слон и пятьдесят один тигр – небывалое

количество подобных животных, убитых за один раз [Дион Кассий. Римская история 80, 9].

Интересно, где проходила травля животных, ведь Колизей тогда не функционировал, он сгорел в 217 году? Может, на Марсовом поле?

Только ничего хорошего из этого брака не вышло. Гелиогабал был явно бесплоден и абсолютно неспособен к семейной жизни и конструктивной политике. Он ни с кем из римской аристократии не хотел устанавливать никаких связей. И бабка с матерью ничего не могли с ним поделать, хотя Гелиогабал оказывал им всяческое внешнее уважение. Согласно Элию Лампридию (IV, 1), он даже на самое первое заседание сената велел вызвать Созмию. Прибыв в курию, она была приглашена к местам консулов и присутствовала при редактировании, т. е. была свидетельницей составления сенатского постановления: Гелиогабал был единственным из императоров, при котором женщина вступила в сенат со званием «Светлейший», словно мужчина.

Более того! На Квиринальском холме Гелиогабал создал сенакул, то есть женский сенат; прежде там происходили собрания матрон, но только в торжественные дни и в тех случаях, когда какая-нибудь матрона наделялась знаками отличия супруги консула – прежние императоры предоставляли это право своим родственницам, особенно тем, чьи мужья не занимали высоких должностей, – для того, чтобы эти родственницы не оставались на положении незнатных женщин. Теперь под председательством Созмии там составлялись смехотворные сенатские постановления, касающиеся законов о матронах: в каком одеянии должна ходить та или иная, кто кому – уступить дорогу, кто к кому подходить для поцелуя, какая должна ездить в парадной повозке, какая – на коне, какая – на вьючной лошади, какая – на осле, какая – в крытой повозке, запряженной мулами, какая – на волах, какая должна передвигаться в сидячих носилках – и в кожаных ли или в костяных, выложенных слоновой костью или серебром, какая имеет право носить на обуви золото или драгоценные камни [Лампридий. Антонин Гелиогабал IV, 4]. Понятно, что эта пародия на законодательную власть долго не просуществовала.

Меса не сидела в сенакуле, а находилась при императоре в его совете. Она руководила всеми государственными делами империи и вообще была сильно занята. Во второй половине 219 года она занималась окончательной расстановкой кадров. И репрессии не прекращались. Сразу по прибытии Гелиогабала в Рим, была казнена ещё парочка сенаторов. Внук консула 188 года и префекта Рима Сея Фусциана (друга и соученика Марка Аврелия) Сей Кар, был вызван во дворец и обвинён лично юным императором в заговоре с воинами легиона II Parthica на предмет захвата власти. Тут же он был казнён. Вторым был Валериан Пет. Он отлил из золота несколько собственных изображений в качестве украшения для любовницы, на основании чего был обвинен в намерении отправиться в Каппадокию, граничившую с

его собственной родиной (он был галатом), с целью устроить мятеж, используя для этого золотые украшения со своим собственным изображением. Пета тоже казнили. Чья была инициатива в казни этих сенаторов и какова истинная причина, нам не известно. Дион лишь указывает, что Сей Кар был богат, влиятелен и умён. Впрочем, когда дело доходило до сенаторов, Кассий Дион с удовольствием записывал тех, кого казнил Гелиогабал, а не тех, кто выжил. Упоминание о последнем поставило бы в неловкое положение отдельных лиц и их семьи: также и самого историка, который был вполне причастен к режиму.

Меса или Гелиогабал поменяли префекта Рима. К моменту приезда нового императора, Городом управлял уважаемый сенатор и историк Луций Марий Максим. Возможно, он входил в состав известного «кружка» императрицы Юлии Домны, поэтому мог считаться другом Месы. Он был назначен императором Макрином префектом Рима летом 217 года и оставался им до лета 219. В общем, к Марию Максиму у правительства Гелиогабала претензий не было, кроме назначения его Макрином. Марий Максим не был репрессирован, просто отстранён. Сам он остался в сенате, его младший брат консуляр Луций Марий Перпетуус около 217–218 гг. находился на высоком посту проконсула Африки вместо не допущенного туда Фронтон, сын его Луций Марий Максим продолжил свою карьеру, был консулом 232 года, а дочь даже вышла замуж за Квинта Эгнация Прокула, консула-суффекта этого 219 года.

Прокул происходил из этрусского рода Эгнациев. Предположительно, его отцом был философ Авл Эгнаций Присциллиан. История Прокула практически неизвестна, но, конечно, он входил в самые верхи римского общества. Возможно, после должности консула-суффекта, он находился на посту легата, ответственного за исправление положения дел в Ахайе. Сын Прокула и дочери Мария Максима носил имя Квинт Эгнаций Прокул и позднее тоже достиг должности консула-суффекта.

Мария Максима и его брата как людей Макрина отправили на пенсию. Сменил Мария Максима на посту префекта Рима не кто иной, как Публий Валерий Комазон Евтихиан. И то, что он был всадником, никого не смутило. Его включили в состав сената и дали титул консуляра. И всё.

Кажется, на этом, репрессии и перетасовки были завершены. Большая часть сената сохранила свои жизни, имущество и посты. Правда, чуть не пострадал знаменитый юрист Ульпиан.

Гней Домиций Анний Ульпиан происходил из финикийского города Тир. Он родился в 60-х годах II века, а в 80-х получил правовое образование у Папиниана. В свою очередь и он занимался преподаванием права. Одним из его учеников был известный впоследствии юрист Геренний Модестин. Свою службу Ульпиан начал, скорее всего, с поста советника (assessor) претора по вопросам права.

Затем Ульпиан состоял ассессором при префекте претория, которым с 205 по 211 годы был его знаменитый учитель Папиниан. Похоже, что и после смерти Папиниана Ульпиан сохранил свой пост. Свои основные труды Ульпиан создал при Каракалле и его ближайших преемниках Макрине и Гелиогабале. За одно десятилетие (211-221 гг.) им было написано около 30 трактатов общим объемом почти в 250 книг. Ни один другой римский юрист ни до, ни после него не смог достигнуть столь высокой интенсивности литературного творчества. Сочинения Ульпиана пользовались большим авторитетом как у современных ему, так и у более поздних римских юристов. Однако император Гелиогабал уволил его с этой должности, собираясь вообще изгнать из страны. Причины этого нам тоже неизвестны. Разве что, его тирское происхождение. Но изгнание так и не состоялось, поскольку Юлия Мама (тётка Гелиогабала и мать Александра Севера), поручившись за него, успела найти ему другое место, вследствие чего Ульпиан занял должность *magister scrinium* (начальника императорской канцелярии).

Никак не пострадал будущий император Марк Антоний Гордиан Семпрониан (Гордиан I) (159-238 гг.). Гордиан Старший занимал многие должности сенаторского ранга и в шестьдесят четыре года сам стал консулом. Он также был наместником нескольких провинций, включая Нижнюю Британию. Как известно, при Гелиогабале и Александре Севере выходцы из восточных провинций пользовались особым влиянием, а Гордиан был родом, предположительно, из Галатии. Он был другом Месы и Гелиогабал с детства знал Гордиана, всегда входившего в ближний круг друзей Северов. В это время у него закончился срок наместничества в Нижней Британии, он вернулся в Рим и получил от новых властей пост проконсула Ахайи (219-222 гг.).

Его сын и тоже будущий император Марк Антоний Гордиан Семпрониан Роман Африкан (Гордиан II), родился в 191 или 192 году. Такая датировка основана на сообщении Юлия Капитолина, согласно которому на момент смерти Гордиану II было сорок шесть лет [Юлий Капитолин. Трое Гордианов. XV. 2.]. Гордиан II должен был пройти свой *вигинтивират* в 211/212 году при Каракалле. Потом у него было время как на две, так и на три милитии, но мы ничего об этом не знаем. У Капитолина сохранилась короткая запись о карьере Гордиана II, однако однозначно судить о правдивости приводимых там сведений нельзя. В эпоху правления Гелиогабала он занимал должность квестора, «якобы вследствие того, что этому погрязшему в излишествах императору расхвалили разгульность молодого человека, которая, однако, не была связана ни с излишествами, ни с бесславием». В случае прохождения Гордианом II двух милитий, квестором он мог стать около 219/220 года, а в случае трёх – только в 222-м. Какие отношения у него сложились с Гелиогабалом, мы не знаем, но можем подозревать, что неплохие. Оба были сибаритами и любителями секса.

Точно так же спокойно жил и другой будущий император – Марк Клодий Пупиен Максим (164–238 гг.). Между 222 и 225 годом Марк Клодий находился на посту проконсула Азии. Это значит, что он уже побывал консулом-суффектом и, может быть, при Гелиогабале. Подробно о жизни этого человека рассказано в главах об истории Александра Севера.

Коллега Пупиена по императорству Децим Целий Кальвин Бальбин (178–238 гг.) тоже пережил Гелиогабала. К сожалению, его карьера нам до сих пор неизвестна.

Ещё один будущий император Гай Мессий Квинт Траян Деций (201–251 гг.), первый из, так называемых, паннонских императоров, происходивший из провинциальной знати Нижней Паннонии, в 220/221 году начал свой *cursus honorum*. Нам плохо известна его история, но мы знаем, что Деций родился в местечке Будалия недалеко от Сирмиума [Аврелий Виктор. Извлечения. XXIX. 1.]. Точная дата его рождения неизвестна, но из сообщений Полемия Сильвия и Аврелия Виктора, согласно которым на момент смерти Децию было пятьдесят лет, можно сделать вывод, что он родился в 201 году.

О родителях Деция ничего не известно; но исходя из того, что он стал сенатором и консулом, можно предположить, что он был сыном кого-то из местной аристократической семьи. О том, что отец Деция был италийского происхождения, можно судить по преноменам императора: Деций и Мессий – древние осканские имена. По всей видимости, семья Деция имела родственные связи в Италии и располагала крупными земельными владениями.

Деций сделал блестящую карьеру. Если он начал свой *cursus honorum* в 220/221 году, то прошёл вигинтивират и всего одну милитию, и в 225 году уже занял должность квестора, войдя в состав сената. Понятно, что для Гелиогабала он был неинтересным провинциальным юношей, хотя, вероятно, встречался с ним в Сирмиуме в 219 году, когда проезжал по провинции и вызывал в этот город окрестную знать. Толчок к быстрой карьере Деций получил уже при Александре Севере и дала его, возможно, та же Меса.

И знаменитый историк сенатор Дион Кассий Коккеян сохранил положение. Он определённо был членом «кружка» Юлии Домны и пользовался расположением Месы. После расследования бунта в Азии, он заболел и какое-то время отдыхал на родине в Никее. Однако Гелиогабал дал ему пост проконсула Африки (219–220/221 гг.), куда он и поспешил, сменив Луция Мария Перпетууса.

На следующий год (220 г.) Гелиогабал вновь назначил себя консулом – уже в третий раз. Вторым консулом-ординарием стал Публий Валерий Комазон Евтихиан. Для этого он оставил пост префекта Рима, который был передан некоему Леону, нам, практически, неизвестному. Как мы видим, новая власть старалась не выпускать консулат из узкого круга своих людей, впрочем, Комазон, кажется, нравился римлянам.

Вероятно, тогда же у Месы дошли руки до западных провинций. В августе 220 года легат Трёх Галлий Тиберий Клавдий Паулин отправился наместником в Нижнюю Британию (220-222 гг.), а на его место был направлен всадник Марк Эдиний Юлиан (220-222 гг.), который позже станет префектом Египта (222-223 гг.), а затем и префектом претория (223-238 гг.). Опять мы видим удачный выбор Месой человека из второго круга. Эдиний Юлиан продержался на самом верху власти, как минимум, при трёх совершенно разных по характеру императорам.

В 220 году в Риме ещё продолжали работать законные магистратуры и процедуры. В конце концов, государство должно было продолжать функционировать. Ведь правительство Месы не трогало основы системы, а сам Гелиогабал пока до них не добрался. При этом нам трудно разделить назначения Месы и её правительства, и назначения лично Гелиогабала.

Высоко вознёсся уже известный нам Публий Валерий Комазон Евтихиан, происходивший из семьи профессиональных танцоров или актеров и в молодости публично плясавший в римском театре. Мы помним, что при Гелиогабале он стал префектом II Парфянского легиона. Уже в 218 году он был назначен префектом претория, а в 219-м стал сенатором с титулом консуляра и сменил Мария Максима на посту префекта Рима. В 220 г. Комазон стал ординарным консулом, но был заменен на посту префекта Рима неким Леоном. Второй раз он стал префектом Рима уже в 221 году, но опять был заменен, на этот раз Фульвием, которого сам и сменил на этом же посту уже в правление Александра Севера, став в третий раз городским префектом [Дион Кассий. Римская история, LXXIX, 14, 1-2].

Кассий Дион выделяет карьеру Комазона, как пример волюнтаризма правительства Месы (Гелиогабала), но никаких доказательств несоответствия Комазона должностям консула и префекта Рима, не приводит. Для него Комазон просто выскочка. А нам кажется, что Комазон вполне справлялся со своими обязанностями, потому и удержался наверху надолго и при разных правительствах.

То же и с центурионом Поллионом, с всадниками Тимесифеем и Эдинином Юлианом, и многими другими. Но сохраняла свои позиции и аристократия. Например, одним из консулов-суффектов 220 года стал историк Дион Кассий Коккеян, вернувшийся из Африки. После своего консульства Дион стал наместником Далмации (220-222 гг.), сменив там Светрия Сабина.

Проконсулом Азии в 220/221 году стал Марк Нуммий Умбрий Прим Сенецион Альбин. Он происходил из южноиталийского города Беневент. В своё время он был усыновлён одним из представителей рода Умбриев Примов из Компсы: возможно, консулом-суффектом 186 года Марком Умбрием Примом. Сенецион был патроном Компсы, вероятно, из-за ведения в этой местности строительных работ. Его

родным отцом, предположительно, мог быть некто Нуммий Альбин, приходившийся сводным братом императору Дидию Юлиану и казнённый во времена правления Септимия Севера.

Марк начал карьеру с поста монетного триумвира. Потом он возглавлял турму римских всадников и был куратором Карфагена. Последняя должность означала государственного кризисного управляющего города, попавшего в тяжёлое экономическое положение. После 199 года Альбин занимал должность квестора, выступая в качестве кандидата императоров Септимия Севера и Каракаллы. Затем он был легатом в провинции Азия. Около 202 года Сенецион вновь находился на посту легата: на этот раз – в Африке под началом проконсула Марка Умбрия Прима, своего предполагаемого приёмного отца. В 203 году Африку посетил император и Сенецион снова попался на глаза Септимию. Возможно, это способствовало тому, что в 204 году Альбин уже исполнял обязанности претора по представлению императора.

В 206 году Альбин занимал должность ординарного консула совместно с Нумизием Петронием Эмилианом. Затем он был чиновником, который руководил судебными делами вместо императора. Между 209 и 212 годом Нуммий являлся легатом-пропретором провинции Ближняя Испания, а между 212 и 217 – легатом-пропретором Далмации. Теперь он стал проконсулом Азии.

Ещё со 191 года Альбин входил в состав жреческой коллегии палатинских салиев, а со 199 года вошел и в коллегию понтификов.

В браке с неизвестной женщиной Альбин имел сына, Марка Нуммия, также занимавшего консульскую должность в 227 году.

Префект Рима Фульвий (221–222 гг.), возможно, был членом знатного рода Антонинов, или рода Фульвиев Эмилианов, а может быть его следует отождествлять с предполагаемым консулом-суффектом 210 года Гаем Фульвием Максимом. Или может быть, это был Фульвий Диогениан, который во время восстания в 218 году кричал в сенате, что все надеются на смерть Макрина. Тогда это был явный сторонник Гелиогабала.

Консулами 221 года были Гай Веттий Грат Сабиниан и Марк Флавий Вителлий Селевк. На этот раз впервые правительство Месы позволило себе выпустить консульскую власть из узкого круга «своих».

Представитель рода Веттиев, Грат Сабиниан был, вероятно, сыном или внуком знаменитого полководца времён Марка Аврелия и консула-суффекта 175 года Гая Веттия Сабиниана Юлия Хоспета. Всё зависит от года его рождения, которого мы не знаем. Если он родился около 180 года, как, вроде бы, положено по сроку консульства, то он был сыном Хоспета, а если около 190 года, то, внуком. Его *cursus honorum* известен лишь частично. Так о вигинтивирате мы ничего не знаем. Знаем, что Грат был севиром третьей турмы римских всадников (PIR V 331). Из милитий Веттия известен только трибунат в легионе VII Claudia p.f. в

Верхней Мёзии (CIL. 8.823) После этого Грат стал квестором по рекомендации императора, имени которого мы не знаем. Скорее всего, это были Каракалла или Макрин. Уже Меса, видимо, дала Грату должность претора (219 год), ответственного за вопросы, относящихся к опеке. После этого Сабиниан был куратором Фламиниевой дороги и ответственным за снабжение Рима продовольствием (*alimentorum*), вероятно, в 220 году. Затем он был избран консулом в 221 году. Таким образом, при Гелиогабале карьера Грата сделала стремительный рывок. Однако, есть предположение, что Грат умер вскоре после своего консульства. Его сыном был консул 242 года Гай Веттий Грат Аттик Сабиниан и, возможно, консул 250 года Веттий Грат.

Со вторым консулом, Марком Флавием Вителлием Селевком, сложнее. О его происхождении нет никаких сведений. Судя по имени, возможно, он был выходцем из Сирии. Из его карьеры известен только консулат 221 года. Возможна, но крайне маловероятна, идентификация этого сенатора с узурпатором эпохи правления Александра Севера Селевком. В Риме было обнаружено основание статуи, предположительно посвященной Селевком императору Коммоду.

Обнаруженная в Витербо надпись содержит упоминание некоей Вителлин Селевкианы, которая, скорее всего, была родственницей, возможно, дочерью Селевка.

И это всё, определённо, люди Месы. По крайней мере, перечисленные нами, начали своё восхождение либо за много лет до рождения Гелиогабала, либо тогда, когда лично Гелиогабал был юным подростком, которому бабка и мать организовали власть и сам он ничего пока не решал. Люди самого Гелиогабала тогда вращались в его окружении, связанном с культом Элагабала и оргиастическими обрядами, в том числе гомосексуальными. Важные государственные посты они начали занимать не раньше, чем через год, а то и позже. В то время Гелиогабал начал вмешиваться уже и в государственную политику, включая кадры, чем раньше занималась исключительно его бабка. Естественно, маньяк-император действовал в своём стиле. Его выдвиженцами были люди совершенно другого сорта и качества.

Наши древние источники резко критикуют и издеваются над кадровым выбором Гелиогабала. По словам Геродиана, на высшие государственные посты он начал расставлять актеров со сцены и из общественных театров. Согласно Диону, возницам, комическим и мимическим актерам он доверил важнейшие из императорских поручений. Например, возница Протоген стал его ближайшим помощником. Это сообщение подтверждает христианский писатель Тертуллиан. Вольноотпущенник и возничий Кордий (или Гордий), стал командиром вигилов (*praefectus vigilum*). Цирюльник Клавдий стал префектом продовольственного снабжения (*praefectus annonae*). Эмезянин Аврелий Евбул стал прокуратором высшего управления государственными делами (*procurator summarum rationum*). Он ведал

счетами императорской казны и не было ничего, что он бы не отобрал в казну. Погонщик мулов, скороход, слесарь и повар ведали сбором двадцатой части наследства в казну, в довершение всего возница Гиерокл считался кандидатом в Цезари. Кроме того, Гелиогабал продавал должности и звания сенаторов, трибунов в войсках, легатов, прокураторов и места в дворцовых ведомствах [см. Дион по Ксифилину, LXXIX, 15–16; 21; АЖА, Гелиогабал, VI, 1–5; X, 2–5; XI, 1; XII, 1–2; XV, 1–2].

По словам Диона, рабам своим или вольноотпущенникам в меру их известности в постыдных делах он доверил проконсульскую власть над провинциями.

При Антонинах в Риме появилась должность *procurator ad census*, выполнявшего функции контроля над нравами. Её значение особенно было увеличено Севером, чтобы ликвидировать всадническую оппозицию и теперь, по словам наших источников, Гелиогабал назначил руководить воспитанием юношества, следить за благонравием и проверять всех вступающих в сенат или в сословие всадников ещё одного актёра. Кто это был, мы опять не знаем и проверить никак не можем.

Все эти сведения сегодня считаются явным преувеличением. Действительно, ни одного доказанного примера многих из указанных назначений не существует. Предполагается, что, если бы такие назначения были сделаны на самом деле, Дион Кассий, этот приверженец традиций и респектабельности, не счел бы карьеру Комазона «одним из величайших нарушений традиций». Однако, безусловно, нестандартные назначения имели место. У нас нет полного текста Диона, и мы не знаем, что у него было написано. Не знаем и мотиваций его оценок. Так что нет никаких причин отвергать конкретные примеры, приводимые нашими первоисточниками.

Поэтому мы не согласны с теми из современных ученых, которые рисуют совсем иную картину назначений Гелиогабала, чем в древних источниках: картину преемственности и традиционализма. Нам кажется, что за преемственность и традиционализм отвечала Юлия Меса, а Гелиогабал ни в одном, известном нам случае, не показал себя толковым руководителем. Наверняка, всё было не так плохо, как рисуют наши авторы, которые, наверняка, многое преувеличили или не приняли и оболгали, но все попытки как-то объяснить и оправдать дурацкие или похабные поступки и решения Гелиогабала, кажутся нам неубедительными. Он был, в принципе, таким, каким его и описывают свидетели и историки.

Здесь уже можно подвести итоги кадровой политики правительства Месы при Гелиогабале. Несмотря на то, что наша статистика весьма неполна, её можно обработать и оценить. Так вот, результаты не показывают особого притока новых людей. Из двенадцати наместников провинций Гелиогабала, социальное происхождение которых известно, восьмеро принадлежали к старым сенаторским семьям. И на самом

деле это было даже увеличение по сравнению с предыдущими принципатами династии Северов. Не было и большого притока выходцев с Востока. Можно определить географическое происхождение семнадцати наместников. Восемь из них оказались с Востока, семь из Италии и двое из других стран Запада. Это на долю меньше, чем 57 % выходцев с Востока, присутствовавших в сенате в целом во времена Септимия Севера и Каракаллы. Четыре известных консула без Гелиогабала и его двоюродного брата, дают схожие результаты: двое с Востока, двое с Запада и только один (Комазон) не имеет сенаторского происхождения. Итак, доля сенаторов по происхождению составляет 3:1 в пользу сенаторских семей, а это лучше, чем 2,33:1 при Каракалле [Harry Sidebottom: *The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome*. Oneworld, London 2022. 5.192].

Все это служит доказательством «традиционализма» кадровой политики правительства Месы. Но это именно правительство Месы, а как бы действовал Гелиогабал самостоятельно, мы можем только догадываться. Явно, по-другому.

Скорее всего, мы увидели бы на всех важнейших постах тех же собутыльников и любовников Гелиогабала. Интересно другое. Почему Гелиогабал не настаивал на личном назначении верхушки государственных постов, а принял ведущую роль в этом Месы? Похоже, что он, всё-таки понимал свою некомпетентность и вытекающую из неё опасность краха. Кроме того, ему, кажется, это было не очень интересно. Поэтому император-извращенец спокойно доверил эту область управления бабке и занялся тем, что ему нравилось. Иногда он пытался влезть со своими идеями в область высшего государственного управления и тут же сталкивался с жёстким противодействием Месы. Вот, например, он хотел назначить Цезарями бывших рабов Евтихиана и Гиерокла. Он не сделал этого явно из-за противодействия Месы. Ну, и ладно. Для него власть исходила не от высокого поста или статуса, а от близости с императором. Слуга, который отвечал за императорский ночной горшок, обладал гораздо большим влиянием в Палатине, чем патриций, дважды консул, правивший Азией. Таким образом и произошёл тот раздел власти и влияния при Гелиогабале, который позволил этому режиму функционировать около 4 лет.

Это то небольшое, что мы знаем о правлении Гелиогабала, но то, что мы знаем, даёт вполне определённую картину. Безотносительно поведения самого Гелиогабала, власти, вооружённые силы и население империи воспринимали новый принципат как восстановление династии Северов после узурпации Макрина. Это ощущение дало правительству Юлии Месы карт-бланш и время на организацию власти по своему усмотрению. Меса этим и занялась, убирая тех, кого считала опасным, и назначая своих людей на важные посты. Несомненно, политика правительства Месы вполне устраивала римское общество в тех условиях. Отношения с армией, стоявшей на границах, видимо,

ограничивались минимумом, но сирийкам повезло – империя жила в условиях полнейшего мира, если не считать мелких набегов германцев на Рейне. В провинциях тоже было тихо, за исключением восточных, где лучше понимали суть религиозных реформ Гелиогабала и сразу определялись – поддержать их или нет. Например, семь восточных городов, чеканивших свою монету, отнеслись к Гелиогалалу положительно. Это были Александрия Египетская, Неаполь в Самарии, Элия Капитолина (Иерусалим) в Иудее, Лаодикея в Сирии, Иераполис и Аназарб в Киликии, и Юлиополь в Вифинии. Они изображали чёрный камень Элагабала на своих монетах. На монете города Сарды в провинции Азия запечатлен праздник под названием Элагабалия. Фестиваль был связан с введением культа этого бога. Надписи добавляют к этому списку еще два города. В Атталии в Памфилии городской совет и народ посвятили надпись Элагабалу. На другом конце империи – наш единственный пример с латиноязычного Запада – в Альтаве в Мавритании в 221 году, те, кто «владел землей» (*possessores*), построили храм Элагабалу на деньги, собранные за счет пожертвований. Возможно, храм Элагабала был и в Фаустинополе в Киликии.

Таким образом, культ Элагабала существовал всего в одиннадцати городах империи, насчитывавшей более тысячи греческих полисов, а также много городов на Западе. Вряд ли мы чего-то не знаем в этом плане, следы бы остались непременно. Да и мотивы принятия новой веры указанными городами понятны. Это были либо городки, через которые проезжал поезд императора, либо хотевшие улучшить свой статус и находившиеся в конфронтации с соседями. Несмотря на все «разговоры», исходящие от императора, популярность его бога по всей империи была необычайно низкой. И испортил всю политику сам Гелиогабал, усилиями которого римляне быстро теряли доверие к «возрождённой династии».

Он отказался от греко-римской культуры и образа жизни, противопоставив себя имперскому обществу. Его жизненный выбор, бессознательный, конечно, ибо вряд ли Гелиогабал в пятнадцатилетнем возрасте мог и хотел составлять себе философские концепции, составляли религия, секс и развлечения. Ну, ещё была общественная жизнь, хотя последний элемент был вынужденным. Дело в том, что не всех аспектов роли императора можно было полностью избежать. Например, Гелиогабал не всегда мог избежать роли судьи, хотя и там, по словам Диона Кассия, жеманничал. Всю работу за него вели секретари. На этот счёт в Кодексе Юстиниана сохранилась пара юридических документов из числа, так называемых, «ответов на петицию».

Первый, опубликованный 19 февраля 222 года от имени Гелиогабала и его двоюродного брата Алексиана, в тот момент усыновленного

Цезаря, или наследника, был адресован солдату по имени Аврелий Марон. Его стоит процитировать полностью.

«Если ваш отец продал свой дом, принужденный силой, это не будет считаться действительным потому что это было сделано недобросовестно; ибо продажа, основанная на недобросовестности, недействительна. Поэтому наместник провинции, когда к нему обратятся от вашего имени, должен использовать свои полномочия, тем более что вы заявляете, что готовы вернуть покупателю то, что было уплачено в качестве цены».

Документ вполне разумный и взвешенный. Другой, изданный шестнадцатью днями ранее – о юридической процедуре, поручительстве и расходах – еще суше. Но являются ли эти документы настоящими словами Гелиогабала, показывающими совершенно неожиданную сторону своего персонажа: серьезного и исполнительного молодого человека с юридическим складом ума? Вероятно, нет. Похоже, что это Антипатр, секретарь Септимия Севера, заслужил похвалу за то, что составлял императорские письма в нужном величественном тоне [Harry Sidebottom: *The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome*. Oneworld, London 2022. S. 186].

Точно так же не мог Гелиогабал полностью отказаться от личного решения проблем провинциалов. В этом смысле характерным является эпизод с эммауской делегацией. Когда деревня Эммаус в Палестине была разрушена землетрясением, делегация, возглавляемая христианским ученым Юлием Африканом, была отправлена к императорскому двору. Гелиогабал, по-видимому, выделил деньги и позволил восстановить Эммаус как город Никополь. Вероятно, в честь этого события, в Эммаусе был воздвигнут камень с памятной надписью в благодарность за щедрость императора. Два более поздних христианских писателя – Евсевий и Иероним – датируют посольство 221 годом.

Это интрига: христианин обращается к первосвященнику Элагабала в Риме. Современная наука попыталась подтвердить историчность этой встречи двумя способами. Во-первых, утверждается, что надпись из Эммауса называет бога Элагабалом. Но на поврежденном камне сохранились только буквы «ЛАГА». Между G и A есть пробел, что говорит о том, что они принадлежат к разным словам. Так что, это не доказательство. Второй момент, действительно, интересен, но только как косвенное подтверждение. Это текст «Хронографии», написанной Юлием Африканом. Ныне сохранившаяся лишь во фрагментах, это была монументальная хроника почти шеститысячелетней истории от сотворения мира до 221 года нашей эры. Возможно, «Хронография» была преподнесена в подарок императору по случаю посольства и, возможно, даже была посвящена ему. Интересен год окончания «Хронографии». Этот год – 5723 для христиан; 974 с момента основания города для римлян – не содержал ничего такого, что могло бы

послужить кульминационным финалом книги. Им могло быть только то самое посольство, которое возглавлял Секст Юлий Африкан.

За исключением одного момента у Лампридия, ничто не указывает на то, что Гелиогабал проявлял какой-либо интерес, не говоря уже о симпатии к христианству – незаконному культу, который Тацит описал как «смертельное суеверие». И вот, реальная история вполне благосклонного и дружеского общения Гелиогабала с одним из христианских апологетов. Конечно, бывает всякое. У Гелиогабала могло быть хорошее настроение, он мог порадоваться встрече с земляками (относительными, конечно). Но как Африкан не увидел печати смертных грехов на Гелиогабале? Ведь он был умным человеком. Неужели политический конформизм был свойственен и «отцам церкви»? Гадать бесполезно, но «как это часто бывает, как раз в тот момент, когда мы думаем, что приблизились к Гелиогабалу, узнали о нем что-то определенное, император снова ускользает, мучительно недостижимый» [Harry Sidebottom: The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome. Oneworld, London 2022. S. 188].

И ведь общение Юлия Африкана с императорской семьёй успешно продолжалось. Два других более поздних автора – Георгий Синкелл и анонимный хронист Пасхалий – датируют посольство из Эммауса временем Александра Севера. Это, видимо, произошло потому, что при Александре Африкан вернулся и даже поселился в Риме. Юлий Африкан посвятил Александру еще один труд, «Узоры» объёмом в 24 книги, и был назначен им заведовать императорской библиотекой в Пантеоне. Дело, видимо, в том, что мать Александра, Мамея, проявляла интерес к христианству.

Ещё Гелиогабал, раз уж он развернул обширное строительство своих религиозных объектов, был вынужден не поскупиться и на другие постройки. В Риме при нём начался ремонт Колизея, сгоревшего от попадания молнии при Макрине, был построен новый амфитеатр Castrense в садах Надежды, была достроена башня на Сульпициевой улице, которую начал возводить Каракалла, к термам Каракаллы были пристроены портики, законченные, правда, уже Александром Севером. Он же вымостил лакедемонским (изумрудного цвета) и порфировым мрамором дворы в Палатинском дворце и назвал их «антониновскими». Эти каменные полы и дворы существовали до времён Лампридия, когда мрамор вырыли и раскололи.

Теперь о жизненном выборе Гелиогабала. Сначала о религии. В 220 году была закончена перестройка храма Юпитера в храм Элагабала и там Гелиогабал уже развернулся вовсю. Устоявшаяся за века, достаточно аскетичная и сдержанная практика римских религиозных церемоний и обрядов, в мгновение ока была, буквально, взорвана. Вокруг нового храма было установлено большое количество алтарей. Там Гелиогабал начал свои священнодействия. Выходя каждое утро в костюме жреца с нанесённым макияжем, он закалывал и возлагал на

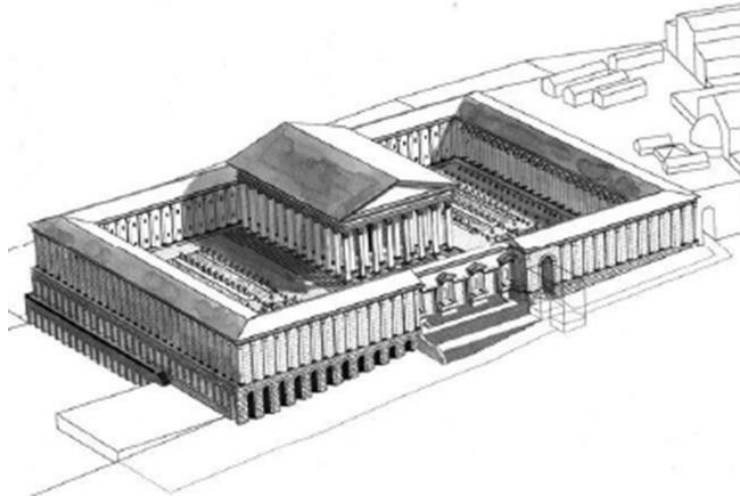
алтари гекатомбы быков и огромное число мелкого скота, нагромождая различные благовония и изливая перед алтарями много амфор очень старого превосходного вина, так что храм истекал потоками вина, смешанного с кровью. Вокруг алтарей он плясал под звуки различных музыкальных инструментов; вместе с ним плясали женщины, его соплеменницы, пробегая вокруг алтарей, неся в руках кимвалы и тимпаны; а весь сенат и сословие всадников стояли кругом наподобие театра. Внутренности принесённых в жертву животных и благовония в золотых сосудах несли над головой не слуги или какие-нибудь простые люди, а префекты лагерей и чиновники, ведавшие важнейшими государственными делами; они были одеты в хитоны с пурпурной полосой посередине, спускавшиеся до пят и имевшие рукава по финикийскому обычаю (каласирус); на них были сандалии, сделанные из льна, как у пророков в тех местах. Он считал, что оказывает величайшую почесть тем, кому он позволяет принимать участие в священнодействии [Геродиан. История V, 6].

Возможно, взиравшие каждое утро на эти ритуалы сенаторы, всадники и принимавшие в них участие префекты и прокураторы рассчитывали, что молодой император скоро перебесится и всё вернётся на круги своя, стоит немного потерпеть, проявить уважение, однако, это было не так.

Археологические работы позволили определить местоположение этого храма на Винья Барберини, слева от главной аллеи, ведущей от Форума и арки Тита.

Сегодня тысячам проезжающих мимо туристов почти нечего увидеть. На части этого места стоит более поздняя церковь Святого Себастьяна. В древности, однако это был внушительный комплекс. Монументальная лестница вела к трем входам через окружающие портики. Внутри храм стоял на высоком подиуме, к которому вели ещё более монументальные ступени, окруженный алтарями и, вероятно, садами по бокам.

Ещё один очень большой и роскошный храм Гелиогабал соорудил в восточном предместье Рима. О нём ничего неизвестно. У Лампридия (Гелиогабал XIII, 5) сказано, что Гелиогабал удалялся в «сады древней Надежды». Действительно, существовал древний храм Надежды, названный так в честь победы консула Гая Горация над этрусками в 477 г. до н. э. (Дионисий Галикарнасский IX, 24; Тит Ливий II, 51, 2). По имени этого храма была названа местность в районе Пренестинских ворот. Вероятно, что именно там находилось предместье, где был построен храм.

Реконструкция храма Элагабала на Палатине

Туда Гелиогабал ежегодно в разгар лета стал привозить истукан Элагабала (таким образом, это должно было случиться всего два раза). Поставив истукан на колесницу, разукрашенную золотом и драгоценными камнями, он вывозил его из города в предместье. Колесницу везла шестерка белых коней, огромных и без единого пятна, украшенных в изобилии золотом и разноцветными бляхами; вожжи никто не держал, и на колесницу не всходил человек, вожжи были брошены на истукан, как будто возничим был он сам. Гелиогабал бежал перед колесницей, отступая перед ней, глядя на своего бога и держа узду коней; он совершал весь путь, пятась назад и глядя вперед на бога. Чтобы он не споткнулся и не поскользнулся, не видя, где ступает, насыпали много золотого песка, а телохранители с обеих сторон удерживали коней, заботясь о его безопасности во время такого бега. Народ же бежал с обеих сторон, неся разнообразные факелы, бросая венки и цветы; впереди несли статуи всех богов и все ценные приношения, все императорские знаки и ценные сокровища. Также впереди ехали *equites si ngu la res* и шли преторианцы. Это слегка напоминало процессию триумфа, может поэтому воспринималось народом положительно. Возле храма были воздвигнуты очень большие и высокие башни и взойдя на них, Гелиогабал, по словам Лампридия и Геродиана, бросал толпам, позволяя всем расхватывать, золотые и серебряные кубки, разнообразные одежды, ткани и всяких домашних животных, кроме свиней, – от этих последних он, по обычаю финикийцев, воздерживался. При этом многие, якобы, погибали, растаптываемые другими и натываясь на копья воинов, так что его праздник многим приносил горе.

Сайдботтом считает, что Гелиогабал разбрасывал всего лишь жетоны. Настоящие подарки должны были быть востребованы по этим

жетонам позже. Британский историк ярко иронизирует над впечатлениями, складывавшимися у читателей Геродиана и Лампридия: зрители, разрывающиеся между жадностью и страхом, съеживаются, когда тяжелые кубки, рулоны тканей и всякие животные, сбрасываемые лично субтильным императором, падают вниз. Однако, сбрасывать подарки могли воины или слуги и сбрасывать только то, что было лёгким и безопасным. Скот могли выводить. В общем, точно мы не знаем, как там всё происходило. А насчёт погибших, вспомним Ходынку. Так что, тут тоже, ничего выдающегося.

Для своего бога Гелиогабал хотел поставить в Риме огромную колонну, внутри которой можно было бы подниматься вверх по лестнице, и на вершине ее водрузить статую бога Элагабала, но не смог найти такого огромного камня во всей Фиваиде, откуда он думал вывезти его [Элий Лампридий. Гелиогабал XXIV]. Видимо, здесь имеется в виду обелиск, который Гелиогабал приказал найти и привезти из Египта.

Дион Кассий, который, правда, лично не присутствовал тогда в Риме, добавляет (80,11), что Гелиогабал вместе со своей матерью и бабкой пел Элагабалу гимны, что он тайно приносил этому божеству жертвы, закалывая мальчиков и применяя колдовство (для этой цели по всей Италии выбирались знатные и красивые мальчики, у которых были живы отец и мать). Эти жертвы приносили всякого рода маги, а он подбодрял их и благодарил богов, и в то же время он рассматривал внутренности детей и мучил жертвенных животных согласно обрядам своего культа. Последнее утверждает Лампридий (VIII, 2). В самом храме Элагабала он заживо замуровал льва, обезьяну и змею, добавив к ним человеческие гениталии. Совершал он также другие сатанинские обряды и всегда надевал на себя несметное множество амулетов.

Насчёт кровавых жертв сказать ничего определённого нельзя, скорее всего это выдумка или слухи, которые некритично воспринял Дион. Особенно, учитывая личное (но тайное) участие в них Месы и Созмии. Очень вряд ли, чтобы романизированная Меса так подставилась. Уж она-то никакой религиозной фанатичкой не была. Кстати, ни одной фамилии знатных мальчиков, принесённых в жертву, не приводится. Скорее всего, Дион привёл лишь общее мнение о человеческих жертвоприношениях в финикийской религии. Они, действительно, когда-то имели место, но времена давно изменились. Однако у римлян Гелиогабал воспринимался теперь именно как финикиец или даже иудей, ведь он был обрезан и не ел свинины. А римляне к иудеям относились крайне негативно.

Куда более правдоподобна другая история. Согласно Сервию (Схолии к Энеиде VII, 188) во внутреннем святилище храма Весты хранились 7 святынь, среди которых были Палладий (статуя Паллады из Трои) и священные щиты (согласно преданию, во время царствования Нумы Помпилия с неба упал щит с выемками по бокам; от сохранения его

зависело существование Рима, поэтому царь приказал сделать 11 копий щита, чтобы вернее сохранить настоящий; традиционно они хранились в курии салиев на Палатине).

Так вот, Гелиогабал перетащил в храм Элагабала священный огонь Весты, который он вообще сначала хотел погасить, да кто-то умный, видимо, отсоветовал. Потом дошла очередь и до Палладия. Вместе со своими жрецами и любовниками, он ворвался в святая святых Весты, куда имели доступ только девы весталки и понтифики. Сам Гелиогабал был понтификом, но не его жрецы и любовники. Он попытался унести «священное внутреннее хранилище». Что это такое? Поскольку статуя Паллады была невелика, она хранилась в специальном глиняном сосуде (Лампридий. Гелиогабал, VI, 7 9). Вот он и назывался священным внутренним хранилищем. Схватив глиняный сосуд, который он считал подлинным (старшая весталка умышленно указала ему на него, как на подлинный), и, не найдя в нем ничего, бросил его на землю, разбив на куски. Лампридий уточняет, что было сделано много похожих один на другой сосудов для того, чтобы никто не мог когда-либо унести настоящий. Все же он унес какую-то статую, которую он принял за Палладий, и, связав ее золотыми цепями, поставил ее в храме своего бога. Таким образом сумасшедший подросток искал «жену» Элагабалу. Палладий же искренне почитался римлянами, по поверью, обеспечивая безопасность Риму. По преданию, статуэтка была привезена в Италию из Трои Энеем и с тех пор находилась в храме Весты, скрытая в сосуде и невидимая обычным людям. Её даже не сдвигали с тех пор, как она прибыла из Илиона, исключая тот случай, когда храм сгорел при пожаре. И вот Гелиогабал посмел сдвинуть статуэтку и принес в свой храм как бы для брака с Элагабалом. Однако вскоре он, видимо, узнал, что Палладий фальшивый. Тогда он, сказав, что его бог недоволен Афиной как богиней войны, носящей полное вооружение, послал за статуей Урании, которую чрезвычайно почитали карфагеняне и обитатели Ливии. Говорили, что ее поставила финикийка Дидона, когда она, разрезав воловью шкуру, основала древний город Карфаген. Ливийцы называли ее Уранией, или Танит, финикийцы же именовали Астартой, желая отождествить ее с луной. Утверждая, что брак солнца и луны является вполне подходящим, Гелиогабал послал за статуей и за всем храмовым золотом в Карфаген и приказал, чтобы там собрали вдобавок огромную сумму денег на приданное богине. Сопrotивляться воле императора и верховного понтифика никто не посмел. Привезенную статую он выдал замуж за чёрный камень Элагабала, приказав всем людям в Риме и Италии предаться всенародно и частным образом всевозможному веселью и пиршеству, так как боги вступали в брак. Занимался этим, по-видимому, Дион Кассий как проконсул Африки, который и описал это дело. Он отметил, что собранные гражданами деньги были возвращены после смерти Гелиогабала. Сам

же Гелиогабал заявлял, что не получил от Урании ничего, кроме двух золотых львов, которых он переплавил.

Перетащил он в свой храм и священные щиты из курии салиев на Палатине. Однако юному маньяку этого было мало. Он принял посвящение в таинства Матери богов (Кибелы) и совершил тавроболии, чтобы отнять ее лепное изображение и другие святыни, которые хранились внутри святилища. Тавроболиями назывались жертвоприношения быка в честь Кибелы. Обряд был мерзкий, но, что характерно, привёз его в Рим сам философ и миротворец Антонин Пий. Суть обряда заключалась в том, что выкапывалась большая яма, которую сверху накрывали помостом с просверленными в нём отверстиями. На помост выводили быка, которого убивали, закалывая или перерезая горло. В яме под помостом находился жрец в парадных шёлковых одеждах. На него стекала жертвенная кровь быка, которая «очищала и возрождала душу, служа залогом вечной жизни». Роль именно этого жреца и сыграл Гелиогабал. По словам Лампридия, во время обряда он тряс головой среди кастрированных изуверов-жрецов, подвязывал свои половые органы и делал все, что обычно делают галлы (жрецы Кибелы). После этого, Гелиогабал получил право на святыни Кибелы. Он перенес их во внутреннее хранилище своего бога. Он также хотел доставить в Рим священные камни Кибелы из их собственного храма в Пессинунте, а изображение Кибелы или Астарты Лаодикейской из ее святая святых, куда его, по преданию, поставил микенский царь Орест, сын Агамемнона.

И это было ещё не всё. Гелиогабал учредил в Риме культ сирийской богини Саламбо – возлюбленной Адониса (Таммуза). Жалобными криками и воем он сам изображал плачущую по погибшему Адонису Саламбо.

Лампридий рассказывает о привлечении Гелиогабалом животных к своим обрядам. Так, однажды он гнал по Ватикану четыре четверки слонов, разрушив при этом стоявшие на пути гробницы; кроме того, он запрягал по четыре верблюда в колесницу, когда устраивал в цирке зрелище для избранных. Он запрягал в колесницу четырех огромных собак и так разъезжал по дворцу. На виду у всех он выезжал также на четырех запряженных огромных оленях. Запрягал он в свою колесницу и львов, называя себя Великой Матерью (Кибелой); запрягал и тигров, принимая имя Либеры (Диониса), – в этих случаях он надевал такую одежду, в которой изображаются боги, которым он подражал. При этом бывало, что он запрягал в повозку самых красивых женщин – по четыре, по две, по три и более – и разъезжал таким образом; обычно он и сам бывал обнажен и везли его обнаженные женщины [Элий Лампридий. Гелиогабал XXIX]. Этот рассказ иллюстрируется сохранившейся античной камеей, на которой изображен Гелиогабал, погоняющий бичом обнаженных женщин.

Каменя с Гелиогабалом и женской упряжкой

Даже такой хороший специалист антиковед, как Гарри Сайдботтом, не верит Лампридию и совершенно зря. Ведь, например, в отношении женщин, слова Лампридия доказаны изображением этой процессии на камее. А сам Сайдботтом подтверждает реальность оленьей упряжки такой же привычкой одного из готских королей. С Кибелой и Дионисом всё понятно и без уточнений. Думается, что слоны, верблюды и собаки тоже относились к каким-то культам и ничего

Лампридий не придумал. И также для каких-то ритуальных целей Гелиогабал держал в Риме маленьких египетских змей, которых египтяне называют агато-демонами. Рассказывали, что как-то он – с помощью жрецов племени марсов – собрал змей и еще до рассвета, когда народ обычно собирается на многочисленные игры, внезапно выпустил их, так что много народу пострадало от укусов и во время бегства.

При этом, Гелиогабал всех других богов называл служителями своего бога: одних он называл его спальниками, других – рабами, третьих – обслуживающими те или иные его нужды. Таким образом, его секта не была никаким монотеизмом.

Монета Гелиогабала примерно 220 года выпуска в образе жреца с бородой и «рогом» на лбу

В общем, совершенно ясно, что Гелиогабал упрямо и последовательно вёл дело к смене олимпийской религии и римского пантеона богов своим диким, извращённым (в прямом смысле) культом Элагабала, сильно смахивающим на современные западные ЛГБТ и сатанинские эксперименты. Это была лично его религия, которую он же и создавал. Повторим, что ничего общего с истинным культом Элагабала в этом не было, а была попытка превратить личную секту в мировую религию, а Римскую империю – в извращённую теократию. Удайся ему это, даже в одном городе Риме, и относительная религиозная гармония в империи пала бы, мораль рухнула, начались бы религиозные войны и общественный хаос. Империя погибла бы ещё в III веке, подобно Вавилону. То, что римляне позволили такому выродку более двух лет издеваться над их верой и обычаями, говорит о кризисе веры в то время, однако же и скорое свержение Гелиогабала говорит в пользу римского общества, в том числе армии и гвардии. Римское общество присмотрелось к экспериментам Гелиогабала, попробовало их, оценило и решило ликвидировать.

Конечно, жизнь Гелиогабала не ограничивалась религией. Вторым элементом его жизненного выбора были развлечения. Они включали самые безобидные из его занятий. Несмотря на свой высокий религиозный сан, он не чуждался массовых спортивных развлечений, считавшихся низкими. Так, он обожал соревнования колесниц и всегда смотрел их, в отличие от «синего» Каракаллы, предпочитая партию «зелёных». Именно в Большом Цирке он познакомился со своим любовником Гиероклом, упавшим напротив императорского ложа. Но, кроме того, он имел обыкновение, облачившись в зеленые одежды, править колесницей для собственного удовольствия возле своего дворца, судьями на проводимых там состязаниях были видные люди из его окружения, всадники и императорские отпущенники, сами префекты, его бабка, мать, жены и, кроме того, некоторые сенаторы, включая Леона, префекта Города. Все они смотрели, как он разъезжал на колеснице и выпрашивал золото, словно обыкновенный возница, приветствуя устроителей состязаний и приверженцев его цирковой партии.

Ещё он любил спортивную борьбу и особенно симпатизировал атлету Аврелию Хеликсу, побеждавшему одновременно в борьбе и панкратионе. Этот атлет известен по надписи в Остии и аж трём литературным произведениям того времени. Между тем, элейцы на Олимпиаде 221 года, не допустили Хеликса до участия в соревнованиях. Конечно, это был вызов императору-извращенцу,

показывающий, насколько далеко тогда зашло неуважение к нему в Греции.

Между прочим, когда мы используем характеристику «извращенец» по отношению к императору Гелиогабалу, мы не вносим ничего нового или своего. Так называли Гелиогабала уже в его время. Британский историк Джон Макхью упоминает, найденную в Египте астрологическую карту, в которой отмечен «Антонин [Элагабал] извращенец» [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 138].

По утверждению Лампридия, однажды Гелиогабал дал в цирке зрелище морского сражения в каналах, наполненных вином. Перед пиром он часто заставлял гладиаторов и кулачных бойцов сражаться на его глазах. Бывало, он устраивал свою столовую на самом высоком месте амфитеатра и, когда он завтракал, для него выпускали на арену преступников, которые охотились там на диких зверей. Геродиан объясняет это желанием Гелиогабала понравиться народу, для которого устраивались все эти зрелища и пиры. И тут он попал в точку, плебсу это понравилось, как понравилось и участие императора в колесничных бегах, и увлечение атлетикой. Стоит только заметить, что в значительной доле тут совпали интересы плебса и императора, поэтому никаких усилий ему прикладывать не пришлось.

Сам Гелиогабал увлекался музыкой и танцами. Он пел, танцевал, читал под звуки флейты, играл на трубе, упражнялся на пандуре, умел играть на органе. Вероятно, это были самые безобидные его развлечения.

Ещё он увлекался жребиями или «Шансами», которые, по мнению Лампридия, кажется, ранее были неизвестны в Риме. Лампридий ошибается. Любой хорошо информированный современник на момент написания книги (около 300 г. н. э.) – скажем, читатель Светония – знал бы, что эта практика была введена еще в первом веке.

На пирах жребии были у него написаны на ложках таким образом, что одному выпадало десять верблюдов, а другому – десять мух; одному – десять фунтов золота, а другому – десять фунтов свинца; одному – десять страусов, а другому – десять куриных яиц. На играх в жребиях были и десять медведей, и десять сонь, и десять стеблей латука, и десять фунтов золота. В театре в числе выигрышей были и дохлые собаки, и фунт говядины, и тут же сто золотых, и тысяча серебряных, и сто медных фоллисов и тому подобное. Между прочим, такие игры понравились римлянам. Народ принял их с такой охотой, что потом поздравляли друг друга с таким императором. Игры эти остались популярны и после смерти Гелиогабала [Элий Лампридий. Гелиогабал XXII].

В этом фрагменте мы опять видим сознательный или непреднамеренный обман. Дело в том, что перед нами, кажется, зашифрованные названия монет. Один из номиналов таких монет был

введен только в правление Диоклетиана (284–305 годы н. э.). Это как в русском лото, где число 90 называется «дедом», 80 – «бабкой», 77 – «топориками» и так далее. Так что тут мы не видим в пристрастии Гелиогабала ничего предосудительного. И римский народ не видел.

Другой игрой было то, что своим сотрапезникам Гелиогабал задавал – в виде тем – придумывать новые приправы к кушаньям; чье изобретение нравилось ему, тому он давал наибольшую награду: он дарил шелковую одежду, которая была тогда редкостью и потому высоко ценилась, а тому, чье изобретение было ему не по вкусу, он приказывал все время есть это кушанье самому, пока он не придумает чего-либо лучшего [Элий Лампридий. Гелиогабал XXIX]. И опять ничего особенного. Сейчас тоже существуют подобные телепрограммы. В отличие от многих современных авторов, мы не пытаемся выгородить и оправдать Гелиогабала, зачем искать недостатки там, где их нет.

Гелиогабал отличался любовью к пышной роскоши и вычурности. Это тоже вряд ли можно счесть смертным грехом. Не более, чем плохим вкусом и особенностями гомосексуальной психики. Он носил тунику – всю в золоте, носил и пурпурную, носил и персидскую – всю в драгоценных камнях, причем говорил, что он отягчен бременем наслаждения. Он носил на обуви драгоценные камни, притом разные. Он любил надевать диадему, украшенную драгоценными камнями, для того, чтобы от этого становиться красивее и больше походить на женщину [Элий Лампридий. Гелиогабал XXIII].

О Гелиогабале говорили, что он первый из римлян стал носить одежду из чистого шелка – полушелковые в то время уже употреблялись. Но мы знаем, что ещё до Гелиогабала шелковой одеждой пользовался Калигула (Светоний. Калигула 52). Вообще же, ношение шелковых одежд считалось признаком изнеженности. При Тиберии «было принято постановление, воспрещавшее... унижать мужское достоинство шелковыми одеждами (*vestis serica*)» (Тацит. Анналы. 2. 33.1). «Хорошие императоры» отказывались от ношения шелковых одежд (Александр 40. 1; Аврелиан. 45. 4; Тацит 10. 4). В Кодексе Феодосия есть закон, принятый в 384 году, запрещающий частным лицам дарить шелковые одежды (C. Theod. 15.9. 1).

После обеда он часто появлялся перед всеми в далматике – просторной длинной тунике из белого далматского шелка с широкими рукавами до запястий и с пурпурными полосами спереди. Ношение этой одежды тоже считалось римлянами признаком изнеженности.

Он первым из частных людей в Риме, а потом и как император – стал покрывать ложа золотыми покрывалами. У него были ложа, сделанные из массивного серебра. Сам он спал на постели, покрытой заячьим мехом или пухом куропаток.

В то, что Гелиогабал никогда не носил стиранное белье и называл нищими тех, кто пользовался стиранным, поверить можно, но вот в то, что он никогда не надевал два раза одну и ту же обувь, не надевал по

два раза даже кольца, а драгоценные одежды часто рвал – это, конечно, чистые анекдоты. По утверждению Лампридия, Гелиогабал даже испражнялся в золотые сосуды, а мочился в мурриновые и ониксовые. Видимо, это тоже оговор, хотя и укладывающийся в характер императора-извращенца.

Он всегда сидел либо среди цветов, либо среди дорогих благовоний. Он устилал цветами столовые и ложа, и портики, и гулял по ним. Гелиогабал явно не любил плохих запахов, поэтому его слуги окропляли плащи зрителей на состязаниях эссенцией дикого винограда. Он купался в водоемах только в том случае, если туда были влиты ценные душистые мази или эссенция шафрана. [Элий Лампридий. Гелиогабал XIX, XXIV].

По этому поводу даже был сочинен анекдот, рассказывающий о том, как в своих столовых с раздвижными потолками Гелиогабал однажды засыпал своих прихлебателей таким количеством фиалок и цветов, что некоторые, не будучи в силах выбраться вверх, задохнувшись, испустили дух.

Он завёл привычку устраивать пиры с сервировкой различных цветов – сегодня, например, зеленого, на другой день – бледно-зеленого, на третий – голубого и так далее, в течение лета каждый день меняя цвет. Передвигался он исключительно на украшенных драгоценными камнями и выложенных золотом повозках. Кorteжи его тоже отличались пышностью. Согласно Лампридию, в бытность свою еще частным человеком он всегда брал с собой во время путешествий не меньше шестидесяти повозок, причем бабка его Бария кричала, что он растеряет все свое состояние. Став императором, он, говорят, возил за собой даже шестьсот повозок, утверждая, что персидский царь совершает путешествие с десятью тысячами верблюдов, а Нерон отправлялся в путь, имея с собой пятьсот парадных колесниц.

Гелиогабал первым из императоров завел серебряные самоварящие сосуды (authersa) и серебряные котлы с резными украшениями; иногда, порнографическими.

Похоже, что Гелиогабал был кулинаром-любителем. Наши источники подают это как очередное извращение, поскольку для римского императора это было неподобающим занятием, однако, для нас в этом нет ничего необычного. Разве что, и в этом деле Гелиогабала часто заносило.

Чтобы не скучать, Гелиогабал разнообразил свои застолья. Бытовала у него такая форма обедов: один день он ел кушанья только из фазанов и все блюда приказывал делать только из фазаньего мяса, точно так же в другой день – из цыплят, в третий – то из одной рыбы, и так далее [Элий Лампридий. Гелиогабал XXXII].

Пока мы видим перед собой вполне обычного человека с причудами и недостатками, но креативного и увлекающегося. Если бы Гелиогабал ограничился только этим!

Однако, это было не так. То, что мы описали, было лишь небольшой частью его характера и образа жизни. Дальше пойдёт погорячее.

Собственно, смысл жизни для Гелиогабала состоял в придумывании каких-нибудь новых наслаждений, большинство которых были вычурными и пошлыми или откровенно развратными. Всё это сочеталось с паясничанием.

Например, Гелиогабал был безумно расточителен. Стоимость его обедов была ошеломляющей; никогда не меньше 100 000 сестерциев. Лампридий рассказывает, что собак он кормил гусиными печенками. Он сыпал в ясли своим коням грозди апамейского винограда; попугаями и фазанами он кормил львов и других животных. Однажды у него в продолжение десяти дней подавали горох с золотыми шариками, чечевицу с кошачьими глазами, бобы с янтарем, рис с белым жемчугом. Кроме того, жемчугом, вместо перца, он посыпал рыб и трюфеля. Фрукты он соединял с цветами и драгоценными камнями. Это смешение съедобного с несъедобным, но дорогим, как бы предлагало гостям возможность не только поесть, но и одариться, если не подавишься. Что-то из рассказанного, конечно, анекдоты, но, определённо, не всё.

«Он устраивал бассейны для плавания с морской водой, притом далеко от моря, опорожнял их в то время, когда некоторые его друзья плавали в них, и снова наполнял водой с рыбами. В одно мгновение он наполнял водоемы вином, приправленными розами и цветами роз, и мылся со своими приближенными, устраивая в то же время горячие ванны из нарда (эфирного масла). В светильники у него вместо масла наливали бальзам. В своем дворце, в саду он устроил летом снежную гору, привезя снег издалека. Он посыпал золотым и серебряным порошком портик, жалея, что не может употребить таким же образом и янтарь. [Элий Лампридий. Гелиогабал XXIV].

Между прочим, эта привычка Гелиогабала с золотым песком прижилась и ко временам Домината стала обычной в императорских верхах.

«Он дарил своим сотрапезникам все серебро, бывшее на пиру, и весь набор бокалов, и делал это очень часто». Насколько часто, мы не знаем, но случаи такие, наверняка, были.

«В качестве застольных подарков он дарил гостям евнухов, дарил четверки коней, лошадей с попонами, мулов, закрытые носилки, дорожные повозки; давал он и по тысяче золотых, и по сотне фунтов серебра. Своим друзьям он каждый день что-нибудь дарил и редко оставлял кого-либо без подарка;

исключение составляли честные люди, которых он считал пропащими». Красивую последнюю фразу оставим на совести Лампридия [Элий Лампридий. Гелиогабал XXI; XXVIII].

Гелиогабала обвиняли в том, что он выбрасывал в окно столько же блюд, сколько их подавалось его друзьям. И что он подмешивал в водоемы и ванны вино, приправленное розами и полынью, и приглашал

пить простой народ; и сам он вместе с народом пил. А простых крестьян в местностях, далеких от моря, он угощал молоками мурен и морских окуней [Элий Лампридий. Гелиогабал XXXI]. Тут всё довольно просто. Перед нами апофореты [банкетные подарки] как проявления солидарности с низшими сословиями. Если такое и имело место, то в единичных случаях по поводу важных праздников.

Он был экстравагантен. Обычными дневными делами он занимался по ночам, а ночными – днем, считая и это условием роскошной жизни; таким образом, он просыпался и начинал принимать приветствия поздно вечером, а ложился спать утром. В театре он смеялся так, что среди публики было слышно его одного. Надо полагать, ошарашенные зрители просто замолкали, услышав дикий хохот императора, но он этого не замечал. Ещё он приказывал рисовать себя то в виде торговца деликатесами, то в виде продавца благовоний, то – трактирщика, то-лавочника, то-садовника, и у себя во дворце всегда выполнял такие обязанности. Если это правда, то это было всего лишь формой ролевой игры.

Сирийские жрецы предсказали ему, что он умрет насильственной смертью. Гелиогабал отнёсся к этому несерьёзно и шутовски. Паясничая, он заранее приготовил шёлковые веревки красного цвета, чтобы- в случае необходимости – окончить жизнь, удавившись в петле. Заготовил он и золотые мечи, чтобы ими заколоть себя, если какая-либо сила принудит его к этому. В кошачьих глазах, гиацинтах и изумрудах он заготовил себе яды, чтобы отравиться, если ему будет угрожать какая-нибудь серьезная опасность. Лампридий рассказывает очевидную сказку о том, что ещё Гелиогабал построил очень высокую башню и вымостил внизу, под балконом, землю, золотыми, украшенными драгоценными камнями плитами, чтобы броситься вниз; он говорил, что и смерть его должна быть драгоценной и роскошно обставленной: пусть говорят, что никто не погиб так, как он. Сказка – сказкой, но о характере Гелиогабала она говорит [Элий Лампридий. Гелиогабал XXXIII].

Иногда Гелиогабал совершал весьма странные и явно психопатические поступки. Так, однажды, когда в частной беседе зашла речь о том, сколько может быть в Риме людей, страдающих грыжей, он велел всех их переписать и привести к себе в бани и мылся с ними, – а среди них были люди и простые, и весьма уважаемые. [Элий Лампридий. Гелиогабал XXV].

В другой раз он пошутил над рабами, обещая награду тем, кто принесёт ему тысячу фунтов паутины и, говорят, собрал десять тысяч фунтов; при этом он говорил, что уже по этому одному можно заключить, как велик Рим [там же XXVI].

Очень похожи на анекдоты следующие случаи, приведённые Лампридием. Однажды он приказал доставить к себе десять тысяч мышей, тысячу хорьков и тысячу крыс [там же XXVII]. Зачем, непонятно.

Было у него и такое обыкновение: приглашать к себе на обед восемь лысых, восемь одноглазых, восемь подагриков, восемь глухих, восемь черных, восемь длинных, также восемь толстяков, которые не могли уместиться на одной сигме, – чтобы вызвать смех у всех присутствующих [там же XXIX]. В другой раз он приказал взвесить пойманного кита и подал друзьям столько рыбы, сколько весил кит [там же XXXII]. С китом особенно «убедительно».

Даже если все эти странные случаи являются выдумкой, интересно, что их выдумали именно про Гелиогабала и ни про кого другого. Значит, тот кто их слушал или читал, мог поверить в такое поведение императора-извращенца.

Общаться с Гелиогабалом было трудно, а иногда и опасно. Он даже со своими друзьями, а это были, в основном, маргиналы, обращался как садист с домашними животными. Например, многим друзьям попроще он постилал вместо полукруглых лож надутые мехи и во время завтрака внезапно выпускал из них воздух, так что не раз завтракавшие вдруг оказывались под столами. Или приказывал ставить перед ними подобия кушаний, сделанные – то из воска, то из слоновой кости, иногда – глиняные, кое-когда – из мрамора или булыжника, но такие, из каких состоял его обед; при перемене блюд они только пили и мыли руки, словно они в самом деле поели. Иногда своих гостей он угощал обедами из стекла, а иногда посылал им на стол столько украшенных вышивками скатертей с изображениями всех подававшихся на стол видов съестного, сколько бы у него ни было перемен блюд. Иногда перед ними ставились картины с изображениями еды. Бывало, он посылал своим прихлебателям в качестве содержания, вместо продовольствия, сосуды, наполненные лягушками, скорпионами, змеями и тому подобными гадами, а также мухами, которых он называл прирученными пчёлами. Ещё были у Гелиогабала любимые прирученные львы и леопарды. Их, обученных укротителями, он неожиданно приказывал уложить за второй и третий стол, чтобы позабавиться страхом гостей, так как никто не знал, что звери – ручные. Часто он запирали своих пьяных друзей и ночью внезапно впускал к ним этих львов, леопардов, медведей, так что, пробудившись на рассвете или, что было еще страшнее, ночью, они находили в той же комнате хищников. Говорили, что кто-то и умер от испуга. Естественно, эту историю некоторые современные учёные описывают так, что это был вовсе не дурацкий розыгрыш, а неправильно понятый аспект ритуалов культа Элагабала. Ну-ну!

Часто он запирали своих друзей в спальнях покоях вместе с эфиопскими старухами и держал их там до рассвета, говоря, что им предоставлены писанные красавицы. [Элий Лампридий. Гелиогабал XXIV, XXXII].

Во всех этих шуточках виден злой инфантилизм Гелиогабала. Но бывали шуточки и покруче. Так, он привязывал своих прихлебателей к

водяному колесу и путем вращения то погружал их в воду, то вновь поднимал, называя их своими иксионоподобными друзьями. Шуточка злая, но, возможно, не случайная. Ведь мифологического царя лапифов Иксиона Зевс приковал к колесу и пустил по миру за распутные желания, а все друзья Гелиогабала были распутниками.

Сенат к тому времени был совсем ручным и «одобрял» всё, что придумывал Гелиогабал. А он, по отношению к сенаторам, проявлял иногда такое презрение, что называл их одетыми в тогу рабами; римский народ он называл годным только для обработки земли, а всадническое сословие ни во что не ставил. Городского префекта он часто после обеда звал на попойку, приглашая на нее и префектов претория. Если они отказывались пить, то начальники дворцовых ведомств принуждали их. Он непрерывно мучил сенаторов гнусными разговорами о сексуальных извращениях и радовался, когда видел их смущение. Некоторые сенаторы, всё же, ради карьеры, делали вид, что им интересны занятия императора и даже занимались блудом вместе с ним. Интересно, не имеется ли здесь в виду будущий Гордиан II?

Правда, в одном случае, Гелиогабал встретил скрытое вязкое сопротивление сената. Он хотел начать войну против маркоманнов, однако они в то время были союзниками Рима. У сената хватило воли воспрепятствовать этой войне. Кто-то из сенаторов сказал Гелиогабалу, что Марк Аврелий при помощи халдеев и магов, заклинаниями и посвящениями добился того, что маркоманны навсегда стали преданными друзьями римского народа. Причём оракул предсказал, что закончит войну с маркоманнами Антонин. Гелиогабал стал выяснять, что это за посвящения, однако от него это скрыли. Сенаторы и священники понимали, что Гелиогабал хочет уничтожить указанные посвящения, чтобы начать войну. Он считал себя Антонином и мечтал победоносно завершить войну с маркоманнами. Как уж сенаторам удалось отвертеться, мы не знаем, но войны не случилось. Скорее всего, Гелиогабал просто охладел к этой идее [Элий Лампридий. Гелиогабал IX].

Ну, а семейная жизнь у Гелиогабала не складывалась. Ребёнка никак не получалось. В сентябре 220 года он развёлся с Корнелией, заявив, что нашёл какой-то изъян в её теле, приказав ей жить частным человеком и лишив почестей. После нее, притворившись влюбленным, чтобы показать себя мужчиной, он женился на весталке Юлии Аквиллии Севере, допустив тем самым грубое нарушение закона, ибо лишил невинности деву, посвященную богине Весте. Обосновал он свой незаконный брак следующим: «Я сделал это для того, чтобы от меня как верховного жреца и от нее как верховной жрицы родились богоподобные дети». Так вспоминал Дион Кассий, а Геродиан чуть аккуратнее сообщает, что Гелиогабал написал послание сенату, в котором оправдывал свой нечестивый поступок, сказав, что испытал человеческую страсть; он будто бы был охвачен любовью к деве, а брак

жреца и жрицы является пристойным и благочестивым. Мнение самой Аквиллии Северы обо всём этом деле до нас не дошло. Вряд ли Меса и Созмия были инициаторами этого незаконного брака, здесь явно видна извращённая воля самого Гелиогабала.

Институт весталок считался жизненно важным для хороших отношений между римлянами и их богами, а значит, и для безопасности Рима. Как коллегия из шести жриц, они ухаживали за священным очагом Рима и охраняли другие древние и секретные предметы культа в своем святилище недалеко от Форума. Они были посвящены богине Весте и должны были оставаться девственницами в течение тридцати лет. Наказанием за нарушение этого обета была казнь через захоронение заживо. Соблазнитель должен был подвергнуться бичеванию на Форуме, брошен в тюрьму, а затем также казнён.

Можно, конечно, «поддержать» самооправдание Гелиогабала и заявить, что женитьба на весталке была для него способом некоего «объединения» религий, и, может быть, он сам так и думал, но факт остаётся фактом – Гелиогабал грубо и бесцеремонно нарушил древнейшие римские законы и моральные принципы, наплевав на мнение самих римлян, и совершив тем самым ещё один широкий шаг к гибели. И это был ещё один удар по Римской цивилизации. Оказалось, что так можно! И боги ничего не сделали в ответ.

Однако с Аквиллией Северой он тоже долго не прожил. Сложилось два обстоятельства, разрушившие второй брак Гелиогабала. Во-первых, ребёнка опять не было, а во-вторых, армия, всё-таки, заволновалась. Поврежденный и почерневший папирус, найденный в налоговом архиве мелкого чиновника в Египте, указывает на то, что солдаты были недовольны. Это письмо Гелиогабала, вероятно, первоначально адресованное Сенату, но затем разосланное по провинциям для публичного оглашения. В письме, блестяще реконструированном папирологами, император объясняет на латыни причины развода. Строки с четвертой по восьмую можно перевести так: «Она, которая хотела подарить вам моего сына в качестве принцепса, и сама снискать расположение благодаря своему благородному характеру, и благодаря которой, поскольку мне подобает умолчать об остальном, мои самые доблестные и верные солдаты, включая преторианцев... (нашли?) меня (не способным отказать ни в чем из того, о чем они просили?) не должна оставаться в моей спальне» [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 118.].

В следующей фрагментарной строке, по-видимому, упоминается бог Элагабал. Итак, император утверждает, что он развелся с Аквиллией по требованию войск, потому что она не смогла произвести на свет наследника.

Вполне возможно, далее он объявил, что бог Элагабал одобрил это решение и велел ему жениться на ком-нибудь другом. Поэтому он

нашел себе новую жену. Летом 221 года он вдруг воспылил страстью к вдове казнённого им Помпония Басса Аннии Аврелии Фаустине. Семья Фаустины происходила из пафлагонского города Помпейополис. Она состояла в родстве с династией Антонинов через своего деда, консула 173 года, Гнея Клавдия Севера, который был женат на старшей дочери императора Марка Аврелия Аннии Аврелии Галерии Фаустине. Предположительно, отцом новой невесты императора мог быть консул 200 года Тиберий Клавдий Север Прокул. Явно именно этим и объясняется интерес к ней Гелиогабала. Ведь у неё уже было двое малолетних детей – дочь Помпония Уммидия, родившаяся в 219 году, и сын Помпоний Басс, родившийся в 220 году уже после смерти отца. Тем не менее, Гелиогабал женился на ней (в августе), но прожил всего пару месяцев и опять развёлся. Сохранилась только одна ее александрийская монета, датируемая пятым годом, то есть, сентябрем 221 года нашей эры. [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 118.].

Мы видим, что Гелиогабал прожил с каждой из двух своих первых жён примерно по году. Получается, он ждал ребёнка, а когда становилось понятно, что его не будет, разводился и брал новую. Но вот с третьей женой он прожил всего два-три месяца. Почему? Да потому, что её уже нельзя было обвинить в бесплодии, так как у Фаустины уже было двое детей. Гелиогабалу стало ясно, что именно он бесплоден. Обезумевший подросток зимой 221/222 годов женился, на всякий случай, ещё дважды, естественно неудачно. После этого он вновь вернулся к Аквиллии Севере, к которой, видимо, всё-таки, испытывал какие-то чувства. (Дион Кассий. Римская история LXXIX, 9,4). Он был вынужден оставить идею родить ребёнка и глумливо заявил, что не хочет иметь детей, так как среди них кто-нибудь может оказаться честным человеком. Золотые слова, если он, конечно, их произносил.

Между тем, экономика империи при Гелиогабале начала страдать. Об этом говорит состояние финансов. После Септимия и Каракаллы в казне осталось большое количество денег. Однако, уже Макрин растратил значительную их часть. В правление Гелиогабала постепенная девальвация римских ауреуса и денария продолжилась (доля серебра в денарии упала с 58 % до 46,5 %), чему дополнительно способствовала расточительность Гелиогабала, усилившая и без того тяжёлый финансовый кризис, но при этом антониниан укрепился в цене ещё более, чем при Каракалле. Его тогда ещё не успели испортить. Напротив, Гелиогабал даже прекратил чеканку антониниана, что только увеличило его цену. Зато Гелиогабал придумал монеты в два, три, четыре ауреуса, а также в десять и более, вплоть до фунтовых и сотенных. Кто мог использовать такие дорогие монеты? Их потом отменил Александр. Расточительность же Гелиогабала была просто потрясающей. Мы упоминали, что его обеды никогда не стоили меньше

ста тысяч сестерциев, то есть тридцати фунтов серебра; иногда стоимость обеда, если подсчитать все, что было израсходовано, доходила до трех миллионов сестерциев. Своими обедами он превзошел обеды Вителлия и Апиция. При этом, проходя по продовольственному рынку, он лицемерно плакал о нищете народа. Сам он, кстати, имел большие средства, которые многие богачи оставляли ему по завещанию в память его отца (в смысле Каракаллы).

Каждая из 4 или 5 свадеб Гелиогабала очень дорого обходилась римской казне. Только на первую было потрачено 132 миллиона сестерциев. В каждом случае свадебные подарки собирались «от всех его подданных».

Общество ожидало, что император будет раздавать деньги римскому плебсу (около 200 000 человек, зарегистрированных на пособие по безработице) по знаменательным случаям, таким как его восшествие на престол, дни рождения или победы. Они были известны как конгиарии, но рекламировались на монетах как Либералитас. Первый конгиарий Гелиогабала был составлен в 218 году при его восшествии на престол и был распространен, когда он еще находился на Востоке. Второй был в следующем году, чтобы отпраздновать либо его приезд в город, либо его первую женитьбу, а возможно, и то, и другое вместе. Еще два пожертвования отмечали второе и третье консульство: в 220 и 221 годах. Четыре пожертвования за четыре года: самые частые раздачи от любого императора. Призванные завоевать расположение плебса, они послужили поводом для критики элитой безрассудной расточительности молодого императора.

Но и провинции, а также города сами дарили императору большие средства по поводу его праздников, каковых за 4 года можно насчитать больше 11. Это истощало возможности провинций и муниципий, а долги имперское правительство взыскивало беспощадно.

Благодаря уму и бережливости Септимия Севера и Бассиана Каракаллы в Риме имелся запас хлеба на семь лет; Гелиогабал приказал раздать годичный запас хлеба, принадлежащий римскому народу, блудницам, сводникам и продажным мужчинам, жившим в стенах города, пообещав другую такую же выдачу тем, которые жили за городом. В реальности, он истратил даже все хлебные запасы Рима, отчего в 222/223 годах в Городе начался голод и народные волнения.

Вероятно, с конца 220 года психика Гелиогабала начала стремительно разрушаться. Разрушала её, в первую очередь, крайне развратная жизнь, которую Гелиогабал вёл с очень малых лет. Пять принудительных браков смотрятся ерундой на фоне других его художеств. Безудержный секс стал третьим моментом жизненного выбора Гелиогабала.

Рим имел достаточно свободные нравы в области половых отношений, но считалось, что Гелиогабал преступил все границы дозволенного. Римский аристократ внешне должен был быть

безупречен, что бы он ни делал дома или у друзей. Слухи или сплетни принимались нормально, в отличие от открытых проявлений сексуальной распущенности на публике. Жена должна была быть скромной в постели. Секс при дневном свете был социально приемлем только для молодоженов. Секс при зажжённом свете был очень смелым. Поэты-эротики нарушали «правила», когда писали о том, как выглядят их сексуальные партнёры. Разнообразные позы, изображенные в римском искусстве, были созданы проститутками или рабынями, а не скромными жёнами. Но даже проститутки иногда прикрывали свою грудь. Гомосексуализм же всегда осуждался и считался привнесённым в Рим от греков. В армии отношения между солдатами наказывались смертью. В яростной атаке на моральное разложение Римского языческого общества, философ Дион Хризостом включал педерастию наряду с проституцией, супружеской неверностью и сексом до брака в число главных грехов Рима. Но именно это и было характерно для Гелиогабала. Он вёл абсолютно беспорядочную половую жизнь как с женщинами, так и с мужчинами. При этом он отвергал главный принцип полового поведения – римский аристократ не должен был быть пассивным партнёром в сексуальных отношениях с любым полом. Только активным. Иначе он становился маргиналом.

Понятно, что о сексуальном поведении Гелиогабала мы можем судить только со слов тогдашних историков, а насколько их рассказы достоверны, неизвестно. Они могли и преувеличивать, но, с другой стороны, то, что мы знаем о Гелиогабале, не даёт особых оснований сомневаться в принципиальной правдивости этих рассказов. Не нарушай он активно римских общественных правил, никто не стал бы и сочинять о нём всякой грязи. Ведь до нас донесли именно те моменты поведения Гелиогабала, которые выходили за рамки морали. И, судя поэтому, император был явным сексуальным извращенцем, глубоко больным человеком. Кажется, что он ставил своей задачей публично сломать все сексуальные запреты и превзойти все похабные рекорды, в этом причины многих аспектов его поведения.

Чтобы доказать психическую ненормальность Гелиогабала, нам придётся сделать над собой усилие и разобрать некоторые из его сексуальных увлечений. Они приводятся не только у Лампридия, которого можно было бы обвинить в фантазёрстве, но и у свидетеля всего происходившего тогда Диона Кассия, и у современника событий Геродиана. Такое единодушие древних историков заставляет задуматься о том, что эти рассказы не выдумка. Видимо, как и всегда, не всё там можно считать правдой, однако даже анекдоты сочиняются не просто так, а как выражение общего мнения народа о происходящем наверху. Да и других источников всё равно нет, так что анализировать можно только эти.

Итак, говорили, что он никогда не сходил с женщинами по два раза, за исключением своей жены. Скорее всего, он сам так говорил, хвастаясь. У гиперсексуальных подростков такое бывает.

«В своем доме он устроил лупанары для друзей, клиентов и рабов». Судя по дальнейшим рассказам, так оно и было и деньги с клиентов взимались. Это калька храмовой проституции, только Гелиогабал её профанировал и, соответственно, дискредитировал.

«В театральных спектаклях он приказывал по-настоящему исполнять развратные действия, на которые обычно делаются только намеки». Современный постмодернистский театр занимается тем же самым, почему Гелиогабал не мог?

Поскольку Гелиогабал предпочитал пассивный гомосексуализм, «в банях он всегда мылся с женщинами, причем сам натирал их мазью для удаления волос и сам же намазывал себе такой мазью бороду, при этом той же самой, которой натирались женщины, и одновременно с ними. Он собственноручно брил лобки своим любовникам и той же бритвой пользовался потом для своей бороды. По ночам он отправлялся в харчевни, надев парик, и выполнял там работу трактирщиц».

Вообще, к проституткам у него было особое отношение. Он, как-будто, жалел их и всё время пытался им помочь. Например, он часто выкупал блудниц у всяких сводников и отпускал их на свободу. Говорили, что он выкупил пользовавшуюся большой известностью красавицу-блудницу за сто тысяч сестерциев и оберегал ее как девственницу, не позволяя прикасаться к ней.

На эту тему у Лампридия есть ещё одно сообщение: «Однажды он, говорят, набросив на себя, чтобы не быть узнанным, накидку с капюшоном, какую носят погонщики мулов, обошел всех блудниц цирка, театра, амфитеатра и всех других мест Рима; не тронув их, он одарил их всех золотыми монетами, добавляя: «Пусть никто не знает, это дает вам Антонин»» [Элий Лампридий. Гелиогабал XXXII].

Он даже сам пытался заменить проститутку в их «нелёгком» труде. Например, он приходил в известные притоны, прогонял оттуда блудниц и сам продавал себя за деньги. Наконец, он завел во дворце отдельную комнату и там предавался разврату. Обнажившись, он обычно стоял у дверей, как это делают продажные женщины, приоткрывая занавеску, подвешенную на золотых кольцах, и зазывая прохожих нежным и чувственным голосом. В этом деле, как и в остальных, у него было множество соглядатаев, при помощи которых он разыскивал людей, способных его удовлетворить своей распущенностью. Он брал с них деньги и гордился своей прибылью. Он также спорил с соучастниками этого блуда, доказывая, что у него больше любовников, чем у них, и что ему больше платят.

Однажды он собрал в общественное здание всех блудниц из цирка, театра, стадиона, из бань и, словно на солдатской сходке, произнес перед ними речь, называя их соратницами. В ней он рассуждал о

разнообразных сексуальных позах. Потом он созвал на такую же сходку собравших отовсюду сводников, продажных мужчин, мальчиков, и молодых людей. К блудницам он вышел в женском уборе, обнажив одну грудь, а к продажным мужчинам – в одежде мальчиков, занимающихся проституцией; после речи он объявил им, словно это были воины, о денежном подарке по три золотых и просил их молить богов о том, чтобы у него были и другие воины, достойные их похвалы.

Вероятно, особое отношение Гелиогабала к «жрицам и жрецам любви» имеет корни в храмовой проституции, обычной и вполне уважаемой на Востоке, и с которой он сам начинал когда-то, но, конечно, он довёл это отношение до полнейшего извращения, абсурда и дискредитации государственной власти.

Если отношение Гелиогабала к проституции ещё можно чем-то объяснить, то многое в рассказах о его распущенности объясняется только крайней степенью разложения его личности именно в качестве пассивного гомосексуалиста. Так, в Риме у него было одно любимое занятие: он имел при себе рассыльных, которые разыскивали для него людей с большими половыми органами и приводили их к нему во дворец для того, чтобы он мог насладиться связью с ними. Кроме того, у себя во дворце он разыгрывал пьесу о Парисе, сам исполняя роль Венеры, причем одежды его внезапно падали к его ногам, а сам он, обнаженный, держа одну руку у сосков груди, другой прикрывая срамные части тела, опускался на колени, выставляя свой зад, выдвигая его и подставляя своему любовнику. Кроме того, он раскрашивал себе лицо так, как рисуют Венеру; все тело у него было вылощено. Согласно Лампридию, а за этим стоит мнение общества, Гелиогабал видел главный смысл жизни в том, чтобы быть достойным и способным удовлетворять похоть возможно большего числа людей.

«В его жестах и звучании голоса проявлялась манерность. Он не только танцевал в оркестре, но и приплясывал, когда ходил, совершал жертвоприношения, когда обращался с приветствиями и произносил речи. А потом он влюбился в одного из своих любовников и вышел за него замуж. Он даже хотел провозгласить его Цезарем, так что даже пригрозил своей бабке, когда она стала чинить ему препятствия, и испортил отношения с воинами главным образом из-за этого человека». Римские историки справедливо посчитали это дело одной из причин его гибели.

«Мужем» его стал Гиерокл, карийский раб, бывший некогда любимцем Гордия или Кордия, которого скоро назначили префектом вигилов, у которого он научился искусству управления колесницей. Благодаря этому он и расположил к себе императора при довольно примечательных обстоятельствах. Однажды на играх он упал с колесницы прямо напротив кресла Гелиогабала, и при падении с него слетел шлем, так что своей внешностью он привлек внимание императора (ибо он был безбородым, а его голову украшали золотистые

волосы), и его тотчас уволокли во дворец, где он еще больше пленил императора ночными утехами и стал очень влиятельным человеком. Для многих, он обладал даже большим могуществом, чем сам император, и никого уже не удивило, что его мать, будучи еще рабыней, тогда была доставлена в Рим по его приказу и причислена к женам консуляров. Насколько эти истории правдивы, сказать сложно. Римские историки брезговали описывать все эти извращения, да и стыдно им было за великий Рим, дошедший до жизни такой, но раз уж написали, значит истории эти были широко известными.

Гелиогабал называл себя «женой», «госпожой» и «царицей», прятал пряжу, иногда носил женскую головную повязку и подводил глаза, окрашивая их белилами или красной краской. Однажды он сбрил бороду и устроил праздник в честь этого события, а затем отрастил волосы по-женски. Также по-женски, он хотел стать изменницей, дабы уподобиться в этом отношении развратнейшим из женщин, заводил любовников и часто по доброй воле оказывался пойман с поличным, а «муж» осыпал его за это грубой бранью и бил до синяков. Любовь Гелиогабала к этому человеку была не мимолетным увлечением, но чувством сильным и прочным, а потому побоями он не только не возмущался, но, напротив, любил за это «мужа» еще больше и в самом деле желал объявить его Цезарем.

Только однажды между ними случилась размолвка. Причиной её стал Аврелий Зотик, уроженец Смирны, получивший в силу занятия своего отца прозвище «Мясник». Этот Аврелий не только всем телом был красив, ибо являлся атлетом, но и значительно превосходил остальных людей величиной своего мужского органа. Соглядатаи, собиравшие подобные сведения, доложили об этом императору, и тогда Аврелий был внезапно схвачен и доставлен в Рим в сопровождении огромной свиты. Он был назначен спальником прежде, чем Гелиогабал его увидел, удостоился имени деда императора Авита и, увенчанный гирляндами, словно на празднике, вошел во дворец, освещенный множеством факелов. Заметив его, Гелиогабал вскочил, прихорашиваясь, и, когда тот обратился к нему с обычным приветствием: «Здравствуй, господин император!», удивленно изогнув по-женски шею и бросив на него томный взгляд, ответил без колебания: «Не называй меня господином, ибо я – госпожа». Гелиогабал немедленно принял вместе с ним ванну, и, обнаружив, что молва о нем – сущая правда, вспылал еще большей страстью, и, улегшись с ним в обнимку, принял трапезу, прислонившись к его груди, словно возлюбленная [Элий Лампридий. Гелиогабал V, 3; Геродиан. История V, 13-14]. Затем Гелиогабал вышел замуж за Зотика, отпраздновав пышную свадьбу. Какое-то время Зотик пользовался огромным влиянием на Гелиогабала и вообще в Риме, каковое влияние использовал для личного обогащения [Элий Лампридий. Гелиогабал X].

Гиерокл, опасаясь, как бы Аврелий не покорил императора еще больше, чем он, при помощи виночерпиев подмешал Аврелию какое-то снадобье, которое ослабило его мужскую силу. И после ночи мучительного бессилия он лишился всех почестей, которых удостоился ранее, был изгнан из дворца, из Рима, а затем вообще из Италии, но это спасло ему жизнь [АЖА. Гелиогабал V, 3; Геродиан. История V, 13-14; Дион Кассий. Римская история. 80, 14-16].

Вышел ли Гелиогабал опять замуж за Гиерокла, или он не удосужился развестись, мы не знаем, возможно, это уже никого не интересовало.

Гелиогабал настолько обезумел, что даже обращался к лекарям с просьбой путем рассечения создать в его теле женский орган, посулив им за это огромную сумму денег [Дион Кассий. Римская история 80, 17; Зонара. Хроника. XII. 14].

На современном Западе этот парень прошёл бы на ура, но в позднеантичном Риме кое-какая мораль ещё сохранялась, поэтому песенка извращенца была спета. Понятное дело, народ-воин, во что бы он к тому времени ни превратился, долго терпеть такую откровенную мерзость не мог. Удивительно, что Гелиогабал продержался довольно долго. Мы помним, что первое возмущение войск против него произошло уже через полгода после прихода к власти. Если бы он не разослал армию по провинциям, его, несомненно, убили бы раньше. Тем более, что он совершенно не понимал важности опоры на армию. На смертном одре Септимий Север посоветовал своим сыновьям обогащать солдат и презирать всех остальных. Каракалла принял эти слова близко к сердцу, повысил воинам жалованье впервые со времён Домициана, маршировал и ел со своими воинами и заставлял сенаторов, таких как Дион Кассий, ждать у его дверей весь день, пока он пил с простыми солдатами. Да и сам Гелиогабал, во время восстания в Сирии, пусть и с подачи бабки, обратился к солдатам в Рафанее и удержал их от бегства при Имме. Позже, став императором, в письме к своим провинциальным подданным, он писал о своих «самых доблестных и преданных солдатах, включая преторианскую гвардию». Кассий Дион сохранил фрагмент речи Гелиогабала, обращавшегося к сенату: «Да, вы любите меня, и, клянусь Юпитером, то же самое делает население, а также легионы, но я не угождаю преторианцам, которым я продолжаю так много отдавать». В другом отрывке историк пишет, что император был «больше всего привязан» к солдатам, но они – как и все остальные – ненавидели его из-за его распутства.

Возможно, Гелиогабал действительно верил в преданность и любовь солдат, и даже преторианцев. Автократы известны своим самообманом. Однако, оказавшись в Риме, он предпочел не следовать примеру человека, которого называл своим отцом. Гелиогабал ничего не сделал для укрепления своих отношений с войсками, он не повысил им жалованье, не проводил с ними время, посещая их лагеря и выступая в

качестве товарища-солдата (commilito). Он не ходил с ними в походы. Так что, лучше нам проигнорировать рекламные речи Гелиогабала и прислушаться к его же словам, приведенным Дионом Кассием: «Я не хочу титулов, полученных в результате войны и кровопролития; мне достаточно, чтобы вы называли меня Благочестивым и Счастливым». Вот тут он был честен, но такой пацифизм как раз не был качеством, которого солдаты ожидали от римского императора.

Глава 3

Избавление

В Риме из военных извращения Гелиогабала лично наблюдали только преторианцы и другие гвардейцы, legionеры II Parthica, да вигилы с городскими когортами. Однако, хватило и этого. Тем более, что даже римский плебс скоро возненавидел извращенца, истощившего ресурсы Города, и сигнал, им поданный, чётко уловила гвардия. Мало того! Даже собственная семья, которая на деле и управляла империей, не позже 221 года поняла, что извращенца надо убирать. Осознание того, что они сделали ошибку, выдвинув Гелиогабала в императоры, к Месе, да и Созмии пришло ещё раньше. Им стало понятно, что скоро всё кончится всеобщим восстанием. Однако, власть сирийки терять не хотели. У них был ещё один козырь, который они и решили использовать. Ведь у Месы была ещё одна дочь – 42-летняя Юлия Авита Маменя, младшая сестра Юлии Созмии. Первым браком она была замужем за бывшим консулом, которого мы не знаем, и сохранила принадлежность к сенаторскому сословию даже после того, как после смерти мужа вновь вышла замуж за Марка Юлия Гессия Марциана, всадника из Арки (провинция Сирия). Второй брак был заключен во время правления Септимия Севера. 1 октября 208 года у Гессия Марциана и Мамеи родился сын Марк Юлий Гессий Бассиан Алексиан.

Лампридий, возможно, путает дату рождения Алексиана, указывая 13 июня. Однако, так называемый «Хронограф 354 г.» (называемый также по имени каллиграфа «Календарь Филокала») приводит как дату рождения Александра Севера 1 октября (ср. CIL. I³, 274). Кто тут прав, сказать сложно.

Как рассказывает Лампридий (Александр Север. V. 1–2), он получил имя Александра потому, что родился в храме, посвященном Александру Великому в Арке, так как случилось, что отец его вместе с беременной женой пришли сюда в день праздника Александра для выполнения религиозных обрядов. В действительности Александр Север получил имя Александр вовсе не при рождении, а при провозглашении цезарем. [Ср. Дион. 79. 17. 3; Геродиан. 5. 7. 3]. Но в Арке рассказывали, что и

первого представителя этой туземной династии, получившего римское гражданство от Августа, также звали Александр.

Юлия Мамея

Теперь Алексиану было 12 лет и вот его-то Меса и решила поставить императором вместо Гелиогабала. Ей как-то удалось убедить Гелиогабала усыновить своего двоюродного брата. Возможно, его уверили в том, что своего сына у него уже никогда не будет, а наследник нужен. Так почему бы не объявить наследником двоюродного брата, ведь он близкий родственник. Геродиан уточняет, что Меса убедила Гелиогабала, подыграв ему в его религиозных чувствах, сказав, что ему следует заниматься жречеством и культом, но должен быть кто-то другой, кто бы ведал человеческими делами, которому можно предоставить те дела государя, которые не требуют забот и хлопот; для этого не надо искать чужого и постороннего, а лучше вручить это двоюродному брату. Когда три женщины начинают уговаривать одного мужчину, пусть даже такого, как Гелиогабал, у него нет ни одного шанса. Таким образом, по настоянию Месы, Мамеи и Созмии 26 июня 221 года Гелиогабал усыновил Алексиана, изменив ему имя на Марк Аврелий Александр Север и сделал его Цезарем; римский сенат постановил, чтобы девятнадцатилетний Гелиогабал считался отцом двенадцатилетнего Александра. Вот как это произошло. Он привел Алексиана в сенат и, поставив по обеим сторонам от него Месу и Созмию, которые, по-прежнему вопреки закону присутствовали на заседаниях сената, произвел обряд усыновления, себя же поздравил с

обретением столь взрослого сына, хотя сам был немногим старше его, и заявил, что воздержится от того, чтобы иметь других детей, дабы не создавать хлопот для домочадцев. Он утверждал, что совершить усыновление ему приказал его бог Элагабал, так же, как и назвать приемного сына Александром.

Поздние христианские писатели приписывали возвышение и всю заботу об Александре его матери Юлии Мамее (Никифор Каллист, Церковная история V, 17), но здесь чувствуется их пристрастие за ее предполагаемое обращение в христианство (Орозий VII, 18, 7), слухи о котором базировались на ее контактах с Оригеном (Евсевий. Церковная история VI, 21). Все ранние источники подчеркивают, что основное влияние на назначение Александра оказывалось Месой; в частности, Ульпиан, знаменитый учитель Александра, был назначен к нему вопреки желанию Мамеи (Элий Лампридий. Александр Север LI, 4), очевидно, с подачи Месы.

Номен «Север» связывал Александра с основателем династии Септимием Севером. Дав Александру этот номен, Гелиогабал и Меса подчеркнули римское наследие династии, маскируя свое восточное происхождение. Дата официального объявления об этих новых имперских договоренностях также была тщательно выбрана, чтобы повторить императора-основателя Августа, который когда-то 26 июня объявил об усыновлении своего пасынка Тиберия, и тем самым утвердил его как наследника. Цель Месы состояла в том, чтобы заявить, что корни нынешней династии можно проследить через Антонинов вплоть до первого императора Рима. Ни для кого не было секретом, что легитимность притязаний Гелиогабала и Александра Севера на трон основывалась на слабом основании. Официальная имперская пропаганда продолжала распространять фикцию о том, что Гелиогабал был незаконнорожденным ребенком Каракаллы, но то же самое утверждение, сделанное от имени Александра Севера, теперь исчезает. На монетах 221 года Цезарь упоминается как сын Гелиогабала и внук Каракаллы. Очевидно, Гелиогабал, всё-таки, был озабочен снижением статуса своего кузена.

Дата усыновления Александра Севера 26 июня 221 года определена по *Feriale Duranum* – военному документу из Дура Европос. Ну, и, как мы видим, в состав полного имени нового Цезаря вошло имя Марка Аврелия – самого знаменитого из Антонинов.

10 июля новый Цезарь был кооптирован в священство *sodales Antoniniani*. Были выпущены монеты, датированные 221/222 годом, с изображением Марка Аврелия Александра Цезаря в роли *princeps iuventutis* – символического лидера знатной молодёжи.

Наконец, чтобы укрепить иллюзию единого дома, было решено, что и старший Август, и младший Цезарь разделят ординарное консульство 222 года. Тогда год будет носить их имена, что снова подчеркнет единство императорской семьи. Наместникам и чиновникам империи

были разосланы письма с извещением об этих новшествах, которые должны были быть доведены до жителей провинций. Но, между прочим, граффито из лагеря когорты вигилов, датированное 221 годом, придает Александру тот же статус, что и Гелиогабалу. Другая надпись называет Александра «Augg», а двойная буква «г» означает, что он воспринимался как полный соправитель императора. Таким образом, гарнизон Рима уже тогда считал Александра равным Гелиогабалу, хотя, возможно, эти надписи сделаны в конце года после восстания гвардейцев.

Дион Кассий (80, 18), как всегда находит «верное» предзнаменование возвышения новоиспечённого Александра. Он рассказывает историю, похожую на историю Хлестакова или Остапа Бендера, суть которой заключается в том, что незадолго до этого некто, именующий себя Александром Македонским и всей своей внешностью, и одеянием на него похожий, неизвестно как появившись в окрестностях Истра, начал оттуда свой путь и проследовал через Мёзию и Фракию, пируя в окружении четырехсот мужей, снабженных тирсами и шкурами молодого оленя, и не причиняя никому зла. Все, кто находился тогда во Фракии, пришли к выводу, что кров и пища предоставлялись им исключительно за счет государства, и ни одно должностное лицо, ни один воин, ни прокуратор, ни правители провинции не осмелились воспротивиться ему словом или делом, и он, совершая свой путь в дневное время, словно в торжественной процессии, достиг, как сам предсказывал, Византия. Затем, отправившись морским путем, он сошел на берег в Халкедоне и там, совершив какие-то священные обряды и похоронив деревянную лошадь, исчез. Об этой истории Дион узнал, находясь еще в Азии до того, как что-либо случилось с Гелиогабалом в Риме. Получается, что событие это произошло ещё в начале 219 года, когда Гелиогабал зимовал в Никомедии. Какая-то секта нахально прошла по Мёзии и Фракии, а ошарашенные двумя переворотами и слухами о крайней религиозности нового императора власти этих провинций, закрыли на это глаза. Зачем Дион вспомнил об этом случае через три года, не совсем понятно. Видимо, не нашёл другой подходящей приметы.

Юный Александр вырос совершенно в иных условиях, нежели Гелиогабал. «Мамея, мать Александра, отвращала своего сына от занятий постыдных и неприличных для императора, она тайком приглашала учителей различных наук, занимала сына изучением разумных предметов, приучала его к физическим упражнениям, подобающим мужчине, – вообще, давала ему греко-римское воспитание» (Геродиан. История императорской власти после Марка. V. 7).

На начальной, элементарной стадии образования (чтение, счет, письмо) учителями Александра были Валерий Корд, Тит Ветурий и вольноотпущенник его отца Аврелий Филипп, описавший впоследствии

жизнь Александра. На второй стадии обучения (с 11 лет) его учили грамматике и риторике греческий грамматик Негон, ритор Серапион, философ Стилион. По прибытии в Рим, в группу воспитателей Александра вошли шестнадцать сенаторов, которые контролировали весь распорядок дня мальчика. Здесь к нему были приставлены знаменитый грамматик Скаврин, сын Скаврины, учителя Луция Вера, внук Скаврины, грамматика у Адриана (АЖА. Луций Вер II, 5), риторы Вебий Макриан и Юлий Граниан (Элий Лампридий. Александр Север III, 2). Там же упоминается в качестве учителя Александра знаменитый римский ритор и писатель Юлий Фронтин, однако Фронтин умер ещё в 103 году, так что здесь, по-видимому, имеется в виду софист Фронтон из Эмезы, который был главой литературного кружка в Афинах и соперником Филострата (см. о нем Свиды). К Александру были также приставлены знаменитый ритор Сильван и знаменитый юрист Ульпиан (ставший, вероятно, опекуном юного Цезаря).

Вот только, когда Александр был объявлен Цезарем, Гелиогабал пожелал обучить его основам своего культа. И тут он натолкнулся на резкое противодействие матери Александра Юлии Мамеи, прекрасно понимавшей всю пагубность этих занятий. Зачем женщинам Северов был второй Гелиогабал? Вероятно, на какое-то время ей удалось оградить сына от влияния извращенца. Однако, очень скоро Гелиогабал начал активно давить на Мамею и Александра. Классическое образование кузена было ему явно не по нутру. Он-то хотел превратить Александра в своё подобие. Началась борьба. Для начала он прогнал из императорского дворца всех учителей Александра, а некоторых из них, самых знаменитых (например, ритора Сильвана), казнил или осудил на изгнание, предъявив им смехотворные обвинения, будто они развращают его названного сына тем, что не позволяют принимать участие в ритуалах культа Элагабала. Изгнан был и Ульпиан [Элий Лампридий, Александр Север, II, 4; Гелиогабал XVI, 4].

Тем не менее, бабка, мать и тётка, которых безумный император пока не решался трогать, не допускали дружков Гелиогабала к «воспитанию» Александра. Как не допускали и самого Гелиогабала. Они твёрдо решили воспитывать мальчика сами. Очень скоро Гелиогабал раскаялся в том, что сделал Александра сыном и соправителем. Это понятно, поскольку Александр был полной противоположностью кузена.

Однако, было уже поздно. Сначала Рим, а потом и население всей империи, стали явно демонстрировать своё предпочтение Александру. Это вызвало ревнивую ярость Гелиогабала, который тут же переменял своё к нему отношение и решил сначала убрать Александра, но у него ничего не получилось, а потом и убить его. Это решение было принято уже в 221 году. Геродиан сообщает, что мать Александра Мамея не позволяла мальчику принимать никакое питье или пищу из того, что посылал Антонин; мальчик пользовался услугами поваров и

виночерпиев не императорских и находившихся на общей службе, а выбранных лично его матерью и считавшихся наиболее надежными (V. 8).

Он же добавляет, что все козни Гелиогабала отвращала и предупреждала их общая бабка Меса, женщина во всех отношениях опытная, многие годы прожившая в императорском дворце как сестра Юлии (Домны), жены Севера, и вместе с ней проводившая все время во дворце. Она знала обо всех замыслах Гелиогабала, так как он с рождения был вздорным и без утайки открыто говорил и делал все, что замышлял (там же). Возможно, что он проговорился и о том, что хочет отравить Александра.

Тогда осенью 221 года (возможно, в ноябре или декабре) Гелиогабал потребовал от сената, чтобы у Александра был отнят титул Цезаря; преторианцам он отправил письмо с разъяснением этого требования. Он даже послал людей, чтобы замазать глиной титул на статуях Александра в лагере преторианцев. Имеется в виду храм Марса внутри преторианского лагеря, в котором были собраны знамена и статуи императоров. Но и воины, и сенат выступили резко против этого (Элий Лампридий, Гелиогабал, XIII, 1-2; 6-7). Интересно, что преторианцы и сенат здесь выступают вместе, что бывало крайне редко. Именно это необычное единство впервые бросило реальный вызов власти Гелиогабала и он ничего не смог сделать. Тем более, что и реальное правительство сириек тоже оказалось не на его стороне. Честно говоря, с сенатом возникает большая проблема. Очень сложно поверить, что запуганный орган проявил такую твёрдость, а Дио Кассий этого не заметил, но, может быть, до нас просто не дошёл текст Диона? Или сенат как-то извернулся, ничего не подписывая и ни в чём не участвуя. Или он проявил твёрдость по договорённости с сирийками и под их гарантии.

Внезапно Гелиогабал ощутил угрозу своей власти и жизни. Сгоряча он подослал к Александру убийцу, а кроме того, начал уговаривать его тогдашних воспитателей умертвить его в бане, ядом или мечом, обещая награды и почести. Сам он в этот момент удалился из Рима в свой новый храм в восточном пригороде (сады Древней Надежды), где молился о смерти кузена. (Элий Лампридий, Гелиогабал, XIII, 4-5; 8).

Как-то узнав об этом, возмущённые преторианцы бросились на Палатин и увели оттуда Александра, его мать Мамею и бабушку Месу в свой лагерь, чтобы защитить их от покушений. Понимая, что преторианцы теперь отправятся в пригород, чтобы убить Гелиогабала, его мать Созмия пешком отправилась в преторианский лагерь в надежде уговорить воинов пощадить сына.

Действительно, преторианцы уже отказались подчиняться Гелиогабалу. Александра же, по словам Диона, начали бдительно охранять. Занимались этим как преторианцы, так и солдаты гарнизона, а руководили всем мать и бабка Александра.

Тогда же Меса и Мамея начали раздавать деньги преторианцам за поддержку Александра. Интересно только, когда конкретно они начали это делать – до требования Гелиогабала об отстранении Александра или после? Если «до», то становится понятным требование Гелиогабала.

Предчувствия Созмии сбылись. Преторианцы действительно бросились в пригород убивать Гелиогабала. Они застали его за подготовкой к состязаниям колесниц. Гелиогабал с нетерпением ждал известия об убийстве Александра, но вместо этого в сады ворвались разгорячённые преторианцы, с криком и шумом начавшие разыскивать императора. Извращенец успел срочно дать задания префектам претория, находившимся тут же при нём. Одного из них он отправил в лагерь, успокаивать основные силы преторианцев, а другого послал навстречу воинам, обыскивавшим сады. Сам же Гелиогабал метнулся в угол и спрятался за спальным занавесом, висевшим у входа в спальню. А что ему оставалось делать? Бежать с виллы без охраны было смерти подобно.

Префект Антиохиан (судя по имени, сириец) встретил в садах своих воинов, которые оторопели от неожиданности, ведь весь мятеж происходил без участия командиров. Их было немного, поэтому эффект толпы не сработал. Антиохиан же сыграл на чувствах дисциплины и долга, твёрдо вбитых в мозги преторианцев, и уговорил их не пачкать руки кровью императора. И мятеж, и встреча с префектом, произошли внезапно, растерявшиеся воины остыли и подчинились.

В лагере же второй префект встретил куда большее сопротивление. Воины отказывались присягать Гелиогабалу. Они поставили условие, чтобы от Гелиогабала были удалены наиболее одиозные фигуры, компрометировавшие власть: Гиерокл, Кордий, Мирисм и еще двое приближенных. Скорее всего, именно это требование и вызвало длительные переговоры с воинами. Извращенец никак не хотел лишаться своих клевретов. О Гиерокле он и множество жалобных речей произнес, и слезы горькие лил, и, указав на свою шею, воскликнул: «Уступите мне лишь одного этого человека, в чем бы вы его ни подозревали, или убейте меня». Провокация не сработала. Для преторианцев, как и для подавляющего большинства населения империи, эти подонки были неприемлемыми фигурами. Гвардейцы спокойно соглашались убить Гелиогабала, если он не выдаст им дружков. Он был вынужден уступить и удалить ненавистные всем фигуры из своего окружения. Но он, хотя бы, сохранил своим любовникам жизнь.

Очевидно, с этими событиями связано и удаление Комазона, которого на посту префекта Рима сменил некий Фульвий.

Дион же добавляет, что сам Гелиогабал тогда был вынужден отправиться в преторианский лагерь вместе с Александром, чтобы успокоить солдат (LXXIX, 19, 2, слл.). Проблема в том, что Александр в

то время уже был в лагере. Так что, возможно, это было уже чуть позже, когда император и его кузен вернулись в Палатинский дворец, а преторианцы продолжали бузить.

По договорённости с преторианцами, Александру и Мамее была предоставлена особая охрана, а префектам претория воины поручили следить за тем, чтобы Гелиогабал прекратил свой прежний образ жизни (см. Элий Лампридий, Гелиогабал, XIV, XV, 3).

Таким образом, этот мятеж против Гелиогабала формально удалось погасить, однако, в реальности преторианцы победили. Им удалось сохранить жизнь и статус Александра и ограничить возможности Гелиогабала. И теперь у Гелиогабала не было никакой поддержки в войсках и гвардии. Он сохранил власть и саму жизнь только благодаря крупным уступкам мятежникам. Теперь он был обречён, но вряд ли понимал это.

Он вообще мало что понимал, поэтому продолжал хорохориться и строить из себя владыку мира. Он интриговал против Александра, и даже отказался участвовать в процессии 1 января 222 года вместе с братом, во время которой они оба, назначенные консулами на этот год, должны были быть формально введены в должность в храме Юпитера на Капитолийском холме. Важнейшая церемония оказалась на грани срыва. Бабка и мать явились к негодю и уговорили его, поскольку преторианцы, в противном случае, вновь грозились убить его. Тогда Гелиогабал, уже в двенадцатом часу дня, надел претексту и явился в сенат, куда пригласил и Месу, лично сопроводив её до кресла. Однако, на Капитолий он идти отказался, поэтому обеты и обряды были совершены там городским претором, как будто консулов не было в городе [Элий Лампридий. Гелиогабал XV, 5–7].

Это был прямой вызов и демонстрация. Гелиогабал показывал, что будет добиваться отстранения Александра. Хотя прямо он об этом не говорил. Однажды юристы, осуществлявшие судебную защиту совместно с императором, желая польстить Гелиогабалу, упомянули о том, как счастлив он, занимая должность консула вместе со своим сыном. Вопреки их ожиданиям одобрения или благодарности, Гелиогабал ответил: «Я буду гораздо счастливее в следующем году, ибо собираюсь сделать своим коллегой по консулату родного сына» [Petr. Patr. Exc. Vat. 155 (p. 233 Mai. = p. 127, 21–24 Dind.]. Кого он имел в виду, неясно, но явно не Александра.

Вероятно, уже с января Гелиогабал фактически лишил Александра почестей Цезаря, и мальчика уже не видели ни при утренних приветствиях, ни во время выходов. Преторианцы, однако, требовали его присутствия и возмущались тем, что он был удален от власти.

Напряжение нарастало всю зиму. Вряд ли Гелиогабал изменил свой образ жизни, несмотря на удаление некоторых сообщников. Соответственно, ненависть к нему росла и росло понимание, что избавиться от него можно только одним способом. Раскол в

императорской семье тоже расширялся. У Диона есть невнятное замечание о том, что матери Гелиогабала и Александра тогда начали враждовать между собой и вести агитацию среди воинов за своих сыновей (80, 20). Это значит, что Созмия бросила открытый вызов матери и сестре, полностью встав на сторону сына. Конечно, она понимала, что отстранить её сына от власти без его убийства не удастся. И она определилась. Как мать её понять можно, но ситуацию в семье и дворце это, несомненно, накалило. Долго так продолжаться не могло. В марте 222 года Гелиогабал решил вернуться к своей идее убийства Александра. При этом, опасаясь реакции сената, император приказал сенаторам под страхом смертной казни немедленно удалиться из Рима (Элий Лампридий. Гелиогабал, XVI, 1–3).

Вообще-то сенат не мог удалиться из Рима. Известно только, что он выезжал за пределы Города в храм Беллоны для объявления войны и на фестиваль Марса как раз в марте. Возможно, имеется в виду что-то из этого.

Элий Лампридий рассказывает следующую историю, по всей видимости, относящуюся к Публию Катию Сабину, другу Каракаллы. Именно ему посвятил Ульпиан одно из своих сочинений. Узнав, что консуляр Сабин остался в городе, император вызвал центуриона-фрументария и приказал убить ослушавшегося сенатора. Однако центурион, страдавший глухотой, решил, что ему сказали выгнать Сабина из столицы. Так он и поступил, спасши тем самым жизнь Катия [АЖА. Антонин Гелиогабал. XVI. 1–3]. Если такой случай имел место на самом деле, то вряд ли фрументарий был глух. Кто бы его такого держал на важном посту? Возможно, что и среди фрументариев Гелиогабал уже не имел поддержки, и центурион прямо нарушил приказ императора.

Очевидно, удаление сената из Города обеспокоило сторону Александра. Возможно, семье Александра и преторианцам стало известно о новом готовящемся покушении на мальчика, и они решили опередить Гелиогабала, попросту уничтожив его. Дольше откладывать переворот было уже нельзя.

12 марта Гелиогабал распустил слух, будто Александр находится при смерти – он хотел понять, как воины воспримут эту новость. Несомненно, Гелиогабал играл с огнём. Никаких средств против преторианцев у него не было, но маньяк упрямо «дёргал тигра за усы». Естественно, не видя мальчика и потрясенные слухом о его болезни, преторианцы разъярились до крайности, не послали Гелиогабалу обычную стражу и, запершись в лагере, пожелали увидеть Александра в храме Марса. Так Гелиогабал попал в собственную ловушку. Откажись он показать Александра, преторианцы бы примчались во дворец и убили императора-извращенца. Это он понимал, поэтому был вынужден согласиться на требования воинов. Испуганный Гелиогабал, взяв Александра и усевшись вместе с ним в императорские носилки, прибыл

в лагерь. Вместе с кузенами прибыли и женщины Северов, а также свита Гелиогабала, многие из числа которой, должны были быть удалены от двора. Извращенец же притащил этих людей в лагерь преторианцев. Можно себе представить их ярость. Когда воины, отперев ворота, приняли делегацию и привели в храм лагеря, они с воодушевлением приветствовали и славословили Александра, Гелиогабала же полностью игнорировали. Поскольку конфликт ещё не был улажен, всё августейшее семейство ночевало в храме лагеря. Очевидно, что сирийки всю ночь вели напряжённые переговоры с преторианцами, только теперь, в отличие от 218 года, они действовали против друг друга. Кажется, что Созмий удалось чего-то добиться и это позволило Гелиогабалу воспрянуть духом. Утром 13 марта Гелиогабал, который был взбешён отношением к нему воинов, велел арестовать для наказания тех преторианцев, кто очень заметно и с воодушевлением славословил Александра, как виновников мятежа и беспорядка. Но он неправильно оценил ситуацию как перелом в свою пользу. Как раз этот приказ и стал последней точкой в истории императора-извращенца. Воины тоже понимали, что отступать им нельзя. Отдай они своих друзей на расправу, они показали бы слабость, мятеж был бы подавлен с тяжёлыми последствиями для участников, да ещё пришлось бы отдавать Александра. Вероятно, Меса и Мамея постарались доходчиво разъяснить это воинам. И вот давно копившееся напряжение лопнуло и ярость вырвалась на волю. Преторианцы решились на крайние меры и ринулись убивать императора и его свиту. Дружков Гелиогабала убивали люто, но достойно их жизни. Им отрубали жизненно важные органы и те умирали, истекая кровью. Другим вонзали меч в пах с тем же результатом. Так были убиты Гиерокл, Аврелий Евбул, префект Рима Фульвий, и префект претория, точно не известно, кто именно, поскольку Дион (LXXIX, 21, 1), который сообщает нам об этом, не упоминает его имени. [Элий Лампридий. Гелиогабал, XIV, 7-8].

Сам Гелиогабал, услышав шум и крики убиваемых друзей, спрятался то ли в отхожем месте, то ли в сундуке. Дион пишет, что он попытался бежать, спрятавшись в сундук, который должны были вынести слуги, но он был обнаружен и убит. Видимо, слуги и выдали хозяина. Его мать Созмия погибла вместе с ним, ибо она обхватила его и крепко к нему прижалась. Им отрубили головы, а тела обнаженными протащили сначала через весь город, демонстрируя публике, затем тело женщины где-то бросили, а Гелиогабала швырнули в Тибр с Эмилиева моста, привязав к нему груз, чтобы он не всплыл и не был похоронен. Сначала-то его хотели засунуть в клоаку, но труп туда не пролезал, поэтому пришлось топить в реке [Элий Лампридий. Гелиогабал, XVII, 1-6].

С отношением к Гелиогабалу аристократии и армии мы уже определились. А как к его гибели отнёсся плебс? Городские простолюдины тоже, по-видимому, испытывали неистовую радость.

Именно плебс таскал трупы императора и его матери на крюках по улицам и калечил, а потом утопил тело Гелиогабала.

А ведь Гелиогабал развлекал плебс на всю катушку. Одних раздач при нём было больше, чем при любом императоре. Он строил цирки и бани, аннулировал долги бедняков. Он развлекался вместе с народом. Что же пошло не так? Скорее всего, извращенец зашел слишком далеко. Плебеев, большинство из которых были нормальными семейными людьми, отталкивала религиозная реформа Гелиогабала, унижавшая их старых богов, сексуальный разврат императора: его пассивный гомосексуализм и склонность к трансгрессивным ролевым играм. Император, посещающий бордели в качестве клиента, – это одно, но брать на себя обязанности работников секс-бизнеса – совсем другое. Это потеря лица.

Калигула когда-то укомплектовал бордель во дворце женщинами из элитных семей и это приносило плебсу двойное удовольствие: секс сочетался с унижением аристократии. А тут унижался сам император, выступая в роли женщины-проститутки. Затем, религия. Плебс был предан традиционным богам, в чем христианам пришлось убедиться на собственной шкуре во время гонений позднее в этом столетии. В Риме с особым почтением относились к Юпитеру Оптимус Максимус. Возвышение Элагабала над Юпитером отвратило плебс от Гелиогабала, хотя тут он был как раз активной стороной. Последним фактором было чувство естественной справедливости у плебса. Император, который пренебрег справедливостью, напав на члена собственной семьи, пользовавшегося популярностью у плебса, навлек на себя позор. Александр был популярен, все видели в нём преемника Гелиогабала и пока Гелиогабал «продолжал любить своего двоюродного брата, он был в безопасности». Именно нападение императора на своего двоюродного брата и приемного сына привело его к Тибру.

Сенат, армия, семья и городской плебс – Гелиогабал оттолкнул от себя все четыре важнейших опоры. Он всё делал неправильно и это стоило ему жизни [Harry Sidebottom: The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome. Oneworld, London 2022. S.297-299].

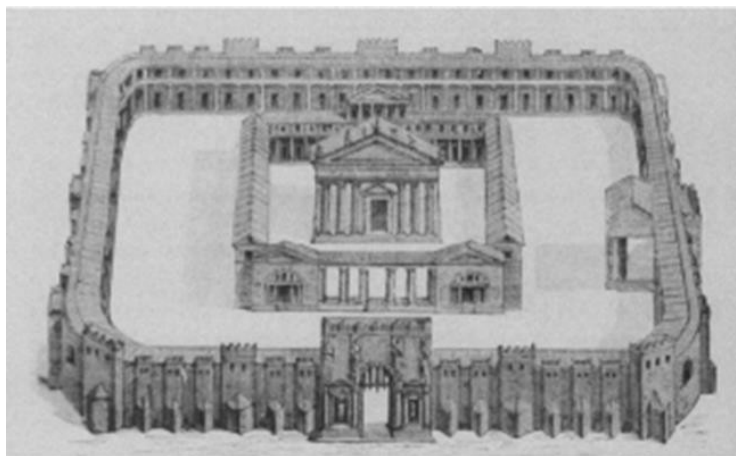
Часть информации, записанная только у Лампридия, как бы не критиковали его учёные, была подтверждена эпиграфическими источниками. Память Гелиогабала и его матери были подвергнуты проклятию. Их имена были удалены с надписей и всех официальных документов, изображения стерты, а завещания аннулированы. Имя Гелиогабала было удалено из официального списка ординарных консулов, а указы, изданные от его имени и от имени Александра Севера, носят только имя второго. Два имперских рескрипта от февраля 222 года сохраняют имя Александра Севера, но уже не имеют имени Гелиогабала. Даже с монет из Никеи были удалены изображения Гелиогабала, а нападения на статуи Созмии были настолько разрушительными, что ни одна из них до наших дней не сохранилась.

Вероятно, была убита и последняя жена Гелиогабала – бывшая весталка Аквилия Севера. Её имя тоже было стерто с надписей, а на ее восточных монетах нанесены контрмарки. Бронзовый портрет из Спарты, идентифицированный как Аквилия, был изуродован в древности, хотя, возможно, это было результатом более поздней кампании вандализма против языческого искусства, проведенной христианами фанатиками. Мы помним, Гелиогабал хвастался, что в следующем году у него будет настоящий сын. Меса и Маменя были безжалостны. Если существовал риск того, что Аквилия была беременна, ей нельзя было позволить остаться в живых, чтобы произвести на свет потенциального наследника убитого императора.

Сохранилась надпись, на которой было стерто и имя Анны Фаустины. Она была предпоследней женой Гелиогабала, разведенной, чтобы он мог снова жениться на Аквиллии. Маловероятно, что ее память была осуждена вместе с памятью императора. Репрессии не зашли так далеко. Есть две другие возможности. Одна из них заключается в том, что провинциалы не всегда были хорошо информированы об императорском дворе. Когда пришло известие о смерти Гелиогабала, надпись Анны Фаустины подверглась нападкам со стороны тех, кто не знал о ее разводе. Или, возможно, во время напряженной борьбы при императорском дворе в последние месяцы правления, она была не только разведена, но и казнена по приказу своего бывшего мужа [Harry Sidebottom: *The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome*. Oneworld, London 2022. S.293–294].

Итак, Гелиогабал и все его видные сторонники были мертвы, а память о них предана забвению. Кроме одного – бога Элагабала. Любой бог, даже тот, которого вы не одобряете, по определению бессмертен. В языческом представлении божество не могло быть убито смертными, равно как и память о нём не могла быть уничтожена. Просто поклонение ему в Риме и Италии могли быть запрещены. Однако, официальный запрет на поклонение богу Эмесы неизвестен. И не было никакого вопроса об объявлении императором или сенатом официального *damnatio memoriae* этого бога. Но точно так же, как бога можно было привезти в Рим, его можно было и отослать прочь. Так и сделали. Чёрный камень был отправлен обратно на родину в Эмесу. Храм Элагабала на Палатине был заново посвящен Юпитеру Ультору (Мстителю). Поклонение Элагабалу продолжалось в Эмесе, как и местное влияние династии. Поколение спустя Ураний Антонин, недолговечный самозванец из города, который утверждал, что является потомком царского дома, изобразил черный камень на своих монетах. Спустя полвека после смерти Гелиогабала император Аврелиан приписал свою победу в битве при Эмесе божественной помощи некоего бога *Sol Invictus*, Непобедимое Солнце. Но все это было в далеком будущем. На данный момент, в марте 222 года, Элагабал исчез, а Меса сохранила свою династию, правда, ценой жизни дочери и

внука. Она обманом заставила Гелиогабала возвысить своего двоюродного брата до ранга Цезаря в качестве страховки от потери власти ею самой и привела Александра к престолу. Это было проделано холодно и расчётливо, и Меса продемонстрировала удивительную политическую проницательность. Даже сама, довольно продолжительная, история принципата Гелиогабала свидетельствует об этом. Без Месы он не продержался бы и полугода. Теперь её действия, вероятно, спасли жизнь ей самой, Александру и Мамее. Она сохранила власть. Возраст быстро настигал ее, но она снова начала строить из того, что имела, причём, на этот раз, на более прочном основании.

Модель преторианского лагеря в Риме

Часть 2

Ещё очин «потомок Каракаллы» (222-255 гг.)

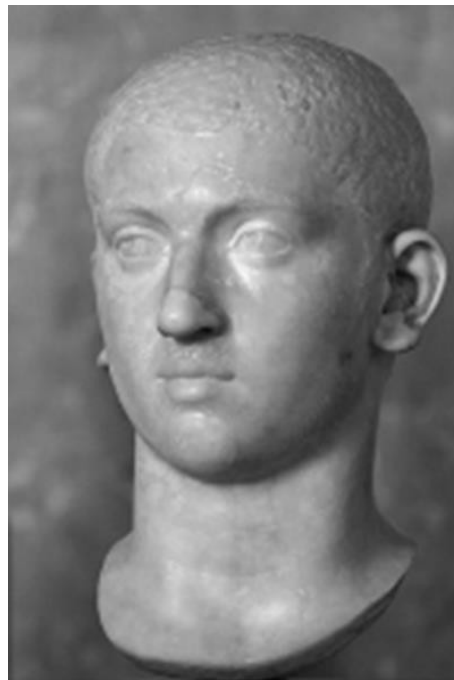
Глава 1

Закрепление на троне

Уже 13 марта 222 года Александр был провозглашен императором. Точная дата зафиксирована в Feriale Duranum. В этом документе, сохранившемся в руинах римской крепости Дура-Европос на Евфрате,

записан религиозный календарь, которому следовал гарнизон в течение года. Сюда входят жертвоприношения обожествленным императорам в день их восшествия на престол. К сожалению, раздел с *dies imperii* для Александра Севера сильно поврежден, но дата, всё же, понятна: «За 3 дня до мартовских ид: поскольку император Цезарь Марк Аврелий Север Александр был провозглашен императором... За 1 день до мартовских ид: потому что Александр, наш Август, был провозглашен Августом, *pater patriae* и *pontifex maximus*, публичной молитвой...». Получается, что сенат задержался на 2 дня с провозглашением Александра, видимо, ждали полного окончания беспорядков в Риме, да и самим сенаторам надо было вернуться в Город.

Воины присвоили Александру номен Севера, а сенат в один день даровал ему титулы Августа, отца отечества и великого понтифика, а также проконсульские права и трибунские полномочия, и право пятикратного доклада сенату (см. Лампридий. Александр Север, I, 3; XII, 4). Лампридий объясняет причины, по которым сенат вынужден был так поступить, ведь это было не принято. Существовала традиция постепенного наделения императора всеми полномочиями и титулами, для солидности. Считалось, что хорошему государю не подобало набирать столько званий сразу.

Александр Север

Однако, сенаторы опасались реакции воинов гарнизона (преторианцев, *equites singulares*, *Leones*, легиона II Parthica, городских когорт, вигилов, фрументариев), которые вполне могли организовать и выдвинуть в императоры кого-нибудь другого, как уже делали не раз и не два. Их надо было опередить. По этой же причине и поторопились, чтобы Александр сразу же получил все должности и титулы, словно он был уже старым императором. Впрочем, никаких протестов среди вооружённых сил не последовало, так что, возможно, Сенат перестраховался. Истеблишменту империи Александр весьма импонировал, да и народ тоже был расположен к нему, проникшись сочувствием к Александру за месяцы его противостояния с Гелиогабалом. Оказалось, что и воины вовсе не против Александра, видимо, устав от переворотов и разочаровавшись в предыдущих избранниках армии.

При этом Александр отказался от поднесенного ему сенатом имени Антонина. Видимо, имя Антонина на тот момент было так испачкано Гелиогабалом, что Александр предпочёл ему своё новое имя. Им и оказалось имя Александра, ведь до 221 года мальчик именовался Алексианом. Полное его имя теперь было Марк Аврелий Север Александр Август.

Отказался он и от титула «Великого», который был ему предложен по решению сената, словно новому Александру Македонскому.

Тот же Лампридий оставил нам описание процедуры восшествия на престол Александра Севера (VI. 1), которое многие историки считают недостоверным. Но Лампридий ссылается на текст городских ведомостей, писавшихся на досках, покрытых гипсом и, видимо, хранившихся в архиве. Он пишет, что накануне мартовских нон (видимо, ошибка переписчика, поскольку это 6 марта), когда сенат в многочисленном составе собрался в курии, туда был приглашен Александр для участия в заседании. Он сначала отказался прийти, так как знал, что речь будет идти о присвоении ему почестей, но затем, все же, пришел. Его встретили возгласами, приветствовавшими нового императора и ругавшими Гелиогабала. Эти возгласы – *Adclamations*, были вовсе не простыми славословиями или ругательствами. В римской общественной жизни они играли большое значение. В императорскую эпоху наряду с формальными актами они могли играть роль постановлений сената и даже полностью заменяли первые. Так что не надо относиться к их частому цитированию в АЖА пренебрежительно.

Александр поблагодарил сенаторов и вот тогда раздались возгласы, просившие нового императора принять имя Антонина. Сенаторы вспоминали всех Антонинов от Антонина Пия до Каракаллы и уговаривали Александра очистить имя Антонинов, испачканное Гелиогабалом. Ответ Александра: «Благодарю, отцы сенаторы, не только за то, что произошло сейчас, но и за имя Цезаря, за спасение моей жизни, за присвоение имени Августа, за звание великого

понтифика, за трибунские полномочия и проконсульскую власть. Все это вы передали мне в один день, чему раньше не было примера». Когда он это говорил, раздавались возгласы, продолжающие призывать его принять имя Антонина. Но тут Александр отказался, заявив, что не дорос до того, чтобы носить такое великое имя. Его начали уговаривать, но Александр проявил характер. Он заявил, что не хочет принимать имя чужой семьи потому, что оно будет обременять его. Сенаторы поняли, что его решение твёрдое и согласились с этим, но предложили ему принять титул Великого.

И вновь Александр ответил отказом, причём, весьма деликатно. Он сказал, что ему легче было бы принять имя Антонина, тут у него есть хоть какая-то связь. Но на каком основании он примет имя Великого? Что великое он уже совершил? Ведь Александр получил его после великих деяний, а Помпей после великих триумфов. «Поэтому успокойтесь, досточтимые отцы сенаторы, и, сами будучи великолепными, считайте меня одним из вас, а не наделяйте меня именем Великого», сказал Александр. Пусть он был слегка неправ, ведь Александр Македонский при жизни не принимал имени Великого, а Помпей получил такое прозвище от Суллы ещё до своего первого триумфа, дело было сделано.

Отпустив сенат и совершив в этот же день много других дел, он вернулся домой как триумфатор. Непринятие чужих имен прославило его гораздо больше, нежели могло бы прославить принятие их. Благодаря этому поступку он приобрел славу человека твердого и благоразумного – ввиду того что весь сенат не мог переубедить одного молодого человека или, вернее, юношу [Элий Лампридий. Александр Север VI-XII].

Понятно, что весь этот эпизод в сенате был срежиссирован Юлией Месой, настроившей юного 13-летнего императора соответствующим образом. Сам он, конечно, не сумел бы так чётко провести встречу с опытными политиками. Да и с сенаторами, видимо, переговорили перед заседанием.

Отсюда следует, что Александр получил императорскую власть только по виду и названию, в действительности же ведение всех дел и государственное управление было всецело в руках женщин Северов, в первую очередь, Юлии Месы, однако, и мать нового императора – Юлия Мамея, тоже оказалась женщиной с твёрдым характером и большими амбициями. Пока что мать и дочь (бабка и мать императора) сотрудничали, но со временем между ними должно было начаться соперничество. Зависимость Александра от женщин хорошо иллюстрирует титул нового императора: «сын Юлии Мамеи Августы, внук Юлии Месы Августы».

И Меса, и Мамея вполне понимали слабость своего положения. Кратковременное, но «яркое» правление Гелиогабала подорвало лояльность к Северам среди преторианцев, армии и сената. Отсюда

возникла необходимость произвести как можно более чистый разрыв с предыдущим режимом. Как уже сказано, память Гелиогабала была проклята. А ещё было выдано общее помилование всем тем, кто был сослан предыдущим императором, подобно тому, как Макрин помиловал тех, кто был осужден при Каракалле [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 138, 144].

Раздачи денег при восшествии Александра Севера на престол было недостаточно для восстановления дисциплины в вооружённых силах. Сам император был всего лишь мальчиком, которому не хватало опыта и, несмотря на заявления о том, что он сын Каракаллы, он имел сомнительную легитимность. Многие признавали его слабые связи с основателем династии Септимием Севером. Чтобы заложить как можно более широкую основу поддержки нового императора, была создана коллегия сенаторских советников, состоящая из шестнадцати «лучших людей Сената». Это закономерно привело к установлению или восстановлению некоей формы аристократического правления. Меса и Мамея выбрали несколько десятков человек, в том числе шестнадцать сенаторов, считавшихся наиболее почтенными по возрасту и воздержанными по образу жизни, чтобы были они помощниками и советниками императору, и он поступал бы так, как они ему советовали и не поступал, если после обсуждения они не подавали за это своего голоса. Это было что-то, вроде Государственного Совета. Согласно Лампридию (Александр Север XVI, 1), в совет входили ещё 20 законовевов и 50 ученых. Имена некоторых из них нам известны. Это были знаменитые правоведы Домиций Ульпиан и Юлий Павел, префект претория Фабий Сабин, сын очень уважаемого сенатора Сабина, называвшийся Катонем своего времени; Элий Гордиан, будущий император; блестящий оратор Клавдий Венак; его родственник Катилий Север, превосходивший всех своей ученостью; Элий Серениан, превосходивший всех своей праведностью; Квинтилий Марцелл – лучшего человека не знает даже история (там же LXVIII, 1). Этот совет, по-видимому, существовал на протяжении всего правления Александра Севера и был распущен Максимином Фракийцем.

Интересно, что Лампридий невнятно упоминает такую деталь, как подковёрную борьбу за влияние на юного императора сразу после его восшествия на престол. Он пишет, что названных законовевов и учёных «отстранила кучка дурных людей, которые окружили Александра в первые дни его правления. Однако, благодаря благоразумию молодого человека, дурные люди были частью казнены, частью изгнаны, и одержала верх эта безупречная дружба» (там же LXVIII, 3–4). О чём говорит Лампридий, нам, к сожалению, неизвестно.

В любом случае, партия Месы и Мамеи победила, хотя, если верить Лампридию, и не сразу. Возможно, тот неизвестный нам первый этап продолжался аж до осени 222 года и закончился гражданскими

беспорядками. И возможно, что сначала юного императора окружали люди, подобные друзьям Гелиогабала, ведь других при дворе тогда не было. Они не смогли справиться с ухудшавшейся ситуацией в Риме (пожары, голод, народные беспорядки) и были отстранены. Так что, теперь ставка была сделана не на ЛГБТ-сообщество, не на «весёлых ребят» или религиозных сектантов, не на армию, а на отживающую свой век аристократическую прослойку – сенат, впрочем, в предпринятых мерах стало ощутимо и рациональное зерно. После безумств Гелиогабала, римское общество, включая даже армию, было согласно с таким ослаблением императорской власти. Пока! Шел поиск равновесной системы, выводящей государство из кризиса. Хотя, конечно, новый взлёт сената выглядел весьма странно, особенно после того как при Септимии он потерял право издавать законы и был сильно прорежен репрессиями в последующие годы.

С армией правительство Александра Севера тоже пыталось найти общий язык. Дж. Б. Кэмпбелл отмечает, что принцепс сделал многое, чтобы обеспечить и улучшить права солдат. Так, он подтвердил, что воины могли назвать кого угодно в качестве наследников завещания, могли освобождать своих рабов, была обеспечена правовая база неприкосновенности личного имущества солдата, проходящего службу. Сам Александр тщательно проверял снабжение воинов продовольствием. Если при разборе дел, возбужденных воинами против трибунов, он находил кого-либо из трибунов виновным, то наказывал его без снисхождения сообразно с характером его проступка, в том числе смертью.

Лампридий пишет, что своих воинов, где бы они ни находились, он хорошо знал и даже имел в своей спальне их списки с обозначением численности и сроков службы военных; оставаясь один, он всегда просматривал их отчетность и данные о численности, звании и жаловании, чтобы иметь полные сведения обо всем. Непонятно, что Лампридий имеет в виду. Ясно, что держать в спальне списки 300 или 400 тысяч воинов невозможно, как и знать их всех поимённо. Возможно, писатель имеет в виду списки гвардейцев или даже какой-то их части. За это говорит и дальнейшее утверждение Лампридия: «Наконец, выступая среди военных по какому-нибудь делу, он многих называл по имени. Он делал для себя заметки о том, кого следует продвинуть, часто перечитывал все листочки с записями; в соответствии с последними он и поступал, отмечая тут же дни, а также – по чьему предложению кто был повышен». Ясно, что здесь имеется в виду какой-то узкий слой приближённых воинов.

Как отреагировала армия на переворот в Риме? Видимо, нормально. Всего через месяц после его возведения в сан Августа, легион I Minervia p.f. Antoniniana был удостоен титула Alexandriana, вероятно, потому, что это был первый легион, признавший нового императора. В таком

случае, Германские легионы Рейнской армии имеют приоритет в признании Александра, но они же, впоследствии, и покончат с ним.

Вообще Александр активно использовал почётные титулы для армейских частей в целях сближения с армией. Тадеуш Сарновски отмечает, что «почётный титул *Alexandriana* зафиксирован в Риме и в большинстве провинций, по меньшей мере, на тридцати лапидарных памятниках. В период правления Александра Севера (222–235 гг.) воинским частям присваивались три варианта почётного титула: *Severiana*, *Alexandriana* и *Severiana Alexandriana*. Очень часто одни и те же части и подразделения римской армии появляются в разных многочисленных надписях с разными почётными названиями, в том числе и в надписях, найденных в одной и той же местности» [Сарновски Тадеуш. Боспорская война периода правления Септимия Севера в Риме и Савромата II на Боспоре. Проблема с нижнемёзийской перспективой. Centre d'archeologie mediterrannee de l'academie polonaise des sciences. Etudes et Travaux XX. 2005. S. 236–246].

Таковыми почётными титулами были отмечены, например, преторианские когорты (*Severiana* и *Alexandriana*), некоторые ауксии Германских провинций и Реции, легионы VII *Gemina*, I *Minervia*, XXX *Ulpia Victrix*, VIII *Augusta*, XXII *Primigenia*, VII *Claudia*, XI *Claudia*. I *Italica* (*Severiana*, *Alexandriana* и *Severiana Alexandriana*).

Александр восстановил раскассированный Гелиогабалом легион III *Gallica* и вернул его в Сирию-Финикию, только сменил место дислокации легиона с Рафanei на Данабу, месторасположение которой до сих пор неизвестно. Предполагается, что Данаба находилась поблизости от Дамаска. Первым легатом возрождённого легиона стал Квинт Арадий Руфин Опат Элиан, будущий легат Келесирии около 228–230 гг. По мнению Ле Боека, восстановление легиона произошло не ранее 226 года, однако нам кажется, что это было сделано раньше, уже в 223 году. Кстати, восстановленный легион тоже получил почётный титул *Severiana Alexandriana*.

В 222 году армия промолчала, когда правительство Северов сделало ставку не на неё, а на сенат и юристов. Почему? Во-первых, переворот произошёл в Риме, далеко от группировок войск, куда надо было идти походом с возможным перерастанием похода в Гражданскую войну. Во-вторых, переворот произошёл очень быстро. В-третьих, в провинциях не нашлось авторитетного легата, пожелавшего принять власть. Ну, что же. Армия решила присмотреться к новому императору. А правительство Александра с самого начала его правления стало «затягивать гайки» в армии, пытаясь навести там порядок. В то время был принят ряд законов, направленных на борьбу с военной недисциплинированностью. Юристы Павел и Модестин вынесли многочисленные постановления о наложении воинских наказаний. Это должно было быть ответом на жалобы, отправляемые императору командирами и наместниками. Юристы проводят различие между

«злоупотреблением» и «незначительными жалобами», которые влекут за собой понижение в должности, и более серьёзными проступками, например, неподчинение, включая нанесение удара начальнику. Такой поступок влѣк за собой казнь. Модестин также утвердил казнь солдата, который возглавил серьёзные беспорядки в войсках. Дезертирство также, по-видимому, было серьёзной проблемой армии после Маркоманских войн. Проблема игнорировалась до восстания Матерна в 185–186 годах, армия которого была достаточно сильна, чтобы грабить города и даже осадить целый легион в своем лагере. Восстание было подавлено, но дезертирство, по-видимому, оставалось серьёзной проблемой. Теперь дезертирство перед лицом врага каралось смертью, а дезертиры, перешедшие на сторону врага, подвергались пыткам перед казнью. Потеря оружия также считалась преступлением, караемым смертной казнью, но могло быть применено и более мягкое наказание, например, перевод в другое, менее престижное подразделение. Модестин также проводит различие между дезертирами, схваченными и насильственно возвращенными в свои части, и теми, кто вернулся добровольно. Солдат, отсутствующий в строю из-за болезни или трудностей с возвращением в свою часть, вызванных деятельностью разбойников и бандитов, подлежал помилованию.

Однако, похоже, что усилия Александра и его советников не привели к ожидаемому результату. Именно ослабление боевых качеств армии при слабом правителе Александре Севере привело к неудачному ходу и тяжѣлым потерям Рима в Персидской войне, катастрофическому вторжению аламаннов на Декуматы, в Рецию и Норик, прорывам в Германию и Галлию, и началу общего кризиса империи после этого.

Глава 2

Характер, привычки, образ жизни

Что за человек был Александр Север? Он был полной противоположностью Гелиогабалу. В поздней античности усилиями сенатских историков о нём была сложена этакая лубочная легенда, в которой Александр предстаѣт перед нами как идеальный правитель – молодой, образованный, добрый, бережливый, разумный, нетерпимый ко злу и так далее. Геродиан отмечает, что Александр обладал нравом кротким и мягким и был весьма расположен к человеколюбию, что он показал и в более зрелом возрасте, однако оказался слабохарактерным и неспособным противостоять куда более властному характеру матери, в результате чего он часто делал то, чего сам не одобрял. Казалось, общество получило возможность отдохнуть от тирании – «он правил без

кровопролитий, и никто не может назвать убитого им человека» [Геродиан. История императорской власти после Марка VI, 1]. Лампридий собрал огромное количество бытовых и психологических зарисовок жизни Александра, которым откровенно восхищался. Это не удивительно, ведь Александр был последним императором, правившим в гармонии с сенатом и старавшимся поддерживать видимость старой римской демократии. После него началась чехарда «солдатских императоров», для которых сенат и аристократия были лишь слугами, а сами они опирались на армию. Из этого кризиса Рим вышел в новую политическую систему домината, окончательно уронившую роль сената, так как же сенаторам было не любить Александра Севера? Поэтому панегирики Лампридия и Геродиана надо делить на трое и трезво осмысливать, только так можно понять и оценить качество принципата Александра Севера. При этом, собственно история правления Александра известна очень плохо. И это также не удивительно, ведь тут достижений было весьма немного, а вот поражений и трудностей хоть отбавляй. Поэтому Геродиану, Диону Кассию и Лампридию было трудно выделить какие-то реальные достижения Александра и приходилось упираться на бытовые и психологические сценки и характеристики.

Интересно, что оба последних Севера пришли к власти в очень юном возрасте, практически детьми. Оба они стали императорами совершенно случайно для себя, усилиями других людей и будучи совершенно неготовыми лично к тяжкой ноше верховной власти над огромной империей. И оба не смогли справиться с этой ношей, хотя и по разным причинам. Гелиогабал в прямом смысле слова спятил на фоне слишком ранней половой жизни и изуверских религиозных ритуалов, усугубленных ничем не ограниченной властью. Александр получил совершенно иной опыт. До прихода к власти, он был чистым «маменькиным сынком», мужские качества которого усиленно и успешно подавлялись. Затем юный Александр попал в стрессовую ситуацию борьбы с Гелиогабалом, далее внезапно получил власть над огромной империей. Как мы увидим ниже, в дальнейшем характер и личность императора-подростка, в той или иной форме сформировались под влиянием событий 222 и 223 годов, здесь имеется в виду гибель Гелиогабала, а также голодные бунты и преторианские мятежи первых полутора лет правления Александра. В ходе этого двое мужчин, которых он называл своим «отцом» (а ему нужен был отец в этом возрасте), были зверски убиты, причём, по крайней мере, один из них у него на глазах. Эти зверства могли привести к скрытому страху Александра перед воинами, совмещённому с внешней вежливостью и мягкостью, и, одновременно, жёсткостью. Страх перед стихией мятежа мог вызвать преклонение Александра перед юриспруденцией, а голод в Риме и экономические трудности вызвали особую ненависть к воровству, бережливости и нарочитую простоту быта императора.

Мужской характер в нём так и не сформировался, и он предпочёл опереться на опыт, полученный от женского воспитания, чего в условиях III века для императора Римской империи было совершенно недостаточно. Отсюда и печальный конец его принципата.

А ведь все задатки у Александра были. Он отличался физической крепостью и здоровьем, соединенными с внешней военной выправкой. Его любили в народе, что неудивительно после Гелиогабала. Лампридий добавляет, что Александр старался не пропускать ни одного дня, чтобы не упражняться в науках или в военном деле. Он очень любил образованных людей, притом несколько даже опасался, как бы они в своих произведениях не отозвались о нем сурово. Александр обладал исключительной памятью, которую он, по сообщению Ахолия (историк, упоминаемый только в АЖА), усилил с помощью мнемоники.

Он запретил называть себя владыкой (опасаясь обвинений в тирании), а письма ему писали, как частному человеку, сохранив только звание императора. Приветствовали его всегда только по имени, то есть: «Будь здоров, Александр!». Он не терпел льстецов. Приняв приветствия, он приглашал всех сенаторов посидеть с ним (собственно, это была законная привилегия сенаторов), но к этим приветствиям он допускал только честных и пользовавшихся доброй славой людей и велел объявить через глашатая (подобно тому как во время Элевсинских таинств говорят, что туда не должен вступать никто, кто не сознает себя чистым), чтобы не приходили приветствовать государя те, кто сознает себя вором, – иначе они, будут изобличены и подвергнутся смертной казни.

Он запретил падать перед ним ниц, тогда как перед Гелиогабалом это уже начали делать, как это было принято у персидских царей.

Александр всегда старался быть вежливым и лояльным. Лампридий уверяет, что со всеми он обращался ласково и приветливо, никогда никого он не обидел ни из своих друзей и приближенных, ни из подчинённых и персонала. К префектам претория он всегда относился с уважением, утверждая, что тот, кто заслуживает обиду со стороны императора, должен быть осужден, а не отставлен. Правда, в отличие от Лампридия, мы видим здесь не доброту и вежливость, а, скорее, предупреждение. Неизвестно, он ли установил это правило, но о нём первом сообщают, что при увольнении чиновника, удачно справившегося со своими обязанностями, Александр добавлял: «Государство благодарит тебя». При этом отставник получал что-то вроде пенсии в вещевом выражении, так что, став частным человеком, мог жить вполне прилично сообразно со своим положением. Дарами были – земля, быки, лошади, хлеб, железо, средства на постройку дома, мрамор для его отделки и другие материалы. При этом всё подаренное было из конфискованного, а не государственного имущества. Деньги он

дарил редко и, в основном, воинам [Элий Лампридий. Александр Север XXXII].

По природной ли приветливости и щедрости или из политических соображений, Александр тщательно продумывал и составлял списки людей, которых хотел чем-то одарить. При этом он даже обижался на тех, кто ничего у него не просил.

Мы уже замечали, чем объяснялась внешняя приветливость Александра, добавим лишь, что так он вёл себя только с теми, кто ему нравился, а с теми, кто не нравился, кого он подозревал в коррупции, например, он поступал совершенно иначе. Лампридий в приведённом выше фрагменте, опять подчёркивает прижимистость Александра, объяснявшуюся разорением казны.

С друзьями они часто собирались вместе, сам он ходил к ним на пиры, некоторые бывали у него ежедневно без приглашения. Заболевших друзей он всегда посещал. Он хотел, чтобы все высказывали ему свободно, что они думают, и выслушивал то, что говорилось. Выслушав, он вводил улучшения и исправления, как того требовали обстоятельства дела. Дворец его всегда был полон друзей, советников, магистратов. Об отсутствовавших он всегда спрашивал. Всякий раз, как мать его Мамея и жена Меммия, дочь консуляра Сульпиция, внучка Катула, упрекая его в излишней вежливости, говорили ему: «Ты сделал свое правление слишком мягким и не внушающим уважения к власти», он отвечал: «Зато – более спокойным и более продолжительным» [Элий Лампридий. Александр Север XVIII–XX].

При этом Александр был весьма подозрительным. Похоже, что он создал в империи целую систему соглядатайства и доносительства, шпионил за всеми крупными фигурами. Лампридий пишет, что «обо всех он разузнавал через своих верных людей и через тех, о ком никто не знал, что они этим занимаются, так как, говорил он, всех можно подкупить взяткой». Последняя фраза прямо свидетельствует, что Александр был весьма низкого мнения о людях, включая, видимо, и своих друзей. Вся его приветливость была внешней, напускной. Это тоже особенность характера.

По мнению древних авторов, Александр был равнодушен к богатству и никому в этом плане не завидовал. Видимо, в этом с ними вполне можно согласиться. Он резко сократил излишние государственные расходы, причём доходил до дотошной мелочности. Возьмём, например, одежду. Одевался он очень просто. Парадные претексту и тогу он надевал, только будучи консулом или как понтифик, причём казённые, из храма Юпитера, как и другие магистраты. Никаких золотых вышивок он не допускал. Он снова ввел в свое личное употребление грубошерстные хламиды Севера и туники без пурпура или с длинными рукавами, а также алые и пурпурные небольшие греческие плащи.

Повседневной одеждой императоров всегда была белая тога. Обычной одеждой солдат и простых граждан был дорожный плащ (paenula); патрицианским же магистратам ношение пенулы запрещалось. А вот Александр носил, поскольку это было практично. Зато шелк он практически не носил и никогда никому не дарил. Да ещё он велел снять драгоценные камни с одежд и обуви, которыми пользовался Гелиогабал. Все камни он продал и деньги внес в государственную казну. Ноги его были всегда в простых сандалиях, а не в сапожках. И брюки он носил белые, а не алые, как это было в обычае раньше [Элий Лампридий. Александр Север XL, XLI].

Хранить казённую одежду в кладовых больше года он никогда не позволял и приказывал немедленно пустить ее в ход, продать или выдать. Надо полагать, в основном, это была армейская одежда. Дворцовую стражу он переделал в одежду красивую и блестящую, но не драгоценную. Даже на государственную символику и царскую обстановку он экономил золото и шёлк, утверждая, что власть заключается в доблести, а не во внешнем убранстве.

Экономил Александр и на персонале. Он сократил придворную прислугу и, кроме того, все дворцовые слуги, а также сукновальщики, закройщики, пекари, виночерпии, стали получать не жалование, как в свое время установил Гелиогабал, а продовольственный паек, притом в одинарном размере, редко в двойном. Опять же, в целях экономии жалования, гонцами-сороходами у него были только его рабы, он говорил, что свободнорожденный должен бегать только на священных состязаниях; дворцовые повара, пекари, сукновальщики, банщики – тоже только из рабов. При нем получал содержание только один придворный врач; а все прочие, которых было до шести, получали продовольственный паек, хотя и в двойном и тройном размере, при этом им выдавали только по одному караваю белого хлеба, а остальные – смешанные.

Так же скромно и равнодушно к излишествах Александр показал себя в отношении застолий. Он не признавал золота на пирах, да и серебряной посуды было немного. Бокалы у него были недорогие, но изящные. Иногда он даже вынужден был брать столовое серебро, слуг и скатерти займы у друзей. Слуги тоже были одеты скромно.

Когда он пировал среди своих, то приглашал либо Ульпиана (пока тот был жив), либо ученых людей для просвещенных бесед, которые, как он говорил, восстанавливали его силы и питали его. Когда он ел в домашней обстановке, у него на столе была книга, и он читал, чаще – по-гречески. Его парадные пиры отличались той же простотой, что и частные; увеличивалось лишь количество полукруглых лож и число сотрапезников, но ему это было неприятно: он говорил, что ему кажется, что он ест в театре или в цирке [Элий Лампридий. Александр Север XXXIV].

Он никогда не устраивал в качестве развлечения во время пира театральных зрелищ; самой большой забавой были для него игры щенят с поросятами или бой куропаток, или порхание вверх и вниз маленьких галок. На наш взгляд и это странноватые забавы, но, видимо, тогда они пользовались популярностью.

Стол у него был, по мнению Лампридия, не слишком обильным и не слишком скудным, но опрятным. Постилались чистые скатерти, подавалось вино, хлеб, мясо, птица была редкостью, зато много фруктов. Сам он ел много, но вина пил вполне в меру. Он предпочитал чистую холодную воду, а летом – с вином, приправленным розами; это одно он сохранил из всех видов приправленного вина, употреблявшихся Гелиогабалом [Элий Лампридий. Александр Север XXXVII].

Напомним, что это был императорский стол. На фоне пиршеств Гелиогабала, Александр выглядит просто нищим, но большинство предшествующих римских императоров тоже были довольно скромны в пище и питье.

Характерно то, что юный Александр всегда собственноручно выдавал распорядителям стола продукты, как и одежду для подарков отбирал лично. Это ещё одна странность последнего из Северов, ведь он отнюдь не был стариком-скопидомом. Да и вообще, согласимся, что императору огромного государства как-то негоже лично ходить на кухню и распределять порции, как какому-то средневековому курфюрсту в микроскопическом княжестве.

Очевидно, что Александр не отличался ни малейшим пристрастием к алкоголю. Когда у него бывали друзья-военные, то, чтобы формально соблюсти обычай, введенный Траяном, – выпивать после десерта до пяти бокалов вина, он предлагал друзьям только один бокал – в честь Александра Великого, разве только кто-нибудь прямо потребует большего – это дозволялось [Элий Лампридий. Александр Север XXXIX].

Александр был очень мил в своих шутках, любезен в беседах и приветлив на пирах. Он не был любителем тогдашней попсы, поэтому карликов, карлиц, дураков, продажных мужчин – певчих, всяких виртуозов и пантомимов он подарил народу, в том смысле, что теперь их содержал не дворец, а Город. Тех, кто оказался не нужен в Риме, он роздал поодиночке на прокормление отдельным городам. Ну, а уж, евнухов, которых Гелиогабал держал для участия в его позорных делах и выдвигал на должности, он раздарил друзьям; при этом он вынес решение: если они не возвратятся к добрым нравам, их разрешается убить без приговора суда. Гелиогабал поставил очень многих евнухов во главе счетных и прокураторских ведомств, Александр же отнял у них все их звания. Он заявил: «Я не позволяю рабам, купленным за деньги, распоряжаться головами префектов, консулов и сенаторов». Оставшихся дворцовых евнухов он определил служить на положении рабов у своей жены. Александр свел их к определенному числу и позволил им обслуживать в Палатинском дворце только женские

дворцовые бани. Он говорил, что евнухи – люди третьего пола и что мужчины не должны ни видеть их, ни пользоваться их услугами, что это могут делать, пожалуй, только знатные женщины [Элий Лампридий. Александр Север XXIII; XLVIII].

Александр оказался весьма целомудренным. Делами Венеры он занимался очень умеренно. Знатным женщинам, имевшим дурную славу, он запретил приходить с приветствиями к его матери и жене. Распутных женщин, огромное число которых он нашел во дворце, он приказал, опять-таки, передать городским властям в лупанары, а продажных мужчин, с которыми Гелиогабал обычно предавался мерзейшему разврату, он отправил в ссылку, причем некоторые из них утонули во время кораблекрушения.

Налог со сводников и проституток обоего пола он запретил вносить в священное казначейство и назначил его на государственные расходы по ремонту общественных сооружений низшего уровня – театра, Большого цирка, амфитеатра Флавиев, стадиона Домициана. Он вообще имел намерение запретить мужчинам торговать собою – то, что впоследствии осуществил Филипп Араб – но потом заявил, что открытый позор превратится после запрещения в скрытый разврат. Так обычно прикрывают нежелание лишиться денег с налога.

При этом Александр вовсе не был затворником. Он часто посещал зрелища, но очень скуп одаивал их участников и говорил, что актеров, охотников и возниц следует содержать так, как рабов или охотников, или погонщиков мулов, или прислугу. Хотя театр он любил и даже собирался восстановить здание театра Марцелла, но как-то не сложилось. Актерам он никогда не дарил ни золота, ни серебра и вообще с большой неохотой дарил им деньги. При этом, он ещё и отнял у них драгоценные одежды, розданные Гелиогабалом. Приходится признать, что отношение Александра к тогдашним театральным кругам полностью соответствовало общепринятым нормам, как отношение к лицедеям, низшему сорту людей, не в пример сегодняшнему отношению, как к соли земли.

Лучше он относился к тогдашней «творческой интеллигенции». Он охотно слушал авторов и поэтов, если они декламировали речи или воспевали деяния древних, особенно Александра Великого или хороших государей прежних времен, или великих мужей города Рима. Он часто приходил в Атеней, чтобы послушать греческих и латинских риториков и поэтов. Он слушал также судебных ораторов, излагавших дела, которые они вели перед ним или перед префектами Рима.

В полном соответствии с принятыми тогда в обществе нормами, Александр относился к баням. Термами он часто пользовался вместе с народом, главным образом – летом, и возвращался оттуда во дворец в банной одежде; единственным знаком его императорского достоинства было то, что он брал с собой алого цвета плащ. Правда, в целях

укрепления нравственности, он вновь запретил устраивать в Риме смешанные бани, разрешённые Гелиогабалом.

В соответствии со своим принципом опоры на знать, Александр поддерживал обедневших аристократов, чтобы сохранить их авторитет. Если он видел, что высокопоставленные люди действительно бедны не вследствие расточительности и не притворно, он помогал им землёй, рабами, животными, сельхозорудиями. Он построил прекрасные дома и подарил их своим друзьям-тем, кого считал особо неподкупными. Хотя транжирой он вовсе не был. Напротив, в государственных делах и расчётах он был весьма бережлив и аккуратен. Даже чересчур. Например, в храмы он никогда не делал вкладов, превышавших четыре или пять фунтов серебра, золота же не давал ни крупницы, ни листика, повторяя про себя стих Персия Флакка: «К чему ваше золото храмам?» Даже клады, если они были значительны, он обложил налогом. Все золото и серебро в госхранилищах, он, как Скрудж Макдак, часто лично перевешивал. Вообще, золото он старательно собирал, тщательно хранил, ревностно искал, но, надо признать, без репрессий, что привлекало к нему аристократию. Мы уже указывали, что одной из причин бережливости Александра могли быть события 222–223 годов, о которых ниже.

При этом, правление Александра не было бескровным. По словам Лампридия, воины прозвали его Севером за суровость, и в некоторых случаях он, накладывая наказания, оказывался слишком жестким. Подтверждение этого мы находим в Кодексе Юстиниана IX, 8, 1, где содержится закон об оскорблении величества. Вообще, по Кодексу мы можем проследить законодательную активность правления Александра – в нем содержится около 450 эдиктов и законодательных актов и не все из них отличаются мягкостью. «Особенно нетерпим Александр был к ворам; он отзывался о них, как о виновных в ежедневных преступлениях и карал их очень жестоко, называя их главными врагами и недругами государства. Одного письмоводителя, который представил лживое изложение судебного дела в императорский совет, он сослал, приказав подрезать ему жилы на пальцах так, чтобы он никогда больше не мог писать. Когда некто из высокопоставленных, ведя скверную жизнь и даже когда-то обвинявшийся в воровстве, пожелал, движимый чрезмерным честолюбием, занять важное положение в армии и ему удалось проникнуть туда благодаря содействию дружественных ему царей (под царями, видимо, имеются в виду восточные династы), он тут же в присутствии своих покровителей был изобличен в воровстве. Царям было приказано его выслушать, виновность его была доказана, и он был осужден. Когда спросили у царей, какому наказанию присуждаются у них воры, они ответили: «К кресту». Согласно с их ответом, он и был распят». Видимо, этот же случай имеет в виду Геродиан в следующем фрагменте: «Человека, который давал пустые обещания, торгуя его именем, и получил от

какого-то военного сто золотых, он велел распять на той дороге, по которой чаще всего ходили в пригородные императорские имения его рабы». Близкие отношения для Александра значения не имели. «Если он находил, что его друзья или родственники – дурные люди (в смысле – воры), он либо наказывал их, либо, если старинная дружба или родственная связь не позволяли наказывать их, он удалял их от себя, говоря: «Мне дороже государство, чем они». [Элий Лампридий. Александр Север XXVIII, XLVII].

Александр был весьма набожным. «По утрам он совершал священнодействие в своем помещении для ларов, где у него стояли изображения обожествленных императоров, которых он считал самыми лучшими, и некоторых особенно праведных людей, среди которых был и Аполлоний Тианский, а также, как рассказывает историк его времени, – Христос, Авраам, Орфей и другие подобные им, а равно и изображения предков» [Элий Лампридий. Александр Север XXIX]. Правда, упоминание Христа здесь считается поздней христианской вставкой.

Когда Александр находился в Риме, то через каждые семь дней поднимался на Капитолий и часто посещал храмы.

Будучи за Городом, смотря по условиям местности, поутрам Александр либо катался, либо ловил рыбу, гулял, или охотился. Затем, если позволяло время, он подписывал уже рассмотренные и одобренные его канцелярией документы. Подписывал и утверждал, если был согласен, в противном случае, откладывал. Иногда он еще до рассвета начинал заниматься государственными делами и сидел до позднего часа; государственные дела были ему не в тягость и занимался он ими охотно. Он никогда не выглядел мрачным или разгневанным, но всегда сохранял одинаковое выражение лица и был весел при всяких обстоятельствах. Он отличался проницательностью и обмануть его было трудно, а обманщики наказывались. В Риме Александр часто выступал на различных собраниях с речами, подобно древним трибунам и консулам.

В свободное время Александр усердно занимался чтением по-гречески; например, читал книги Платона «О государстве». На латыни он больше всего читал сочинения Цицерона «Об обязанностях» и «О государстве»; иногда он читал и речи, и поэтов, в том числе Серена Саммоника, которого он лично знал и любил, а также Горация. Он прочитал описание жизни Александра Великого, которому больше всего подражал, хотя и осуждал его склонность к пьянству и жестокость по отношению к друзьям, несмотря на то, что эти пороки старались оправдать хорошие писатели, которым он верил. Особенно он любил Вергилия, которого называл «Платоном поэтов» и изображение его вместе с изображением Цицерона имел в своем втором помещении для ларов, где находились изображения Ахилла и других великих мужей древности. Изображение же Александра

Великого он почитал как святыню в большом помещении для ларов среди лучших и обожествленных мужей. Он отчеканил много монет с изображением Александра, некоторые – из электра, а больше всего – золотых.

Характерно, что Александр лучше говорил по-гречески, чем на латыни, писал неплохие стихи и составил в стихах жизнеописания «хороших» императоров, имел музыкальные способности, играл на лире, на флейте, на органе, также на трубе, но, став императором, перестал заниматься этим, как недостойным власти.

Он был сведущ в астрологии, и по его приказанию астрологи публично выступали в Риме и делали объявления о преподавании. Напомним, что Северы традиционно не любили астрологов, а Септимий так просто их преследовал.

Александр был очень опытен в искусстве гаруспиков. был прекрасным птицегадателем, так что превзошел и знаменитых тогда васконов из Испании, и уважаемых паннонских гадалей. Вообще, пристрастие Александра к птицам очень характерно. У него был в Палатинском дворце птичник для павлинов, фазанов, кур, уток, а также для куропаток; в особенности его привлекали голуби, которых у него было, говорят, до двадцати тысяч. А чтобы их пропитание не ложилось тяжелым бременем на продовольственные запасы государства, у него были рабы на оброке, которые кормили их на средства, получавшиеся от продажи яиц, цыплят и голубят.

Он также занимался геометрией, хорошо рисовал и пел, но никогда не делал этого в чьем-либо присутствии – свидетелями бывали только его рабы.

После чтения он занимался борьбой, а борцом он был первостепенным, или игрой в мяч, или бегом, или более легкими упражнениями, а затем, умастившись, купался, причем никогда не пользовался или очень редко пользовался горячей ванной, а всегда купался в природном водоеме, оставаясь в нем почти час. Пил он холодную воду из Клавдиева акведука. Выйдя из ванны, он ел хлеб, молоко и яйца, запивая вином, смешанным с медом. Подкрепившись этим, он иногда приступал к завтраку, но иногда откладывал принятие пищи до обеда. Ещё он часто употреблял тетрафармакон Адриана, о котором говорит в своих книгах Марий Максим (блюдо, состоящее из четырех частей: фазаньего мяса, свиного вымени, ветчины и теста.) [Элий Лампридий. Александр Север XXV, XXVII, XXX, XXXI].

После полудня он занимался писанием заключений и чтением писем; при этом всегда присутствовали секретарь, докладчик по прошением и секретарь-на-поминающий. Проявляя заботу о персонале, Александр даже иногда разрешал им сидеть в своём присутствии, если они были больны. Писцы или правители канцелярии прочитывали все, а Александр собственноручно приписывал то, что считал нужным, учитывая мнение сотрудников. После писем он принимал всех друзей

сразу и со всеми беседовал; но никогда ни с кем не виделся наедине, кроме своего префекта Ульпиана. Если же он приглашал кого-либо другого, то приказывал позвать и Ульпиана [Элий Лампридий. Александр Север XXXI]. Вообще-то, это говорит о том, что никаких друзей у него не было, кроме Ульпиана, да и там была не дружба, а уважение к давнему учителю.

Но его нравы делали Александра образцом для аристократии его времени. Ему подражали вельможи, а его жене – благороднейшие матроны.

Получается, если взять личные и деловые качества, то это был вполне приличный и довольно добродетельный человек, что особенно могло цениться в народе после Гелиогабала. Хотя, конечно, полностью доверять сведениям, собранным, в основном, Лампридием, нельзя. В них ясно просматривается симпатизирующая императору предвзятость и создаётся идеальная картинка. Вероятно, Александр хотел быть таким, каким его представляет Лампридий, однако, из того, что мы знаем, видно, что он был слабохарактерным, закомплексованным и не очень умным человеком. Александр был явным подражателем, не самостоятельным и мелковатым в своих планах и действиях. Неудачные и слабые его действия от нас сейчас, в основном, скрыты, но они имели место, как мы видим из итогов его правления. Итоги же, в целом, были печальны. По крайней мере, Римская империя при Александре Севере не стала ни сильнее, ни богаче, ни культурней, зато докатилась до опаснейшего кризиса.

Глава 3

Организация власти

Теперь проследим историю правления Александра. Понятно, что в первые годы малолетний Александр находился под полным контролем матери и бабушки, которые и были реальными правительницами Империи, особенно это касается Юлии Месы. Но власти этой им удалось добиться только после серьёзной борьбы с гвардией.

Сначала, конечно, все были едины в стремлении забыть, как страшный сон правление Гелиогабала. Его, натуральным образом, вычеркнули из истории. Сенат указал уничтожить имя Гелиогабала в анналах и всех записях. Статуи и изображения проклятого императора были также уничтожены. Мы уже отмечали это выше. Добавим, что города, получившие привилегии от Гелиогабала, также потеряли их. Например, Сарды и Никомедия потеряли право на третью неокорию, право, связанное со строительством храма, посвященного императору. Аназарб потерял право называть себя «первым, самым большим и

красивым» городом Киликии, которое, вероятно, было предоставлено Гелиогабалом во время посещения города. Ему также пришлось отменить свою «Антонинию», игры в честь предыдущего императора. Зато получили привилегии города Александрия Египетская, Кесария Палестинская и Сармизегетуза в Дакии, которая из колонии стала метрополией. Многим городам, которые пострадали от землетрясений, новый император дал денег из податных сумм на восстановление общественных и частных сооружений. Конечно, привилегии и помощь были даны городам, опять-таки, в пику Гелиогабалу для укрепления положения новой власти на Востоке.

Поскольку Гелиогабал теперь официально никогда не существовал, Александр Север мог отмежеваться от своего приемного отца и подтвердить претензии на то, что он незаконнорожденный сын самого Каракаллы. Надписи больше не называют его сыном Гелиогабала и внуком Каракаллы; вместо этого он становится сыном Каракаллы. В имперском рескрипте от 225 года император, комментируя произведение Ульпиана, называет Каракаллу «моим божественным отцом Антонином». И здесь ясно видно стремление новой власти утвердить прямую преемственность юного императора от весьма уважаемых народом, обществом и армией Септимия и Каракаллы. Таким образом, Меса и Мамея рассчитывали укрепить позиции Александра широкой общественной поддержкой.

Однако надписи продолжают подчеркивать и материнскую линию императора как «сына Юлии Мамеи, внука Юлии Месы». И матери, и бабушке нужно было узаконить свое регентство родственными связями с императором. На монете Юлии Мамеи 222 года она изображена с непокрытой головой и волнистыми волосами с надписью «JULIA MAMAEA AUG». На реверсе изображена богиня Юнона под вуалью, держащая патеру в правой руке, которая обращена к павлину, вытягивающему шею, чтобы пить капли, падающие с блюда, в то время как в левой руке богиня держит скипетр. Изображение и легенда на реверсе «JUNO CONSERVATRIX» можно найти на монетах как Месы, так и Юлии Домны. Реверсы монет Северов берут свое начало во времена правления Антонинов. Их использование Месой и Мамеей было попыткой подчеркнуть преемственность режима. Идентифицируя себя с Юноной Хранительницей, чей эпитет был связан с ее ролью защитницы государства, Мамея акцентировала свою роль в возвышении сына до императорской власти. Чеканка апреля 222 года подтверждает раздачу населению и солдатам донативов в честь восхождения Александра Севера на престол. Суммы, правда, неизвестны. Появляется юношеский образ императора с коротко стриженными по военной моде волосами и в панцире. На реверсе богиня Свободы держит счета, используемые для распределения денег, а в левой руке – рог изобилия. Представляя Александра Севера юношей-подростком, Меса и Мамея доказывали необходимость своего регентства.

Однако, не всё было так просто. Безумства Гелиогабала привели к падению авторитета не только его самого, но и тех, кто его выдвинул, тех, кто правил от его имени. В те мартовские дни сирийки рисковали потерять всё. Месе и Мамее пришлось и побороться за сохранение власти, и умерить в чём-то свои аппетиты. Лампридий утверждает, что самым первым актом сената после убийства Гелиогабала было принятие закона, согласно которому вход любой женщины в сенат карался смертной казнью. Конечно, этот акт был вызван привлечением на заседания сената Месы и Созмии предыдущим принципсом. Они были единственными женщинами во всей предыдущей истории Рима, которые сделали это. Видимо, сирийкам повезло, что все считали главной виновницей Созмию, которая уже расплатилась по своим счетам. Меса и Мамея всё понимали, поэтому во время правления Александра Севера, не посещали курию. Новый режим представлял себя, в отличие от предыдущего, хранителем традиции.

В первые же дни новой власти Рим начал избавляться от безумных религиозных новшеств Гелиогабала. И в самом деле. Вечный Город требовалось очистить от сирийской скверны. Итак, прежде всего правительство Александра и сенат отослали в их прежние собственные храмы и святилища статуи богов и предметы культа, которые были увезены в Рим Гелиогабалом. Что же касается самого культа бога Элагабала, то он был изгнан из Рима навсегда. Храм Элагабала был перестроен и посвящен, по-видимому, Юпитеру Ультору (Мстителю). Это повторное посвящение было отмечено чеканкой Александра Севера. Дион (*arud Xiph. LXXIX, 21, 2*) говорит, что бог Элагабал был выслан из Рима. Соответственно, старые римские боги и культы вернули своё положение, статуи и святыни.

Были отстранены от власти люди Гелиогабала. Они были лишены всего незаконно ими полученного и каждому из них было приказано вернуться в свое прежнее состояние, подобающее их истинному статусу. Александр (читай – его правительство) провел основательную чистку корпуса судей, сената и сословия всадников. Затем ту же акцию он провел среди придворных, своей свиты и obsługi Палатинского дворца [Элий Лампридий. Александр Север XV, 1-2]. Дион Кассий пишет, что никому из тех, кто поддержал восстание Гелиогабала в 218 году и достиг могущества в его правление, не удалось спастись, кроме одного человека. Под этим человеком, вероятно, подразумевается Валерий Комазон, уволенный в 221 году, который после переворота вновь занял пост префекта Города. Ну, тут понятно, что Комазон вновь выдвинулся благодаря давним связям с Месой. Но вот Джон Макхью утверждает, что сохранил своё положение и Аврелий Зотик Авит, один из «мужей» Гелиогабала, о котором мы уже писали. Правда, теперь он не был спальником, но стал *nomenclator a sensibus* – составителем списка цензов. Это была должность с меньшим влиянием и престижем,

но ведь и личность была весьма одиозной. Как же Зотик уцелел? Это не очень понятно.

Говоря об отстранениях, мы не имеем в виду сенаторов и всадников, проходивших обычную карьеру *cursus honorum*. Если они не были любимчиками Гелиогабала, их карьера продолжалась без последствий. Как пример можно привести Квинта Атрия Клония, который известен с 200 года, а при Гелиогабале выполнял обязанности легата Келесирии. Мы рассказывали о нём выше. Понятно, что на Келесирию его ставил не Гелиогабал, а Юлия Меса. Так она же теперь и продолжила его карьеру, отправив легатом в Ближнюю Испанию.

Напротив, многие государственные служащие, уволенные при Гелиогабале, были восстановлены на своих постах или заняли другие важные государственные должности. Новая власть явно решила опираться на старые кадры.

Среди тех, на кого оперлась новая власть, нам известен Марк Антоний Гордиан Семпрониан, будущий император, который был вызван из Ахайи и стал консулом-суффектом в 222 году, а затем был назначен проконсулом Келесирии (223–225 гг.) [Юлий Капитолин. Двое Максиминов XIV, 2; Трое Гордианов II, 4; IV, 1].

Его сын, будущий Гордиан II, возможно, именно в 222 году стал квестором.

Старый северянец Марий Максим (был смещен с поста префекта Рима в 218 году) в 223 году, стал вторым консулом. Вспомним биографию Мария Максима. Луций Марий Максим Перпетуус Аврелиан, вероятно, происходил из Африки. Вряд ли его семья была сенаторской, однако сам он прошёл вполне сенаторскую карьеру. Его отцом был прокуратор одной из галльских провинций Луций Марий Перпеуус.

Максим, предположительно, родился около 155 года. Его карьера началась в 174 году, когда он стал *quattuorviri viarum curandarum* – одним из четырёх членов комиссии по исправлению дорог в Риме и его окрестностях. На следующий год Марий Максим стал военным трибуном легиона XXII *Primigenia p. f.* в Могонциакуме в Верхней Германии. В 178 году он перешёл в легион III *Italica* в Реции, где также служил трибуном-латиклавием (178–180 гг.).

Около 183/184 года Марий Максим находился на посту городского квестора, а затем был выдвинут кандидатом на должность народного трибуна. Максим стал сенатором при Коммодe, войдя в состав сената в преторском ранге. Около 190 года он был куратором Латинской дороги, а, кроме того, был куратором города Фавенция. В 193 году Максим уже был легатом I Италийского легиона на Нижнем Дунае. Легатом Нижней Мёзии тогда был брат Септимия Севера Публий Септимий Гета, поэтому неудивительно, что Марий Максим, как член команды наместника, принял сторону его брата. Очевидно, Гета полностью доверял ему, поэтому сам остался в провинции, а экспедиционную армию,

отправленную против Нигера, доверил Марию Максиму. Должность его называлась *dux exeretus Mysiaci apud Byzantium* [CIL VI 1450].

В 193-196 гг. корпус Мария Максима осаждал важную крепость Византий, принявшую сторону Песценния Нигера, и с большим трудом взял её.

В начале 197 года нижнемёзийская вексилляция, возглавляемая, по-прежнему, Луцием Марием Максимом – *Dux exercitus Mysiaci apud Lugdunum*, отправилась в Галлию, где участвовала в битве при Лугдунуме против войск Клодия Альбина.

После победы Марий Максим был назначен легатом пропретором Бельгии, которым был, вероятно, до 199 года. Возможно, в последний год своего наместничества Марий Максим находился на посту консулсуффекта (или в 200 году). После этого он был легатом пропретором Нижней Германии (200-203 гг.). Примерно в 205-208 годах он находился на посту легата Келесирии, а вот потом его местонахождение неизвестно. Ничто не говорит о том, что знаменитый сенатор и историк потерял доверие императора, мы знаем, что уже в 213 году Каракалла вновь дал ему высокую должность. Поэтому, можно предположить, что Марий Максим вернулся в Рим в 208 году и занялся работой в сенате как лицо, приближённое к императору. Если бы Септимий вызвал Мария к себе в Британию, мы, скорее всего, знали бы об этом. Возможно, в эти годы Марий Максим занялся творческой деятельностью, начав писать свой исторический труд «Цезари», описывающий жизнь и деяния 12 римских императоров, начиная с Нервы. К сожалению, этот труд до нас не дошёл, и мы знаем о нём только со слов других древних авторов. Марий Максим входил в кружок интеллектуалов, собиравшийся у императрицы Юлии Домны.

Предположительно в 213-214 годах он был проконсулом Африки, а затем, в 215-216 годах – проконсулом Азии. После этого Марий Максим стал первым проконсулом в римской истории, который последовательно занимал должность наместника Африки и Азии. Кроме того, он занимал должность проконсула Азии в течение двух лет подряд, что также необычно. Похоже, что Каракалла вполне доверял Марию.

Доверял ему и Макрин, назначивший Мария Максима префектом Рима (217-219 гг.) вместо не справившегося Оклатиния Адвента. Гелиогабал снял Мария Максима с должности, но никак не репрессировал. Меса очень хорошо знала Мария Максима и отстранила его только из-за связей с Макрином. А теперь вернула. И вот, мы видим уважаемого сенатора на посту консула ординария в 223 году. Это последний известный нам пост Мария Максима. Видимо, вскоре после этого он скончался.

Вторым ординарным консулом 223 года был Луций Росций Элиан Пакул Сальвий Юлиан.

О нём мы практически ничего не знаем. Род Юлиана происходил из Лузитании. Его дедом был консул-суффект 157 года, отцом консул 187 года Луций Росций Элиан Пакул, а матерью – Вибия Сальвия Вария. Род Росция был связан с могущественной сенаторской семьей Нуммиев. Карьера Росция до консулата неизвестна. Понятно, что он начал её при Септимии и Каракалле, но пик карьеры сенатора пришёлся на времена Александра Севера, Максимиана Фракийца и Гордианов. В 223 году Юлиан занимал должность ординарного консула вместе с Марием Максимом. Около 240 года он находился на посту проконсула Африки. Кроме того, Юлиан входил в состав жреческих коллегий эпулонов, фециалов, содалисов Тита. Кооптирован он был в эти коллегии как раз в 220-х годах при Александре.

Префектом же Рима в 223 году стал Гней Клавдий Север, внук консула и зятя Марка Аврелия, брат одной из жён Гелиогабала Клавдии Фаустины. Напомним, что Гелиогабал казнил её первого мужа Помпония Басса. Гней Клавдий Север был консулом-суффектом 212 года и его карьера шла успешно, однако развод Гелиогабала с его сестрой сказался на его карьере. Ему больше не давали магистратур, но, к счастью, вскоре Гелиогабал был убит. Клавдий занял престижную должность городского префекта (223–224 гг.). Похоже, что Гней Клавдий Север стал одним из опорных столбов принципата Александра Севера на всём его протяжении. Известно, что в 235 году он занимал должность ординарного консула с правнуком императора Луция Вера Луцием Тиберием Клавдием Аврелием Квинтианом.

В 224 году высшего пика достигла карьера Квинта Хедия Лоллиана Гентиана Плавтия Авита. По всей видимости, Авит происходил из лигурийского города Полленция. Его отцом был консул-суффект 186 года Квинт Хедий Руф Лоллиан Гентиан, дедом – консул 144 года Луций Хедий Руф Лоллиан Авит, а братом – консул 211 года Хедий Лоллиан Теренций Гентиан.

Квинт начал свою карьеру монетным триумвиром в 191 году, затем служил в качестве военного трибуна легиона XIII Gemina, дислоцированного в провинции Дакия. Место было беспокойное и давало юношам хорошую военную практику. Как латиклавий, Плавтий Авит должен был принять участие в походе Септимия Севера на Восток в составе вексилляции своего легиона. Его отец тогда находился при штабе Септимия. Новый император заметил Квинта. Возможно, в 195 году, он был уже квестором, а около 200 года – претором. Следующей должностью Лоллиана была легатура в Азии в 201/202 году при отце проконсуле. За этим последовало его назначение на пост судьи Астурии и Галлекии. После этого Плавтий Авит был легатом легиона VII Gemina Felix (203–205 гг.) в той же Испании. В 209 году он занимал должность ординарного консула вместе с Луцием Аврелием Коммодом Помпеяном. Скорее всего, именно он же был пропретором Верхней Германии с 210 по 213 годы. После этого мы не видим развития карьеры сенатора

именно до 224 года, когда Авит стал проконсулом провинции Азия [Inge Mennen. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. BRILL, 2011. pp. 107–108.].

Вновь выдвинулась семья Бруттиев, которая была тесно связана с Коммодом через его жену Бруттию Криспину. Септимий Север подозревал их в нелояльности, и только в 217 году племянник Криспины, Гай Бруттий Презент, получил ординарное консульство. На этом его карьера, по-видимому, закончилась, а вот его брат, Гай Бруттий Криспин, получил ординарное консульство в 224 году именно от Александра Севера.

Вторым консулом ординарием 224 года стал Аппий Клавдий Юлиан. Возможно, он состоял в родстве с семьей Клавдиев Пульхров, корни которой уходят во времена республики. Карьера Юлиана известна плохо. Вероятно, он родился около 160 года и начал свою карьеру при Коммоде. Септимий Север продолжал продвигать его и между 200 и 210 годом Юлиан был консулом-суффектом. Затем, при императоре Каракалле или Гелиогабале он занимал должность проконсула провинции Африка. Ещё Юлиан был патроном города Канузий. Теперь он получил пост ординарного консула. А в следующем году Юлиан стал префектом Рима (225–226 гг.). Правда Макхью считает, что префектом Рима Юлиан был до консульства, то есть, в 223 году, но тогда сроки префектуры Комазона и Юлиана весьма и подозрительно малы.

По всей видимости, его сыном был упоминаемый в «Истории Августов» консул-суффект 238 года Клавдий Юлиан, а дочерью – Клавдия Сабинилла.

Следует заметить, что немало государственных чиновников при новой власти вообще осталось на своих местах, такие, как например, Дион Кассий, который при Гелиогабале служил в Африке и Далмации, а теперь, в 222 году, получил в управление важную в военном отношении провинцию Верхняя Паннония.

Напомним и биографию Диона Кассия. Луций Клавдий Кассий Дион Коккеян, более известный как Дион Кассий родился около 155 года в Никее, втором по величине городе провинции Вифиния и Понт. Отец Диона, Кассий Апрониан, был при Марке Аврелии наместником Далмации, а при Коммодe – Киликии (181 г.); возможно, он даже был консулом-суффектом. Существует предположение, что Дион был внуком по материнской линии известного оратора, писателя и философа Диона Хрисостома. Представители рода Кассиев занимали видное положение в Никее. Там же Дион получил хорошее риторическое образование. К сожалению, его ранняя карьера неизвестна. Дион был выходцем из сенаторской семьи, поэтому должен был начать карьеру вигинтивиром, а затем военным трибуном в легионе. Вряд ли он был в Германии или на Дунае. Обычно, выходцев из грекоязычных провинций направляли в восточные легионы.

Вигинтивират Диона должен был иметь место около 175 года, а три милитии закончились в 184 году, однако, возможно, он прошёл только две из них, поскольку в 180 году он находился в Риме и пребывал в курии во время заседания сената, когда Коммод выступал с речью. Дион должен был побывать квестором и эдилом. Около 182 или 183 года он находился в Киликии вместе с отцом, бывшим там наместником. Фергюс Миллар, на основании упоминания о пребывании во Фригии предполагает, что Дион Кассий около 188–189 годов был квестором в провинции Азия, к которой относилась и Фригия [Millar F. A Study of Cassius Dio. – Oxford: Clarendon Press, 1964. – P. 15.]. Получается, что при Коммодe карьера Диона шла весьма медленно и двинулась только в 188 году, когда Коммод начал активно продвигать наверх новых людей. С. И. Соболевский полагает, что в течение всего правления Коммодa Дион жил в Риме и выступал на судебных заседаниях (его судебная деятельность засвидетельствована: Кассий упоминает, что ему приходилось выступать в суде против будущего императора Дидия Юлиана). В последние годы жизни Коммодa Дион Кассий уже был сенатором и регулярно посещал заседания: он замечает, что не видел в эти годы в курии Тиберия Клавдия Помпеяна. Тот действительно не ходил тогда в курию. В 190/191 году Дион должен был побывать эдилом.

При Пертинаксе в 193 году Дион Кассий был назначен претором. Впрочем, вскоре к власти на два месяца пришёл Дидий Юлиан, и назначение Диона было на время заморожено. В результате в должность он вступил уже при Септимии Севере – в 194 или 195 году. После окончания срока магистратуры он получил в управление небольшую провинцию, но какую конкретно, неизвестно. При Септимии Севере он стал консулом-суффектом (205/206 г). Вероятно, он входил в состав интеллектуального кружка, которому покровительствовала супруга императора Юлия Домна. В правление Каракаллы Дион был вынужден сопровождать императора в его поездках и брать на себя расходы по возведению новых сооружений. В 217 или 218 году новый император Макрин поручил Диону восстановить порядок в важнейших городах провинции Азия, Смирне и Пергаме. Гелиогабал благоволил Диону. В правление императора-извращенца Дион был проконсулом в Африке (219–220 гг.) и легатом в Далмации (221–222 гг.). При Александре он вошёл в число ближайших доверенных лиц династии Северов и, возможно, стал членом императорского совета (*consilium*). Он стал легатом Верхней Паннии (222–223 гг.). Именно так, поскольку обычно считается, что Дион управлял Паннией в 227–228 гг. Однако это мнение входит в противоречие со словами самого Диона, который жалуется на недисциплинированность солдат в целом, и в частности тех, кто находился под его командованием в качестве легата Верхней Паннии. Сенаторский историк описывает, как «преторианцы жаловались на меня Ульпиану, потому что я твердой рукой правил

воинами в Паннонии». Получается, что Ульпиан тогда ещё был жив, а значит легатура Диона приходится именно на 222–223 гг. Ведь Ульпиан погиб в октябре 223 года.

В 229 году Александр Север сделал Диона консулом во второй раз, причём коллегой Диона стал сам император. Однако вскоре после вступления в должность историк вернулся в Никею, сославшись на преклонный возраст и слабое здоровье. Патриарх Фотий упоминает о некой болезни ног, поразившей Кассия. Впрочем, Дион мог покинуть Рим и из-за давления военных: известно, что он поссорился с преторианской гвардией (по другой версии, с легионерами) из-за строгости в управлении войсками Верхней Паннонии, и ему угрожали. В Вифинии историк умер после 230 года; по одной из версий, примерно, в 235 году. Среди потомков историка известен его внук или правнук, консул 291 года Кассий Дион.

При Александре продолжилась карьера Квинта Айация Модеста Кресцентиана. Он происходил из рода Айациев, родиной которого была Африка или же Северная Италия. Целиком карьера Модеста нам неизвестна. Вероятно, она началась при Септимии Севере. Примерно в 199 году Айаций был назначен легатом пропретором провинции Аравия Петрейская. С 80-х годов II века Модест состоял в коллегии квиндецемвиров священнодействий. В 204 году принимал участие в организации Секулярных игр. Примерно в 205 году он был консулом-суффектом, после чего стал легатом пропретором Верхней Германии (206–209 гг.). После этого мы наблюдаем долгий перерыв в карьере сенатора и только при Александре он вновь начинает получать магистратуры. В 228 году он находился на посту ординарного консула. Возможно, после этого Айаций получил пост проконсула Азии (229–230 гг.).

Модест был женат на Данации Квартилле Аврелиане. Имел двух сыновей: Квинта Айация Цензорина Цельсина Арабиана и Луция Айация Модеста Аврелиана Приска Агриколу Сальвиана.

Коллегой Модеста Кресцентиана по консулату 228 года был выходец из семьи Помпониев Марк Помпоний Меций Проб, о котором, к сожалению, ничего не известно.

Оставалась в почёте семья Анициев. При Александре делал карьеру Квинт Аниций Фауст Паулин, сын консула-суффекта 198 года Квинта Аниция Фауста. В 230–234 годах Паулин занимал должность легата пропретора Нижней Мёзии. Поскольку эта была консульская должность, то предполагается, что до 230 года Паулин был консулом-суффектом.

Паулин был женат, по всей видимости, на дочери консула-суффекта Секста Кокцея Вибиана. Его сыновьями или племянниками были консулы Марк Кокцей Аниций Фауст Флавиан и Секст Кокцей Аниций Фауст Паулин.

Есть ещё одна версия, что Паулин был женат на Азинии Юлиане Никомахе, дочери Гая Азиния Никомаха Юлиана, проконсула Азии в 225–228 гг.(?). Как видим, и Никомахтоже был в почёте при Александре.

Очень успешно при Александре шла карьера будущего императора Марка Клодия Пупиена Максима. История Пупиена известна крайне плохо. Исходя из указания Иоанна Зонары, согласно которому на момент провозглашения императором Марку Клодию было семьдесят четыре года, можно сделать вывод, что он родился примерно в 164 году. Происходил он, скорее всего, из Тибура, поскольку имя дяди Пупиена – Пинарий – принадлежит одному из старейших родов Тибура, что указывает на связи Пупиена с этим городом и семьей Пинариев Корнелиев Северов, чьи потомки известны ещё при Диоклетиане. Примечательно, что храм Юпитера Хранителя, упомянутый Юлием Капитолином при рассказе о предзнаменованиях, сопровождавших рождение Пупиена, находился именно в Тибуре. Впрочем, родственники Пупиена могли жить и в этрусском городе Волатерры. Возможно, его род ведет свое начало от известной семьи республиканской эпохи Клодиев Пульхров или Клавдиев. В надписях, датированных I и II веком, неоднократно упоминаются носители фамильного имени *Клодий* или *Клавдий*, занимавшие различные посты в имперской администрации [Chausson F. Un portrait de groupe avec dame: autour de Cornelia Praetextata // Cahiers du Centre Gustave Glotz. – 1996. – Vol. 7. – P. 319–368.]. Отцом или предком Марка Клодия мог быть упомянутый в надписи на саркофаге из Рима Публий Пупиен Максим, который, как полагает тот же Шоссон, может происходить от брака между представителем рода Клодиев Пульхров и Пупиенией Максимой.

По другим данным, родителями Пупиена, предположительно, были Марк Пупиен Максим, первый член семьи, ставший сенатором, и Клодия Пульхра.

«История Августов» (АЖА) утверждает, что будущий император родился в семье кузнеца или тележного мастера по имени Максим, мать звали Прима. У него было четверо братьев и столько же сестёр, но все они умерли в детстве. Детство Пупиен провёл в доме своего дяди Пинария, недолго занимался у грамматика и риторика, но усердно готовил себя к военной службе. Позже он был принят и воспитан некой Песценнией Марцеллиной (которая больше нигде не упоминается) и начал свою карьеру в качестве военного трибуна. Некоторые историки пишут, что Пупиен начал карьеру центурионом, однако тогда становится непонятным его восхождение на самый верх римской аристократии. Похоже, что сведения АЖА о простом происхождении Пупиена неверны. Капитолин и сам путается в показаниях, рассказывая одновременно об отце кузнеце и о богатом дяде Пинарии, да и патрицианка Марцеллина откуда-то берётся. И тот же Капитолин, рассказывая о карьере Пупиена, упоминает трибунат и претуру, затем консулат и легатуру, а это всё патрицианские должности. Но, в любом

случае, Пупиен начал свою карьеру в годы Коммода. Если в 184 году он прошёл вигинтивират, то следующие 9 лет (185–193 гг.) он должен был проходить военную службу. Поскольку наши источники говорят о большом военном опыте Пупиена, скорее всего, он прослужил все три милитии. В 193 году он должен был закончить третью милитию и либо продолжил службу ещё на один срок, либо благополучно начал гражданскую карьеру. Он, несомненно, побывал квестором и претором, хотя наши источники называют только претуру [Юлий Капитолин. Максим и Бальбин. V. 7.].

После претуры Пупиен три раза подряд занимал должность наместника в провинциях Нарбоннская Галлия, Ахайя, Вифиния и Понт. Капитолин называет Пупиена проконсулом, хотя Вифиния, например, управлялась императорским легатом, да и порядок провинций необычен, однако это всё можно списать на небрежность Капитолина или его переписчика. Тем не менее, все эти ступени карьеры Пупиен прошёл при Септимии Севере. Повторим, что нам очень плохо известен жизненный путь Пупиена хотя римляне относились к нему с уважением. В 211 году Каракалла, кажется, назначил его легатом Нижней Паннонии (211–213 гг.). Похоже, что у Капитолина – это назначение проходит как легатура в Иллирике, где Пупиен сражался с вторгшимися туда сарматами. Вероятно, именно он довёл там кампанию против вандалов и карпов до победного конца, а позже разбил сарматов языгов, за что получил назначение легатом Верхней Германии (214–216 гг.). Деятельность Пупиена в Германии неизвестна, но, кажется, он успешно воевал и там, кроме того, заслужил также уважение германцев своей честностью и справедливостью. Было ему тогда уже за 50.

Возможно, к этому времени, Пупиен уже побывал консулом-суффектом. Некоторые историки называют в качестве даты консулата Пупиена 205 или 217 год [Kienast D. *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. -Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. -S. 191; Lorient X. *Les premières années de la grande crise du IIIe siècle: De l'avènement de Maximin de Thrace (235) à la mort de Gordien III (244) // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. – B.: De Gruyter, 1975. – Вып. II. 2. – S. 704.]. По крайней мере, к 220/229 году Пупиен уже должен был побывать консулом, поскольку примерно тогда он получил проконсульство в провинции Азия (222–225 гг.?). В 234 году Пупиен был ординарным консулом вместе с Марком Мунацием Суллой Урбаном. В последний год правления Александра Севера Марка Клодия назначили префектом Рима. На этом посту он отметился осмотрительностью и строгим исполнением служебных обязанностей.

Молодой тогда будущий император Гай Мессий Квинт Траян Деций, примерно в 225 году стал квестором, после чего успешно прошёл весь необходимый курс сенатора и уже в 234 году получил назначение наместника Нижней Мёзии, а в 235 году – Нижней Германии.

Ну, а, собственно, будущий преемник Александра Севера, Гай Юлий Максимин (Максимин Фракиец) получил новый пост. Из трибунов преторианцев он продвинулся в префекты лагерей и прокураторы провинций». Ч. Уиттекер, базируясь на сообщениях Зосимы и Аврелия Виктора, предполагает, что после трибуната Максимин возглавил какую-то ауксилию, а затем был военным наместником – «префектом общин мезов и трибаллов» (лат. *praefectus civitatum Moesiae et Trebellia*).

Как уже сказано в первой главе, уцелели в репрессиях Гелиогабала бывший консул 216 года и личный друг Каракаллы Публий Катий Сабин и его семья. Сам Сабин никак не засветился при Александре, возможно, он умер, но вот сыновьями или внуками Сабина были, вероятно, консулы-суффекты Луций Катий Целер (241 г.) и Гай Катий Клемент (235 г.). Также его сыном мог быть консул 230 года Секст Катий Клементин Присциллиан. В 231–234 годах он был легатом Верхней Германии, при котором аламанны совершили первое вторжение на римские земли и захватили Декуматские поля. Это не испортило отношений Присциллиана с армией и в 235–238 годах Максимин назначил его легатом Каппадокии.

А вот ещё один друг Каракаллы, Гай Октавий Аппий Светрий Сабин при Александре никак не замечен, возможно, он потерял влияние, не сойдясь характерами с новым императором. Видимо, он жил в своём доме на Авентине, участвовал в заседаниях Сената, хотя новых магистратур не получал. Он выполнял свои жреческие обязанности в коллегиях авгуров и понтификов, да ещё женился на 50-м году жизни (в 224 году) на Кальпурнии Фидиане Цейе Эмилиане. Дочь супругов была Аппия Светрия Сабина, вышедшая замуж за некоего Авла Цецину. Вновь поднялся Светрий Сабин при Максимине Фракийце. Между 236 и 238 годами он занимал должность проконсула провинции Африка. По всей видимости, Сабин сыграл значительную роль в восхождении на трон Гордиана III. В 240 году он находился на посту ординарного консула во второй раз вместе с Рагонием Венустом.

Держался наверху старинный род Валериев, чей представитель Луций Валерий Клавдий Ацилий Присциллиан Максим стал ординарным консулом в тяжёлом 233 году. Присциллиан Максим сделал продолжительную и блестящую карьеру в правление целого ряда императоров эпохи кризиса III века, занимал множество гражданских и военных должностей. Отцом его был известный юрист и консул 214 года Луций Валерий Мессала Аполлинарий, а матерью, вероятно, Клавдия Ацилия Присциллиана. Номен «Ацилий» указывает на то, что Максим состоял в родстве с представителями рода Ацилиев Глабрионов. По одной из версий, его мать была сестрой консула 210 года Мания Ацилия Фаустина.

Максим начал свой *cursus honorum* севиром юношеской кавалерийской турмы. Потом он последовательно находился на постах

монетного триумвира и квестора в неизвестной провинции. За этим последовало его назначение на должность городского квестора, после чего он находился на посту претора, ответственного за вопросы опеки и попечительства (*praetor tutelaris*). После этого, в 233 году Максим был назначен ординарным консулом вместе с Гнеем Корнелием Патерном. Имея консульский ранг, Присциллиан стал куратором, ответственным за поддержание в надлежащем состоянии канализации города Рима и берегов реки Тибр.

В 238 году Максим вошёл в число тех представителей италийской знати, которые были задействованы в сенатском восстании против императора Максимиана Фракийца. Он, возможно, сыграл определенную роль в переговорах, которые велись с Гордианом I по поводу провозглашения того императором. Также Максим был комитом нового императора Пупиена. Возможно, он был родственником соправителя Пупиена Бальбина, на что указывает имя сына Максима. В течение этого года Луций также входил в состав коллегии вигинтивиров, состоявшей из двадцати сенаторов, которые временно взяли на себя управление Римским государством. За этим последовало его назначение на пост куратора двух италийских городов – Лавиния и Лаврента.

Видимо, в правление Филиппа Араба Максим впал в немилость. Только при императоре Валериане он получил возможность продолжить свою карьеру. Около 255 года он занимал должность префекта Рима. Вслед за этим, в следующем году Максим во второй раз стал ординарным консулом вместе с Марком Ацилием Глабрионом, с которым, предположительно, состоял в родстве [Inge Mennen. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. BRILL, 2011. p. 124].

Его сыном, вероятно, был консул 253 года Луций Валерий Клавдий Попликола Бальбин Максим.

Благодаря нескольким надписям, нам известна в общих чертах карьера Квинта Арадия Руфина Оптата Элиана. Основные сведения даны в AE1971-490: Co(n)s(ul) / Soda l [is] Augustalis / Agens vice p[r]oco(n)s(ulis) prov(inciae) Af rik(ae) (!) / Leg(atus) Au[g(usti)] pr(o) pr(aetore) provinciarum [Syriae] Coelae item Phoe/[nic(es) ite]m Galatiae / Praef(ectus) [aer(ari) Satu]rni / Praef(ectus) aera[ri mil(itaris)] / [L] eg(atus) leg(ionis) VII[–].

Арадий был представителем знатной семьи из Булла Регия в Проконсульской Африке, выдвинувшейся при Адриане. Его карьера началась при Септимии Севере и ранние этапы её остаются неизвестными. Около 219 года он был кооптирован в *sodalis Augustalis Claudialis*. К этому времени Арадий уже побывал претором, явно при Каракалле, и легатом легиона VII примерно в 215–217 годах. Скорее всего, имеется в виду легион VII *Gemina Felix* в Испании, поскольку Испания всегда была тесно связана с африканскими провинциями. При последних Северах карьера Арадия нисколько не прервалась. При

Гелиогабале он был префектом военной казны (*aerarium militaris*), а при Александре Севере (около 222–225 гг.) – префектом Сатурновой казны (*aerarium Saturni*) – то есть, государственной казны, налоговых и финансовых документов. В 225–226 годах Арадий был легатом-пропретором Галатии, в 226–227 годах – легатом-пропретором Сирии-Финикии, где, одновременно, командовал возрождённым легионом III Gallica, в 228 году Арадий был консулом-суффектом, а в 229–230 годах легатом-пропретором Келесирии в момент начала агрессии против неё персидского царя Ардашира. По крайней мере, таково мнение современной науки. В 238–239 годах Арадий был вице проконсулом провинции Африка и тогда была сделана его главная надпись.

Арадий Руфин был женат на Кальпурнии Фидиане Сейе Эмилиане, дочери консула Гая Меммия Фида Юлия Альба и у них был сын Квинт Арадий Руфин, легат Келесирии в 267 году, убитый Оденатом в Пальмире.

Мы плохо знаем тогдашний состав Сената и отношения нобилитета с Александром Севером. Даже на уровне консулов. Например, нам абсолютно неизвестна карьера обоих консулов 227 года: Марка Нуммия Сенециона Альбина и Марка Лелия Фульвия Максима Эмилиана. А ведь то, что Александр дал им ординарное консульство, говорит об авторитете этих людей в его глазах.

То же самое можно сказать об обоих консулах 231 года: Луции Тиберии Клавдии Помпеяне и Тите Флавии Саллюстии Пелигниане и одном из консулов 233 года – Гнее Корнелии Патерне [Inge Mennen. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. BRILL, 2011. p. 60, 96, 98, 126].

Знаменитый юрист Домиций Ульпиан в последний день марта стал префектом анноны и «другом императора» (Кодекс Юстиниана VIII, 37, 4). Это был ключевой пост в обеспечении стабильных поставок зерна в Рим, ведь нехватка продовольствия неизбежно приводила к гражданским беспорядкам. Конечно, это было сделано усилиями Месы, поскольку Мамея не очень любила Ульпиана.

Кроме того, Ульпиан возглавил Совет императора и немедленно занялся исправлением безумств Гелиогабала и приведением дел империи в порядок. Для этого он получил вдобавок пост начальника канцелярии императора (Элий Лампридий. Александр Север XXVI, 5–6). Так же его деятельность оценивал его современник Дион Кассий.

Был возвращён из ссылки и юрист Юлий Павел, ученик Папиниана и возможный отец первой жены Гелиогабала.

Гней Домиций Анний Ульпиан

Лампридий зачем-то отмечает как нечто новое практику получения должностей в государственном механизме империи, известную и использовавшуюся со времён Августа. Возможно, что-то ко временам Александра ситуация изменилась в сторону усиления власти императора и уменьшения полномочий сената, а теперь Александр вернулся к старым порядкам – досеверовским. И вот Лампридий отмечает, что он лично раздавал гражданские должности, давал и административные посты, относящиеся к прокуратурам. Прокураторов он быстро менял, так что никто из них не выслуживал больше года. Даже если они были хороши, он ненавидел их, называя неизбежным злом. А вот должности высшего ранга: наместников, проконсулов и легатов он никогда не давал в качестве благодеяния, но всегда – руководствуясь либо собственной оценкой их способностей, либо суждением сената. Вот тут мы видим противоположность предыдущей политике Северов, ориентированной как раз на прокураторов в ущерб Сенату.

Важные посты префектов претория Александр поначалу предпочёл согласовывать с мнением сената, хотя это было полномочным правом императора. По крайней мере, кажется, была согласована кандидатура первого префекта, которым вновь стал Юлий Флавиан, уже побывавший на этой должности в 218 году. В первый раз его ставила на этот пост Меса, а потом убрал, видимо, Гелиогабал. Теперь Флавиан был возвращён. О нём нам ничего не известно. Только Зосим

упоминает, что он был не только опытным в битвах, но и хорошо разбирался в гражданском управлении, как и второй префект. А вторым префектом претория был назначен Геминий Хрест, о котором известно, что он занимал пост префекта Египта между 218 и началом 222 года (IGRI 1179). Это был тоже человек Месы. Возможно, именно он тождествен с тем не названным по имени префектом претория, который упоминается в биографии Александра как тот, «кто даже бежал, чтобы не быть назначенным; при этом Александр сказал, что на государственные должности нужно ставить тех, кто избегает их, а не тех, кто их домогается» [Элий Лампридий. Александр Север XIX].

Своим префектам претория он присвоил сенаторское достоинство, чтобы они и были, и назывались светлейшими. Раньше это бывало редко. Обычно префекты получали сенаторское достоинство в момент отставки. Если кто-нибудь из императоров хотел сменить префекта претория, он посылал ему с вольноотпущенником тогу с широкой пурпурной полосой, как передает в жизнеописаниях многих императоров Марий Максим. Александр пожелал сделать префектов претория сенаторами, для того чтобы никто, не будучи сенатором, не мог судить римского сенатора [Элий Лампридий. Александр Север XXI].

Приходится признать, что Александр давал префектам сан патрициев не по окончании службы, а уже в начале. Возможно, это была инициатива сената. Стоит учитывать, что после реформ эта должность была не только военной, *de facto* префект претория стал главой стремительно расширяющегося бюрократического аппарата, эдаким премьер-министром, неудивительно, что пост зачастую стали занимать юристы.

Да и первого префекта Рима Александру тоже предложил сенат. Напомним, что это был Публий Валерий Комазон Евтихиан, ставший префектом города уже в третий раз за последние четыре года. Значит, чем-то он понравился сенаторам, раз они так упорно хотели видеть его на этом посту. Логика была в том, что одни из высочайших постов в империи – префектов претория, должны занимать сенаторы, а не всадники или, тем более, вольноотпущенники.

Так что же мы видим при рассмотрении верхушки римского общества при Александре Севере? А видим мы то, что правительство Александра в своей деятельности опиралось, главным образом, на сенатскую аристократию, выдвинувшуюся наверх ещё при Марке Аврелии и позже при Септимии Севере, а также, на мощные юридические силы, возникшие и пробившиеся наверх во II – начале III века. Оставались наверху и ещё более старые роды. А вот выдвиженцы армии ещё не вышли массово наверх и были отодвинуты сенатом. Серьёзной смены верхушки общества не произошло, что, конечно, стабилизировало ситуацию после безумств Гелиогабала и объясняет восхищение сенаторской историографией Александром. В общем, консерватизм принципов Александра вполне очевиден. А поскольку за Гелиогабалом

не стояло никакой сенатской группировки, то и репрессий не понадобилось, что позволило причислить Александра к «хорошим» императорам.

Большие реформы были произведены в юридической практике и законодательстве. За 1000 лет истории Рим накопил огромное количество юридической документации, которую надо было привести в соответствие современным требованиям и кодифицировать, а бюрократизация империи продолжалась. Законодательная работа велась системно. По словам Лампридия (Александр Север XVI-XVII), император установил очень большое число разумных законов о правах народа и императорского казначейства. Ни одной правовой норме он не давал силы без согласия совета, в котором участвовали двадцать законовеев, из которых первым был тогда Ульпиан, и не менее пятидесяти ученых, так что в этом совете подавалось столько же мнений, сколько их требовалось в сенате для вынесения сенатского постановления (кворум). При этом спрашивалось мнение каждого и записывалось, кто что сказал, но давалось время разобраться и обдумать, прежде чем говорить. Кроме того, у него был обычай опираться на мнение специалистов. Например, если речь шла о праве или делах, приглашались юристы, ученые и хозяйственники, если – о военном деле, то старые военные, заслуженные ветераны, хорошо знавшие местность, порядок ведения войны, устройство лагеря, а также историки: у них он спрашивал, как поступали в случаях, подобных тем, какие разбирались, старинные римские императоры или вожди иноземных племен. Истина рождалась в спорах. Юрист Павел, например, сообщает, что дважды, будучи членом имперского консилиума, он давал юридические советы, которые были отвергнуты императором.

Александр создал фактически городской совет Рима, воплотив в жизнь давно витавшую в воздухе идею. Для этого он назначил в Риме четырнадцать попечителей города – из бывших консулов. Им он приказал разбирать городские дела вместе с префектом Рима, причем при рассмотрении дел требовалось присутствие всех или большинства. [Элий Лампридий. Александр Север XXXIII]. Рим нуждался в средствах на ведение городского хозяйства и глазах для присмотра за порядком.

У него было намерение для всех ведомств и званий ввести особый род одежды, чтобы их можно было различать по одеянию, а также ввести особую одежду для рабов, чтобы их можно было распознавать в толпе народа – с той целью, чтобы помешать им поднимать мятежи, а вместе с тем – не давать рабам смешиваться со свободнорожденными. Против этого возражали Ульпиан и Павел, говоря, что отсюда произойдет очень много раздоров, поскольку люди склонны наносить друг другу обиды. В общем, идею воплотить не удалось. Тем не менее, тот же Лампридий утверждает, что рабы при Александре всегда ходили в рабской одежде, а вот вольноотпущенники – в одежде

свободнорожденных. В проблемы дресскода Александр проник глубоко. Он решал вопрос качества алой полосы на одежде всадников, он позволил старикам пользоваться зимой в случае холода теплыми верхними плащами, тогда как раньше этого рода одежду носили только в дороге или во время дождя. Матронам же он запретил пользоваться в городе плащами, а в дороге – позволил. Следующий раз Европа дорастёт до воплощения идеи униформы для всех государственных служб только в XVIII–XIX веках.

При Александре начались изменения и в других областях внутренней политики. Так, часть императорских провинций стала управляться всадниками, а не легатами-сенаторами. Но были восстановлены и сенатские провинции, ликвидированные Септимием. Эти провинции вновь стали источником дохода для всей Италии, которого она лишилась ранее. Реставрация старых порядков могла больно ударить по жителям провинций, вынужденных теперь отправлять свою продукцию в Италию. И, все же, Лампридий подводя итог действий Александра в этой сфере пишет, что «за все эти многочисленные и великие благодеяния провинциалы смотрели на него как на бога». Это значит, что качество управления провинциями повысилось и продукция их стала равномернее распределяться по всей империи.

Александр начал борьбу с кормлением, как советовал ещё Цицерон, назначив чиновникам государственное содержание. Так произошло с судьями и наместниками, чтобы они не обирали население. Они теперь получали по 100 золотых, двадцать фунтов серебра, по шести мулиц, по два мула, по две лошади, по две выходных одежды, по две домашних, одну купальную, одного повара, одного погонщика мулов, а если они не были женаты, то – по одной наложнице, так как без последних они не могли обходиться. Кстати, это утверждение Лампридия, как и многое в АЖА, вполне подтверждается. Сохранился закон в «Дигестах», который разрешал наместникам провинций брать с собой наложниц, но им запрещалось жениться на них. По сложении с себя должности они должны были возратить мулиц и мулов, лошадей, погонщиков мулов и поваров, а все прочее сохраняли при себе, если хорошо исполняли свои обязанности; если же – плохо, то возвращали в четверном размере – с добавлением осуждения за казнокрадство или вымогательство.

Одновременно, Александр назначил содержание помощникам должностных лиц. Впрочем, он часто говорил, что выдвигать нужно тех, кто может вести государственные дела самостоятельно, а не через помощников. Опять стремился экономить.

Александр пытался ограничить коррупцию. Когда он хотел назначить в провинцию наместника или поставить прокуратора, он объявлял имена претендентов и предлагал всякому, кто обвиняет их в чем-либо, доказать свое обвинение ясными уликами, – если же они не докажут своего обвинения, то сами подлежат смертной казни. Метод, конечно,

не лучший, ибо обвинитель оказывается уязвим, а цена неудачи запредельна. Вряд ли многие на такое отваживались.

В качестве «пряника», наместников провинций, которых по имевшимся у него сведениям хвалили по заслугам все, а не только их приверженцы, он во время своих путешествий возил с собой в своей повозке и награждал подарками в качестве поощрения. Традиция эта сохранилась по сей день, правда мы не знаем, был ли Александр первопроходцем в этой практике. Да и выехал он в провинцию из Рима впервые аж в 231 году.

Лампридий ссылается на мнение друга императора, некоего Энколпия, который, рассказывал, что при виде судьи-вора Александр готов был собственными руками вырвать у него глаза: так сильна была ненависть его к коррупционерам. О том же, по его словам, писал Септимин, обстоятельно исследовавший жизнь Александра. Септимин, при этом, добавлял, что раздражение Александра против тех судей, которые, по слухам, занимались воровством, даже если они не были осуждены, было очень велико: если он случайно видел их, его охватывало душевное волнение, его рвало желчью, лицо его пылало, он даже терял способность говорить. Когда некий Септимий Арабиан, получивший печальную известность после того, как он был обвинен в воровстве, и уже освобожденный при Гелиогабале, явился вместе с другими сенаторами приветствовать нового государя, Александр воскликнул: «О Марна! О Юпитер! О бессмертные боги! Арабиан не только жив, но даже приходит в сенат, может быть, даже возлагает какие-то надежды на меня! Таким, дураком, таким глупцом он меня считает!». Это прекрасно, однако, Лампридий не приводит никаких примеров репрессий против коррупционеров, которых Александр так ненавидел, может всё рвотой и ограничивалось?

Если верить Лампридию, Александр прекратил практику единоличной кооптации новых членов в сенат и ввёл за правило избирать новичков голосами всех сенаторов. К тому же, он назначал сенаторов только по ходатайству людей, занимавших высшие должности в Палатинском дворце, говоря, что тот, кто назначает сенатора, должен быть большим человеком. При этом ходатай брал на себя большую ответственность за своего протеже. Если новый сенатор обманывал ожидания, то его гарант низводился в самый последний разряд граждан, причем не допускалось смягчения наказания. Правда, примеров этого Лампридий опять не приводит, так что кажется, что мера эта оказалась чистой теорией.

Также и все консулы, как ординарные, так и суффекты, назначались теперь, руководствуясь мнением сената.

Вольноотпущенникам он перекрыл дорогу в сословие всадников, разумно утверждая, что сословие всадников – это питомник сенаторов.

Он последовательно поднимал статус членов Сената. Всем сенаторам он позволил иметь в Риме посеребрённые парадные

колесницы и дорожные повозки, считая важным для римского достоинства, чтобы в них ездили сенаторы столь великого города. Правда, теперь именно сенаторы должны были устраивать народу зрелища за свой счёт в обязательном порядке, а не по желанию, как раньше. Государство от организации зрелищ тоже не отстранялось. Александр учредил должность казначеев, которые должны были устраивать зрелища, правда, скромные, на средства императорского казначейства. Таким образом, сокращались государственные расходы. Он намеревался распределить эти зрелища на весь год так, чтобы в общем они занимали всего тридцать дней, но почему-то этого не сделал. Видимо, понял, что формула «хлеба и зрелищ» (*Panem et circenses!*) придумана Ювеналом не случайно [Элий Лампридий. Александр Север XIX, XLIII].

Осознавая необходимость специалистов для государственного механизма, Александр установил содержание риторам, грамматикам, врачам, гаруспикам, астрологам, механикам, архитекторам и назначил им аудитории. Он приказал дать им учеников из сыновей бедняков с назначением этим ученикам продовольственного пайка, лишь бы они были свободнорожденными. Судебным ораторам в провинциях, о которых было известно, что они вели дела бесплатно, он тоже назначил продовольственный паёк. Несомненно, всё это было важными государственными нововведениями, обеспечивающими империю кадрами и создающими социальные лифты. Такое дело могло потянуть только крупное, сильное государство.

При Александре государство поддерживало образование в традиционных учебных дисциплинах, финансово обеспечивая кафедры греческой и латинской риторики и философии в крупных учебных центрах по всей империи. Обширная строительная программа в Риме также потребовала найма специалистов, занимающихся строительством.

В экономике была проведена реорганизация ремесленных коллегий, их деятельность оказалась поставленной под государственный контроль. Он учредил корпорации всех ремёсел, назначил им защитников из их среды и указал, какие из них подсудны каким судьям. Он установил налог на всех ремесленников и на эти деньги велел содержать для общего пользования термы; он назначил и леса на нужды общественных терм. Ещё он увеличил отпуск масла для светильников в термах, тогда как прежде последние не открывались раньше рассвета и закрывались до захода солнца [Элий Лампридий. Александр Север XXIV]. Это была важная реформа, способная дать государству большие средства, вряд ли ограничивавшиеся суммой, достаточной для содержания терм.

Важно отметить, что религиозная политика нового императора характеризовалась терпимостью, что не было свойственно ни предшественникам, ни последователям Александра. Во многом, это

объясняется радикальной религиозностью предшественника, отвергнутой Александром. Это был своеобразный откат. Александр вернул прежние религиозные нормы и правила. Он сохранил привилегии иудеям и, при этом, терпимо относился к христианам. Лампридий рассказывает что-то, похожее на анекдот, который может оказаться и правдой. Когда христиане заняли какое-то место, раньше бывшее общественным, а трактирщики возражали против этого, выставляя свои притязания, Александр в своем рескрипте написал: «Лучше пусть так или иначе совершается поклонение богу, чем отдавать это место трактирщикам».

По утверждению Лампридия, он хотел построить храм Христу и принять его в число богов. Лампридий пишет, что намерению Александра воспротивились римские жрецы, которые, справившись в священных изречениях, нашли, что, если он это сделает, все станут христианами и прочие храмы будут заброшены. Как в воду глядели!

Евсевий Кесарийский сообщает о многих христианах при дворе и в семье Александра Севера (Церковная история VI 28). Уже упомянутый нами христианин Юлий Африкан посвятил Александру Северу свои «Узоры», а святой Ипполит – послание «О воскресении» – Юлии Мамее. В Антиохии аудиенции у Александра Севера и Юлии Мамеи удостоился Ориген. В Палатинском дворце и в общественных сооружениях Александр повелел поместить изречение, услышанное им от христиан: «Не делай другому того, чего не хочешь самому себе».

Вообще же, Александр был и оставался язычником. Он поддерживал хорошие отношения с языческим жречеством, видимо, пытаясь включить христианство в ряд признанных Римом религий, однако христиане оказались непреклонны в своём отрицании язычества. Попытки Александра продолжались всё время его правления, отсюда неровное отношение к христианам, то выражавшееся в поисках компромисса с ними, то выливавшееся в репрессии. Сам Александр, по словам Лампридия, настолько уважал языческих понтификов, квиндецемвиров и авгуров, что позволил им вновь рассмотреть и разрешить иначе некоторые дела касательно священных обрядов, уже решенные и законченные им самим как великим понтификом.

Собственно, Римская империя тогда уже вступила в эпоху глубокого духовного кризиса. По словам Джона Макхью, автора истории Александра Севера, к 250 году мир изменился. Киприан, епископ Карфагенский, написал ответ проконсулу Азии, опровергая его заявление о том, что несчастья, постигшие империю, были проявлением божественного гнева за отказ христиан поклоняться языческим богам: «Мир теперь состарился и не пребывает в той силе, в которой стоял прежде; нет у него и той энергии, и силы, которыми он обладал прежде. Об этом, даже если бы мы молчали, и если бы мы не прибегали к доказательствам из Священного Писания и из божественных установлений, сам мир теперь возвещает и свидетельствует о своем

упадке своим падшим состоянием. Зимой дождей для питания семян не так много; летом у солнца не так много тепла для выращивания урожая; и в весенний сезон хлебные поля не так радостны; и осенний сезон не столь плодотворен в своих продуктах. Слои мрамора выкапываются в меньшем количестве из выпотрошенных и утомленных гор; уменьшение количества золота и серебра предполагает раннее истощение металлов, а обедненные жилы сужаются и уменьшаются день ото дня; земледelec терпит неудачу в поле, матрос в море, солдат в лагере, честность на рынке, справедливость в трибунале, согласие в дружбе, искусность в искусствах, дисциплина в нравах».

В середине III века тогдашняя литература только начинала осознавать, что империя находится в кризисе. А прошло уже почти двадцать лет после убийства Александра Севера. Политическая и культурная мысль часто обращается к памяти предыдущего золотого века. Возможно, это отражение человеческой природы, которая отвергает превратности настоящего ради воображаемого прошлого изобилия. Таким же образом и Александр Север утверждал, что вернул римскому государству его военный, политический и социальный апофеоз времён золотых веков Августа, Траяна и Марка Аврелия [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p.219].

Для значительной части имперской верхушки, жречества и простого народа, по крайней мере, в Италии, «золотой век» империи был тесно связан со старой религией. Древние римские боги привели Рим к могуществу и процветанию, поэтому, чтобы сохранить его, следовало продолжать поклоняться этим богам и традициям. Первую попытку реставрации древней веры предпринял Марк Аврелий и у него это получилось. Империю удалось сплотить. Занимался этим и Септимий Север, хоть и не был римлянином по происхождению. Именно при нём, в 203 году магистр квиндецемвиров священнодействий Тиберий Манилий Фуск, получивший второе консульство при Александре в 225 году, выразил отношение многих людей, обращаясь к сенату: «Ради безопасности и вечности империи вы должны чаще, со всем должным поклонением и почитанием бессмертных богов, посещать самые великие святыни для возлияния и воздаяния благодарности, чтобы бессмертные боги могли передать будущим поколениям то, что построили наши предки». Выражением этого настроения был отказ от верховного божества Элагабала ради восстановления традиционного римского пантеона, который возглавлял Юпитер Оптимус Максимус.

Языческая культура империи держалась на ограниченном слое мыслителей. Например, одним из культурных авторитетов язычества того времени был Клавдий Элиан (ок. 170 – после 222 гг.), писатель и философ, представитель так называемой «второй софистики». Весьма вероятно, что его семья приобрела римское гражданство во времена правления императора Клавдия, поэтому приняла родовое имя

«Клавдий». Элиан был преподавателем риторики, получил известность ещё при Септимии Севере и пережил Гелиогабала. Он предпочитал греческих авторов и сам писал на греческом, нарочито архаизированном. Согласно его современнику Флавию Филострату, он приобрёл такое знание греческого языка и греческой риторики, что его называли μελίγλωσσος («медовый язык»).

Согласно Флавию Филострату: «Хотя Элиан был римлянином, он владел аттическим языком не хуже природных афинян. Мне думается, что человек этот заслуживал всяческой похвалы, во-первых, потому, что добился чистоты языка, живя в городе, где на нем не говорили, и, во-вторых, из-за того, что не поверил угодникам, величавшим его софистом, не обольщался этим и не возгордился столь почетным наименованием; поняв, что у него нет необходимых для оратора дарований, он стал писать и этим прославился. Главная особенность его книг – простота слога, напоминающая чем-то прелесть Никострата, а иногда приближающаяся к манере Диона... Этот человек уверял, что не выезжал никуда за пределы Италии, ни разу не ступил на корабль и не знаком с морем. За это его ещё больше превозносили в Риме как блюстителя древних нравов. Он был слушателем Павсания, но восхищался Геродотом, считая его самым разносторонним из ораторов» [Флавий Филострат. *Жизнеописания софистов*, II 31].

Элиан не был женат и не имел детей. Единственная государственная должность, которую он занимал, – это должность жреца святилища Фортуны в Пренесте, где он родился и прожил почти всю жизнь.

Две его работы, дошедшие до нас, *De Natura Animalium* (О природе животных) в 17 книгах и *Varia Historia* (Пёстрые рассказы) в 14 книгах, представляют собой сборники рассказов о животных и людях, выписанные из различных древних источников. Ничего научного в них нет, просто интересное чтение, поэтому не совсем понятна та крайняя степень восхищения Элианом со стороны Филостата, работы которого выглядят куда более глубокими.

Другим «властителем дум» III века был Аммоний Саккас (175–242 гг.). Он занимал видное место в интеллектуальном плавильном котле Александрии. По сообщению Феодорита, Аммоний происходил из бедной христианской семьи, работал грузчиком в порту Александрии, откуда и получил своё прозвище «Саккас» (от слова σάκκος, мешок). Аммоний был учителем Оригена, видимо, и в христианстве, и в язычестве. По утверждению неоплатоника Порфирия, противника христиан, Аммоний отказался от христианства, после того, как познакомился с греческой философией. С этим фактом не соглашаются христианские авторы Евсевий и Иероним, которые утверждают, что Порфирий сознательно говорит неправду и Аммоний оставался христианином на протяжении всей жизни. По сообщениям Гиерокла и Немезия (V век), Саккас утверждал, что учения Платона и Аристотеля по существу согласуются. Результатом размышлений Аммония было

создание философской системы, синтезировавшей все известные религии, утвердившей единый универсальный принцип и общую систему этики. Аммоний Саккас и его ученики были первыми, кто стал употреблять для этого термин «теософия».

В 232–242/243 гг. Аммоний был учителем основателя неоплатонизма Плотина, хотя духовный расцвет последнего пришёлся на время уже после смерти Александра Севера.

Плотин (204–270 гг.) был родом из Египта, поэтому неудивительно, что приехал учиться в Александрию. В 242 году, чтобы познакомиться с философией персов и индийцев, он сопровождал императора Гордиана III в персидском походе. В 244 году переехал в Рим, где основал собственную школу. Здесь сложился круг его последователей, объединяющий представителей различных слоев общества и национальностей. В 265 году, под покровительством императора Галлиена, Плотин предпринял неудачную попытку осуществить идею платоновского государства – основать город философов, Платонполь, который явился бы центром религиозного созерцания. Следуя духу своего времени, идеи Плотина сочетали аристотелевскую логику, стоическую космологию и платоновскую метафизику. Его работы способствовали изучению и стремлению к добродетели, чтобы возвысить божественную суть человека. Но он призывал отказаться от мира материализма, на чём и проиграл христианству.

Рука об руку с рождением неоплатонизма шел ренессанс идей Пифагора, весьма похожий по сути. Пифагорейцы превозносили концепцию *philia* (дружбы) между греческими и «варварскими» идеями, точно так же, как сам Пифагор использовал идеи, уже поддержанные халдеями, египтянами и греческой религией. Его последователи признавали, что эти идеи повлияли не только на их собственные работы, но и на их образ жизни. Аммоний Саккас хотел смешать разные идеи «в один и тот же дух». Эти идеи находили отклик при императорском дворе, поскольку были направлены на формирование единого общества. Неопифагорейская школа была основана в Апамее в конце второго века, недалеко от Эмесы. Нумений, основатель школы, посвятил свою жизнь тому, чтобы проследить развитие идей Пифагора и Платона в религиозных верованиях египтян, мистериальных культах и иудаизме. Весьма вероятно, что и Юлия Домна, и Юлия Мамаея в молодости посещали эту школу. В более позднем возрасте Юлия Домна попросила Филострата написать отчет о мистике первого века и неопифагорейском философе Аполлонии Тианском. Все работы Аполлония сейчас утеряны, но говорят, что он был чудотворцем, обладавшим силой воскрешать мертвых и исцелять больных. Более поздние язычники проводили сравнения его с Христом, чтобы подорвать основные положения христианства. Работа, вероятно, была заказана в конце жизни Домны, так как она не была завершена к ее смерти и не была посвящена ей. В это время императрицу

сопровождала Юлия Меса, которая, несомненно, принадлежала к литературному и интеллектуальному кругу сестры. Филострат завершил работу, вероятно, около 222 года. И Юлия Меса, и Александр Север разделяли неопифагорейское интеллектуальное любопытство и открытость идеям.

Флавий Филострат Старший (170–247 гг.) был софистом греческого происхождения, предки которого получили римское гражданство при Флавиях. Вероятно, он родился на Лемносе, учился и преподавал в Афинах, а затем поселился в Риме, где был включен в кружок приближенных императрицы Юлии Домны, став её придворным ритором.

До нашего времени сохранились пять или шесть литературных трудов Филострата. Одной из них и была книга «Жизнь Аполлония Тианского», заказанная Юлией Домной. Более поздняя работа Филострата, «Жизнеописания софистов», завершённые между 231–237 гг., повествуют о жизни ряда софистов с древних времен до эпохи самого Филострата. Этот труд был посвящен Антонию Гордиану, возможно, консулу-суффекту 222 года и будущему императору Гордиану I или его сыну, будущему Гордиану II. В своей работе Филострат вспоминает дискуссию о софистах с Гордианом во время пребывания с императорским двором в Дафне, пригороде Антиохии, в 215/216 году. Старший Гордиан присутствовал там в качестве члена императорского совета, а его сын был либо легатом IV Скифского легиона, либо находился в окружении отца. Оба Гордиана оставались видными фигурами и в правление Александра Севера. Гордиан Старший, возможно, был легатом Келесирии в 223–225 гг. Похоже, что беседы в Дафне действительно вдохновили Филострата на написание своих жизнеописаний, хотя с тех пор прошло много лет. Хотя, может быть, эти беседы происходили как раз в 223–225 годах. Сам Филострат был озабочен восстановлением золотого века греческих культурных традиций. Это «Второе софистическое движение» зародилось в конце первого века и закончилось вторжениями варваров и гражданскими войнами, которые поставили империю на грань разрушения после 235 года. Сторонники его сосредоточились на восстановлении чистоты ораторских приемов, правильном использовании языка и воспроизведении риторических стилей, преобладавших в Афинах около 400 г. до н. э. Эти высокообразованные люди были уважаемы римскими властями, которые использовали их как интеллектуальную элиту общества, которая должна была поддерживать высокий уровень развития античной цивилизации.

Конечно, Филострат был не единственным софистом. Тот же Филострат ссылается на Валерия Апсина из Гадары, который был удостоен консульства в 238 году Максимином Фракийцем, что означает начало его государственной карьеры как раз при Александре.

Другие современные софисты, упомянутые Филостратом, включают Никагора Афинского, чьи работы, включая тринадцать книг «О проблемах», теперь утеряны. Его большим соперником был Гипподром, занимавший кафедру риторики в Афинах примерно с 213 года. Другие включают вышеупомянутых Апсина из Гадары и Филострата из Лемноса, а также Гераклида из Ликии и Филиска из Фессалии, которые занимали кафедры риторики. Философские школы в Риме и Афинах считались равными, за ними следовала Александрийская. Риторические школы также существовали в Эфесе и Смирне. Существовала школа в Бейруте, которую посещал сам Ульпиан. Согласно Свиде, в эти годы Аспасий Тирский написал «Искусство риторики», в то время как Диоген Лаэртский, как некоторые полагают, завершил свой труд «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» в десяти книгах тоже во времена правления Александра Севера. Эта работа была написана в том же духе, что и «Жизнеописания софистов», и представляет собой обзор выдающихся философов от Фалеса до Эпикура. Филострат утверждал, что философы его времени не уступали своим более прославленным предшественникам.

Сириец по происхождению Александр Север, желая продемонстрировать свою любовь к учебе и покровительство эллинистической культуре, принял предложение афинского гражданства. Примечательно, что Гелиогабал тоже имел афинское гражданство.

В Римской империи III века, очевидно, все еще были популярны публичные речи и дебаты. В Риме ещё оставались крупные историки и биографы. Их работы приветствовались и читались литературной элитой империи. Марий Максим, вероятно, закончил составлять свои биографии императоров от Нервы до Гелиогабала после второго консульства в 223 году, в то же время как Кассий Дион удалился в свои поместья в Вифинии, чтобы внести последние штрихи в свою гигантскую «Римскую историю» из 80 книг. Историография сохраняла своё значение и далее, однако историки III века почти не дошли до нас, за исключением Геродиана и фрагментов Дексиппа. Ну, есть ещё незначительные фрагменты «Римского тысячелетия» Гая Азиния Квадрата, а также христианских «Хроник» Ипполита и Юлия Африкана.

К этим интеллектуальным кругам можно добавить юристов, создавших множество юридических трактатов, в том числе *Responsa* в девятнадцати книгах, составленных Модестином, в то время как Павел написал аж 320 книг, часть из них при Александре Севере. Элий Марциан также написал множество комментариев, а его *Institutiones* часто цитируются в Дигестах Юстиниана. Марциан и Модестин, оба ученики Ульпиана, продолжали его работу по распространению римского права, насколько это было возможно, пытаясь установить суверенитет закона над всеми вещами, как человеческими, так и божественными. Для Элия Марциана закон был изобретением и даром

богов всему человечеству, независимо от рождения. Лициний Руфин, подобно Ульпиану, выпускник юридической школы в Берите, написал *libri Regularum*, из которых в «Дигестах» сохранились лишь фрагменты. После своей карьеры при дворе Александра Севера в качестве либеллиса в 223-225 гг., он был избран в Сенат и поднялся до консулата. Он оставался влиятельной фигурой даже после падения Александра Севера. Ещё одним юристом поздних Северов был Эмилий Макр. Его книга об обязанностях наместников провинций, озаглавленная *de officio praesidis*, могла быть написана при Каракалле или Александре Севере. Его труд *de appellationibus* определенно был написан при Александре. Именно в юридические тонкости ударились римская общественная мысль в эпоху Северов, пытаясь построить идеальное государство. Отсюда такой всплеск деятельности великих юристов и увлечение законами. Имперские власти пытались заменить волю богов на «букву закона». Сохранению империи это никак не помогло, но стало основой общественного устройства постимперских варварских государств Европы.

Что же в итоге? Тут можно сказать следующее. Правление Александра Севера было эстетическим и интеллектуальным финалом классической римской культуры. В сочинении Кассия Лонгина «О концах», написанном уже во времена солдатских императоров и посвященном Плотину, перечислены девять недавних платоников и восемь стоиков, но он сетует на то, что во время его написания было гораздо меньше философов, чем в годы его юности в 230-х годах.

Доверие людей к традиционным богам и старой культуре все больше подвергалось сомнению. Новые религии предлагали новые отношения с божественным, где духовный прогресс вознаграждался в загробной жизни. Многих привлекали мистические культы. Посвященные Митры видели в нем посредника между Небом и Землей, в то время как последователи Орфея пытались очистить свой разум и тело, воздерживаясь от мяса и других загрязнений, включая контакт с рождением и смертью. Поддержание чистоты души было необходимо для достижения загробной жизни.

Однако, ни одно из новых направлений не давало гражданам империи того, что им было нужно. Главной проблемой теософов, неоплатоников, неопифагорейцев, вторых софистов и им подобных была интеллектуальная оторванность от жизни, некая элитарность, не позволявшая дать широкое распространение их идеям. Поэтому в борьбе за души народа постепенно побеждало христианство. Оно было главной из религий, обещавших бессмертие души. На рубеже третьего века во всей империи насчитывалось всего 200 000 христиан, или около 0,5 % населения. Но в течение следующих 100 лет христианство быстро распространялась. Поначалу оно привлекала бедняков, поскольку ранняя церковь подчеркивала важность сохранения тела после смерти и обещание воскресения означало, что они могли использовать

трупоположения на кладбищах, в то время, как большинство из них не могло позволить себе личную усыпальницу или взносы, необходимые для членства в похоронном товариществе. Принятие христианства также не включало в себя долгих и сложных церемоний и утверждало веру в единого доброго бога. Очень привлекала и возможность искупления грехов, и идея воскресения, и равенство всех перед богом. Привлекали безупречные моральные принципы. Поэтому в третьем веке христианство стало всё шире распространяться также среди знатных, и богатых римлян.

Кто определял интеллектуальный и моральный уровень тогдашнего христианства в империи? Здесь можно выделить нескольких человек.

Секст Юлий Африкан (ок. 160–240 гг.) происходил из семьи римских колонистов, когда-то перебравшихся из Африки в Иерусалим. В молодости Африкан служил в армии Септимия Севера и участвовал в Восточном походе 195 года. Потом он был префектом городка Эммаус, разрушенного землетрясением 221 года. Африкан возглавлял посольство жителей города к Гелиогабалу и добился его восстановления. Видимо, Гелиогабалу он посвятил свою «Хронографию» из 5 книг, заканчивающуюся именно 221 годом. Он, очевидно, был очень образован, говорил по крайней мере на латыни и греческом, возможно, также немного на иврите. Африкан имел хорошие связи и часто посещал высшие круги; например, он поддерживал хорошие отношения с королем Абгаром VIII в Эдессе, при дворе которого он находился несколько раз. Именно там он познакомился с христианским философом Бардезаном, своим духовным учителем. До 221 года Юлий Африкан слушал также лекции Геракла в Александрии и дружил с Оригеном. При Александре Севере Африкан вновь приехал в Рим, где, по поручению императора, им была основана общественная библиотека при Пантеоне и написана энциклопедия «Узоры» (греч. *Κεστοί*), содержащая сведения из области естественных наук и военной тактики. Энциклопедия сохранилась лишь во фрагментах в составе оксиринхских текстов. Евсевий в своей «Церковной истории» делает краткий, но благоприятный отзыв о своём предшественнике. Он называет его: «немаловажным историком».

Святой Ипполит Римский (ок. 170–235 гг.) был одним из самых плодотворных раннехристианских авторов, мучеником, при этом вторым антипапой (217/218–235 гг.). Хотя Ипполита упоминают многие авторы, исторически достоверных свидетельств о нем крайне мало. Точная идентификация его личности и аутентичность отдельных произведений, приписываемых ему, остаются предметом научных дискуссий.

Известно, что он трудился в Риме, но писал на греческом языке, образование его носило эллинский характер. Он мог быть римским уроженцем греческого происхождения, однако большинство патрологов считает, что он приехал с Востока в зрелом возрасте.

Патриарх Фотий называет его учеником Ириния Лионского, хотя неизвестно, знал ли Ипполит лугдунского епископа лично. Ипполит был ревностным поборником католической Церкви и боролся словом и делом с ересями того времени, в основном антиринитарными.

В своих богословских трудах Ипполит выступает трудолюбивым, педантичным собирателем мыслей, высказанных его предшественниками. В своей главной работе, «Философумене», он пытается свести источник всех ересей к трудам древнегреческих философов. Ему приписывается также «Апостольское предание», запечатлевшее литургию и обряды, которые были приняты в Риме нач. III века. Ипполит был высокоморальным и требовательным человеком; он был глубоко оскорблен тем, что папа Каликст стал отпускать тяжчайшие грехи вроде прелюбодеяния. Из-за этого для его сочинений характерна непримиримость и вечный полемический тон. У Ипполита была и «Хроника», доведённая до 234 года, однако она почти полностью утрачена.

Решив, будто папа Зефирин (ок. 198–217 гг.) стал уклоняться в ересь, Ипполит отделился от него и создал свою общину. Усилило его оппозиционные настроения избрание папой Каликста, и он продолжал оставаться антипапой при папах Урбане и Понтиане. С последним он был сослан императором Максимином «на чумной остров Сардинию в рудники», где, видимо, и умер. Согласно традиции, на Сардинии произошло примирение Ипполита и Понтиана, после чего Ипполит отказался от епископского сана. Папа Фабиан (236–250 гг.) торжественно перезахоронил мощи Понтиана и Ипполита в Риме.

Крупнейшим христианским мыслителем первой половины III века был Ориген Адамант (ок. 185 – ок. 253 гг.). Он родился в Александрии, где в 202 году был убит его отец – христианин Леонид. Ориген спал на голой земле, постился, не носил обуви, не имел смены одежды. Ходили слухи, что он даже оскотил себя. Учился Ориген в Александрийской богословской школе, которую возглавлял Климент Александрийский, но был также учеником неоплатоника Аммония Саккаса. С 203 года сам преподавал философию, теологию, диалектику, физику, математику, геометрию, астрономию. После того как Климент покинул Александрию из-за репрессий, Ориген возглавил школу и был её наставником в 217–232 годах, после чего впервые был осуждён за слабость, проявленную во время гонений 231 года и уехал в Кесарию Палестинскую, а затем в Тир. Во время очередной волны антихристианских репрессий при императоре Деции, Ориген был брошен в тюрьму и подвергнут пыткам, от которых вскоре умер.

Популярность Оригена, его влияние и при жизни, и после смерти были огромны. Как мыслителя его сравнивали с Августином Блаженным. Он написал 2000 сочинений. Главный труд Оригена – «Гексапла» – первый в истории образец научной библейской критики. Гексапла представляла собой шесть (отсюда название)

синхронизированных изводов Ветхого Завета, с целью установления критически выверенного текста Писания. Текст этого (колоссального по объёму) труда дошёл до наших дней лишь во фрагментах.

Ещё Ориген выступал сторонником платоновской идеи предсуществования душ и конечного спасения всего сущего (апокатастасис). Но именно эти идеи были сочтены церковью еретическими и в 543 году он был признан еретиком и вскоре предан анафеме, хотя и сохранил уважение в христианских кругах.

В целом, учение Оригена, явившее собой первое системное изложение идей христианства в философском контексте, оказало значимое воздействие на творчество последующих мыслителей.

Одним из великих христианских писателей эпохи Северов был Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан Карфагенский (155/165-220/240 гг.). Он родился в Карфагене в семье римского центуриона, адъютанта проконсула Африки. Он не был священником и был женат на христианке. Тертуллиан превосходно знал Священное Писание и греческих авторов. До нас дошло 31 сочинение Тертуллиана, все его труды посвящены темам, имевшим практическое значение: отношению христиан к язычеству, которое у него было враждебным, вопросам христианской морали, которая у Тертуллиана была очень строгой, и опровержению ересей. В зарождавшемся богословии Тертуллиан один из первых выразил концепцию Троицы. Положил начало латинской патристике и церковной латыни – языку средневековой западной мысли.

В его время христианство уже процветало в Северной Африке, и он с гордостью заявлял, что «такова наша численность, составляющая почти большинство в каждом городе», добавляя, грубым языком, что «земля стонет от нашей численности». Пусть Тертуллиан и преувеличивал, но в 220-х годах уже семьдесят африканских и нумидийских епископов собрались на Первом Карфагенском соборе, созванном Агриппином, епископом Карфагена. К началу 240-х годов их число выросло до девяноста, собравшихся на Втором Карфагенском соборе, созванном епископом Донатом. Эти цифры, вероятно, предполагают, что двадцатая часть населения провинций Северной Африки уже были христианами [John S. McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 224].

Блеск литературного стиля Тертуллиана и его ученика Киприана отражает высокую культуру и образованность греко-римской элиты, воспитанной на литературных классиках Древней Греции и Рима. И вот эти культурные и образованные люди стали в довольно большом количестве переходить в христианство, что только подтверждает кризис древних религий.

Конечно, переход в христианство образованных людей привёл к появлению ересей, являвшихся неизбежным следствием духовного

поиска неординарных личностей, но таким образом шло выкристаллизовывание канонического христианства и рос общий интеллектуальный уровень христианской общины. Время от времени римские власти, часто по инициативе «снизу», устраивали очередную порцию гонений на христиан. Именно при Александре Севере христиан продолжали убивать по всей империи и известно немалое число почитаемых мучеников, казнённых в его время. Среди таковых, можно назвать, например, 16-го римского епископа Каликста I (217-222 гг.), Калеподия (222 г), Астерия (222 г.), святую Татьяну (226 г.), святую Мартину (226/228 г.), святую Цецилию (230 г.), 17-го епископа римского Урбана I (222-230 гг.). В 231 году в Александрии чуть не погиб Ориген. Многие историки сомневаются в личной причастности Александра к казням христиан и в 222 году, очевидно, так и было по причине малого возраста императора. А вот как было позже, сказать сложно.

Первые гонения 222 года мы подробно описываем ниже, а следующие произошли в самом начале 226 года, когда в Риме была замучена святая Татиана. Согласно Димитрию Ростовскому Татиана родилась в Риме в богатой и знатной семье (отец её трижды был консулом). Её родители были христианами и так же воспитывали свою дочь. Оценить это сообщение весьма сложно. Никаких трижды консулов начала III века мы не знаем, даже если бы два из трёх консульств были суффектными. Допустим, что отец Татианы был очень знатным человеком, приближённым к императору. Однако, тут возникает второй вопрос – как христианская семья такого уровня могла существовать на самой верхушке римского общества? По нашему мнению, никак. О таком скандале мы наверняка бы узнали от римских или христианских историков. Так что, агиографы явно погорячились, приписав отцу Татианы столь высокий ранг. В самом житии святой Татьяны прямо рассказывается о трудностях исповедования своей веры семьёй Татианы, о том, как они пробирались по ночам в катакомбах, о требованиях языческих жертвоприношений от властей и так далее. Для патриция и трижды консула такое немыслимо. Значит, надо снизить ранг отца Татианы до приемлемого. Но, двинемся дальше. Достигнув совершеннолетия, Татиана решила не выходить замуж. Димитрий Ростовский сообщает, что за свою добродетельную жизнь она была поставлена диакониссой.

А в начале 226 года вспыхнуло в Риме гонение на христиан, неизвестно чем вызванное. Велено было, чтобы все граждане принесли жертвы богам, и хватали всех, кто отказывался исполнить это повеление. Среди схваченных оказалась и Татиана. По словам Димитрия Ростовского, Татиану подвергли невообразимым пыткам и в конце концов отсекли голову мечом, как и её отцу. Мученическая смерть Татианы произошла 12 января 226 года. Из текста жития выходит, что руководил пытками Татианы лично Ульпиан, который, как мы знаем, был убит в конце 223 года. Ещё называются комит Виталий,

кубикуларий Басс, domestik Гай. Именно они непосредственно проводили репрессии в этот раз. Мы не знаем никого из названных людей, поэтому никак не можем оценить текст жития.

Святая Татьяна, как Мученица первых веков Христианства, почитается и в Православной, и в Католической церквях, однако широко её почитание распространилось только среди восточных христиан. На западе имя Татьяна считается русским и употребляется только в некоторых, по большей части славянских, странах. Татьянин день (25 января по новому стилю) считается в России днём студента в честь открытия Московского университета в 1755 году.

Возможно, в ходе той же волны преследований, 30 января 226 года погибла ещё одна римская святая – Мартина, также называемая дочерью консула. Её судьба практически идентична судьбе святой Татьяны. Возможно, здесь мы видим сознательную «зачистку» римского чиновничества от проникшего в него христианства. Кто её организовал, мы не знаем, но вряд ли Александр, скорее сенатские и жреческие круги.

В последний раз гонения на христиан в Риме при Александре Севере произошли в 230 году, когда погибли папа Урбан I и святая Цецилия. На этот раз гонения опять происходили в самом Риме где-то между февралём и ноябрём. Урбан I был 17-м епископом города Рима с октября 222 года, то есть, после первого преследования христиан при Александре. О нём практически ничего не известно, в том числе и о смерти. Известно только, что в 230 году он прятался от гонений в катакомбах у Аппиевой дороги. Память его у православных отмечается 12 февраля, а у католиков 25 мая, что выглядит более обоснованным. Святая Цецилия же снова оказывается женщиной знатного происхождения, но, кажется, родители её были язычниками. По крайней мере, они выдали дочь замуж за знатного язычника Валериана. Последний явно был влюблён в невесту без памяти, поскольку, по её уговорам (и уговорам Урбана I), согласился перейти в христианство и отказался от телесной жизни с женой. Мало того! Он уговорил креститься и своего родного брата Тибуртия. Неофиты вели себя достаточно открыто, в том числе хоронили тела замученных христиан, так что скоро на них поступил донос. Префект Рима Турций Алмахий (нам неизвестен, да и имя явно неверное) решил воспрепятствовать деятельности молодых христиан, вызвал их на допрос и приказал принести жертвы языческим богам, на что получил отказ. Тогда братьев вывезли за город и казнили, видимо, 14 апреля. Цецилию сначала не трогали, и она какое-то время провела на свободе. Однако позже и она была схвачена, подверглась пыткам, продержалась в тюрьме до 22 ноября, когда была казнена тремя ударами меча, которыми палач пытался отрубить мученице голову. Больше трёх раз бить было нельзя, поэтому Цецилию бросили недобитой в камеру, где она и скончалась в муках через три дня. И вновь мы видим репрессии

против довольно знатных римлян, хотя в рассказе об этих событиях, христианские источники упоминают казни и простых горожан. Вот таким «любителем христиан» был император Александр Север.

Империя тогда все еще страдала от последствий чумы Антонина, которую принесли вернувшиеся солдаты Луция Вера, победившие парфян в 166 году. Симптомы, описанные римским врачом Галеном, предполагают, что это, вероятно, была опасная форма оспы. В 189 году Дион Кассий отмечал, что каждый день в антисанитарных условиях столицы умирало по 2000 человек. В результате этой катастрофической эпидемии, по оценкам историков, погибло от 7 до 33 процентов населения империи. При раскопках катакомб святых Петра и Марцеллина в Риме было обнаружено братское захоронение конца второго и начала третьего веков. На скелетах не было никаких признаков травм костей, что позволяет предположить, что они погибли не от поражения холодным оружием, а от эпидемии. Сохранившиеся в засушливых условиях египетской пустыни папирусы дают представление об экономических последствиях этой чумы. В одной деревне общая площадь обрабатываемых земель резко сократилась с 158 по 216 год нашей эры. Нехватка рабочих рук привела к значительному росту заработной платы батраков, в то время как документация, свидетельствующая о сборе налога с производителей пшеницы, говорит о падении их доходов начиная со 184/5 года.

Еще одна разрушительная вспышка чумы произошла в 250–258 годах, поразив империю, уже охваченную гражданскими войнами и вторжениями варваров практически на всех ее границах. Понтий Карфагенский описывает его ужас: «После этого разразилась страшная чума, и чрезвычайное опустошение ненавистой болезнью охватило каждый дом трепещущего народа, унося день за днем внезапными нападениями бесчисленное количество людей. Все содрогались, бежали, сторонились заразы, нечестиво избегали своих друзей, как будто сторонясь того, кто непременно умрет от чумы, можно было избежать самой смерти. Между тем по всему городу [Карфагену] лежали уже не тела, а груды тел, и живые, созерцая жребий, который, в свою очередь, был предназначен и им, требовали от прохожих жалости к себе».

Одни историки считают это продолжением чумы Антонина, другие – новой болезнью. Тем не менее, растёт убеждение, что оба случая были вспышками оспы. Демографический спад второго-третьего веков явно связан с этими эпидемиями. Стоимость рабочей силы и товаров выросла, что привело к сокращению сельского хозяйства и ремесла, хотя ожидалось, что с городов по-прежнему будет взиматься та же сумма налогов, что и раньше. Трудность удовлетворения этих требований привела к увеличению числа кураторов и увеличению требований к сельской бедноте со стороны землевладельцев. Вдобавок к этому климатологи отмечают, что со второго века в Европе

становилось все холоднее и влажнее, отчего начала падать урожайность. Экономические последствия всего этого приводили к дальнейшей дестабилизации государственных финансов.

Финансовое же состояние империи было тяжёлым. Оно и в лучшие-то времена было ненадежным, но увеличение армейского жалованья Септимием Севером и Каракаллой сделало задачу уравнивания доходов и расходов почти невозможной. Макрин попытался уменьшить жалованье новобранцам и совершил ошибку, поскольку это способствовало восстанию, свергнувшему его. Александр Север и его мать знали, что повторять эту ошибку нельзя. Но где было взять деньги?

Предыдущие повышения жалования повысили ожидания солдат. Расходы на армию оцениваются в 286–370 миллионов денариев в год, считая деньги на флот, пенсии, пожертвования, закупку ресурсов и продовольствия для содержания войск. Только зарплата легионам обходилась теперь в 100 миллионов денариев (160–170 тонн серебра). А ведь испанские рудники давали не более 200 тонн серебра в год. И ещё сколько-то балканские. Как же императору было изыскать нужные средства? Никакая военная добыча не была бы достаточной, ибо на границах империи жили бедные племена, кроме персов, которые, как вскоре оказалось, сами вполне били римлян. Основные средства нужно было добывать внутри империи. Поздний римский историк Зосим, вероятно, основывая свое сообщение на утерянном источнике, прямо заявляет, что сам император «заразился ненасытной алчностью, накапливая богатства с величайшей заботливостью, которые он доверил заботе своей матери». Геродиан обвиняет Мамею в жадности и ненасытном желании увеличить доход. Император якобы критиковал за это свою мать, но он, постепенно, становился таким же скопидомом. Каким же способом можно было добыть деньги внутри империи? «Плохих» императоров, таких как Коммод, Каракалла и Максимин Фракийец, сенаторские историки обвиняют в алчности, поскольку они стремились обложить богачей дополнительными налогами. «Хорошие» императоры находили необходимые деньги за счет сокращения имперских расходов, получения военной добычи и обдирания простого народа. Как действовал Александр? Геродиан говорит о «конфискации унаследованного имущества некоторых людей» (VI, 1, 7). Историк также ссылается на значительное количество судебных процессов по обвинению в государственной измене, в результате которых виновные избежали смертной казни. Однако осуждение наверняка привело к их изгнанию и конфискации их имений, которые были добавлены к имперскому фиску. Вряд ли это были сенаторы, скорее всадники и чиновники-плебеи.

Дион Кассий в вымышленной речи Мецената к Августу пытался предложить решение проблем, с которыми столкнулась империя во времена Александра Севера. Он признавал важность получения

устойчивых и надежных доходов для обеспечения ресурсами армии, которая обеспечивала безопасность империи. Однако делать это следовало без привлечения активов элиты. Вместо этого сенаторский историк, сам владеец огромных поместий в Италии и в своей родной Вифинии, призывал императора полагаться исключительно на ресурсы самого государства за счет доходов, полученных от государственных рудников и имперских поместий. Он также выступал за продажу всего имущества, приобретенного государством во время гражданских войн, с целью использования прибыли для предоставления дешевых ссуд для поощрения возделывания запустевших земель, что увеличит доходы. Он предполагал, что любой дефицит между доходами и расходами может быть покрыт за счет косвенного налогообложения. Богатство в первую очередь основывалось на земельных владениях, однако, тут была трудность-элита возмущалась любой попыткой государства использовать её активы для покрытия расходов империи. Императоры, угрожавшие их привилегиям и богатству, характеризуются как жадные и скупые. Александра сенатские историки щадили, но очевидно, что и он прибегал к подобным мерам.

Драгоценных металлов в Риме всё больше не хватало. Запасы золота и серебра, как мы уже указали, были ограничены и предложение не соответствовало спросу, особенно касаясь серебра. Монету стали портить, что привело к неуклонному обесцениванию сребренников. Каракалла ввел антониниан, который должен был быть эквивалентен двум денариям, но он содержал только 50 процентов серебра, то есть такое же содержание драгоценного металла, как один полноценный денарий. Содержание золота в ауреусе также было немного уменьшено Септимием Севером: из фунта золота стали чеканить пятьдесят ауреусов, а не сорок пять как раньше. Понятно, что люди оценивали такие монеты дешевле, поэтому на тех, кто не принял теоретическую ценность монеты, налагались суровые наказания. Вероятное недоверие к антониниану привело к тому, что Гелиогабал прекратил его выпуск. После этого антониниан вырос в цене и Александр возобновил чеканку. Александр, похоже, пытался остановить падение доверия, отказавшись от дальнейшего обесценивания монет, сохранив, например, обменный курс одного ауреуса в двадцать пять денариев, хотя это привело к дефициту денежной массы. Возможно, по этой причине была выпущена серия монет с надписью IMP.SEVER.ALEXANDER. AUG. RESTITVTOR. MONETAЕ («восстановитель монеты»). Однако чистота монет не была восстановлена до уровня, существовавшего до Септимия Севера, что позволяет предположить, что это утверждение было просто пропагандой [John S. McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 203-205].

Лампридий пишет, что тогда же, когда подать была уменьшена до одной трети золотого, были отчеканены и трети золотых, причем Александр говорил, что будут и четверти золотых, но чеканить более

мелких монет он не смог. Отчеканенные уже четверти золотых он задержал на монетном дворе с тем, чтобы выпустить их, если окажется возможным дальнейшее уменьшение подати. Но так как нужды государства не позволили ему этого, он приказал перелить их и чеканить только трети и цельные золотые. Монеты в два, три, четыре золотых, а также в десять и более, вплоть до фунтовых и сотенных, которые придумал Гелиогабал, Александр приказал перелить и совершенно изъять из употребления. Конечно, во всех этих мерах чувствуется рука опытных советников молодого императора.

В связи с экономическими трудностями опять была сделана попытка более ограниченного финансирования армии. Расходы на содержание укреплений были сведены к минимуму, а воинские части содержались в неполном составе. Не прошло и нескольких лет, как это привело к задержке наступления на Востоке и катастрофическому прорыву аламанных на Западе.

В армии солдатам все чаще стали платить натурой через *Annona militaris*. Неизвестно, когда это было введено, но государство, похоже, все больше полагалось на эту форму оплаты солдатам с начала третьего века. Солдатам же поручили сбор и транспортировку продовольствия на армейские склады. Фрументарии засвидетельствованы в надписях по всей империи в качестве помощников префектуры Анноны. Стационарии, солдаты, размещенные в населённых пунктах, также зарегистрированы как участвующие в сборе излишков продовольствия.

Правда, несмотря на тяжелое финансовое положение империи, ветеранам снова были предоставлены определенные привилегии, недоступные обычным гражданам. Модестин подтверждал, что ветераны получают пожизненный иммунитет от местных налогов и расходов на должность декуриона. Однако, как землевладельцы, они были обязаны ремонтировать дороги, которые пересекали их землю.

Ещё о серебре. Серебряные монеты использовались для оплаты войск, в то время как элита использовала золото. Серебряные монеты также использовались императором при раздаче пожертвований легионам и конгиирии среди населения. Такие раздачи производились при восшествии императора на престол, его женитьбе на Орбиане, для празднования десятой годовщины начала его царствования, а также для оплаты масштабных строительных работ. Затраты на строительство были огромными, даже в небольших городах. Акведук, построенный в Александрии Троаде, стоил ошеломляющие семь миллионов денариев, что было эквивалентно жалованию 27000 легионеров. Во втором веке Плиний упоминает театр в Никее, который остался незавершённым из-за нехватки денег, а он тогда уже обошёлся в два с половиной миллиона денариев.

Острая необходимость добыть деньги находит свое отражение в продаже имперских поместий, как и предлагал Дион Кассий. Марки на

амфорах указывают на то, что имперская собственность, приобретенная в Бетике Септимием Севером во время гражданских войн, была продана в это время частным владельцам. Раскопки на массивной горе выброшенных амфор в Монте-Тестаччо в Риме не выявили частных имен в 198–230 гг., а после они снова появляются. Похоже, что тогда Александр Север передал государственный контроль над торговлей маслом частникам, сократив тем самым затраты и увеличив доходы.

Дополнительные свидетельства указывают на то, что Александр, как и его предшественники, проявлял здоровый интерес к повышению эффективности и результативности сбора налогов. Ещё в предыдущем столетии увеличилось число кураторов, назначаемых центральной властью для наблюдения за эффективным управлением отдельными городами, особенно финансовым управлением. Сам Дион Кассий был назначен на такой пост Макрином для надзора за администрацией Пергама и Смирны. Основания статуй из Улии в Бетике свидетельствуют о назначении Александром Севером кураторов для проверки финансов города.

На греческом Востоке фиксируется сокращение количества надписей, сделанных в честь местной элиты, и увеличение количества надписей в честь наместников и других членов имперской администрации. В Милете, Тралле, Приене, Сиде, Термессе и Нисе в театрах были построены новые подиумы для наместника провинции, что предполагало его регулярные визиты.

Кураторы могли быть назначены по просьбе самого города. В одном рескрипте Александра Севера говорится о финансовом споре между городом и богатым горожанином из-за долгов. Обе стороны запросили независимого куратора для расследования дела и вынесения решения. Кураторов давно регулярно назначали в города самой Италии, которая постепенно теряла свой привилегированный статус и все больше походила на провинции империи. Со времен Марка Аврелия большинство этих должностей занимали сенаторы, вероятно, по мере того, как всадники все чаще заполняли военные должности, а также быстро растущее число должностей прокураторов, которые стали необходимы после включения обширных поместий в имперскую администрацию в ходе гражданских войн. Эти сенаторы, назначаемые на пост кураторов, часто были местными, поэтому хорошо знали проблемы и находились в выгодном положении, чтобы использовать свои связи и клиентов для успешной работы. К третьему веку имперские прокураторы, по-видимому, узурпировали полномочия уголовной юрисдикции, несмотря на усилия Каракаллы и Александра Севера, которые издали указы, пытающиеся противостоять их попыткам распространить свою юрисдикцию с фискальных на уголовные дела в ущерб полномочий и статуса наместников провинций. Указ 228 года предусматривал, что прокураторы не имеют права

депортации, а письмо, изданное Александром Севером койнону Вифинии, предписывало как наместникам, так и прокураторам не блокировать обращения к императору. К III веку фактически существовали две параллельные системы правления, одна из которых основывалась на назначаемых императором и сенатом наместниках, другая – на все возраставшей власти имперских прокураторов, число которых увеличилось со 104 до 182. Самоуправление же сокращалось. Несомненно, это помогало выбивать деньги, но тормозило развитие муниципий.

В своё время римляне позволили провинциальным городам продолжать собирать доходы в соответствии с их собственными традиционными процедурами, но постепенно центральное правительство взяло на себя куда больший контроль над сбором доходов и излишков продовольствия. Законы, принятые Септимием Севером, усилили центральный контроль над провинциями. Управление деньгами, завещанными *alimentia* для содержания детей бедных граждан, было выведено из ведения городских советов и передано в ведение провинциальных наместников, а города уже не могли взимать новые налоги без разрешения наместника. Снижение налогов и доходов в то время, когда расходы на армию резко выросли, потребовало большей эффективности их сбора. Усиление централизации, вероятно, было ответом на неэффективную и часто коррумпированную систему, управляемую местной элитой, и отражением трудностей, вызванных сокращением доступных ресурсов.

При этом ожидалось, что провинциальная элита будет также обеспечивать муниципальные и религиозные расходы по проведению празднеств, религиозных игр и других форм общественных работ. А эти затраты были значительными. И вот надписи указывают на постепенное сокращение числа общественных зданий, построенных частными лицами, в то время как количество зданий, построенных за счёт государства, увеличилось. Определённо, города и поселки пытались переложить часть или все бремя расходов на сельских жителей. И Ульпиан, и Модестин издавали документы об освобождении людей, живущих в сельской местности, от принуждения к этому на том основании, что они не пользовались удобствами и благами городской жизни, ее банями, форумом, театрами и играми. Этот конфликт между богатой городской элитой и сельской беднотой, по-видимому, существовал по всей империи и оставался проблемой. Несмотря на постановления Ульпиана и Модестина, египетский папирус примерно 250 года сохранил обращение к префекту Египта со стороны сельских жителей, которых заставляли предоставлять ресурсы местному городу для проведения его мероприятий, несмотря на то, что ещё Септимий Север издал рескрипт, в котором конкретно говорилось, что они освобождены от этого. Сами городские общины и отдельные лица регулярно обращались к императору с просьбой уменьшить их

финансовые обязательства до «более справедливой» ставки. Существует и множество свидетельств уклонения от уплаты налогов в тот период. Это может быть отражением возросшего налогового бремени.

Понятно, что частные лица также пытались уменьшить размер налогов, которые они должны были платить как в центральные, так и в местные органы власти. Императоры регулярно снимали финансовые обязательства с богатых людей или учреждений в качестве политической инициативы, подарка или для удовлетворения запроса, сделанного каким-нибудь приближённым от имени одного из своих клиентов. Александр Север тоже был не против этого. Но несмотря на это, финансовые заботы государства сделали такую щедрость на индивидуальной основе скорее исключением, чем правилом.

Плебс, конечно, страдал гораздо сильнее. Снабжение и содержание армейских частей ложились тяжёлым бременем на население империи, причём зачастую солдаты вели себя не лучше варваров. Жалобы властям игнорировались. В результате, население, жившее вдоль армейских дорог, разорялось и бросало обжитые места, что, в свою очередь, затрудняло передвижения войск. Так было, конечно, не везде, но встречалось. Положение простого населения после эдикта Каракаллы резко ухудшилось. Если раньше, статус римского гражданина давал привилегии, теперь они исчезли и усилилось расслоение общества. Мелкие арендаторы превращаются в колонов, число свободных крестьян уменьшается, растут латифундии. В третьем веке это расслоение лишь укреплялось. Вот любимец Александра Севера Ульпиан считал, например, что оскорбление, нанесенное человеком «более низкого статуса» в адрес «высшего», должно быть сурово наказано. Эмилий Макр, юрист, написавший при Александре Севере ряд работ, в том числе «Об уголовном процессе», иллюстрирует, как статус свободных бедняков к тому времени упал до положения рабов. Обращаясь к вопросу о том, как следует наказывать рабов, он предлагает: «Их следует наказывать по примеру самых незнатных людей». В начале третьего века произошло быстрое ослабление правовой защиты бедноты, в то время как сокращение государственных доходов привело к усилению давления на них с целью удовлетворить требования армии. [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 206-211].

Глава 4

Провинции империи

А как жили в это время провинции? Известно об этом не очень много, но кое-что есть. Богатство двух провинций в Британии было основано на производстве, торговле и, что наиболее важно, на сельском хозяйстве. Имеются явные археологические свидетельства быстрого роста в третьем веке гражданских поселений, связанных с крепостями вдоль Адрианова вала. Часть башен на стене Адриана была заброшена, видимо, как избыточные. Значительное количество двойных арок в кастеллах были перестроены в одинарные. Крепости как позади, так и перед стеной были укреплены, а некоторые из них, брошенные во время варварских набегов 180-х годов, были заняты повторно. Гарнизоны также пополнились новыми кунеями и нумерами, то есть подразделениями туземных или полуварварских войск, сохранивших свое традиционное снаряжение. Правлением Александра Севера датируется строительство новых бань и базилик по всему острову. Тот факт, что гражданские поселения росли, свидетельствует о периоде мира и стабильности. Экономика в Британии тоже росла, росли и города на юге острова вдали от стены. Значит, кампании Септимия Севера в 208-211 годах оказались куда более продуктивными, чем описывал Дион Кассий.

Похоже, что каледонцы (пикты) после 211 года сидели тихо, восстанавливая свою численность после Септимиева погрома, однако после 217 года участились набеги саксов через Северное море, угрожающие южному побережью Британии. В ответ на это римляне построили систему укреплений на побережье и усилили флот. Например, была построена кастелла Бранчестер-он-Уош для защиты густонаселенных районов внутри страны, в том числе крупных имперских поместий. Похоже, она также использовалась в качестве базы для прибрежного патрулирования, так как местное зерно вывозилось для солдат Рейнской армии и эти перевозки надо было охранять. Еще одна кастелла была построена в Рекалвере для защиты Лондиниума со стороны устья Темзы. Её принципиум был построен во время наместничества Руфина, ок. 227-230 гг. Эта крепость была слишком велика для размещения только когорты I *Baetasiorum*, которая была переброшена туда из Алауны-Мэрипорта, как имевшая опыт защиты побережья. Предполагается, что она также была базой флота, использовавшегося для защиты острова, который, возможно, был переброшен из Дувра. Правда эта крепость и поселение пришли в упадок ещё до 270-х годов, но 40 лет они просуществовали. Крепость в Кейстер на Ярмуте, вероятно, была построена в то же время и предназначалась для защиты входа в две реки и долины реки Нин, где в первой половине третьего века наблюдался быстрый рост промышленного и сельскохозяйственного производства. Земляные валы Лондиниума также были заменены каменными стенами, как и во многих других британских городах. Стены окружали город по всей окружности, что свидетельствовало о большом населении, способном

их защитить. Нет никаких признаков упадка гражданского общества в провинции, хотя некоторые виллы действительно пришли в упадок. Вероятно, многие из них были из числа конфискованных имений сторонников Клодия Альбина или его самого [John S McHugh. *Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235* Pen and Sword History 2017. pp. 235-237].

За проливом в Галлии многие города позволили своим оборонительным сооружениям прийти в упадок или просто сохраняли рвы и земляные валы. Сказывались долгие годы мира и безопасности. Только в 258 году после вторжений варваров, проникших даже вглубь Испании, начали быстро строиться каменные оборонительные сооружения, о чем свидетельствуют раскопки в *Civitas Cenomanorum* (Ле-Мане), *Civitas Aquensium* (Даксе), *Civitas Silvanectium* (Санлисе), Бурдигале (Бордо), *Caesarodunum Turonum/Augusta Turonum* (Туре), *Orolaunum* (Арлоне), *Pictavium* (Пуатье) и *Noviomagus* (Нуайоне). Изучение вилл Бретани показывает период роста и процветания от правления Марка Аврелия до 235 года. Однако анализ амфор, раскопанных в Остии, показал, что импорт вина, оливкового масла, фруктов и соусов из галльских провинций и Испании постепенно уменьшался в течение 100 лет как раз до 235 года, в то время как импорт из Африки и Эгеиды увеличивался. Но, возможно, это было просто следствием конкуренции. Раскопки и анализ огромной горы выброшенных амфор, хранящихся на окраине древнего Рима в Монте-Тестаччо, показывают, что пик торговли оливковым маслом, вином и рыбным соусом пришелся на правление Антонина Пия, а затем постепенно приходил в упадок до Александра Севера, при котором она быстро росла до 235 года, когда опять начинается постепенный спад, за которым следует резкое падение в 260-х годах.

Район между Сеной и Рейном, включая Гезориак и Аргенторат, начал страдать от убыли населения только во второй половине III века. Именно в это время провинциалы стали перебираться из широко разбросанных сельских поселений в близлежащие города, которые обеспечивали большую защиту от набегов. Легко обороняемые городища железного века, по-видимому, снова были заселены в конце III века. В начале III века в Галлии было ещё тихо, несмотря на первые набеги аламаннов в 233 году.

Города Иберийского полуострова, как и их аналоги в Британии, постепенно обзавелись каменными стенами. Стена была построена вокруг холма Астурика-Августа, главного города на северо-западе Испании. Стена в *Barcilonum* (Барселона) относится ко второму и третьему векам, стена в Кастра Легионе (Леон) – ко второму, в Цезареавгусте (Сарагоса) – к третьему, а стена в Лукус Аугуста (Луго) была построена между 250-325 гг. Возведение стен требовало разрешения императора и стоило очень дорого. Серьезных вторжений в Испанию не было со времен Маркоманнских войн, но города постепенно

заменяли земляные валы каменными стенами. Это может быть прямым следствием роста движения багаудов в конце второго и третьем веках. «Война дезертиров» 185–186 годов привела к разграблению крупных городов и поселений, и целый легион был осажден на зимних квартирах в Аргенторате. Согласно Геродиану, волнения распространились от Рейна через Галлию в Испанию. Вполне вероятно, что Матерн, предводитель разбойников в «Войне дезертиров», был бывшим легионером. Его силы в значительной степени состояли из бывших солдат. Значительная часть сельской бедноты явно чувствовала себя либо вынужденной помогать местным разбойникам, либо сознательно помогала, поскольку от разбойников можно было получить больше, чем от представителей центральной власти. Ведь эта беднота в римской правовой системе все чаще приравнивалась к рабам и на неё же ложились в полной мере налоги и другие обязательства перед государством. В правление Каракаллы была создана новая должность-латрункулятора, который был судьей, назначенным для рассмотрения дел о грабежах. В то же время имеются многочисленные свидетельства постоянно растущей сети военных баз, особенно в приграничных провинциях. Социально-экономический разрыв между романизированной элитой, жившей в основном в городах и сельских виллах, и бедняками, которые преимущественно обеспечивали сельскохозяйственное богатство и рабочую силу легионов, становился всё шире. Ко второй половине века враждебно настроенные крестьяне образовали вооруженные отряды багаудов, которые представляли уже значительную военную угрозу императорам, пытавшимся в то же время восстановить границы Рима перед лицом опустошительных нашествий варваров. А в середине-конце III века варварские вторжения вглубь империи потребовали увеличения расходов на стены городов.

Отправляемся в Африку. Постоянно растущий спрос Рима на зерно, вино и оливковое масло приносил пользу Северной Африке, а также югу Испании. Это процветание продолжалось до 238 года, о чем свидетельствует строительный бум в этих местах, продолжавшийся от времени Антонинов до конца эпохи Северов. Производство оливкового масла, по-видимому, было сосредоточено в Суллектуме, Малом Лептисе, Ахолле и других портовых городах. Масло перерабатывалось, упаковывалось и экспортировалось из этих торговых центров, чтобы удовлетворить спрос огромного населения столицы. Археологические раскопки показывают, что городская элита Африки имела высокий уровень жизни на протяжении III и IV века. Это отражено в творчестве карфагенского христианского апологета Тертуллиана, который весьма гордился богатством своей провинции, где «повсюду жилища, повсюду люди, повсюду города, повсюду жизнь». Он описывает жён богатых римлян, обсуждающих новые моды, скопированные со столичных, в то время как даже проститутки носили шелк. Многочисленные надписи

зафиксировали дорогостоящие строительные проекты, оплаченные самими городами или богатыми людьми.

Однако, как предвкусение грядущего, уже появляются некоторые эпиграфические свидетельства либо каких-то гражданских беспорядков, либо мелких племенных набегов. В отдаленных крепостях Кадма и Вади-Земзема вексилляциями легиона III Augusta были воздвигнуты алтари, посвящённые успешному возвращению из каких-то походов. Также в Волюбилисе в Мавретании Тит Лициний Клавдий Гиерокл записывает, что, будучи наместником Мавритании Цезарейской, ему приходилось иметь дело с «desperatissimam turbam et factionem», т. е. отчаянными толпами и группами, в то время как его телохранитель сделал посвящение Александру Северу. В другой надписи из Мавритании Цезарейской говорится о создании элитного отряда местных мавров для борьбы с вторжениями варваров, а на юге провинции осуществляется строительство валов, что ясно указывает на угрозу провинции. Лампридий упоминает о победе, одержанной в Тингитане неким Фурием Цельсом. Имя успешного полководца почему-то считается вымышленным, но выпуск монет типа «Виктория» в 225 году может быть связан именно с этим событием. Гораздо дальше на восток, в Триполитании, между 230 и 235 годами, в тридцати километрах к югу от Лептис-Магна был построен небольшой форт как часть «Триполитанского лимеса» для наблюдения за пересечением границы и борьбы с набегам местных племён. Однако эти незначительные проблемы, похоже, не оказали длительного влияния на процветание региона во время правления Александра.

Дальше по побережью, в Киренаике, признаков упадка нет до середины III века, когда большие и роскошные городские дома с мозаикой в Бернисе (Бенгази) были снесены, чтобы освободить место для массивной оборонительной стены с выступающими башнями. Стена представляла собой импровизированное сооружение, ограждающее лишь небольшую часть города. Главный город провинции, Кирена, произвел внезапный и значительный ремонт своих стен тоже только во второй половине века. Вероятно, это произошло в ответ на набеги мармарийских племен, которые в конечном итоге были разгромлены в 268 году. До этого, похоже, не было никаких опасений по поводу безопасности провинции, а некоторые свидетельства указывают на период богатства, мира и стабильности.

Наряду с провинцией Африка, Египет оставался главной житницей Рима. Его крупнейший город Александрия уже оправился от жестокой резни, устроенной по приказу Каракаллы. Авторитет династии Северов, похоже, был восстановлен. Египет, как и его африканские соседи, похоже, процветал на протяжении большей части III века, но и там продолжалась миграция сельской бедноты в крупные города, особенно в Александрию. Люди ехали в поисках лучшей жизни и работы, но их ждало сильное разочарование. Первые переселенцы заменили тех, кто

был убит в 215 году и получили жильё и работу, но следующие быстро оказались безработными, что усиливало взрывоопасность положения в городе и формировало осадный менталитет зажиточной части горожан.

Уникальные климатические условия вокруг города Оксиринх позволили сохраниться ценному знанию о мелочах повседневной жизни в Египте в виде множества папирусных текстов и их фрагментов. И, например, из этих папирусов стало ясно, что провинциальная элита, которая исполняла административные и религиозные должности, стала всё больше уклоняться от них. Эти должности требовали всё более крупных расходов, потому что магистратам и священнослужителям приходилось оплачивать игры, празднества и представления за счет собственных средств. Это считалось честью и раньше люди гордились тем, что вносят свой вклад в развитие города, но теперь эти должности все чаще воспринимались как бремя. Расширение римского гражданства Каракаллой значительно увеличило число тех, кто имел право занимать должности. Это право основывалось на определённых размерах имущества, и отказ от магистратуры наказывался его конфискацией. В одном письме от мая 223 года рассказывается о том, что мужа богатой горожанки Юлии Дионисии гимнасиарх города Аврелий Аммоний, который отвечал за назначение мужчин на государственные должности, заподозрил в уклонении от обязанностей декуриона. Юлия Дионисия, похоже, владела значительным имуществом, но женщинам было запрещено служить декурионами. Аммоний задался вопросом, принадлежало ли это богатство ей или ее мужу, который пытался уклониться от своих обязанностей. Клятва, данная перед богами, уладила дело. Многочисленные папирусы свидетельствуют о том, что подобные споры были обычным явлением. Два фрагмента, датированные 222 и 227 годами относятся к заявлению Аврелия Клавдиана о его привилегиях как члена городской герусии, которая взяла на себя часть обязанностей по организации религиозных праздников. Клавдиан хотел, чтобы его статус был признан и он получил право сидеть на лучшем месте в театре вместе со своими товарищами, но добивался освобождения от связанных с этим административных и финансовых обязательств из-за своего возраста.

Другие фрагменты из Оксиринха сохранили для нас цены на повседневные товары: пшеницу, масло, вино, рабов, ослов. Они демонстрируют значительную стабильность цен в Египте со 190-х годов примерно до 270 года, несмотря на порчу монеты в III веке.

Сохранение официальной документации дало историкам представление об управлении этой жизненно важной провинцией во времена Александра Севера. В первой половине 224 года префектом Египта был вольноотпущенник Марк Аврелий Эпагат, организатор убийства преторианцами Ульпиана, о чём рассказано ниже. Потом он был смещён и казнён правительством Александра Севера. Между

прочим, подтверждение казни Эпагата в 224 году помогло восстановить хронологию кратковременного регентства Ульпиана.

Папирусы подтверждают, что исполняющим обязанности префекта Египта после смещения Эпагата был назначен Тиберий. Клавдий Геренниан, который занимал эту должность до мая/июня 225 года. Клавдий Клавдиан управлял Египтом с 225 по 229 годы, а Клавдий Маскулин с 229 по 231 годы. Мевий Гонорациан, который оставался префектом с 231/232 (декабрь/январь) по 236/237 год, занимал этот пост на редкость долго. Он, должно быть, был надежным и опытным администратором, ведь Египет служил жизненно важным центром продовольственного снабжения римской армии, в то время ведущей кампанию против Сасанидов. Другой чиновник, Марк Аврелий Зенон Януарий, в 232 году занимал военную должность «дукса», а не префекта. Поскольку он ранее был наместником Мавритании Цезарейской, его назначение должно было иметь высокий статус, но, всё же, он служил под началом префекта Египта. Это говорит о том, что у самого префекта не было необходимого военного опыта. Скорее всего, это назначение было сделано в ответ на беспорядки в провинции. В ответственности префекта Египта, вероятно, оставалось управление этой жизненно важной провинцией и обеспечение эффективной доставки припасов в армию, в то время как «дукс» следил за тем, чтобы внутренние беспорядки не угрожали производству и транспортировке зерна. Это было важно, поскольку именно египетские солдаты тогда подняли мятеж в Сирии, задержав кампанию Александра Севера против Сасанидов. Вероятно, именно в это время Александр перевёл легион IV Scythica из Зевгмы в Александрию, рокировав его с Il Traiana Fortis.

Восточные провинции Рима Аравия, Сирия-Палестина, Сирия-Финикия, Келесирия, Осроена и Месопотамия были зажаты между Средиземным морем и пустыней. Вторжения Септимия Севера и Каракаллы в Парфию дестабилизировали это древнее царство, что привело к внезапному подъему персидских Сасанидов. Аннексия Римом Месопотамии также посеяла семена будущего конфликта с его восточными соседями за контроль над плодородной землей между верховьями Евфрата и Тигра. Римская Месопотамия служила преградой для вторжений в Сирию: наместником провинции всегда ставился всадник, имевший большой военный опыт. Он командовал легионами I и III Parthica, размещёнными в Зингаре и Резайне. Примером является карьера Луция Валерия Валериана, который был назначен префектом Месопотамии и Осроены в начале 220-х годов. Валериан был нобилем из всаднической семьи в Сискии в Паннонии. В связи с этим, он был также верховным жрецом в Верхней Паннонии, фламинем культа божественного Клавдия и декурионом в Сискии. Его карьера известна по надписи AE 1966, 0494, судя по тексту которой Валериан начал свой *cursus honorum* в конце правления Марка Аврелия или начале

правления Коммода. Первой магистратурой Валериана было командование неизвестной когортой в Паннонии (и тоже неизвестно в какой). Затем, примерно в 183-185 годах Валериан был военным трибуном когорты I *Hemesenorum sagittariorum milliaria eq. s. R.* в Нижней Паннонии, в 186-188 годах – префектом алы I *Hispanorum et Sampragonum s. R.* в Верхней Дакии. Все три милитии Валериана, как мы можем обратить внимание, проходили в наиболее опасных провинциях, где продолжались бои с задунайскими племенами и Валериан получил богатый боевой опыт. После этого он получил пост прокуратора Кипра (189-190/1 гг.), где смог отдохнуть и подлечиться после 9 лет военной службы. Видимо, военные таланты и опыт Валериана были замечены Коммодом, который вполне мог считать Валериана своим выдвиженцем. Поэтому вскоре он вызвал Валериана с Кипра, чтобы назначить препозитом конницы, набранной из peregrinorum (местных жителей без римского гражданства) неизвестной провинции для борьбы с разбойниками или небольшими отрядами туземцев, просачивающихся из-за лимеса. Скорее всего, это была Верхняя Паннония, которую Валериан отлично знал, как уроженец провинции. Именно там Валериан и находился в момент объявления Септимием Севером императорских претензий. Скорее всего, они появились в провинции одновременно и быстро нашли общий язык. Валериан поддержал Севера и получил командование вексилляцией ауксильев в экспедиции на Рим, названной впоследствии «Счастливейшей».

Его лояльность и способности были вознаграждены командованием в войне против Песценния Нигера, во время которой Валерий Валериан был препозитом вексилляции (AE 1985. 829, 11. 57 *praepositus vexillationis adversus hostes publicos*) под общим командованием *dux exercitus* Корнелия Ануллина, с которым они вдвоем сыграли большую роль в тяжелой победе североанцев в битве при Иссе. Валериан тогда командовал кавалерией и обошел противника тыла. Кроме того, Валериан получил наместничество над Галатией. Во время месопотамской кампании 195 года мы видим его уже на специальном посту *praepositus summae expeditionis (rationis или rationis privatae)* во вновь созданной провинции Месопотамия, а когда Север воевал против Клодия Альбина, Валериан, как предполагает М. Шпейдель, руководил Нисибисом (Speidel 1985, 323). Возможно, его тогдашний пост был прокураторским. Похоже, что как раз тогда препозит ауксильев Луций Валерий Валериан был назначен прокуратором Сирии-Палестины. Этим постом, запомнившимся человечеству, в основном, благодаря Понтию Пилату, заканчивается надпись на постаменте утерянной статуи AE 1966, 0494, поставленной в честь этого человека и дальнейшей его карьеры мы не знаем.

AE 1966, 0494 L(ucio) Valerio Valeriano p[ro]c(uratori) provin(ciae) / Syr(iae) Palaest(inae) provin(ciae) [–] / praeposito summ(a)e [felici(ss)imae] exped(itionis)] / Mesopotamenaе adv[er]sus Arabes] / praepos(ito)

vexil(lationis) feliciss(imae) [expedit(ionis)] / urbic(ae) itemq(ue) Asianae [adversus]/hostespublicospr[ae]p(osito) eq(uitum) gentium] / peregrinarum adver[sus -] / proc(uratori) Cypri praef(ecto) a[lae I Hispan(orum)] / Campagonum in Dacia trib(un)o c(o)hort(is) I] / miliariae Hemesefnorum c(ivium) R(omanorum) in] / Pannonia praef(ecto) c(o)ho[rt(is) - in] / Pannonia / Mevius Romanus [(centurio) [leg(ionis) VI ferr(atae)] / f(idelis) c(onstantis) Antoniniana[e] [strator] / eius viro i[n]compara[bili] // Imp(eratori) [Cae] s(ari) C(aio) Valerio / D[io]cletiano / [P(io) F(elici)] Invic(to) Aug(usto) / [-] Cleme(n)s v(ir) p(erfectissimus) / [p]roc(urator) d(evotus) n(umini) m(aiestati)q(ue) e(ius).

По мнению части историков, прокуратором Сирии-Палестины Валериана назначил уже Каракалла или даже Гелиогабал. Ему явно доверяли, он был лоялен и обладал обширным военным и административным опытом, что делало его очевидным выбором, чтобы назначить ответственным за важнейшую провинцию Месопотамию в начале правления Александра Севера.

Как покровитель Кесарии Палестинской, Валериан, вероятно, использовал свое влияние, чтобы убедить императора повысить ее статус до статуса метрополии в первой половине 220-х годов. Районы, окружающие город, описаны в Талмуде как «земля жизни».

Сирийские провинции оставались одними из самых богатых в империи, а Антиохия соперничала с Александрией как главный город Ближнего Востока. Археологи обнаружили, что внутренние районы города были заняты множеством богатых вилл, окруженных плодородными сельскохозяйственными угодьями, на которых производились оливки, зерно и разводился домашний скот. Типичным примером этого является вилла III века в Якто. Двор с колоннадой был окружен анфиладой комнат и двумя экседрами (большими прямоугольными конференц-залами). Декоративный бассейн занимал значительную часть двора и, вероятно, использовался как пруд для разведения рыбы. Владельцы также построили частные термы, а роскошные мозаики свидетельствуют об их статусе и культуре. Рост влияния во времена Северов отражается в увеличении числа сенаторов с Востока. Во времена правления Гелиогабала и Александра Севера известны имена 471 сенатора, из которых мы знаем происхождение 238. Из них 113 были италиками (на 75 процентов меньше, чем во времена Домициана), семнадцать были выходцами из западных провинций и тридцать три из Африки, а семьдесят два были восточного происхождения. Это было постепенное, но значительное изменение в составе Сената. Император опирался на врожденную лояльность своих собратьев-сирийцев, подняв свой родной город Арка до статуса колонии. Да и другие города не демонстрируют внешних признаков упадка. Строительные программы, начатые после разрушительного землетрясения 115 года, продолжались без перерыва в III веке в городах Антиохия, Апамея и Пальмира. Мозаики III века из Эмесы в

основном основаны на местном культурном наследии, хотя многие из них демонстрируют изображения Орфея или Феникса, обращенные к греческой вере в воскресение души. Они показаны как фронтальные портреты, а не в профиль, и написаны сирийским письмом, а не греческим.

Южнее в Герасе был вдвое увеличен одеон (концертный зал), что свидетельствует о продолжающемся росте и уверенности в будущем.

Гражданское строительство было отражено в монументализации, наблюдаемой в храмовом строительстве, которое закончилось только в середине III века. Сельские районы вокруг сирийских городов также, по-видимому, разделяли это процветание. Великолепно сохранившиеся римские высокогорные деревни к востоку от Антиохии продолжали расширяться вплоть до 250 года. Об их богатстве свидетельствовало увеличение числа прессов для оливкового масла и местный обычай указывать год постройки на каждом здании. Даже война с Сасанидами в 230-х годах нашей эры, по-видимому, не повлияла на доверие местного населения, которое продолжало вкладывать средства в посадку оливковых деревьев, которым требуется значительное время, чтобы созреть, прежде чем они принесут плоды. Большинство сельских районов было заселено свободным крестьянством и ветеранами, сосредоточенными вокруг различных городов, обозначенных как колонии. Это видно в чеканке таких городов, как Иераполис и Карры, которые несут изображения храмов наряду с военными штандартами, поскольку тамошние ветераны поклонялись местным божествам в храмах, украшенных военными знаменами, под которыми они служили.

Город Дура-Европос на Евфрате дал учёным множество артефактов, сохранившихся из-за засушливых условий местности и заброшенности после разграбления Сасанидами в 257 году. Языческий храм, посвященный Зевсу Теосу, расположен недалеко от еврейской синагоги и частного дома, который, похоже, был преобразован в христианскую церковь. Там сохранилась плохо выполненная фреска, датированная 232/233 годом и изображающая «Доброго Пастыря» вместе с Адамом и Евой над бассейном, который служил купелью. Другие картины вокруг стен разделены на верхний и нижний регистры. На нижнем изображена процессия женщин с факелами, приближающихся к саркофагу. Фреска интерпретируется как «жёны-мироносицы». Верхние изображения сильно повреждены, но, кажется, показывают Христа, идущего по воде, и исцеление хромого. Есть изображение женщины у колодца и Давид, сражающийся с Голиафом. Близкое соседство христианских, языческих и иудейских культовых сооружений в одном месте представляет собой физическое подтверждение открытой политики на окраинах империи.

Христианство уже заложило прочные основы и в других областях греко-римского Востока. Кесария, столица сирийской Палестины, превратилась при Оригене в великий центр христианской науки, соперничавший с Иерусалимом. Мимолетные упоминания в

произведениях ряда христианских писателей свидетельствуют о том, что в окрестностях Кесарии и Иерусалима существовали многочисленные христианские общины.

Похожее социально-экономическое положение, на первый взгляд, существовало и в римской Малой Азии. Количество аттических надписей, обнаруженных в Лидии с датировкой ок. 220-230 гг. показывает лишь небольшое снижение по сравнению с пиком при Антонинах. Однако другие исследования ясно показывают, что местные элиты, как и в Египте, все более неохотно занимали муниципальные должности. Это отражено в резком снижении благодарственных надписей после 220 года. Некоторые города, такие как Афродисиас в Карии, по-видимому, продолжали страдать от депопуляции, вызванной чумой Антонина, что в результате повлияло на их финансы и доходы. Сельская беднота в лидийских деревнях жалуется на невыносимое бремя, возлагаемое на них фрументариями, коллетионами (сборщиками налогов) и стационарами (солдатами). Попытки государства обеспечить свою долю все более скудных ресурсов привели к быстрому ухудшению положения бедноты. Споры по поводу налоговых обязательств стали обычным явлением. Надписи фиксируют, например, длительный юридический спор между двумя деревнями, Аносса и Антимахия, с 213 по 237 год. Обе стремились сократить свои обязательства по предоставлению государству животных для использования на дороге, проходящей через их территории. Ответственность каждой деревни основывалась на длине отрезка дороги, проходящего по её территории. Поскольку обе деревни входили в состав большого императорского имения, дело рассматривалось целым рядом прокураторов. После вынесения первого приговора проигравшая деревня обратилась к преемнику прокуратора. В результате, дело слушали три разных прокуратора, которые написали серию писем в деревенские советы, пытаясь добиться исполнения их решений. В какой-то момент был назначен солдат, чтобы обеспечить исполнение приговора и защитить Аноссу от нападений со стороны ее соперницы. В Малой Азии есть много надписей, в которых говорится о назначении таких солдат (стационаров) для поддержания порядка, подавления бандитизма или обеспечения выполнения правительственных решений. Что-то вроде наших участковых.

По ту сторону Эгейского моря Греция, кажется, сохраняла свой уровень жизни, а вот Фессалия, по-видимому, испытала имперскую немилость из-за незаконного производства пурпурной краски. Надпись из Коринфа сообщает о существовании прокуратора «фиолетового счета» для Фессалии. Эта отрасль тщательно контролировалась императорами, поскольку пурпур использовался для обозначения имперского статуса. Филострат отмечает, что в результате этот район пострадал в экономическом отношении до такой степени, что жители были вынуждены продать свои семейные гробницы [John S McHugh.

Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. pp. 243–248].

Нижняя Паннония уже давно оправилась от разрушений, вызванных Маркоманнскими войнами. Свободные земли в Нижней Паннонии, Мёзии и Дакии были насильственно заселены большим количеством маркоманнов, квадов, котинов и наристов. К ним добавились люди из восточных провинций, которых поощряли переселяться в укрепленные города. Многие надписи конца второго и первой половины третьего века сделаны людьми восточного происхождения, о чем свидетельствуют их имена. Но и имена коренных иллирийцев и романизированные имена также сохраняются. Надгробия переселенцев упоминают этнонимы *Dacorum* и *Sarmatarum*, что указывает не только на продолжающееся взаимодействие через границу, но и на отсутствие романизации в сельской местности, где селились представители данных племен. Поскольку важнейшую роль в провинциях вдоль Дуная играла армия, гарнизоном которой требовались продовольствие и фураж для скота, требовались услуги плотников, кузнецов и гончаров, торговцев и сферы услуг, всё это выращивалось или развивалось в сельских районах и военных поселениях, связанных с армейскими крепостями. Количество вилл и ферм увеличилось в обеих провинциях Паннонии в III веке, а вилла в Таке в современной Венгрии достигла апогея своего процветания. При выходе на пенсию ветераны получали землю общей площадью 40 га. Эти бывшие солдаты занимались сельским хозяйством и общались с воинами своего подразделения или части, а также с другими ветеранами, поселившимися в этом районе. Две трети надписей, касающихся освобождения рабов, относятся к женщинам, причем многие из них становятся женами солдат. Двадцать три надгробия из Дунаопентеле показывают, что многие ветераны женились на местных женщинах. Много земель также принадлежало легионам как «*territorium legionis*». Солдаты в III веке могли арендовать часть этой земли, поскольку в надписях говорится о легионерах, выступавших в качестве арендаторов, продававших продукты гарнизоном, получая от этого прибыль. В других надписях упоминаются солдаты, описанные как *miles requarius*, которые разводили скот и снабжали легионы мясом.

Процветал Сирмиум, да и другие города вдоль Дуная. Раскопки на форуме Аквинкума и вокруг него обнаружили множество мастерских, производивших большое количество глиняной посуды и терракотовых статуэток между 200–240 гг. Надпись от 223 года описывает город как «величайшую колонию». Как и во всех паннонских городах, здесь есть много надписей, сделанных коллегиями или торговыми гильдиями, особенно те, которые касаются плотницких работ, добычи и обработки древесины, и строительства. Богатство этих коллегий отражено в необычной находке при раскопках в штаб-квартире торговцев текстилем. Археологи были удивлены, обнаружив хорошо

сохранившийся водяной орган, датированный по бронзовой табличке 228 годом. Этот сложный музыкальный механизм приводился в действие аналогично современному органу, но воздух нагнетался по трубам ручным водяным насосом. Надпись, сделанная торговцами текстилем в маленьком городке Сольва в Норике, перечисляет более 100 членов, поэтому в коллегии большого Аквинкума количество членов должно было быть значительно больше. Известны ещё два крупных процветавших города в Нижней Паннонии. Это, во-первых, Бригенцион, вероятно, получивший статус колонии от Александра Севера. Его канаб вырос в четыре раза по сравнению с гражданским поселением. Здания в военной части были намного величественнее, чем в гражданской, а соответствующий инвентарь на кладбище был намного богаче. Многие имена снова предполагают, что его жители были восточного происхождения, а местных имен стало меньше. Вторым крупным городом была Интерциза, с её большой еврейской общиной.

Для сравнения, Верхняя Паннония, похоже, оправилась от Маркоманнских войн совсем не так хорошо, как Нижняя. Карнунтум, например, был полностью разрушен во время тех войн. Его восстановили, но не полностью. Мы находим надписи о ряде коллегий Карнунтума, связанных со строительством, сельским хозяйством и торговлей, а также о солдатской коллегии и упоминания о рабах и вольноотпущенниках солдат и ветеранов. Уже при Септимии Севере город процветал, но его росту не хватало импульса. Это нашло свое отражение в его кирпичном заводе, который увеличил производство, но качество продукции снизилось. Канаб и викус Карнунтума не достигали размеров поселений в Нижней Паннонии. То же и с Виндобоной. Похоже, что Верхняя Паннония страдала от недостатка населения.

При этом процветание обеих Панноний и распространение романизации, по-видимому, ограничивались городами-крепостями и их окрестностями. Канабы и викусы были местом вербовки паннонских легионов, солдаты которых часто продвигались для службы в преторианской гвардии. Часть ауксилиев тоже комплектовалась здесь же среди старых романизированных племён. Зато во внутренних районах обеих этих провинций была найдена только одна надпись. Ни богатство, ни романизация, по-видимому, не достигли внутренних районов, заселенных «варварскими» племенами и их семьями, которые все больше привязывались к земле как колонны, имевшие минимальные права, а обращались с ними немногим лучше, чем с рабами. Соответственно, и они относились к Риму не лучше и всячески помогали задунайским варварам в случае войны [John S. McHugh. *Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235* Pen and Sword History 2017. pp. 233–235].

В Италии по-прежнему преобладало политическое, социальное и экономическое доминирование Рима. Исследование долины Лирис в Кампании показывает, что там небольшие сельские поселения исчезли

как раз в III веке, что указывает на концентрацию землевладения в виде обширных поместий. Марк Аврелий установил, что все сенаторы должны вкладывать четверть их капитала в Италии, что было даже сокращением от той трети, которую требовал Траян. Хотя эти ограничения, возможно, и исчезли к III веку, из текстов юриста Павла ясно, что сенаторы должны были иметь по крайней мере два дома, или домицилий, один в Риме, а другой на своей родине. Юрист также утверждает, что, если сенатора лишали должности, ему разрешалось жить в родной провинции, но только по особому разрешению императора. Кассий Дион владел роскошной виллой в Риме, он также ссылается на имущество, которое он имел в Капуе, но в конце своей карьеры он удалился в поместье в родной Вифинии.

Возможности этих провинциальных сенаторов, несмотря на то, что они были чрезвычайно богаты, всё же уступали ресурсам высшей аристократии. Инге Меннен идентифицировала восемнадцать элитных семей между 193 и 284 годами, чьи предки включали по крайней мере трех консулов с карьерой, длившейся более двух десятилетий. Многие члены этих семей пользовались почестями, должностями и дарами Александра Севера и, несомненно, входили в состав сенаторского консилиума. Эти семьи доминировали на самых высоких должностях *cursus honorum*, занимая от 34 до 39 % ординарных консульств в III веке, 25–27 % городских префектур и 17–20 % проконсульств в Азии и Африке. По крайней мере, восемь из восемнадцати семей были италийского происхождения, а большинство других были полностью интегрированы в экономическую и социальную ткань Рима и Италии. Среди них были Клавдии Помпеяны из Антиохии и понтийские греки Клавдии Северы, имевшие родственные связи с императорами Антонинами. Вот этот нобилитет и сконцентрировал в своих руках все богатства Италии.

Нобилитет, конечно, хорошо знал друг друга и, похоже, сохранял своё положение среди менее значимых семей посредством смешанных браков и усыновлений. Это делалось для того, чтобы закрепить за ним привилегированное положение в обществе и сохранить имя и род в передаче их детям из поколения в поколение. Чтобы заручиться поддержкой нобилитета, император вознаграждал его верность доступом к своей особе и предоставлением ему высших магистратур, которые давали статус, которого жаждал нобилитет; атрибуты власти без ее реальности. Однако чума и гражданские войны опустошили старую аристократию Антонинов. Поэтому в интересах оставшейся знати, к её числу добавилось некоторое количество лояльных и успешных полководцев и политиков эпохи Северов. Например, имя ординарного консула 233 и 256 годов Луция Валерия Клавдия Ацилия Присцилиана Максима, указывает на степень, в которой его семья укрепила своё положение связями с другими аристократическими семьями, такими, как Ацилии. Семья консула заявляла о своем

происхождении от республиканского «рода Валериев». Собственно, сам консул был внуком Луция Валерия Мессаллы Тразеи Приска, ординарного консула 196 года, казнённого Каракаллой, возможно, за поддержку Геты. Дион описывает этого благородного сенатора как «человека, непревзойдённого ни по происхождению, ни по уму».

Вероятный отец двукратного консула, Луций Валерий Мессала Аполлинарий, был ординарным консулом 214 года. Получается, что Каракалла казнил одного из Валериев, но через год назначил его сына консулом. Это было в его духе. Матерью нашего консула, вероятно, была Клавдия Ацилия Присциллиана. На это указывает имя самого двукратного консула. Ацилия была, возможно, дочерью Марка Ацилия Глабриона, консула 186 года, который, в своё время, отказался от трона, предложенного ему Пертинаксом. Её родной брат Маний Ацилий Фаустин был консулом 210 года. Тот факт, что Луций Валерий Клавдий Ацилий Присциллиан Максим разделил свое второе консульство в 256 года именно с Марком Ацилием Глабрионом, предполагает, что между этими двумя семьями существовала тесная связь. Надо заметить, что, историк Кристиан Сеттипани выдвинул гипотезу, согласно которой Луций Валерий был внуком консула-суффекта начала III века Тиберия Клавдия Клеобула и Ацилии Фрестаны, сестры Мания Ацилия Фаустина, однако, даже если это и так, то в принципе ничего не меняет [Settipani, C. *Continuite gentilice et continuite familial dans les families senatoriales romaines a l'epoque imperial: mythe et realite. Prosopographica et genealogica*, vol. II. – Oxford, 2000. pp. 227–228.].

Cursus honorum Максима известен недостаточно и лишь в общих чертах. В молодости, вероятно, во времена Каракаллы, он был севиrom турмы знатной молодёжи Рима, потом последовательно находился на постах монетного триумвира и квестора в неизвестной провинции. За этим последовало его назначение на должность городского квестора, после чего он находился на посту претора *tutelar*is, ответственного за вопросы опеки и попечительства. Это было уже при Александре Севере. После этого, в 233 году Максим был назначен ординарным консулом вместе с Гнеем Корнелием Патерном. Имея консульский ранг, Присциллиан стал куратором, ответственным за поддержание в надлежащем состоянии канализации города Рима и берегов реки Тибр.

После смерти Александра Севера Луций Валерий стал ещё более влиятельным игроком в политике империи. В 238 году он вошёл в число тех представителей италийской знати, которые были задействованы в сенатском восстании против императора Максимиана Фракийца. Он был выбран Сенатом вместе с девятнадцатью другими выдающимися сенаторами, называвшихся вигинтивирами, для управления Империей до избрания нового императора. Наверняка он участвовал в переговорах, которые велись с Гордианом I по поводу провозглашения того императором. Также он был комитом соправителей Пупиена и Бальбина. Возможно, он был даже родственником Бальбина, на что

указывает имя сына Максима и помог возвести на трон Гордиана III. Этот император, между прочим, разделил свое консульство в 239 года с другим родственником Максима, Марком Ацилием Авиолой. Тогда же последовало назначение Максима на пост куратора двух италийских городов – Лавиния и Лаврента. [АЕ 1903, 337].

При Филиппе Арабе мы не слышим о карьере Максима, а вот в 253 году его сын Луций Валерий Клавдий Попликола Бальбин Максим стал консулом-ординарием. Сам Максим в 255 году стал префектом Города, а в 256 году ординарным консулом во второй раз. Это всё уже при императоре Валериане. Но взлёт карьеры Валерия Максима произошёл при последних Северах.

Другие знатные семьи тоже укрепляли связи друг с другом в первой половине III века. Луций Эгнаций Виктор, когда-то, ещё при Септимии, женился на Хедии, вероятно, дочери сенатора Квинта Хедия Руфа Лоллиана Гентиана, который был покровителем самого Пертинакса до того, как тот стал императором. Их дети, как и потомки других аристократических союзов, были щедро вознаграждены и продвигаемы Александром Севером. Так, Луций Эгнаций Виктор Лоллиан ещё в 213 году служил в качестве *sodales Antoniniani* (жрецом императорского культа). Затем он был назначен легатом Августа при пропреторе Галатии в 218 году, то ли Макрином, то ли Гелиогабалом. Где-то между 225 и 230 годами он получил пост консула-суффекта от Александра Севера. Около 230 года Эгнаций Виктор был назначен корректором провинции Ахайя. За этим последовал его пост *legatus Augusti pro praetore* Вифинии и Понта где-то между 230 и 235 годами. Предполагается, что он также был *legatus Augustipro praetore* Нижней Паннонии во время правления того же Александра Севера.

Эгнаций Виктор и его шурин Валериан, вероятно, были важными сенаторскими сторонниками Гордианов, и Виктор, например, достиг вершины своей карьеры именно во время правления Гордиана III, когда между 242 и 244 годами он стал проконсулом Азии, каковой пост он занимал в течение трех лет. Возможно, он был назначен в провинцию *extra sortem* (то есть вне обычного назначения сенаторских провинций по жребию). Это была чистая инициатива Гордиана III в связи с его запланированной кампанией против империи Сасанидов. Эгнаций Виктор был оставлен на посту проконсула Филиппом Арабом, что указывает на то, что он оказал немедленную поддержку Филиппу после его возвращения из персидской кампании. Наконец, в 254 году он был назначен *городским префектом* Рима своим шурином Валерианом, который стал императором годом ранее.

Его брат, Эгнаций Виктор Мариниан, был пропретором Аравии до 230 года, консулом-суффектом в 230 году и легатом Верхней Мёзии около 230 года. Их сестра, Эгнация Мариниана, вышла замуж за ведущего сенатора и будущего императора Валериана, который сам был членом знатной семьи. К сожалению, история Публия Аврелия Лициния

Валерия Валериана практически неизвестна. Вроде бы он родился в 193 году, как раз в год прихода к власти Септимия Севера. В таком случае, *cursus honorum* Валериана должен был начаться в первые годы правления Каракаллы. Как раз в те годы (217 год) он и женился на Эгнации Мариниане. Поскольку первый консулат Валериана (суффектный) фиксируется до 238 года, похоже, что его карьера развивалась самым обычным образом. Примерно до 223 года он должен был проходить вигинтивират и три милитии, после чего, именно при Александре Севере Валериан прошёл все необходимые гражданские должности. Он был старше Александра, но не настолько, чтобы это создало между ними серьёзный возрастной разрыв. Поэтому, возможно, что Валериан входил в круг друзей Александра Севера.

Аристократическая семья Нуммиев представлена в эти годы Марком Нуммием Сенеционом Альбином, ординарным консулом 227 года, чей сводный брат занимал пост консула-суффекта в 223 году. Его отец был усыновлен Умбрием Примем, консулом-суффектом 186 года, после казни Септимием Севером настоящего отца, который был сводным братом императора Дидия Юлиана. Последний известный пост Марка Нуммия Умбрия Прима Сенециона Альбина – проконсул Азии в 222 году. Очевидно, что он поддержал переворот Александра Севера, почему его сыновья и стали консулами 223 и 227 годов.

Представители семейств Клавдиев Помпеянов и Клавдиев Северов также были удостоены чести разделить ординарные консульства 235 года в лице Гнея Клавдия Севера и Луция Тиберия Клавдия Аврелия Квинтиана, оба они были потомками дочерей Марка Аврелия. Что до Гнея Клавдия Севера, то его отцом, предположительно, мог быть консул 200 года Тиберий Клавдий Север Прокул, а сестрой – третья супруга императора Гелиогабала Анния Аврелия Фаустина. Второй консул – Квинтиан родился в сирийской столице Антиохии на Оронте. По женской линии он был правнуком Луция Вера. Отцом Квинтиана скорее всего был консул 209 года Луций Аврелий Коммод Помпеян. Братом или кузеном Луция Тиберия мог быть консул 231 года Луций Тиберий Клавдий Помпеян. Кроме того, к числу его родственников можно отнести консула 241 года Клодия Помпеяна.

Карьера Квинтиана началась и достигла пика как раз при Александре Севере. Между 221 и 223 годом он был монетным триумвиром. Милитии его неизвестны, но в 228 году Квинтиан уже находился на посту квестора, а претором стал в 233 году. После этого, в 235 году Квинтиан занимал должность ординарного консула. Известно, что Квинтиан также был понтификом [CIL 10, 03850].

Аристократическая верхушка пополнялась и новыми семьями. В III веке такими были, например, Аниции, Цезонии, Эгнatii, Вирии.

Богатство этих семей было в первую очередь основано на владении землей, значительная часть которой находилась в Италии. По мере того, как сеть семейных уз связывала эти аристократические семьи,

срасталась и их собственность на землю. Величайшим землевладельцем из всех был император, особенно после конфискации Септимием Севером земель Нигера и Клодия Альбина. Под императорский контроль попало так много земель, что для управления этими поместьями пришлось создавать региональные управления. Некоторые из этих имперских поместий были раскопаны и раскопки в Вагнари в Апулии выявили широкое использование рабского труда, дополненного свободными рабочими и арендаторами, используемыми для производства вина для императорского стола до начала четвертого века. Однако другие районы Италии, похоже, переживали экономический спад и депопуляцию. Область Вероны страдала от явных признаков обеднения ещё с I века, а область Луны – со второго, хотя частично упадок был компенсирован массовым гончарным производством, которое продолжалось до второй половины III века. Истрия и Цизальпинская Галлия пострадали от снижения спроса на их основной экспортный товар – мрамор, а также, вино.

Глава 5

Внутренняя политика Александра

Мы оценили тенденции развития имперских провинций и аристократических семей, а теперь поговорим о конкретных событиях правления Александра. К сожалению, в этом плане похвастаться нечем. Источники наши крайне скудны и малоинформативны, хотя их авторы были свидетелями происходившего. Так, сенатор Дион Кассий в последней книге своей «Римской истории» признаётся: «Эти события описал я настолько подробно, насколько в каждом случае было мне по силам, однако я не могу рассмотреть то, что последовало далее, с такой же степенью подробностей, так как подолгу отсутствовал в Риме. Дело в том, что, вернувшись из Азии в Вифинию, я там захворал, а оттуда поспешил в Африку для исполнения обязанностей наместника; по возвращении же в Италию я, можно сказать, тотчас был направлен управлять сначала Далмацией, а потом Верхней Паннонией»; и хотя после этого я прибыл обратно в Рим и Кампанию, однако незамедлительно отправился на родину (в Никею). Вот почему я-не мог последующие события изложить так же, как предыдущие, но тем не менее в основных чертах я расскажу обо всем, что произошло до моего второго консульства» [Дион Кассий. Римская история 80, 1-2].

То есть, Дион ссылается на своё отсутствие в Риме. Поверить в это, как в причину скудности сведений, может только глубоко наивный человек. Большая часть труда Диона описывает события, свидетелем которых он не был по причине того, что ещё не родился на свет, однако

там он не жалуется на недостаток сведений, а тут жалуется. Почему же Дион темнит? Что он не хочет описывать? Он был в хороших отношениях с Александром и его правительством, например, с Ульпианом и, наверняка, с Месой и, может быть, щадил их, умалчивая о больших недостатках и проблемах нового принципата. Мы уже поняли, что Александр Север был очень уважаем сенаторскими кругами Рима, характеризовавшими его весьма положительно. Однако, никаких особых достижений за правительством Александра не замечено. Мало того, его деятельность привела к кризису, многочисленным прорывам лимеса империи варварами, тяжёлым потерям армии и военным неудачам. В целом, отрицательные результаты перевешивали положительные, может, поэтому Дион и темнит. Да и Геродиан с Лампридием тоже.

Тот же Дион Кассий вынужден был рассказать о своём отрицательном опыте наместничества в Верхней Паннонии и ординарного консулата уже в первые годы правления Александра Севера. Начнём с Паннонии. Несмотря на изначальное признание власти Александра Севера Паннонскими войсками, ситуация там, похоже, довольно быстро стала меняться. Это стало заметно, когда легатом Верхней Паннонии был назначен Кассий Дион (222–223 гг.). Сейчас легатура Диона в этой провинции определяется большинством историков как 227–228 годы. Но это мнение входит в противоречие со словами самого Диона. Сенатский историк описывает, как «преторианцы жаловались на меня Ульпиану, потому что я твердой рукой правил воинами в Паннонии». Получается, что Ульпиан тогда ещё был жив, а значит легатура Диона приходится именно на 222–223 гг. Ведь Ульпиан погиб в октябре 223 года.

Паннония обычно отдавалась сенаторам с большим военным опытом, но у Диона его было мало. Гарнизон Верхней Паннонии состоял из двух легионов: X Gemina и XIV Gemina, а также 6 ал и 8 когорт ауксилиев. Это давало 11000 легионеров и 9000 ауксилиариев, учитывая две тысячные алы и две тысячные когорты. Из общего числа в 20000 воинов, 4000 были кавалеристами.

Итак, в начале правления Александра Севера Дион прибыл в Верхнюю Паннонию. Он быстро установил в тамошних войсках прежний уровень дисциплины, от которого паннонцы уже отвыкли при Гелиогабале. Солдатам это не понравилось. Они начали жаловаться своим товарищам в преторианской гвардии, которые, в свою очередь, агитировали за удаление Диона в самом Риме. В том числе, они жаловались на Диона своему тогдашнему префекту Ульпиану, которого вскоре вообще убили. Как пишет Макхью, надписи подтверждают тесную связь между легионами на Дунае и элитными подразделениями в Риме. Со времен правления Септимия Севера легионеры из этих провинций в большом количестве производились в преторианскую гвардию. Недавние открытия из Монте-Сакро на окраине Рима

перечисляют полные имена, племена и города происхождения пятнадцати человек, служивших в преторианцах с 215 по 225 год. Двенадцать из этих гвардейцев прибыли из Паннонии, Дакии или Фракии. Остальные трое прибыли из Карфагена, Тарса и Кесарии Германской. Сами преторианцы часто получали повышение в виде назначения центурионом в легионы по всей империи. С этого поста многие продолжали карьеру до примипила или дослуживались до должности прокуратора в имперской бюрократии. В третьем веке мы все чаще встречаем ветеранов, занимающих административные должности. Эти северные полуроманизированные солдаты часто носили туники с длинными рукавами и брюки своей родины в свободное от службы время, что вызывало резкое неодобрение со стороны якобы более цивилизованного населения столицы. Эти гвардейцы недавно убили собственного префекта и сражались с римской толпой, не получив никакого серьёзного наказания. Так что их влияние тогда было достаточно серьёзным. [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 201].

Обратим внимание на поведение паннонских солдат. Они жалуются в Рим на своего легата! Последний раз такое было в 186 году с британскими легионами. И тоже характеризовало слабость власти Коммода. Теперь у паннонских солдат была хорошая «крыша» в Риме – Преторианская гвардия. Они вместе надавили на императора и он принял их условия. Это смерть для государства, что скоро и проявилось.

Насколько минимальным был контроль императора над своей гвардией, мы видим из того, что он был вынужден посоветовать человеку, которого недавно почтил, уйти с должности. Сам-то Дион, смягчает обстоятельства своего ухода, когда пишет: «Александр, впрочем, не только не обратил на них никакого внимания, но, напротив, награждал меня различными почестями, сделал своим коллегой по консулату и взял на себя расходы, связанные с этой должностью». Однако, на самом деле, всё было далеко не так благостно. Факт состоял в том, что Дион был-таки вынужден уйти с должности легата и потом несколько лет не занимал других магистратур. Может его и награждали почестями, но где-то подальше от воинов. Потом Александр решил, что всё утихло и назначил Диона ординарным консулом на 229 год, однако ничего не кончилось. Преторианцы ничего не забыли и тут же потребовали убрать Диона. Он сам пишет: «Но, поскольку мое назначение встревожило преторианцев и император боялся, как бы они не убили меня, видя в консульском облачении, он приказал мне жить вне Рима в Италии до истечения срока моих полномочий». Ну, по крайней мере, он не потерял должность, хотя и был вынужден жить вне Рима.

Позже в том же году ситуация успокоилась, и поэтому Дион приезжал к императору в Рим и в Кампанию и провел у него несколько дней, причем солдаты, которые видели его, не представляли для него, по его словам, никакой угрозы. Консула, вероятно, приглашали на виллы императора в предместьях Рима на Остийской дороге и у Неаполитанского залива, где могли быть задействованы не преторианцы, а более надёжные гвардейские подразделения.

Императорская вилла в Байях открывала захватывающий вид на ПUTEОЛЫ и Везувий с ее положения на вершине скалы. Дион мог насладиться купанием в горячих источниках, прогуляться по тенистым паркам или по пляжам. Престарелый сенатор мог получить удовольствие от публичного признания его статуса *amicus* императора. Однако, этого было недостаточно, чтобы компенсировать унижения, которые он перенес. Дион объявил о своем уходе на пенсию на том основании, что страдал от болезни ног; слабоватый конец карьеры долгого и верного служения империи. Он вернулся в родную Вифинию, чтобы завершить свой великий исторический труд. Дата смерти великого историка неизвестна, но предполагается, что он умер после 232 года. В его труде упомянуты многочисленные мятежи против Александра, а часть из них произошла уже в начале Персидской войны, но, в то же время, никак не упомянут сам Персидский поход Александра Севера, что вряд ли было возможно, если бы Дион был ещё жив.

Теперь вернёмся к событиям 222 года, когда наши источники смутно упоминают некое гражданское противостояние, приключившееся между римским плебсом и преторианцами. Дион описывает его так: «...ссора великая приключилась между народом и преторианцами из-за какого-то пустяка, так что в течение трех дней они сражались друг с другом и с обеих сторон были большие потери. Когда солдаты были уже близки к поражению, они ринулись поджигать дома, и тогда граждане, опасаясь, как бы не сгорел весь город, были вынуждены вступить с ними в переговоры» [Дион Кассий. Римская история 80, 3].

Что известно наверняка, так это то, что улицы Рима стали полем битвы на три дня и ночи, когда преторианцы сражались с населением. Дион Кассий упоминает это кровопролитие как происшедшее «по какой-то незначительной причине», которую он, к сожалению, не может объяснить. Было потеряно много жизней, но именно необученная толпа постепенно одержала верх, и преторианцы отступили в свою крепость.

Дион в описании очень сух и краток, как и остальные римские историки. Но у нас есть основания предполагать, что почти весь 222 год в Риме продолжались различные беспорядки, причём весьма серьёзные. Сначала они были вызваны убийством Гелиогабала и государственным переворотом, потом пожарами и голодом, и, наконец заговором и мятежом преторианцев.

В понимании событий того года нам могут помочь христианские предания. Согласно христианской традиции, именно в это время в Риме были убиты несколько христианских мучеников, в том числе папа Каликст I. История Каликста очень запутанна. Почти все сведения о нём сообщает его противник святой Ипполит в своих «Philosophumena», и потому они не особенно надёжны. Согласно Ипполиту, во времена Коммода Каликст был рабом богатого христианского чиновника Карпофора, вольноотпущенника императора. Доверяя Каликсту, как единоверцу, Карпофор вручил ему крупную сумму денег для открытия банковского дела. Каликст открыл банк в 12-м регионе Рима и благодаря авторитету Карпофора привлек вклады многих христиан. Однако, через некоторое время Карпофору стало известно, что Каликст растратил деньги вкладчиков, и он заявил о намерении провести ревизию. Испуганный Каликст попытался скрыться. В Римском порту он сел на корабль, готовившийся к отплытию. Об этом своевременно донесли Карпофору, который успел прибыть в порт до отплытия судна. Увидев на пристани хозяина, Каликст пришел в отчаяние и бросился в воду. Моряки вытащили его и передали Карпофору, который отвез его обратно в Рим и в наказание определил на тяжелые работы на мельнице. Через некоторое время Каликст заявил, что может возместить растраченные средства за счет якобы имевшихся у него долговых обязательств. Кредиторы потребовали, чтобы Карпофор дал Каликсту возможность собрать средства для выплаты, так как они доверяли свои деньги рабу только потому, что рассчитывали на гарантии его господина. Уступив просьбам единоверцев, Карпофор велел освободить Каликста, но установил за ним наблюдение. Не имея возможности скрыться и не располагая средствами для возмещения долга, Каликст решил выставить себя жертвой гонений на христиан. Явившись на субботнюю молитву в синагогу, он вызвал возмущение собравшихся иудеев, устроил драку, был схвачен и приведен к префекту Рима Фусциану (185/6-189 гг.). Иудеи обвинили Каликста в том, что он бесчинствовал в синагоге, называя себя христианином. Свидетели этого события поспешили донести об этом Карпофору. Тот немедленно явился к префекту с просьбой не верить заявлению Каликста, что он христианин. Карпофор сказал префекту, что Каликст его раб, таким образом хочет избежать наказания за растрату. Однако иудеи правильно сочли, что Карпофор хочет спасти единоверца от наказания, и настаивали на проведении суда. Префект велел высечь Каликста и приговорил его к ссылке на рудники на остров Сардиния.

В это время на Сардинии отбывали наказание многие христиане, осужденные за исповедание веры. Марция, фаворитка императора Коммода, предложила Римскому папе Виктору I (186-197 гг.) свою помощь в освобождении их. Виктор передал Марции список заключенных, но имени Каликста в нем не было, так как он не считал его христианином. С разрешения Коммода Марция поручила пресвитеру

евнуху Гиацинту передать список наместнику Сардинии. Все христиане, кроме Каликста, получили свободу. Но под влиянием настойчивой мольбы Каликста, Гиацинт решил освободить и его, поручившись за него перед наместником. Когда Каликст вернулся в Рим, епископ Виктор был крайне недоволен и по требованию Карпофора и других христиан велел ему жить в городе Анции, назначив ему, тем не менее, ежемесячное пособие. Шли годы. Каликсту удалось приобрести расположение следующего папы Зефирина, который после смерти Виктора вызвал его в Рим, назначил своим помощником диаконом и поручил ему надзор за христианским кладбищем.

Такова версия святого Ипполита. Вот только в ранней редакци «*Liber Pontificalis*» (составлена вскоре после 530 г.), утверждается, что Каликст был сыном римлянина Домиция, так что, рабом он быть не мог. Да и дальнейший рассказ Ипполита весьма подозрителен. Непонятно, почему за такого плохого человека так ходатайствовала вся верхушка христиан Рима? И деньги ему давали, и из рудников вытащили, и отправили на лечение в Анций с ежемесячным пособием. А новый папа сразу сделал его диаконом и помощником. Это за что же? Делаем вывод, что Ипполит явно пристрастен в своей критике Каликста.

Папа Зефирин поручил Каликсту исследование катакомб вдоль Аппиевой дороги. Каликст справился, составил план катакомб и они стали убежищем, и кладбищем христиан. В III веке девять епископов Рима были преданы земле в катакомбах Святого Каликста, их часть теперь называется *Capella Dei Papi*. Эти катакомбы были вновь открыты археологом Джованни Баттиста де Росси в 1849 году.

После смерти Зефирина в 217 году Каликст наследовал ему в качестве папы (20 декабря). И тут начался раскол. Часть духовенства возмутилась и избрала Ипполита – первого антипапу в истории, – обвинив Каликста в принятии в лоно церкви бывших еретиков, прикрытии прелюбодеяний (папа разрешил верующим связи с их собственными рабами, признав их действительными браками) и других грехах.

А дальше начинаются события 222 года. Согласно апокрифическому «Мученичеству святого Каликста», уже в конце марта 222 года в Риме начались проблемы. Пожаром была уничтожена часть зданий на Капитолийском холме. Из-за чего начался пожар, остаётся неизвестным. По указанию императора Александра гаруспики и жрецы приступили к искупительному жертвоприношению, но в алтарь Юпитера ударила молния, убившая четырёх жрецов. Пожары продолжались, над Римом сгустился мрак, жители в страхе покидали город. Среди беженцев, которые проходили мимо христианского храма равеннцев (*templum Ravenatium*), был консул Палмаций. Он услышал пение множества христиан, собравшихся во главе с Каликстом и славивших Бога. Консул немедленно донес об этом императору Александру, предположив, что причиной гнева богов стало

осквернение города присутствием христиан. Ради очищения Рима от скверны и возвращения милости богов император велел разыскивать христиан и принуждать их к языческому жертвоприношению. Собрав воинов, Палмаций поспешил за Тибр, чтобы схватить собравшихся христиан. Когда 10 воинов попытались задержать престарелого пресвитера Калеподия, их поразила слепота. Палмаций устранился и, вернувшись к Александру, выразил сомнение в могуществе языческих богов. Но император заявил, что христиане прибегли к черной магии, и велел организовать массовое жертвоприношение Меркурию ради спасения государства. Был издан указ, чтобы в среду (день Меркурия) все жители Рима под угрозой смертной казни собрались на Капитолии. Пока всё выглядит вполне правдоподобно. Но вот дальше начинаются чудеса. Во время торжественного жертвоприношения в посвященную деву Юлиану вселился демон, который возвестил, что христианский Бог разгневался на Рим из-за нечестивого идолослужения. Услышав это, устранившийся Палмаций поспешил к Каликсту, находившемуся «за Тибром, в городе равеннцев» (*Transthyberim in urbe Ravenatium*). Припав к ногам епископа, он исповедал Христа и умолял крестить его. Каликст усомнился в искренности Палмация, но за консула поручился пресвитер Калеподий. После однодневного поста Палмаций был катехизирован и принял крещение вместе с женой, сыновьями и 42 домохозяевами. Заключение и бедных христиан он щедро оделил милостыней. Через 30 дней император, которому донесли об обращении Палмация, велел привести его и убеждал, как и прежде, почитать языческих богов. Потерпев неудачу, Александр велел сенатору Симплицию, чтобы тот уговорил Палмация отречься от Христа и вернуться к исполнению должностных обязанностей. Палмация с новообращенными привели в дом Симплиция. В доме сенатора Палмаций, окруженный почестями и роскошью, соблюдал пост, постоянно молился и каялся в своих прежних заблуждениях. Некий Феликс, чья жена Бланда была тяжело больна, пришел к Палмацию и просил его как исповедника Христова помолиться о ее выздоровлении. В присутствии жены и домохозяев Симплиция Палмаций простерся на земле и стал молиться о выздоровлении Бланды. Вскоре Бланда, впервые за много лет вставшая с постели, пришла в дом Симплиция и попросила крестить ее. Палмаций направил Феликса и Бланду к папе Каликсту, который совершил крещение супругов. Узнав об этом, Симплиций и 68 его домохозяев также уверовали во Христа.

Что можно сказать по поводу этого текста? Если убрать религиозную пропаганду и преувеличения, то выходит, что убийство Гелиогабала сопровождалось обычными бесчинствами, которые привели к огромным пожарам, в результате которых пострадала центральная часть Рима. Часть населения города, включая сенаторов, даже вынуждена была эвакуироваться в предместья. В то время как язычники проводили свои обряды искупления и очищения, римские христиане на правом берегу

Тибра проводили свои ритуалы, за что, как обычно, попали под подозрение. Им было приказано принять участие в языческих обрядах, но они отказались. Александр приказал арестовать христиан, но часть знати и гарнизона сами оказались христианами и всячески препятствовали этому. Существовали ли на самом деле консул (суффект) Палмаций и сенатор Симплиций, мы не знаем, скорее всего нет, уровень был наверняка пониже, но поддержка христиан у части римской верхушки очевидна.

Дальше произошло вот что. По христианским преданиям, услышав о том, что множество людей приняли крещение от Каликста, разгневанный император велел всех обезглавить и выставить их головы для устрашения на воротах Рима. Среди других христиан был казнен пресвитер Калеподий, его тело протащили через город и бросили в Тибр (это произошло 1 мая). Папа Каликст с 10 клириками укрылся в доме некоего Понтиана и попросил рыбаков найти тело Калеподия. 10 мая тело мученика было похоронено на кладбище на третьей миле Аврелиевой дороги, впоследствии названном в честь Калеподия. В тот же день император Александр отдал приказ разыскать папу. Воины обнаружили епископа только в конце сентября и взяли его под стражу. Сначала Каликста морили голодом, а на пятый день император велел бить епископа палками и убивать всякого, кто придет к нему. После длительных мучений Каликсту явился покойный Калеподий, который призвал его держаться мужественно и без страха принять смерть. В это время к епископу с просьбой об исцелении пришел воин Приват, чье тело было покрыто язвами. Он исповедал Христа и принял крещение, после чего исцелился и во всеуслышание объявил, что истинный Бог – Бог Каликста, а языческие божества – рукотворные идолы. Император велел убить Привата, а Каликста с камнем на шее выбросили из окна в колодец, расположенный у стены дома, и завалили тело мусором. Через 17 дней пресвитер Астерий с клириками ночью подняли тело епископа из колодца и 14 октября похоронили на кладбище Калеподия. Вскоре Астерий был схвачен префектом Александром, по указанию императора его сбросили с моста в Тибр. Христиане обнаружили тело мученика в Остии, куда его отнесло течением реки и 18 ноября совершили погребение.

Таким образом, христианские тексты рассказывают о событиях в Риме с марта по ноябрь 222 года. Началось всё с пожаров после убийства Гелиогабала. Голод как причина беспорядков лишь упоминается, а мятеж преторианцев опущен вовсе. А вот византийский историк XII века Иоанн Кедрин упоминает сильный голод во время правления Александра Севера, который был настолько серьёзным, что некоторые были вынуждены прибегнуть к каннибализму. И считающийся ненадежным Лампридий дважды предполагает гражданские беспорядки, вызванные нехваткой продовольствия в какой-то момент правления Александра Севера до 226 года. То, что

продовольственные трудности начались сразу после прихода Александра к власти, говорит о том, что годы Гелиогабала не прошли бесследно. Хозяйственные связи были разрушены, снабжение Рима ухудшилось. У Лампридия рассказ об этих событиях весьма осторожен: Ни о каком восстании у него нет ни слова. Он пишет, что в Риме тогда ощущалась нехватка самых необходимых товаров и Александр привлекал в город торговцев, давая им большие льготы. Когда римский народ просил его о снижении цен, он спросил через глашатая, какой вид товара они считают дорогим. Все в один голос закричали: «Говядину и свинину». Тогда он, не снижая цен, запретил резать свиноматок, поросят-сосунков, коров, телят, не прошло и двух лет или даже одного года, как оказалось такое изобилие свинины и говядины, что, если прежде фунт продавался за восемь мелких монет, теперь цена того и другого вида мяса дошла до двух и даже до одной монеты за фунт [Элий Лампридий. Александр Север XXI-XXII].

Трудно представить себе, чтобы городские бедняки могли позволить себе любое мясо. Археологический анализ фекалий в Помпеях показывает, что основным продуктом питания в этом портовом городе были зерно, оливки и рыба. Мясо было прерогативой богатых. Но правительство Месы отказалось потворствовать даже им, поскольку отказалось издать указ о снижении цен, что повлияло бы на норму прибыли богатых скотовладельцев, в большинстве сенаторов, на которых Меса и опиралась, но запретило убой крупного рогатого скота и свиней, чтобы обеспечить рост поголовья для увеличения предложения. Это привело к снижению цен на мясо, но только через год. Так что аристократии тоже пришлось потерпеть [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 168-169].

Восстание в Риме могло вспыхнуть из-за нехватки хлеба, являвшегося основным продуктом питания бедноты. Собственно, могло сложиться так, что в результате пожара Рима в марте 222 года, сгорела и часть хлеба, как и другие продукты, а система снабжения не сработала или спекулянты задрали цены, вот народ и заволновался. Как частенько бывало, свалили проблему на происки христиан, которых начали преследовать и убивать уже 1 мая, а то и раньше. Только хлеба это не прибавило и тут тот же Лампридий пишет, что Александр много помог снабжению провиантом римского плебса: тогда как Гелиогабал растратил весь запас хлеба, Александр, произведя закупку на свои деньги, восстановил его в прежнем количестве. Он восстановил в полном размере выдачу народу масла, установленную Септимием Севером, – ее сократил Гелиогабал, предоставляя должность префекта продовольственного снабжения самым негодным людям.

Согласно Лампридию, правительство Месы начало срочное строительство в Риме инфраструктуры хранения продовольствия и товаров. В каждом из четырнадцати районов Рима были построены

общественные склады, чтобы купцы, не имеющие своих, могли хранить товары и имущество в общественных. На этих обширных складах хранилось не только зерно, но и все, от одежды до оливкового масла и мрамора. Археологические данные указывают на то, что правительство Александра Севера действительно либо расширяло, либо восстанавливало зерновые склады (хорреи), из которого зерно распределялось среди плебса. Некоторые из них были огромными даже по сегодняшним меркам. *Horrea Galbae*, построенный в первом веке, имел 140 комнат только на первом этаже и занимал площадь 21000 м². Раскопки на Священной дороге у подножия Палатина выявили целую серию хорреев, построенных примерно в это время. Это строительство действительно имело смысл. Нужно было усилить контроль государства за поставками зерна. При нехватке хлеба цена на него поднималась спекулянтами. Имперский контроль над увеличившимся количеством складов усложнил спекулянтам жизнь. Строительство этих складов также может быть связано с проблемой таможенных пошлин. Все товары, ввозимые в город, облагались налогом на таможенных постах, расположенных вокруг основных дорог, ведущих в столицу. В 222 году этот налог был либо отменён, либо снижен. На одной из станций Фламиниевой дороги имя Коммода было стерто и заменено именем Александра Севера. Поскольку имя Коммода было предано проклятию памяти, неудивительно, что его имя было удалено. Однако проклятие было осуществлено за тридцать один год до воцарения Александра Севера. Возможно, данная надпись Коммода могла сохраниться случайно, но теперь его имя было соскоблено и заменено именем Александра по какой-то существенной причине. Вероятно, это было связано с продовольственной проблемой. Торговцев нужно было поощрять ввозить свои товары в город. Лампридий, как обычно, расплывчато, отмечает, что «для того, чтобы привести купцов в Рим по их собственному желанию, он даровал им величайшие привилегии». Это может означать, что использование общественных складов было либо бесплатным, либо по низкой цене. Тот же Лампридий так и пишет, что «Золото, получаемое в качестве налога с торговцев, и вечное золото он сложил с Рима» [Элий Лампридий. Александр Север XXXII].

Уточним, что вечное золото (*aurum coronarium*) было одним из видов экстраординарных налогов, выплачиваемых обычно золотом по случаю каких-либо торжественных событий. Первоначально же так назывались золотые венки, которые города по традиции преподносили полководцам-триумфаторам.

Чтобы еще больше снискать расположение населения Рима, в это время был построен ряд водяных мельниц. Одна была построена как часть пристройки к Термам Каракаллы, с использованием обильного снабжения водой из Аква Траяна, который спускается по крутому склону холма, и его быстротекущая вода использовалась для

приведения в действие ряда водяных колес. Здесь оказалось достаточно места для четырех мельниц. Писатель VI века Прокопий Кесарийский отмечает, что эти мельницы играли важную роль для помолки муки из зернового пособия во время правления Аврелиана с 270 по 275 год. В какой-то момент между концом II и концом III века вместо зерна плебсу вообще раздавали уже испечённый хлеб. А поскольку мельницы получали воду из государственного акведука, они явно не принадлежали частным лицам.

Археология также, по-видимому, подтверждает заявление Лампридия о том, что Александр Север «снова восстановил выдачу масла, которую Септимий дал населению». Дело в том, что на каждой римской амфоре были нанесены штампы или надписи, написанные красками, с указанием веса, происхождения товара, имён купца и производителя амфоры. Эта информация представляет собой уникальную запись римской экономики. Анализ надписей, найденных на Монте Тестаччо – массивной искусственной горе из разбитых и выброшенных амфор, показывает, что торговля амфорами, падавшая со времён Марка Аврелия, восстановилась в начале правления Александра Севера. Первоначально амфоры содержали оливковое масло, вино и рыбный соус, импортированные из Африки и Бетики. Анализ кораблекрушений показывает, что более ранние затонувшие корабли обычно несли именно такой смешанный груз. Однако при Александре Севере значительно увеличилось количество затонувших кораблей с единственным грузом: оливковым маслом. Это изменение, вероятно, было результатом увеличения спроса, вызванного увеличением раздач масла государством. Марки амфор также фиксируют еще одно важное изменение в производстве оливкового масла в Бетике. При Септимии Севере (198 г.) большое количество поместий, которые первоначально находились в частной собственности, стали частью имперских поместий. Многие землевладельцы, поддерживавшие Нигера или Клодия Альбина в гражданской войне, были осуждены, а их земли конфискованы. Экспорт продуктов из этих поместий также взяло на себя государство. Так вот марки на амфорах показывают, что Александр Север восстановил экспортную торговлю в частной сфере (230 г), вероятно, из-за финансовых затрат казны на содержание торгового флота, а также продолжающихся расходов на армию и обширную программу строительства. Восстановление участия купцов в анноне, вероятно, является одной из мер, упомянутых Лампридием, наряду с возможным строительством бесплатных общественных хорреев и «величайших привилегий» торговцам.

Бронзовый медальон, выпущенный в какой-то момент его правления, провозглашает «ABUNDANTIA (ИЗОБИЛИЕ) AUG», предполагая, что ранее существовал дефицит.

Понятно, что такие серьезные беспорядки, тщательно затушёвываемые античными писателями, привели к необходимой

реакции. Правительство Александра было занято не только восстановлением снабжения Рима, но видя также ухудшение жизни в провинциях, передало городам налоги с тем, чтобы они пошли на их собственные нужды. Если верить Лампридию, то государственные подати уменьшились в некоторых частях до 30 раз! Государственный процент новые власти брали в размере одной трети процента в месяц – это ограничило хищничество ростовщиков; при этом многим беднякам Александр указал давать деньги без процентов для покупки земель, с тем чтобы уплата производилась потом из доходов. Сенаторам, если они занимались ростовщицеством, он сначала запретил брать проценты, разрешая брать что-либо только в качестве подарка, а потом позволил брать полпроцента в месяц, но отменил подарки. Подобно Августу, Александр приказал накладывать штраф в редких случаях, а если его накладывали, он относился к этому неодобрительно.

Усилия Александра, возможно, помогли успокоить ситуацию в краткосрочной перспективе, но этого было недостаточно на долгий срок. Даже норма бесплатного зерна, на которое имело право лишь около четверти населения Рима, составляла всего 5 модиев (мешков) в месяц, чего было достаточно для прокорма одного человека, но не его семьи. По нынешним оценкам, население Рима составляло около миллиона человек, и только около 200 000–250 000 человек имели право на бесплатное зерно. Но даже те, кто получал его, должны были отдавать часть зерна мельнику и пекарю. Вдобавок к этому требовались деньги на масло для освещения, дрова для приготовления пищи и на баню. Нехватка зерна быстро привела к резкому росту цен, что привело к беспорядкам в городах. Великие аристократические дома поддерживали своих клиентов и вольноотпущенников, но сомнительно, чтобы их щедрости хватало на подавляющее большинство городской бедноты.

В общем, меры правительство Александра и Месы принимало. Снабжение Рима налаживалось, последствия пожара устранялись, христиане преследовались. Тем не менее, в ноябре 222 года в Риме снова произошёл бунт. Предполагается, что причиной бунта была казнь префектов претория Флавиана и Хреста, которых сменил Ульпиан, что и вызвало возмущение преторианцев. Они не хотели видеть Ульпиана префектом претория, а вот народ поддержал это решение императора. Лампридий пишет, что Александр назначил даже двух новых префектов претория – Ульпиана и Павла. Насчёт Ульпиана сведения подтверждаются в других источниках, но насчёт Павла сложнее. Хотя это вовсе не означает, что Павел не был префектом. Например, Аврелий Виктор тоже пишет, что правительство Александра вернуло Павла из ссылки и предоставило ему большие полномочия [Аврелий Виктор. О Цезарях 24.5]. А поскольку префектов претория было два, то почему бы Павлу и не стать одним из них?

Что произошло с Флавианом и Хрестом? В конце ноября 222 года они исчезают из надписей и префектом 1 декабря называется уже Ульпиан. Его предшественники были казнены по обвинению в заговоре, причём, обвинителем был, кажется, сам Ульпиан. По крайней мере, Дион Кассий прямо называет его организатором казни Флавиана и Хреста. Однако, вероятно, главная роль в этом деле принадлежала Мамее, которая, к тому времени, стала очень уважительно относиться к Ульпиану и, по словам Зосима, готовила его в опекуны и соправители юного Александра. Это подтверждает и Лампридий [Элий Лампридий. Александр Север 51.4]. Флавиана и Хреста продвигала Меса, но к этому времени, похоже, Меса сильно сдала, вероятно, болела и Мамея сыграла в свою игру, продвинув Ульпиана и Павла.

Нельзя исключать и того, что заговор действительно имел место. Отсюда, кстати, и резкая реакция преторианцев, очевидно, тоже замешанных в нём. Тот же Зосим (I, 11) пишет, что Мамея раскрыла заговор и расстроила его, казнив злоумышленников. Так что зря Макхью (р. 159) выгораживает казнённых префектов, сводя суть конфликта к чистой политике.

В чём была суть заговора, нам неизвестно. Ведь преторианцы сами возвели Александра на престол всего полгода назад. Быть может, их разочаровала его опора на аристократию и они решили выдвинуть другого кандидата? Или это была борьба за влияние на нового молодого императора?

Однако, заговор был раскрыт. Видимо, узнав о казни Флавиана и Хреста, преторианцы восстали и двинувшись на Палатин. И тут римский плебс вдруг поддержал молодого императора. В городе развернулись ожесточённые бои, продолжавшиеся три дня с большими потерями для сторон. Когда преторианцы стали проигрывать, они начали поджигать дома в городе, чем вынудили народ пойти на переговоры. Судя по всему, сторонами конфликта, которыми мы, с полным основанием, можем назвать правительство Александра и Преторианскую гвардию, был достигнут какой-то компромисс. Преторианцы прекращали мятеж и принимали в качестве префекта Ульпиана, а возможно, и Павла.

И может быть, как раз эти месяцы с марта по ноябрь 222 года, имеются в виду, когда говорится о том, что на Александра оказывалось дурное влияние людьми, захватившими реальную власть. Тогда этими дурными людьми считаются Флавиан и Хрест. В чём заключалась их дурнота, правда, неясно.

Конфликт был затушен, но не ликвидирован. Мамея предоставила Ульпиану исключительные полномочия в префектуре претория до такой степени, что это стало выглядеть неприемлемо в глазах солдат, учитывая, что Ульпиан не был их товарищем, а «всего лишь» юристом. Ульпиан стал одним из самых влиятельных людей в Римской империи. В официальных документах император именовал Ульпиана своим отцом – *parens*. [Кодекс Юстиниана IV. 65. 4].

Регентство Ульпиана восхваляется в древних источниках, но они, видимо, переоценивают его значение. Менее чем через год он погиб, так что его влияние на молодого императора было по понятным причинам ограниченным. Чтобы поднять статус и престиж Ульпиана по сравнению с другими префектами претория, ему мог быть присвоен статус сенатора. Но, правда, почетная надпись из Тира, родного города Ульпиана, не подтверждает этого.

Как видный гражданин Тира и покровитель этого древнего города, он добился восстановления его титула метрополиса с соответствующими привилегиями после понижения его статуса Гелиогабалом за поддержку восстания легиона III Gallica. Может быть, тогда же был восстановлен и сам легион.

По словам Диона, Ульпиан исправил многие нарушения, допущенные Гелиогабалом. В кодексе Юстиниана сохранилось 96 императорских постановлений, относящихся к 223 году – времени префектуры Ульпиана. Ни один другой год деятельности императорской канцелярии эпохи Ранней империи не оказался столь плодотворным. Очевидно, такое совпадение не случайно. В следующем году наблюдается резкий спад активности императорской канцелярии (всего 60 постановлений). Видимо, именно на этот год приходится гибель Ульпиана в результате нового мятежа преторианцев. Причём это произошло еще до конца 223 года. Анализ имперских рескриптов демонстрирует преемственность их стиля с октября 222 года примерно до октября следующего года.

Но весь этот год происходило нарастание взаимной ненависти преторианцев и их префекта-юриста. Ситуация с жалобами на Диона Кассия – лишь один эпизод. Мы об этом не знаем вообще ничего, настолько, что ещё недавно считалось, что Ульпиана убили только в 228 году. Теперь, в связи с делом Эпагата, стало ясно, что инцидент произошёл гораздо раньше. В настоящее время утвердилось мнение, что его смерть относится к концу 223 года. См., например: *Modrzejewski J., Zawadski T.* La date de la mort d'Ulpian et la prefecture de pretore au debut du regne d'Alexandre Severe // *Revue historique de droit frangais et etranger.* 1966. Vol. 45. P. 565–611; *Cleve R.L.* Cassius Dio and Ulpian // *AHB.* 1988. Vol. 2. P. 118–124.

Эта дата подтверждается, хотя и не окончательно, Альбомом Канузиум. Совет этого итальянского города установил памятную надпись в октябре 223 года, получив имперское разрешение на расширение своего состава, что уменьшило индивидуальные расходы на участие в городском совете. В надписи перечислены важные покровители города. Так вот имя Ульпиана там не упоминается и это удивительное упущение, учитывая, что в нем находятся могущественные и влиятельные фигуры. А список возглавляют два новых префекта претория. Должно быть, они были назначены после смерти Ульпиана, которого постоянно называли единственным префектом.

В чём же причина бунта и столь яростной ненависти преторианцев к Ульпиану? Видимо, это было внешним проявлением глубинного противоречия между теряющей, но пытающейся удержать нити власти над судьбами императоров преторианской гвардией и набирающей силу императорской бюрократией. Дело в том, что после реформ 222–223 годов должность префекта претория стала не только военной, префект претория теперь был главой стремительно расширяющегося бюрократического аппарата, неудивительно, что этот пост стал занимать юрист. Для рядовых преторианцев, чистых солдафонов, это было неприемлемо. В обыденной жизни преторианцев могло возмущать усиление дисциплины и понижение уровня их влияния.

Возможно, начало бунта спровоцировали новые проблемы с продовольственным снабжением Рима. Дион Кассий называет главным виновником смерти Ульпиана вольноотпущенника Марка Аврелия Эпагата, который возвысился ещё при Каракалле, сохранил своё влияние при Макрине и даже получил от него поручение отвезти его сына Диадумениана в Парфию. Похоже, что Эпагат предал Макрина и выдал его сына людям Гелиогабала, за что опять сохранил своё положение. Мы не знаем, какую должность он занимал при Гелиогабале, но, оказывается, он опять-таки, сохранил своё положение и при Александре. Хитрый, однако, был человек! Не исключено, что после казни Флавиана и Хреста, Эпагат был назначен префектом анноны и вот тут ему стал мешать честный Ульпиан. Вот Эпагат и организовал мятеж преторианцев и убийство Ульпиана. Однако, его роль была раскрыта. Александр и Меса не могли прямо уничтожить Эпагата, защищаемого преторианцами, однако сработали обходным путём. Эпагат был отправлен в Египет будто бы в качестве наместника, но на самом деле для того, чтобы уберечь Рим от нового мятежа преторианцев, который случился бы, если бы он подвергся наказанию в Городе. Как показывает один папирусный документ (P. Оху. XXXI. 2565), он был префектом Египта ещё в мае или июне 224 года. А потом из Египта Эпагат был отправлен на Крит и там потихоньку казнен.

Повторим, предположительно, второй бунт преторианцев произошёл в октябре 223 года. Ситуация тогда полностью вышла из-под контроля. В Риме царила анархия. Император и его семья, должно быть, опасались за свою жизнь.

Преторианцы подожгли многие здания, сжигая горожан заживо в их домах и квартирах. Ульпиан, вероятно, отчаянно пытался восстановить порядок, но проиграл. Зосим пишет, что он погиб в «бунте». Дион предоставляет немного больше деталей. Преторианцы решили покончить с жизнью своего префекта. Когда пламя города осветило сцены хаоса и разрушения, они выследили его. Ульпиану удалось бежать во дворец, ища защиты у императора и его матери, но безрезультатно. Он был сражен у них на глазах. Молодой император,

должно быть, был травмирован, стоя бессильным, когда человека, которого он считал своим другом и отцом, убивали на его глазах.

Александр Север тогда не пострадал физически. Солдаты явно не связывали попытку Ульпиана сломить их власть с молодым императором. Возможно, молодость сыграла ему на руку. Но мятеж показал слабость власти Александра. Если бы преторианцы подозревали, что их накажут за то, что они сделали, императорская семья разделила бы судьбу Ульпиана, однако этого не случилось, значит воины были уверены в безнаказанности. Преторианцы оставались непослушными и мятежными на протяжении всего правления Александра Севера и в конце концов выдали его убийцам Максимина.

Отсутствие Месы в этих событиях предполагает либо внезапный крах ее влияния или, что более вероятно, болезнь, старость, или сочетание того и другого. Ульпиан, например, бежал к Мамее и Александру, но не к Месе. Геродиан описывает ее как «старуху» уже в 218 году. В реальности в 223 году ей было за пятьдесят, но продолжительность жизни римлян была ниже по сравнению с современными временами. Меса определенно умерла между ноябрем 224 года, когда ее имя исчезает из актов «арвальских братьев», и августом 226 года, крайним сроком женитьбы Александра на Орбиане.

Геродиан, по-видимому, относит смерть Месы к свадьбе Александра Севера с Орбианой, которая была устроена исключительно Мамеей. Монеты, выпущенные в честь бракосочетания, датированы августом 225 года и августом 226 года. Всё, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что Меса умерла между ноябрем 224 и 227 года, когда она появляется обожествленной в *Feriale Duranum* (списке религиозных обрядов когорты XX *Palmyrenorum*). Там Меса уже указана как обожествленная.

По мнению Макхью, совокупность свидетельств позволяет предположить, что Меса умерла в конце 225 – начале 226 г. после продолжительной болезни и, вероятно, до женитьбы внука. Хотя в сильно восстановленной фрагментарной надписи Сейя Херения Орбиана упоминается как Августа, наряду с Мамеей и Месой.

Правительство Александра уже с конца 222 года фактическим возглавляла Мамея, «женщина праведная, но скупая, страстно любившая золото и серебро». На протяжении всего времени правления сына она будет сохранять огромное влияние, даже женит его по своей воле, а потом отстранит от дел невестку. Обладая незаурядным политическим талантом, уверенно лавируя в сложной для женщины среде императорского римского дома, она имела два существенных недостатка, приведших её и сына к гибели. Во-первых, Мамея была равнодушна к богатству, «ведь делая вид, что она накапливает богатства для того, чтобы Александр щедро и без труда мог сделать приятное воинам, она умножала собственное состояние...». Скрыть это

было невозможно, как бы Мамея ни старалась. Жадность её вызывала ненависть, а усилия скрыть эту жадность – презрение. Во-вторых, именно Мамея испортила Александра, превратив его в маменькиного сынка. Это обстоятельство привело к ужасным последствиям. Император, не способный самостоятельно править и не уважаемый воинами, не имел никаких шансов.

Новыми префектами претория после гибели Ульпиана были назначены Луций Домиций Гонорат и Марк Эдиний Юлиан. Мы знаем, что незадолго до этого они были префектами Египта. Пока Эдиний Юлиан не приехал из Египта, обязанности префекта претория за него исполнял некий Тит Лорений Цельз.

В списке префектов претория на 223 год стоит и Луций Дидий Марин, вероятный вдовец Аннии Корнифиции, дочери Марка Аврелия, казнённой Каракаллой. Его пребывание на посту префекта претория могло длиться всего несколько недель. Б. Салвей предполагает, что он был префектом анноны, возможно, заменив Эпагата, который был переведен в префектуру Египта. Его положение в списке Канузия предполагает, что какую бы должность он ни занимал, он был важной фигурой в *concilium principis*.

В Альбоме Канузиум важнейшее место в списке покровителей Канузия занимает Аппий Клавдий Юлиан, который в конце 223 года, вроде бы, был префектом Рима, а в 224 году стал консулом-ординарием. Вторым консулом, напомним, стал Гай Бруттий Криспин, о карьере которого более ничего не известно.

Тогда же выдвинулся Гай Петроний Магн, ставший консулом-суффектом в 225/226 году и лидером сенатского сопротивления Максимино Фракийцу в будущем. О значимости этой фигуры говорит то, что сенат готов был предоставить Петронию даже императорскую власть.

Перечисленные люди, насколько мы их знаем, кажутся вполне достойными, честными и способными, тем более странно, что они заменили таких же честных и способных людей Ульпиана и его самого.

Интересным фактом является возвращение в большую политику известного доносчика Луция Луцилия Присцилиана, имя которого тоже присутствует в Альбоме Канузиум (девятнадцатым в списке). Вот его карьера считалась скандальной и сомнительной. Он перешел границы общественного приличия, появившись на арене, но его действия, похоже, вызвали восхищение императора Каракаллы, который был очарован гладиаторскими боями. Затем Присцилиан стал доносчиком, действуя как осведомитель. Каракалла вознаградила его, введя в сенат в ранге пропретора. Доказав свою полезность и лояльность, в 217 году он был назначен наместником Ахайи. Гибель Каракаллы привела к падению Присцилиана. Он был осужден, сослан, а его имущество конфисковано. Однако в 223 году его, должно быть, вновь призвали на

службу и так он появился в Альбоме. Вероятно, это было уже инициативой Мамеи.

Смерть Ульпиана, вероятно, совпадает с возвышением ученика Павла Лициния Руфина до senatorского статуса. Ещё при Ульпиане он получил должность секретаря петиций, а *libellis*. Вообще же Руфин начал свою карьеру ещё при Септимии Севере в качестве юрисконсульта императора, затем был произведен в должность *ab epistulis graecis*, а затем *studiis*, который был прикреплен к судебному двору императора. Этот пост привел к назначению Руфина *a rationibus*, а затем и *a libellis*. После смерти Ульпиана, Руфин был возведён в senatorское достоинство.

Похоже, что Руфин был вознагражден senatorским статусом в конце 223 года, как ни странно, в ранге бывшего эдила, а не бывшего претора. Затем он стал претором, легатом Норика, и, наконец, получил суффектное консульство, либо ранг консула, *ad lectio inter consulares*. Его замечательная карьера достигла апогея, когда коллеги избрали его одним из двадцати сенаторов, которым было поручено организовать сопротивление Максимино Фракийцу в 238 году.

Возвысился также Геренний Модестин, ученик Ульпиана. Вполне вероятно, что именно Модестин получил всю документацию Ульпиана после его смерти. Он сменил Руфина на посту *a libellis*, каковым и был до 226 года. Позже Модестин был вознагражден за свою работу постом префекта вигилов.

Тогда же среди советников императора появляется Элий Марциан, еще один юрист и ученик Ульпиана. Его цитируют и Ульпиан, и Павел, и один рескрипт Александра Севера, кажется, адресован ему.

Опять способные люди. И, опять же, Александр не терпел лжи. На этом деле можно было даже потерять жизнь. Так произошло с неким Верконием Турином. Прежде он считался другом Александра, но не оправдал доверия императора. Он зазнался, начал выдумывать всякие небылицы, бесславил власть Александра, изображая его глупым человеком, которого он держит в своих руках и которому он многое внушает. Таким образом Верконий хотел убедить нужных людей в том, что Александр является игрушкой в его руках и во всем поступает согласно с его указаниями. Многих он убедил, но и до Александра дошла об этом информация.

Император насторожился и поймал Веркония, прибегнув к следующей хитрости. Он подослал к Турину одного человека, который должен был при всех просить о чем-то Александра, а тайно искать поддержки у Турина, чтобы тот наедине замолвил за него слово перед императором. Так и было сделано: Турин обещал свое содействие и сказал, что он, кое о чем уже переговаривал с императором (хотя на самом деле он ничего не говорил) и что будто бы от него зависит получение желаемого; при этом он назначил цену за успешное окончание дела. Тогда Александр приказал человеку повторить свою

просьбу, и Турин, словно занятый чем-то другим, знаками дал понять ему, что дело сделано, а между тем он во дворце ничего не сказал. Просимое было получено, и Турин получил огромную награду от человека, чья просьба, кстати, была удовлетворена. За это Александр приказал предать Турина суду, и, после того как его виновность была доказана показаниями всех свидетелей – как тех, в чьем присутствии он получил взятку, так и тех, кто слышал его обещания, он приказал привязать его к столбу на Проходном форуме и умертвить, напустив на него дым от зажженной соломы и сырых дров, причем глашатай объявил: «Дымом наказывается тот, кто торговал дымом». А чтобы не казалось, что он наложил жестокое наказание за одну провинность, Александр произвел – до осуждения Турина – тщательное расследование и нашел, что Турин часто брал взятки от обеих сторон в судебных делах, благоприятный исход которых он продавал, а также от всех, кто получал руководящие посты или провинции [Элий Лампридий. Александр Север XXXV, XXXVI].

Случай с Туринем, конечно, был исключительным. Обычно же Александр просто отказывался встречаться наедине с людьми, о которых узнал, что они наговорили о нем много лжи.

Геродиан ясно дает понять, что смерть Месы привела к изменению отношений между матерью и сыном. Мадея все больше осознавала, что он демонстрирует независимость, и поэтому побуждала его большую часть дня постоянно заниматься судебной работой, надеясь, что, пока он занят этим чрезвычайно важным для имперского правления делом, у него не будет времени обратить внимание на другие вещи. Император заслушивал дела, представленные ему в виде петиций, в окружении группы юрисконсультов, чей опыт использовался по усмотрению императора. Как только он приходил к решению, а *libellis* составлял юридический рескрипт, который затем проверялся императором, который ставил внизу свою резолюцию. Это могло быть подробное дополнение к тексту или, как в одной из резолюций Коммода, просто кратким заявлением: «Я написал это, я удостоверяю это».

После военных обязанностей императора, юридическая была одной из самых важных задач и жизненно важной точкой контакта между правителем и управляемыми. Объем работы, с которой пришлось столкнуться императору, был огромен. Мы уже отмечали, что с октября 222 до октября 223 года сохранилось девяносто шесть рескриптов. С марта 226 года по август 229 года, в общей сложности сохранилось пятьдесят семь рескриптов, написанных неизвестным преемником Модестина. Это значительное число, учитывая, что многие другие рескрипты были утеряны. Лампридий описывает, как император тратил большую часть своего дня на переписку и петиции, хотя это общее описание, характеризующее работу большинства императоров.

Было у него ещё одно дело. Уладив основные проблемы со снабжением, вероятно, после 224 года, Александр занялся новым

облагораживанием столицы империи. Он инвестировал в обширную программу строительства в городе Риме. Основная задача масштабной программы строительства Александра Севера заключалась в том, чтобы обеспечить оплачиваемой работой городскую бедноту. Озабоченность вызывал также недостаток санитарии из-за перенаселенности Рима. Эти проблемы решались активным строительством акведука, фонтанов и бань. Похоже, что в это время произошло сокращение частного строительства, а жильё в Риме стоило очень дорого, что привело к увеличению имперских раздач денег, используемых для оплаты непомерной арендной платы.

Начиная с правления Адриана, для строительства на имперских землях все чаще использовались колонны. Похоже, что эта практика значительно расширилась при Александре Севере. Сокращение строительства привело бы к сокращению квалифицированной рабочей силы, в частности архитекторов и инженеров. По этой причине Рэмси Макмаллен предполагает, что император был вынужден платить этим мастерам регулярную зарплату, а также предоставлять аудитории и пайки, оплачиваемые из государственного бюджета, для студентов в этих областях. [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 185].

Александр восстановил часть общественных сооружений прежних императоров и сам построил много новых, в том числе – термы, носящие его имя, рядом с Нероновыми, проведя туда водопровод, названный Александровым. Для своих терм он устроил рошу на частных владениях, скупив их и разрушив там строения. Это были вторые по величине термы Рима после Каракалловых. Да и термы Каракаллы он закончил и украсил, добавив к ним портики (к 235 году). Он первый осуществил во дворце александровский способ применения мрамора, соединяя два вида мрамора – порфиновый и лакедемонский, украсив такими плитами дворы в Палатинском дворце. По примеру Августа, который поместил на своем форуме мраморные статуи выдающихся людей с указанием их деяний, и Александр поставил на форуме Нервы, называемом Проходным, колоссальные статуи обожествленных императоров, либо пешие, обнаженные, либо конные – с надписями и медными колоннами, на которых были по порядку записаны их деяния. (Форум Нервы был построен Домицианом, но освящен уже при Нерве в начале 97 года. Он был расположен между форумом Августа на северо-западе и форумом Веспасиана на юго-востоке. Отсюда и «проходной».

Александр начал строить базилику Александра между Марсовым полем и ограждениями Агриппы – шириной в сто футов, длиной в тысячу; вся она покоилась на колоннах. Закончить ее ему помешала смерть. К сожалению, остатков этой базилики пока не обнаружено.

Храм Изиды и Сераписа он украсил, добавив статуи, делосские изваяния и все то, что имеет отношение к таинствам этих божеств. Он устроил в Палатинском дворце апартаменты имени Мамеи, которые

плебс позже называл «у Мамы»; в байской усадьбе он выстроил дворец с прудом, который и до сих пор еще именуется дворцом Мамеи. В байской усадьбе он воздвиг и другие великолепные сооружения в честь своих родственников и устроил изумительные пруды, проводя воду из моря. Мосты, построенные Траяном, он почти во всех местах восстановил, построил также несколько новых, а за восстановленными сохранил имя Траяна [Элий Лампридий. Александр Север XXV-XXVI].

Джон Макхью, как истинный академический учёный, удивляется: «На этот раз *Historia Augusta* кажется удивительно точной в описании возведенных зданий. Археологические данные подтверждают описания АЖА. Например, по кирпичным штампам видно, что внешняя территория терм Каракаллы была пристроена позже, при Александре Севере. Участок был окружен множеством многофункциональных зданий, внешние стены которых были покрыты статуями. Остатки одной из таких статуй, вероятно, Дорифора, были прикреплены к стене дюбелем и отверстие все еще различимо. Статуя Дорифора изображает мускулистого спортсмена, держащего копье через левое плечо. На огороженной территории находилось сооружение в форме стадиона с многоуровневыми сиденьями, которое, по мнению археологов, использовалось для пеших состязаний и соревнований по легкой атлетике. В этом районе был обнаружен большой орел, который, вероятно, являлся частью статуи императора, изображенного в виде Юпитера. Со стадионом также связаны остатки мраморного алтаря Дианы, Сильвана и Бона Деа (Благой богини). Храмы всех трех стояли рядом с термами и должны были добавить деревенского очарования садам и паркам, разбитым внутри и вокруг комплекса. Еще одно прямоугольное здание с рядом ниш в стенах, возможно, служило библиотекой. В самой большой нише традиционно находилась статуя Афины, богини мудрости. Археологи обнаружили несколько бородатых герм, которые были стандартным украшением библиотек и гимназий, поскольку они ассоциировались с Аполлоном и Гераклом. Большая лестница и парадный вход, построенные в это время, обеспечивали доступ к термам со стороны Авентина. На юго-восточной стороне был также построен массивный центральный зал, в котором находилась огромная статуя, вероятно, еще одна статуя императора. Под этими сооружениями был построен большой подземный митреум, связанный с обширной сетью туннелей, используемых армией рабов, обслуживающих бани. Рядом была построена водяная мельница, которая использовала большой объем воды, приходящий в бани ежедневно.

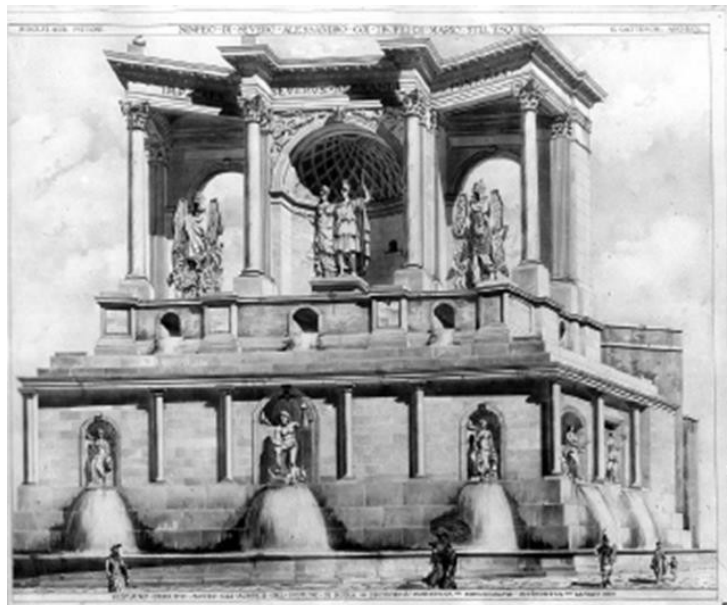

Aqua Alexandria

Термы Нерона, находившиеся между Пантеоном и Стадионом Домициана, тоже были перестроены Александром. По завершении строительства здание размером 200х120 метров стало известно, как Термы Александра. Ряд зданий вдоль современной улицы Виа делла Догана Веккья до сих пор использует значительную часть кладки этих бань, как и церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, Палаццо Джустиниани и Палаццо Мадама. Стены в местах вокруг площади Ронданини до сих пор состоят на четыре этажа из римской кладки Александра Севера. Колонны из серого и розового гранита, добытые в Асуане в Египте, изымались из этого района на протяжении веков, и две из них повторно использовались при реставрации крыльца Пантеона в 1666 году. Еще две можно увидеть, как часть украшений церкви Святого Евстафия, в то время как многие другие являются частью подвалов окружающих зданий. Большой бассейн на Виа деи Стадерари изначально располагался в парилке бань.

Работы в термах Нерона начались в начале правления и были завершены к 227 году. На ряде монет, датированных 224-226 годами, изображен внешний вид большого здания, показан нижний этаж с аркадами, увенчанный чем-то вроде тройной триумфальной арки, украшенной трофеями и статуями.

Бани начали работу после завершения строительства нового акведука Александрина. Он протянулся на 22 км по Пренестинской дороге, пересекал окраину Рима у ворот Порты-Маджоре, а затем уходил под землю к Марсовому полю, где находились Термы Александра. Между прочим, это был последний из 11 античных акведуков Рима, а предыдущий был построен ещё Траяном в 109 году.

Реконструкция Нимфея Александра

Массивный общественный фонтан Нимфей Александра Севера, упомянутый Лампридием как «Океан», был построен одновременно с акведуком в 226 году. В честь его строительства была выпущена серия монет. Золотой ауреус изображает фигуру Океана. Лежащая фигура этого бога традиционно украшала нимфеи по всей империи. Фонтан, выполнявший также водоразборную функцию, стоял на развилке двух крупных дорог, Лабиканской и Пренестинской, за Эсквилинскими воротами, и питался водой из акведука Аква Клавдия или Анио Новус. Первоначальная высота сооружения составляла около 20 м, ширина основания - 25 м. Вода подавалась сзади, через отверстие на высоте около 10 метров, и разделялась на пять струй, падавших в чаши. Сохранившаяся до наших дней кирпичная конструкция ранее была облицована мрамором и украшена рельефами и скульптурами. Вся конструкция резонировала с триумфальными образами. Два массивных трофея, которые теперь можно найти наверху лестницы на площади Пьяцца дель Кампидольо, изначально стояли как раз на Нимфее. Статуи эпохи Траяна были намеренно повторно использованы, чтобы связать нынешнее правление со славным военным прошлым Рима. Нимфей имел форму триумфальной арки, на монетах изображены три большие арки над сооружением. Таким образом император явно отстаивал свои военные амбиции. Расположение рядом с Эсквилинскими воротами и функция важного источника воды должны были обеспечить военные претензии Александра для как можно более

широкой аудитории. Собственно, Нимфей не был построен на пустом месте. По-видимому, он включал в себя более раннюю и простую постройку. Сегодня все, что осталось от Нимфея, – это 18-метровая насыпь из бетона и кирпича.

Реконструкция Септизодиума (Септизониума)

Александр, видимо, слегка усовершенствовал еще одно монументальное сооружение Северов – Септизодиум, построенный Септимием Севером, который стоял в начале Аппиевой дороги на главной улице Рима. Это сооружение, ставшее фасадом дворца Северов, длиной почти 100 метров, было украшено статуями семи выдающихся богов, окруженными статуями императора и императорской семьи. При Александре статуи его самого и Мамеи были поставлены на самые лучшие места, рекламируя их династические притязания, какими бы незначительными они ни были, и провозглашая их связь с божественным. Александр, похоже, построил аналогичные сооружения и в провинциях, чтобы распространить свои претензии. Так, Септизодиум был построен в Ламбезисе в Северной Африке в 226 году с соответствующим акведуком, построенным легионом III Augusta Pia Vindex. Это была отдельно стоящая конструкция, состоящая из одной экседры, окруженной двумя крыльями. По всей его длине проходил бассейн с водой, регулярно собирая толпу, которая могла видеть множество статуй богов, императора и его матери. Еще одно подобное сооружение было обнаружено в Чинкари в Тунисе, оно было построено вместе с купальным комплексом и фонтаном.

Александр отремонтировал Колизей, в который в 217 году ударила молния, что привело к пожару. Пожар был настолько сильным, что пришлось заменить не только верхние ярусы, но и деревянный пол арены, и все кирпичные своды северо-западного сектора, и внешний мраморный фасад. Ремонт продлился до 240 года, но к 223 году нашей

эры арену уже можно было использовать для гладиаторских боев, при этом некоторые сектора оставались закрытыми.

Появление фонтана Meta Sudans на монетах, выпущенных в то время, предполагает, что он тоже был повреждён в огне и восстановлен Александром. Была найдена надпись, касающаяся восстановления этого важного сооружения времён Флавиев. Meta Sudans (потеющая мета) – большой фонтан, находившийся между Колизеем и аркой Константина, которая тогда ещё не была построена, верхняя часть которого имела полую конусообразную форму, достигавшую в высоту семнадцать метров и напоминала столбы, используемые в цирках, которыми отмечали конец гоночной дороги для колесниц (такие столбы носили название «Meta»). Вершину конуса фонтана венчал мраморный декоративный элемент похожий на цветок с четырьмя лепестками. Нижняя часть фонтана представляла собой цилиндрическое строение с шестью нишами, вокруг которых находился бассейн диаметром 16 метров и глубиной 1,4 м. В каждой нише располагались скульптуры нимф. Фонтан был облицован травертином и белым мрамором. Вода струилась из шара, стекая по конусу и ниспадала в бассейн.

Еще одна надпись о реставрации 225 года была найдена в Большом цирке. А согласно Historia Augusta, Александр также намеревался отремонтировать Театр Марцелла, но этого так и не произошло, возможно, не хватило времени.

Откуда Лампридий знал обо всех этих постройках? Возможно, он сам жил в Риме и знал по внешним надписям работы, проводившиеся императором Александром [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 179-184].

Зря Макхью удивляется. Это уже далеко не первый случай надёжного подтверждения данных АЖА. Так, глядишь, лет через сто, сборник признают надёжным и авторитетным источником, правда научный авторитет тех, кто его принижал, никак не пострадает.

Реконструкция фонтана Мета Судане

Одновременно в политических целях Александр Север, по-видимому, фактически отказался от императорской виллы и садов «Старой Надежды», столь любимых его предшественником. Именно здесь Гелиогабал ждал известий об успешном, как он надеялся, убийстве его Цезаря. Вероятно, эти ассоциации привели к тому, что виллу редко использовали как императорскую резиденцию и местные бани могли быть открыты для публики. Сам Александр Север, похоже, регулярно использовал сады Саллюстия. Большая часть структурных остатков этого комплекса была утрачена, но многие известные статуи и произведения искусства были спасены, в том числе прекрасный «трон Людовизи» V в. до н. э. (возможно, часть алтаря или облицовки), ваза Боргезе, ряд статуй, изображающих мифологические сюжеты, побежденных варваров и необычного красного бегемота, который сейчас находится в Копенгагене.

Большое строительство было развёрнуто в африканских провинциях. Но там строительство велось не на государственные средства, а на местные или частные. В Булла Регия – бывшей восточной столице царя Масиниссы, около 230 года огромный термальный комплекс, построенный частным лицом, был посвящен Юлии Мамее. Однако подавляющее большинство новых построек было посвящено самому императору или его «божественному дому». В 229 году колония Куйкул

дополнила свой недавно построенный форум храмом. Он включал в себя внушительную колоннаду, а сам храм был построен на приподнятом подиуме, на который вела широкая лестница. Храм господствовал над центром города. Здание имело поразительное сходство с храмом в Лептисе, посвященном роду Септимиев и было посвящено Александру Северу.

Огромная стоимость обоих названных построек свидетельствует не только о стабильном богатстве Северной Африки, но и о лояльности этих провинций Северам. Александру Северу был также посвящен театр в Лептисе, а Юлии Мамее – форум Севериарум и форум Ветис. В других африканских городах были реализованы менее претенциозные строительные проекты. Рискада возвела почетную арку либо Гелиогабалу, либо Александру Северу и в то же время фламен, или жрец божественного Каракаллы воздвиг статую богини Виктории. Мастер потратил 100000 сестерциев на термы, на что, как гордо указывают надписи, ушло всего семнадцать с половиной месяцев. Два эдила из маленького городка Гуифи в 233 году освятили фонтан, ознаменовав это событие раздачей народу и устройением пира для декурионов.

Гигантизм и монументальность строительной программы Александра выразились также в масштабном представлении его самого в скульптуре. Так поступали все императоры, примером чего является «Колосс» Нерона, возвышавшийся над Колизеем на высоту более 35 метров. Фрагменты огромных статуй Александра Севера были найдены в Риме и по всей империи. Туловище такой статуи было обнаружено на вилле Александра Севера на Остийской дороге. Еще одна массивная статуя, изображающая Гелиогабала или Александра Севера, была обнаружена в Неаполе, в то время как в Александрии колоссальная мраморная статуя, которая начала жизнь, изображая Птолемея IV, VI или Марка Антония, была переделана с добавлением лепной бороды в Александра Севера в образе Сераписа.

О браке императора. Император как отец нации не должен был оставаться холостым. Александр Север женился по достижении возраста 16 или 17 лет. Этот брак выглядит ранним, но, возможно, Мамея таким образом пыталась отвлечь сына от государственных дел семейными. Кстати, право заключать брак в торжественной форме, которое Гелиогабал практически уничтожил, Александр восстановил для всех, подчёркивая приверженность древним общечеловеческим принципам.

Саллюстия Орбиана

В качестве невесты императора была избрана некая Орбиана. Геродиан ясно утверждает, что выбрала невесту сыну именно Мамея. Историки предполагают, что женитьба Александра Севера на Орбиане должна была укрепить лояльность Сената режиму. Полное имя Орбианы известно из александрийских монет 225/226 годов, выпущенных в честь императорского брака: Gneia Seia Herennia Sallustia Barbia. На монетах всех номиналов, выпущенных в Риме, она упоминается как Саллюстия Барбия Орбиана с изображениями императора и его жены, обращенными друг к другу. На реверсе же изображена Мамея. Есть монета, на которой муж и жена пожимают друг другу руки под надписью «CONCORDIA AUGUSTORUM», что подчеркивает гармонию в императорском доме. Отцом Орбианы был римский сенатор Луций Сей Геренний Саллюстий.

Вероятно, он был внуком консула-суффекта 151 года Публия Сея Саллюстия Фусциана. Последний был другом детства императора Марка Аврелия, вместе с которым обучался философии. В 188 году Фусциан находился на посту ординарного консула. Во время своего второго консульства он, возможно, стал префектом Рима. Впрочем, есть вероятность, что он, по крайней мере, с середины 187 года уже был префектом города. Фусциан оставался на своём посту примерно до середины 189 года, когда его сменил будущий император Пертинакс. Его внук, Сей Кар был казнен Гелиогабалом в 219 году. Возможно, он был родным братом отца будущей императрицы.

Саллюстии были хорошо известны в тогдашнем Риме. Тит Флавий Саллюстий Пелигниан был консулом 231 года, вероятно, дальним родственником тогда уже экс-императрицы.

Второй линией родства Орбианы были Гереннии. Марк Геренний Секунд упоминается как консул-суффект в 94 году, а другой сенатор с таким же именем – как консул-суффект в 183 году.

Третья линия – Барбии редко появляются в исторических записях, но Марк Барбий Эмилиан был консулом-суффектом в 140 году.

Итак, Мамея выбрала 16-летнюю Орбиану в невесты сыну и организовала их свадьбу в августе 225 года. Отец невесты Луций Сей Геренний Саллюстий Барбий был объявлен Цезарем. Это пишет Геродиан и этому есть подтверждения. Надпись из Тугг. а в Северной Африке, датированная примерно 225 годом относится именно к Цезарю, но имя его утеряно. Однако Feriale Duranum, по-видимому, сохранила его. Там в списке есть Сей Цезарь. Отсутствие памятных монет, надписей и дополнительных почестей предполагает, что положение Цезаря должно было быть в основном почетным и ему отводилась лишь второстепенная и вспомогательная роль. Самое большее, на что он, возможно, рассчитывал, так это назначение на должность ординарного консула. Однако двумя консулами 225 года были Тиберий Манилий Фуск и Сервий Кальпурний Домиций Декстер.

Фуск сделал великолепную карьеру, которая продолжалась в течении всей династии Северов. Он происходил, по всей видимости, из Италии или западных провинций Римской империи, где был распространен преномен Тиберий и номен Манилий. Начиная свою карьеру Фуск при Коммодe, а то и раньше, но мы о ней не знаем. К 193 году Фуск уже прошёл претуру, а значит, ему было уже не менее 30–35 лет. Видимо, он сразу поддержал Севера, за что получил командование легионом. В 194–195 годах Фуск был легатом XIII Gemina легиона в Дакии. В походе Септимия на Восток он возглавил Дакийскую вексилляцию, доказав свою преданность новому императору и в 195 году стал первым наместником новообразованной провинции Финикийская Сирия. Вероятно, в 196 году Фуск был назначен заочно консулом-суффектом.

Похоже, что Фуск знал Септимия задолго до 193 года и был с ним в весьма дружеских отношениях. Север, а потом и Каракалла, ему очень доверяли.

В 203 году Фуск назначается на должность магистра квиндецемвиров священнодействий, а в следующем году организовывает Секулярные игры. В 209/210 или 212/213 году он находился на посту проконсула провинции Азия. При Гелиогабале о Фуске ничего не известно, но Александр Север вновь обращается к этому патриарху сената. В 225 году Фуск становится консулом. Было ему тогда уже не менее 75 лет.

Женой Фуска была Флавия Поллитта. Примерно в 188/189 году на Манилии Луцилле, дочери или сестре Фуска, женился Гай Цезоний Макр Руфиниан, ещё один выдвиженец Септимия Севера, который сделал блестящую карьеру при ряде императоров, закончив тем, что сопровождал Александра Севера в походе против Сасанидов на Востоке.

Гай Цезоний Макр Руфиниан родился примерно в 157 году. Его род происходил из Италии, возможно, из кампанского города Анций и, по всей видимости, относился к всадническому сословию. О предках Руфиниана нет никаких сведений, известно лишь то, что его отца звали Гай. Карьера Руфиниана известна благодаря надгробной надписи, установленной его сыном неподалеку от Тибура (CIL 14, 03900). Свой *cursus honorum* он начал, вероятно, к концу правления императора Марка Аврелия, пройдя вигинтивират в качестве управляющего тюрьмами города Рима (*triumvir capitalis*).

Затем Макр пошёл в армию. В период между 178 и 180 годом он занимал должность военного трибуна легиона I *Adiutrix* p.f., который дислоцировался в верхнепаннонском Бригенционе. Он принимал участие во II Германской экспедиции Марка Аврелия против маркоманнов и квадов, во время которой получил воинские награды от самого императора. Тогда-то Цезоний заметил Коммод, которому были нужны свои новые кадры. Он назначил Руфиниана на пост квестора провинции Нарбонская Галлия (181–182 гг.), после чего Цезоний стал народным трибуном в Риме (183 г.).

Примерно в 184 году Цезоний Макр продолжил свое восхождение вверх по карьерной лестнице и был назначен легатом, то есть помощником, при проконсуле Бетики. Известно, что срок полномочий высших магистратов Бетики составлял один год (с 1 июля по 30 июня). Таким образом, вернувшись в Рим в середине 185 года, Руфиниан стал претором 186 года. Затем Руфиниан был отправлен в провинцию Азия в качестве легата при местном проконсуле (187–188 гг.). После этого он занимал должность финансового чиновника в пиценском городе Аскул (188–189 гг.). Это был своеобразный отдых сенатора.

Быть может, в это время Цезоний Макр женился на Манилии Луцилле, дочери или сестре будущего двукратного консула Тиберия Манилия Фуска. В их браке родился сын (около 195 года), консул-суффект 225/230 года Луций Цезоний Луцилл Макр Руфиниан. А ведь Фуск был весьма дружен с Септимием Севером и Макр, как зять Фуска, тоже обеспечил себе карьеру. Правда, в тот момент это было не очевидно, ведь никто не думал, что Септимий станет императором.

Где-то весной 189 года Цезоний Макр начал свою вторую милитию, возглавив в ранге легата легион VII *Claudia* p.f., стоявший верхнемезийском Виминации. В конце 191 – начале 192 года он был назначен проконсулом провинции Ахайя, в которую, как правило, отправляли молодых сенаторов, делавших административную карьеру.

Макру тогда было примерно 35 лет. По возвращении в Италию Руфиниан стал финансовым чиновником в лацийском городе Таррацина. Именно в это время был убит покровитель нашего сенатора император Коммод. Однако, Макр не пропал. Он вовремя признал Септимия Севера и вскоре был назначен легатом пропретором провинции Лузитания, которой он руководил с 193/194 по 197 год. Назначение было не очень важным, поскольку Цезоний считался молодым сенатором. Как бы то ни было, Руфиниан, вероятно, сохранял свой пост до того времени, пока не был назначен консулом-суффектом в 197 или 198 году. Несомненно, это была награда за подавление восстания наместника Ближней Испании Луция Новия Руфа, который был сторонником Клодия Альбина. Видимо, можно предположить, что Макр так долго находился в Лузитании именно для пригляда за Новием Руфом. Ведь Септимий, конечно, знал, что Новый Руф симпатизирует Альбину. Руфиниан стал первым из семьи Цезониев, достигшим консульского ранга.

После консульства Цезоний Макр в третий раз стал финансовым чиновником, на сей раз в кампанском городе Теан. В 198–200 годах он занимал должность куратора берегов и русла Тибра.

Только после этого политическая карьера Руфиниана при Септимии Севере пошла резко вверх. Он был назначен на пост легата пропретора Верхней Германии и находился на этом посту со 199 по 203 год.

С возвращением в Италию Цезоний Макр стал куратором акведуков и снабжения Рима. Датировка пребывания его на этой должности затруднена. Предположительно, он занимал её в 204–205 годах. Затем он был назначен проконсулом Африки. Опять же, неясно, когда именно он возглавлял эту провинцию: либо при Каракалле в 213/214 или 214/215 году, либо при Гелиогабале или Александре Севере.

До или после проконсульства, во всяком случае, ближе к концу правления Каракаллы, Цезоний Макр был финансовым чиновником в Лавинии или Ланувии. Во время персидского похода Александра Севера он стал комитом императора. Учитывая то, что ему было около семидесяти лет к тому времени, было высказано предположение, что он фактически не сопровождал императора на восток, а титул комита стал использоваться в качестве обозначения человека, приближенного к императорскому двору. Также он входил в состав жреческой коллегии августалов.

Второй консул 225 года Сервий Кальпурний Домиций Декстер, по всей видимости, происходил из италийской патрицианской семьи. Его отцом был консул-суффект 203 или 204 года Кальпурний Максим, а матерью – Руфрия. Родственником Сервия, скорее всего, является, консул 196 года Гай Домиций Декстер.

Сервий Декстер был монетным триумвиром, квестором (стал им в качестве кандидата от императора) и затем претором. Около 180 года он находился на посту куратора Эмилиевой дороги, а потом стал легатом при проконсуле Азии. Декстер состоял в коллегии

квиндецемвиров священнодействий, где был её магистром. В общем, это тоже был весьма пожилой сенатор, обладавший большим авторитетом.

Итак, с консулами 225 года мы определились. В 226 году император почтил консулатом Гая Ауфидия Марцелла, сам разделив с ним консульство. Ауфидии выдвинулись в верха римского общества ещё во время республики и оставались могущественной аристократической семьей в начале III века. Авторы *Prosopographia Imperii Romani* предполагают, что отцом или родственником Гая был сенатор Ауфидий Коресний Марцелл, который происходил из памфилийского города Сагаласс.

О самом Марцелле известно мало. Его карьера началась при Септимии Севере. Около 205 года он находился на посту консулсуффекта. Затем, в 221–222 годах, при Гелиогабале, он был проконсулом провинции Азия. Вот и всё. Одно ясно. Ауфидий сохранил хорошие отношения как с Гелиогабалом, так и с Александром. А ведь он был весьма немолод, в отличие от последних Северов. Возможно, какую-то роль в этом сыграло происхождение Ауфидия с Востока, из Памфилии.

Возвращаемся к тестю Александра. Он опять не стал консулом. Так зачем же было вообще назначать Цезарем отца Орбианы? Ожидалось, что их в браке родится сын знатного происхождения, примерно так же, как ожидали от брака Гелиогабала с Аннией Фаустиной, родственницей Марка Аврелия. Слабые династические притязания императора, несмотря на неоднократные заявления о том, что он является незаконнорожденным ребенком Каракаллы, нужно было усилить связями с аристократией. Вполне вероятно, что роль Саллюстия рассматривалась с точки зрения страхового полиса. Если Александр Север умрет, когда его ожидаемый сын будет ещё несовершеннолетним, его тесть сможет действовать как подставное лицо режима, работая в сотрудничестве с Мамеей, пока сын его дочери и зятя не достигнет совершеннолетия. Этот план, конечно, был рассчитан на то, что Цезарь, человек знатного происхождения, готов взять на себя второстепенную роль. Однако, как Цезарь и назначенный наследник, он будет иметь постоянный доступ к императору и давать ему советы по *concilium principis*. Это была возможность, за которую Саллюстий мог ухватиться обеими руками.

Поначалу всё шло хорошо. Саллюстия Орбиана пришлась Александру по душе. Молодые жили в супружеском согласии и любили друг друга, хотя детей у них не было. Орбиана была объявлена Августой. С её именем выпускались ауреусы, серебряные денарии и квинарии, сестерции, дупондии и ассы. Сей был уважаем Александром и, вероятно, потихоньку набирал силу и влияние. Вот тут-то и нашла коса на камень. Недалёкая и жадная до власти Мамея, завидуя росту влияния жены и тестя императора, вдруг развернула целую кампанию

по их дискредитации. Самих своих воображаемых соперников она стала откровенно третировать и оскорблять. Это подтверждает Геродиан (VI.1). Как мы знаем, Сею Саллюстию не были предоставлены статусные символы, которые обычно даются наследнику престола. Он не был назначен консулом, от его имени не выпускались монеты, и, похоже, он даже не имел минимальных титулов, присвоенных Александру Северу в 222 году, когда Гелиогабал назначил его Цезарем. Такие символы статуса включали видное место в имперской ложе во время «игр», право нести перед собой имперский огонь во время передвижения по столице, включая имперский вексиллум, и сопровождаться двенадцатью ликторами. Также ожидалось, что всех членов императорского дома будет сопровождать эскорт преторианцев. Ничего этого Сей не получил. Бесхребетный маменькин сынок Александр ничего не смог противопоставить своей обожаемой мамочке, ударными темпами ведшей его и саму себя к могиле. Очевидно, что он даже не пытался. Нам неизвестны подробности, но, видимо, конфликт начался где-то во второй половине 226 года, когда первый год брака не принёс семье потомства.

Закончилось же всё трагически в августе 227 года. Тогда отец молодой женщины, как ни сильно был он уважаем своим зятем Александром, не вынеся притеснений Мамеи по отношению к нему самому и к его дочери, бежал в лагерь преторианцев и, принося Александру благодарность за почести, ему прежде оказанные, пожаловался воинам на Мамею за все ее обиды. Кажется, причиной этой отчаянной акции было обвинение в покушении на жизнь императора. Если это так, то обвинение сфабриковала, конечно, Мамея. Поверил ли в это Александр, неизвестно, но он никак не воспрепятствовал планам матери. Поняв, что защиты от императора не дождётся, Сей и бежал в лагерь преторианцев, прекрасно зная о негативном отношении последних к императорской семье. Возможно, он наивно надеялся, что гвардия сместит мать-императрицу, сохранив при этом Александра императором, а также повысит статус его самого. Преторианцы, однако, остались верными Александру, но только после того, как выслушали то, что Сей мог им предложить. Это значит, что Сей предложил им мало. Этому благородному сенатору не хватало качеств, которыми восхищались солдаты: военного опыта и проверенной храбрости, выкованной в бою. Для них он был не «однополчанином», а представителем аристократической знати. К тому же, видимо, не очень щедрым. Преторианцы решили, сенатор как император вряд ли сможет защитить и сохранить корыстные интересы и привилегии армии и гвардии. Поэтому они не поддержали Сея. Мятеж превратился в путч. Мамея повелела убить Сея, что и было исполнено, а его дочь, свою невестку, выгнав из дворца, сослала в Ливию. И опять Александр согласился с волей маменьки. Неудивительно, что авторитет императора падал и поделаться с этим ничего было нельзя, поскольку

Мамея и дальше продолжала рушить этот самый авторитет, а Александр продолжал ей уступать. Хотя Геродиан и пытается оправдать своего любимца, пишет, что «все это делалось против воли принуждаемого к тому Александра, ибо мать имела над ним чрезмерную власть, и все, ею приказанное, он исполнял. В том единственно можно упрекнуть его, что из-за чрезмерной кротости и большей, чем следует, почтительности к матери он повиновался тому, чего сам не одобрял» [Геродиан. История императорской власти после Марка. VI. 1].

То, что Геродиан и Лампридий пытаются нивелировать до какого-то незначительного недостатка, на самом деле было принципиальной неадекватностью режима. Такого императора армия долго терпеть бы не стала, она и не потерпела. Тем более, что Мамея использовала власть не только как свою личную семейную, но и грабила имперскую казну, лишая воинов возможности получения донативов от императора. А ведь ещё Септимий Север завещал сыновьям для сохранения власти заботиться о солдатах и не обращать внимания на остальных. На тот момент истории, это было верным решением и Каракалла, например, ему целиком следовал, однако Гелиогабал наплевал на рекомендации предка и погиб, а теперь и Александр шёл на поводу у жадной и глупой матери. Ему просто повезло, что Рим тогда не воевал. Это позволило Александру просидеть на престоле гораздо дольше, чем он того заслуживал.

С брачными делами Александра Севера существуют и другие проблемы. Ещё один наш источник, греческий историк Дексипп писал, что Александр женился на дочери некоего Макриана и нарек последнего Цезарем; когда же Макриан задумал коварным образом убить Александра и интрига была обнаружена, Макриан был казнен, а жена Александра отвергнута.

То же самое имя Макриан, получивший от императора титул Цезаря, называет Лампридий (XLIX, 3-4). Возможно, нам известно лишь неполное имя Сея, и он также носил прозвище Макриан. По надписям нам известен Квинт Саллюстий Макриниан в качестве наместника Мавритании Цезарейской между 198-209 гг. Другая надпись рассказывает о его сыне, носившем то же имя, и называет его как *clarissimus puer*, что указывает на юношу самого высокого ранга сенатора. Он мог бы быть тем самым «Макрианом». Подтверждением этого является упоминание у Лампридия (LVIII, 1) полководца Вария Макрина (Макриана?), командовавшего войсками в Иллирии; он назван родственником Александра. Возможно, он был братом Квинта Саллюстия Макриниана.

Есть вероятность того, что Александр женился второй раз после Орбианы. У Лампридия упоминается некая Меммия, дочь консуляра Сульпиция, внучка Катула (XX, 3) в качестве жены Александра Севера, которая вместе с Мамеей упрекала императора в излишней мягкости, а

ведь Лампридий знал и об Орбиане. Значит, он не мог ошибаться. Но больше нам о Меммии ничего не известно. Ни монет, ни надписей её не существует, так что персонаж это весьма сомнительный.

Наши источники пытаются уверить читателя в том, что принципат Александра Севера был временем мира и расцвета, в том числе расцвета демократии. Однако, по описанию свидетеля и очевидца событий Диона Кассия, держава тогда сотрясалась от множества мятежей, устроенных разными людьми, что давало повод для беспокойства. Мы знаем о мятежах 222, 223, 227 годов, о фактах прямого неповиновения воинов в 222-223 и 229 годах, о погромах христиан в 222, 226 и 230 годах, а ведь чего-то мы и не знаем. Назревали серьёзные потрясения и многие уже понимали это. Мы уже отмечали, что Риму сильно повезло в те годы, за счёт отсутствия серьёзных войн на границах империи. Однако, эта ситуация была не вечной и это тоже понимали многие. Скоро эта тишина должна была закончиться и вот тогда проявятся все недостатки системы Северов.

Глава 6

Персидская война. 229-233 годы

Вполне понятно, что внешняя политика Рима при Александре Севере, как и при всех предыдущих императорах, базировалась на силе армии. Мы уже указывали, что Александр с самого начала пытался наладить отношения с армией, возможно, в противовес гвардии.

Несомненно, Меса и Мамея понимали, что нужно восстановить отношения с Восточной армией, испорченные раскассированием легиона III Gallica. Определённая неприязнь восточных частей римской армии к последним Северам довольно явно просматривается. Обида за «недооценённость» восточных войск, обеспечивших власть сирийской ветви династии Северов, и ещё большая обида за роспуск легиона, усиливалась взаимной неприязнью со стороны Гелиогабала, считавшего, что восточные войска не оправдали его ожиданий. Чтобы такое положение не сохранилось при Александре Севере, легион был восстановлен, правда, неизвестно, когда. Возможно, ещё в 223 году, но первое упоминание о нём, вроде бы, относится к 226 году. Вероятно, в восстановленный легион включили его же бывших воинов, в основном, служивших в легионе III Augusta в Африке/Нумидии. Их, конечно, было недостаточно, поэтому, вероятно, в Сирии был проведён дополнительный набор. При этом, место дислокации легиона изменили. Его выдвинули на восток в район Дамаска. Восстановленный легион закрыл опасную дыру на восточной границе, через которую персы могли прорваться в южную Сирию.

Вероятно, несмотря на сирийское происхождение семьи, Меса и Мамея не особенно рассчитывали на поддержку восточных легионов и первым делом отправили своих эмиссаров к Рейнской и Дунайской армиям. Как мы уже упоминали, Рейнская армия признала Александра сразу и без проблем, Испанская и Британская тоже.

Возможно, восстановление авторитета Северов у армии, происходило в немалой степени через армейский культ сирийского же бога Юпитера Долихена. Юпитер Долихен как образ бога Солнца возник в сирийской Долихии во времена Адриана и распространился по империи через восточных солдат и купцов. Юпитер Долихен был точно такой же сирийской формой Баала, как и эмесенский

Элагабал с какими-то местными различиями, и, при этом, не вызывал никаких отрицательных чувств у римлян, даже, напротив. Его культ распространялся по римской армии одновременно с насаждением культа Элагабала и падение последнего никак не повлияло на распространение первого. Армия не рассматривала Юпитера Долихена или Элагабала как врагов Рима – таковым рассматривался конкретно Гелиогабал и его шайка извращенцев.

Бог представлялся в виде бородатой фигуры, стоящей на спине быка, с солнечным диском над головой. На нем фригийский колпак и чешуйчатый панцирь, в одной руке он держит топор лабрис, а в другой пучок молний. Его воинственные качества нравились солдатам, особенно дислоцированным вдоль Рейна и Дуная, а также в Британии. Более пятидесяти таких храмов, святынь, надписей и вотивных подношений были обнаружены возле военных крепостей в этих провинциях. Бог иногда изображается в виде орла, парящего над головой оленя, как в Алишар-Гуюке в Турции на монете Александра Севера.

В Риме также были найдены посвящения Юпитеру Долихену, сделанные преторианцами и моряками, базировавшимися в военно-морской базе на острове в Тибре. Храмы Долихена в Риме стояли на Авентине и на Эсквiline, бог был особенно популярен у воинов когорты II *Vigilum*.

Марк Аврелий Гераклит, центурион *Statores Praetoriani*! особого полицейского отряда преторианцев, охранявших легатов легионов, оставил посвящение Юпитеру Долихену за безопасность Александра Севера и Мамеи.

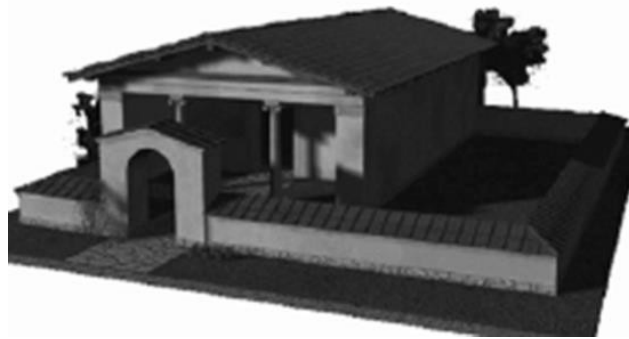
Есть посвящение Юпитеру Долихену с упоминанием Мамеи от префекта когорты I *Treverorum* в Верхней Германии.

Легионер легиона VII *Gemina Felix* в Испании тоже совершил посвящение божественному духу и величию Мамеи.

Даже в Крыму был храм Юпитера Долихена. Он находился в Балаклаве, а прихожанами храма были воины легиона I *Italica*, базировавшиеся там. В 223 году храм в Балаклаве был разрушен. Причины, обстоятельства и виновники этого неизвестны, но, скорее

всего, это были аланы. Храм не был восстановлен и так началось отступление римлян из Крыма, хотя, например, когорта I Thracum зафиксирована в Танаисе ещё в 231 году. Скорее всего, это была когорта I Thracum Syriaca, дислоцировавшаяся в Нижней Мёзии. В Боспоре уже давно шла некая «Боспорская война», видимо, против тех же аланов. Со стороны Рима, помогая боспорцам, в ней участвовали части нижнемёзийской армии.

Дунайские войска тоже, определённо, поддержали новую власть. В Аквинке большинство найденных надписей того времени посвящено Александру Северу и его матери. Многие из них были сделаны ветеранами дислоцированной там когорты I Nemesenorum. Но они, хотя бы, были сирийцами и земляками императорской семьи. Интересно распространение надписей, посвящённых Мамее. Более трети из них происходят из Мёзии и Фракии, в то время как они являются редкостью в Африке и на её родине в Сирии.

Компьютерная реконструкция Храма Юпитера Долихена в Балаклаве

Чеканка Александра Севера из Маркианополя в Нижней Мезии носит также имя Месы при трех легатах: Фирмии Филопаппе (ок. 223 года), Умидии Теревентине (ок. 226 года) и Тиберии Юлии Фесте (ок. 226 года). Мы можем предположить, что Филопапп был назначен Гелиогабалом и поэтому был быстро заменен, или в его замене сыграл роль набег аланов на Крым и разгром ими Боспорского царства, за оборону которых отвечал легат Нижней Мёзии.

Возможно, император действительно улучшил снабжение войск и оградил солдат от произвола начальства. Например, мы знаем, что кроме прочей военной одежды, Александр приказал выдавать солдатам поножи, брюки и обувь. Конечно, это было очень важно, ведь брюки и обувь являются самыми скоропортящимися элементами боевого снаряжения.

Однако, после первого признания, контакты правительства Александра Севера с армией были быстро заморожены. Мирные годы способствовали тому, что интересы армии были отодвинуты на задний план. Гелиогабал и Александр Север, без малейших усилий со своей стороны, получили выгоду от длительного периода мира, ставшего следствием кампаний Септимия Севера и Каракаллы против каледонцев за стеной Адриана, парфян на Востоке и германцев на Рейне. Всё время правления Гелиогабала и большую часть правления Александра, империя наслаждалась безмятежным миром, за исключением Крыма/Таврики и Боспора, которые считались дальним захолустьем. Однако это было неоднозначным благословением. С одной стороны, это дало новому режиму возможность заложить надежные основы своего правления, но это также лишило последних Северов возможности продемонстрировать воинские добродетели, которые солдаты считали необходимыми. Они были готовы рисковать своей жизнью, служа императору, который был их верховным главнокомандующим, если они были уверены в его добродетели и военных способностях. Септимия и Каракаллу солдаты любили. Даже Гелиогабала воины почитали во время гражданской войны с Макрином. А потом им стало не за что почитать Гелиогабала и Александра. Первый доказал, что он не воин, а извращенец, а второй, с точки зрения солдат, был маменькиным сынком. Армия могла простить ему и простила первые годы правления – 222–226 годы, когда он рос физически и восстанавливал порядок в Риме. Но затем, после женитьбы, Александр должен был, с точки зрения армии, посетить какую-то из опасных провинций, наладить там отношения с армией, а ещё лучше – провести победоносную кампанию. Рим никогда не был против того, чтобы начать неспровоцированную военную кампанию против какого-нибудь слабого и застигнутого врасплох противника. Однако ничего подобного Александр Север не сделал. Армия простаивала год за годом, теряя боевой опыт и качества. В течении более 10 лет на границах империи не было ни одного серьёзного конфликта, кроме мелочёвки на Боспоре и усиливавшихся налётов в Месопотамии и Каппадокии. По сравнению с этим, «тихие» времена Антонина Пия можно считать кровавой баней. Как и такие же «тихие» времена Коммода. А ведь ещё оказалось, что последние Северы были плохими стратегами и геополитиками. Они абсолютно не смогли предугадать нарастания грозных событий на Востоке, на Рейне и на Дунае, и никак к ним не подготовились. Так, уже к 224 году можно было предвидеть войну на Востоке, вызванную возвышением персидского царя Ардашира и разгромом им своего парфянского противника.

Ардашир (220–241 гг.) был сыном Папака из рода Сасана. Персия входила в состав парфянского государства, и персидские цари были вассалами парфянских Аршакидов. Отец Ардашира, Папак, правитель одной из областей Персии, был мелким царьком, но он сверг верховных

царей из династии Базрангидов и подчинил себе всю Персию, венчав на царство в Истахре, столице страны, в 209 году своего старшего сына Шапура. Ардашир был младшим сыном Папака, он в это время захватил несколько мелких владений в районе Дарабгирда – крепости, где был поставлен правителем. Честолюбивый и активный Ардашир не пожелал быть вторым. Вскоре между ним и Шапуром вспыхнула борьба за власть, в результате которой Шапур был убит. К 220 году Ардашир установил контроль над всей Персией. Теперь его целью стала Парфия. Он мечтал разгромить Парфию и вернуть власть над Востоком персидским царям. Парфия же в то время ослабела. Походы Септимия Севера и катастрофическое вторжение Каракаллы в Месопотамию в 216 году привели к полной дестабилизации парфянского государства, что вызвало кровопролитную гражданскую войну между Артабаном V и его братом Вологезом VI. Каракалла писал сенату, что сложившаяся ситуация исключительно на руку Риму. Несомненно, останься Каракалла жив, он добил бы Парфию и возможно, не позволил бы Персии подняться на её обломках, или, по крайней мере, не дал бы персам усилиться в западных областях их империи. Но Каракалла убили, а ни Макрин, ни и Гелиогабал даже не подозревали, что Парфянская империя вот-вот рухнет и ее место займет централизованная и гораздо более агрессивная Персидская империя Сасанидов, и ничего не делали, чтобы не допустить этого. Это молчание Рима позволило Ардаширу без помех разобраться с парфянами.

Пограничье Рима и Персии в 230 году

Сначала парфяне воевали между собой. Артабану V удалось победить своего брата в битве близ Сузы 5 сентября 221 года. Он не убил брата, а даже оставил ему Вавилонию со столицей в Селевкий, себе же забрал остальную часть Парфии. Однако, к этому времени, ослабленная Парфия оказалась перед лицом усилившейся Персии.

Почему персы оказались сильнее парфян? Во-первых, Ардашир и его преемники – Сасаниды отстаивали свое божественное право на правление, горячо поддерживая зороастризм. Очевидно, в этом они нашли поддержку в широких массах народа. Ардашир мотивировал своих солдат фанатичной зороастрийской идеологией. Византийский историк Агафий, писал, что Ардашир имел тесные связи с магами и владел их тайнами. Парфянские же цари, к этому времени, сильно эллинизировались, что могло не нравиться простому народу в массе придерживавшемуся зороастризма. Во-вторых, Ардашир всегда напоминал народу о великом прошлом Ирана при персах Ахеменидах, чтобы привить этой силе чувство национализма. И привил. Это и дало персам преимущество.

Битва при Ормизджане

Но начинал Ардашир осторожно. Первым делом он основал новый город Ардашир-Хурра (ныне Фурузабад), возможно, в качестве столицы провинции (Персии) в противовес существующей столице в Истахре. Это действие было предпринято без разрешения Артабана и тот никак не ответил. Позже Ардашир защитил свой город цитаделью и построил там храм огня, а сам город был переименован в Шахр-и-Гор. Теперь у него была мощная база.

Далее, опираясь на союз с правителями Мидии, царем Адиабены Шахратом, и правителем Киркука Домицианом, Ардашир поднял открытое восстание против Парфии. В 223 году армия союзников осадила Селевкию, столицу Вологеза VI. Город был взят, а Вологез погиб в бою. После этого в Месопотамии Ардаширу подчинились правители княжеств Бэт Арамайи, Забдицены и Арзуна. Войска же Артабана V были разбиты в серии из трех сражений. Последняя и решающая битва при Ормизджане произошла, согласно персидской традиции, 28 апреля 224 года в окрестностях Исфахана и Рея, недалеко от дворца Артабана. Эта дата основана на современных источниках и подтверждается литературными и нумизматическими свидетельствами. Персидский поэт XI века Фирдоуси датирует смерть Артабана именно 224 годом, как и арабский историк IX века ат-Табари.

Для того, чтобы составить некоторое представление о хронологии этих событий, могут быть использованы нумизматические свидетельства. На монетах Ардашира, отчеканенных в 222-224 годах, имеется надпись: «Царь Парса», но с 224 года появляется титул «Царь Ирана». В 227 году в Ктезифоне был основан монетный двор, который давал на своих изделиях надпись: «Шаханшах». В это же время там заканчивается чеканка монет парфянина Артавазда, сына Артабана.

В 224 году Ардашир восстановил древнюю Селевкию, знаменитую своими многочисленными зороастрийскими храмами огня и разрушенную им же в 223 году. Он переименовал город в Вех-Ардашир. Далее Ардашир двинулся на Шахразур в Ассирии. Оттуда он переехал в старую парфянскую столицу Ктезифон, где был коронован шаханшахом, или «Царем царей». Это событие можно датировать по его чеканке 227 годом. Получается, что Ардашир провёл в этих экспедициях и походах около трёх лет.

Таким образом, на месте Парфянского царства на Востоке возникла гораздо более агрессивная держава – Персидское (Новоперсидское) царство с правящей династией Сасанидов (по имени деда Ардашира Сасана).

Конечно, далеко не всё у Ардашира шло гладко. Поражение и смерть Артабана привели к тому, что на трон стали претендовать другие члены парфянского царского дома. Поэтому главной заботой Ардашира на протяжении всего его правления было вовсе не полное завоевание восточных провинций Рима, а укрепление своего правления перед лицом многочисленных восстаний и вторжений. Однако римский

контроль над северной Месопотамией всё же угрожал его положению в Вавилонии и Ассирии, особенно потому, что они оставались центрами оппозиции Аршакидов его правлению. Выжившие сыновья Вологеза VI сразу подняли восстание в Вавилонии и бежали в пустынный город Хатра, управляемый арабской семьей, связанной семейными узами с Аршакидами, и которая отвергла сюзеренитет Сасанидов.

Другим таким центром стала Армения. После битвы при Ормизджане многие парфянские аристократы бежали с сыновьями Артабана в Армению, где их приветствовал армянский царь Тиридат II (также известный в армянских источниках как Хоеров Великий), который продолжал подстрекать к восстанию и других парфянских аристократов, оставшихся в родных владениях и внешне принявших власть Сасанидов. Опираясь на Тиридата, сын Артабана V, Артавазд, удерживал некоторые районы на севере Ирана. Монеты с именем Артавазда были найдены в Хуррамабаде, городе между горами Загрос и Вавилонией, Нихавенде, расположенном в самих горах Загрос, и Адхарбайджане к северо-востоку от Армении.

Другие сыновья убитого царя, возможно, отправились на восток в Бактрию, которой правили их родственники.

Согласно более позднему рассказу Фирдоуси, после гибели Артабана в 224 году, Ардашир ненадолго задержался в Рее, вероятно, укрепляя свой контроль над жизненно важной сатрапией Мидия. Хотя на хронологию и точность рассказа Фардоуси полагаться нельзя, он дает представление о глубине сопротивления Сасанидам. Согласно его «Книге царств», после умиротворения Мидии, прежде чем вернуться на родину в Парс, Ардашир возглавил кампанию против курдов к востоку от Тигра, а еще одну экспедицию отправил в Кирман, расположенный на юго-западе современного Ирана. Эту экспедицию возглавил один из сыновей Ардашира. Экспедиция против курдов могла бы означать кампанию в горах Загрос против Артавазда, сына Артабана.

Война в Армении и Атхарбайджане оказалась очень трудной и долгой. Об этом, например, рассказывает «История святого Григория и обращения Армении», написанная Агафангелом на армянском языке в V веке. Согласно его рассказу, армянский царь Тиридат II, сам являвшийся Аршакидом, не удовлетворившись простым укрывательством парфянской знати и отвергший все предложения Ардашира, начал военную кампанию, чтобы заявить о своих собственных притязаниях на парфянский трон. Для этого он, по-видимому, договорился с северокавказскими кочевниками, которых Агафангел называет гуннами. Скорее всего, это были аланы, поскольку их армия прошла через Дарьяльское ущелье, издавна контролируемое этим народом. Южнее Дарьяла лежала Грузия, поэтому Тиридат II договорился и с грузинскими князьями, которые должны были пропустить аланов и даже вошли в союз с ними и армянами против Ардашира. В тот же союз вошли албанцы из Атхарбайджана и беглые

парфяне. Армия получилась настолько большой, что смогла дойти аж до Ктезифона. Существует предание, что Тиридат II разграбил сам Ктезифон, но это, возможно, патриотическое преувеличение. Это вторжение, естественно, вызвало отклик со стороны Ардашира, который вторгся в Армению, однако он ничего не добился и был вынужден отступить. По словам Агафангела, Тиридат II неоднократно вторгался на прилегающие парфянские территории, которые признали власть Ардашира, надеясь спровоцировать там восстание против персов. Но хотя он, по-видимому, серьёзно опустошил эти земли, парфяне отказались присоединиться к нему. Персидская власть их устраивала больше армянской.

Дион Кассий даёт краткий, урезанный отчет, написанный около 229 года и, вероятно, основанный на современных ему сообщениях с Востока, в которые он, будучи консулом, был посвящен: «Наиболее тревожной была обстановка в Месопотамии, которая внушила подлинный ужас всем людям не только в Риме, но и повсеместно. Ибо некий перс Артаксеркс, разгромив в трех битвах парфян и убив их царя Артабана, пошел войной на Хатру с тем, чтобы из этой крепости совершать в дальнейшем нападения на римлян. Ему удалось пробить брешь в стене, но, потеряв множество солдат, попавших в засаду, он отступил и направился в Мидию. Путем устрашения и переговоров он захватил отнюдь не малую часть как этой страны, так и Парфии, и устремился в Армению. Здесь ему дали отпор некоторые мидийцы и сыновья Артабана, так что одни рассказывают, что он бежал, а другие – что отступил, дабы собрать более многочисленное войско. Он стал для нас опасным противником, ибо он собрал огромное войско, угрожая не только Месопотамии, но и Сирии, и заявлял, что вернет всё то, что издревле принадлежало персам вплоть до Греческого моря, поскольку всё это досталось персам в наследство от их предков» [Дион Кассий. Римская история 80. 3].

Как видно из этого текста, война и походы Ардашира в Армению продолжались несколько лет, но без успеха. Только около 230 года Артавазд был захвачен персами, привезен в Ктезифон и казнен. А в промежутке, где-то, в 228/229 году, Ардашир совершил поход на Хатру, где укрывались сыновья Вологеза VI, но и там был отражён с большими потерями.

Вероятно, римские легаты Каппадокии, непосредственно граничившие с Арменией и курировавшие её, помогали армянам и парфянам отбиваться от персов. Однако, мы не видим никаких военных мероприятий в Каппадокии, а легаты продолжали сменяться по обычному распорядку, что говорит о том, что правительство Месы не хотело обострять отношения с Ардаширом. Мы мало что знаем, но известно, например, что каппадокийского легата Аврелия Базилея (221-222 гг.) сменил Азиний Лепид (222-224/225 гг.). Базилей, кстати, не подвергался никаким репрессиям, как человек Гелиогабала и,

например, в 227-229 годах (или в 232-235 гг.) отмечен как легат соседней провинции Галатия. После Азиния Лепида легатом Каппадокии был Публий Арадий Патерн (до начала 231 года)

Ауксилиарий когорты XX Palmyrenorum из Дура-Европос в 230 году

Геродиан и Дион утверждают, что Ардашир, как истинный преемник империи Ахеменидов, заявил о своих правах на все территории, которые раньше принадлежали Александру Македонскому. Северная Месопотамия рассматривалась им как законная территория Сасанидов, которая могла бы быть использована Римом в качестве базы для вторжений вниз по Евфрату и Тигру на уязвимую равнину между двумя реками. В краткосрочной перспективе его главной заботой оставалось укрепление контроля над всей территорией, которой правили его парфянские предшественники, и сокрушение Аршакидской оппозиции его правлению. Отсюда и его кампании против Хатры, Мидии и Армении.

Как же Ардашир столкнулся с римлянами? Византийский хронист Зонара, поддержанный Синкеллом, утверждает, что Ардашир продвинулся в Каппадокию и осадил Нисибис и Карры в удерживаемых римлянами областях Месопотамии: «...Артаксеркс [Ардашир]...двинулся походом на Армению и потерпел поражение от армян и мидян, которые напали на него вместе с сыновьями Артабана. Оправившись от предыдущего поражения, он затем осадил Месопотамию и Сирию с большими силами, угрожая вернуть все, что принадлежало персам, его

предкам. Затем Артаксеркс со своими персами вторгся в Каппадокию и осадил Нисибис» [Зонара. XII 15].

Геродиан удручающе расплывчат в изложении этих событий, просто описывая, как действия Ардашира вызвали волнения местного населения, когда он переправился через Тигр, захватил римскую Месопотамию и угрожал Сирии. Зато он утверждает, что было совершено два нападения на римскую провинцию Месопотамия. В результате первого к Ардаширу было отправлено посольство, которое не добилось успеха, и за этим последовало более продолжительное нападение на Месопотамию и Сирию, которое принесло персам обширную добычу и осаду Ардаширом римских гарнизонов «на берегах рек».

Сасаниды были самыми изощренными врагами, с которыми сталкивались римляне. Они создали труды по военной теории, в которых сочетались древние индо-персидские военные практики с тактикой парфянской кочевой кавалерии и романо-греческой пехоты. Превосходные осадные навыки персов сделали их самыми страшными врагами, с которыми сталкивались римляне. В отличие от других врагов, персы могли захватить даже самые сильные римские укрепления, не успевшие получить своевременную помощь. Единственными серьезными слабостями, которые были у Сасанидов по отношению к Риму, было то, что их армия не была постоянной, «экономика была слабее, их пехотные силы меньше, а военно-морские силы ничтожны» [Syvanne. Gordian III and Philip the Arab. The Roman Empire at a Crossroads. Pen & Sword Military. 2021. – p. 28].

Вернёмся в Рим и посмотрим, как правительство Александра Севера реагировало на события, происходящие на Востоке. Оказывается, сначала никак, но вспомним, что Селевкия была взята персами только в 223 году, а Артабан V погиб весной 224 года. К этому времени Ардашир, несомненно, захватил также порт Спасину-Харакс в дельте Тигра и Евфрата, таким образом, получив контроль над жизненно важными торговыми путями и угрожая экономическому процветанию римского торгового центра Пальмира. Но аршакиды тогда ещё продолжали сопротивление, а Ктезифон пал только в 227 году. И вот именно перед захватом Ктезифона войска Ардашира впервые вторглись на территорию римской Месопотамии. Тогда же он, очевидно, озвучил свои планы вернуть персам империю Александра Великого. А в 228 году Ардашир первый раз напал на Хатру, правда неудачно. После этого римляне заключили с царём Хатры союз и перебросили в Хатру когорту IX *Maurorum*, возможно, из Нисибиса. Это было верное решение и принять его мог только император. Нужно это признать. Однако, решение было половинчатым. Оно позволило удержать Хатру, но остальная часть Месопотамии никак не была усилена или усилена недостаточно, что не остановило войну. IX *Maurorum* могла реально прийти в Хатру только зимой 228-229 года, когда персы отходили на

свои базы. Таким образом, крепость, которую не мог взять штурмом ни один из римских императоров, добровольно приняла римский гарнизон в рамках союза против Ардашира. Арабский царь Хатры решил, что власть Рима для него выгодней власти Ардашира. Союз с Хатрой был важнейшим достижением римской восточной политики и надо отдать должное правительству Александра Севера, понявшему его важность и не промедлившему с его заключением. В ходе будущей войны неспособность персов взять Хатру сыграет важнейшую роль в приемлемом выходе Рима из конфликта.

Тем временем, Ардашир, возможно, вторгся в Армению и Адхарбайджан из Мидии, пройдя через армянскую провинцию Арзанену и совершив набег на римскую провинцию Каппадокия, а затем на Забдицену, которая, судя по «Акту мученичества», подверглась нападению в рамках той же кампании. Забдицена находилась к востоку от Нисибиса, а столицей её была Безабда. По-видимому, это был важный римский опорный пункт, расположенный на западном берегу верховьев Тигра чуть к северо-востоку от Нисибиса. Нападение на Армению не привело к разгрому Тиридата II, как всегда укрывшегося в горах, и поэтому налёты на римскую провинцию Каппадокия и на Забдицену должны были поддерживать военную репутацию Ардашира и оценить решимость Рима на конфликт. Эти нападения 228 года, должно быть, вызвали панику среди населения и гарнизонов в восточных провинциях.

После этого Рим уже не мог больше молчать. Однако, теперь Александр Север сильно промедлил и упустил время, когда мог разгромить неокрепшего ещё Ардашира. Так же, как промедлил он с аламаннами в Германии, дав им возможность усилиться. Но главное – Александр оказался плохим полководцем. Война стала главной проверкой его жизни и в результате, на Востоке он не смог правильно организовать кампанию, а на Западе главным врагом оказалась не чужая армия, а своя собственная, ее необходимо было обуздать, а Александр этого сделать не сумел. Возможно, он даже понимал свою несостоятельность как полководца. В тот момент, перед лицом реальной угрозы «встревоженный внезапно и неожиданно пришедшей вестью, он пришел в большое смятение, в особенности еще и потому, что с детства вырос в мире и всегда жил среди городской роскоши». По всей видимости, понимая эту свою несостоятельность, он решил сначала отправить к Ардаширу посольство с миролюбивыми предложениями.

Одновременно, со второй половины 228 года начинается чеканка новых монет Александра Севера. Монеты этого года имеют надпись «*Romae Aeternae*» (Вечный Рим), которая регулярно использовалась со времен Септимия Севера. Это явно была попытка успокоить население перед лицом усиления агрессивной державы на Востоке. Монеты также имеют название «*Fides Militum*» (верность армии), обычно указывающий

на то, что лояльность солдат как раз была сомнительной. Эти монеты появляются в огромном количестве с 228 года и чеканятся до конца правления Александра. На ряде денариев, монет, используемых преимущественно армией, изображена богиня «Fides», несущая вексиллум и штандарт. 51 % императорских монет 228-231 годов имеют военную тематику, где Александр Север изображен как император-солдат, что резко контрастирует с предыдущими выпусками. Сенат упоминается редко. Конечно, это была попытка успокоить население и повысить лояльность армии. Возможно, поначалу это помогло. С 229 года Александр Север принял титул *Invictus* (непобедимый), чтобы придать себе более воинственный облик в свете ухудшающейся ситуации на Востоке.

Серьёзные боевые столкновения римлян с персами начались в 229 году, стычки в Каппадокии в 228 году – не в счёт. В центре кампании 229 года было завоевание римской Месопотамии. Стратегической целью Ардашира был контроль над укрепленными транспортными путями вдоль Евфрата от Пальмиры до Харакены и опорными пунктами Средней и Северной Месопотамии, включая Хатру, Нисибис и Эдессу. Позиция Хатры угрожала безопасности самого Ктезифона. При этом часть рейдерских отрядов персов также проникла вглубь Каппадокии. Это было второе из двух вторжений в римские провинции, упомянутых Геродианом.

Вторжение явно было серьёзным и осуществлялось большими силами. Вероятно, персы свободно растекались по пустыне и полупустыне Месопотамии, а римские гарнизоны удерживали лишь крепости в оазисах. Однако, это было удачным способом обороны в безводных и голодных пустынях, где вся вода и продовольствие были сконцентрированы именно в оазисах. Видимо, Хатра, Нисибис, Резайна, Зингара, Карры были безуспешно осаждены в 229 году и снова в 230 году, если персы отходили на зиму. Геродиан описывает ряд осажденных римских укреплений, но ни одно из них не было захвачено. Ни один тогдашний источник не сообщает об их падении, и сомнительно, что Александр Север начал бы свое наступление вглубь территории Сасанидов, если бы эти крепости удерживались врагом. Согласно Зонаре и Синкеллу, в конечном итоге, Нисибис и Карры были захвачены. Они определенно находились в руках Ардашира к 236 году, но существует неопределенность относительно точного времени их захвата. Вероятно, они пали только после убийства Александра Севера, когда Сасаниды попытались воспользоваться смутой, вызванной кончиной императора.

В 229-231 годах римские войска на Востоке сосредоточились на собственной обороне и борьбе за коммуникации через римскую провинцию Месопотамия в Сирию или Каппадокию. Состав римских войск в Осроене и Месопотамии известен крайне плохо. Мы знаем, что легионы I и III *Parthica Severiana* были размещены в Зингаре и Резайне

соответственно, а их вексилляции обороняли Нисибис. Резайна контролировала маршрут между Эдессой и Нисибисом, а Зингара – между Хатрой и Нисибисом. Им оказывало поддержку большое количество вспомогательных подразделений, включая когорты XX *Palmyrenorum milliaria equitata* в Дура-Европос и XII *Palaestinorum Severiana Alexandriana* в Катне на реке Хабур. Возможно, Септимий Север набрал из местного населения также алы I *Parthorum* и II *Raflagonum*, а также когорты I *Euphratensis*, IX *Maurorum* и *Arabum*, зафиксированные в этих местах. В двух надписях, датированных персидскими кампаниями Каракаллы или Александра Севера, указаны имена двух кавалеристов, приписанных к двум подразделениям, сформированным в Месопотамии: Барсемис Аббей «ex numero *Nosroruorum*» и Бирибам Абсей из «алы катафракта». Однако, большинство ауксилиев были, видимо, переведены из Сирии. Нам известна, например, когорта: I *Gaetulorum equitata*, поставленная в Тиллаамана в Осроене. Ранее она стояла в Сирии. В целом Месопотамию и Осроену защищали не менее 10000 пехотинцев и 2000 кавалеристов, включая легионы.

В «Расписании должностей» рубежа IV-V вв., объединенный гарнизон провинций Осроена и Месопотамия состоял из четырех легионов (четвертый неназванный легион был расположен в Патне), девятнадцати отрядов всадников, девяти *alaе* и только четырех когорт. Это, по-видимому, дает некоторое обоснование предположению о том, что ранний гарнизон Месопотамии времён Северов в значительной степени полагался на тяжелую легионную пехоту и вспомогательную кавалерию, в то время как вспомогательная пехота играла лишь ограниченную роль в защите провинции.

Это предположение еще больше подчеркивается, когда принимаются во внимание климатические и стратегические факторы. В отличие от провинций вдоль Рейна или Дуная, которые были практически открыты для крупномасштабных вражеских вторжений во многих пунктах, римская Месопотамия могла быть захвачена Сасанидами всего двумя или тремя путями, поскольку крупные армии в пустынных районах были вынуждены оставаться вблизи водоемов. Первый маршрут проходил вдоль реки Евфрат, но защита этого маршрута относилась к компетенции руководства провинции Келесирия с её двумя легионами (или их крупными вексилляциями), недавно передислоцированными в Суру и Орезу (Кеннеди 1987, 62). Второй маршрут пролегал вдоль реки Тигр, и вторгшиеся силы могли либо продолжить движение по пустынной дороге от Хатры до Зингары, либо пересечь реку выше по течению вблизи современного Мосула. В любом случае, легион (I *Parthica*) дислоцированный в Зингаре (Кеннеди, 1987, 60; Айзек, 1990, 42, 360), отразил бы угрозу.

Дислокация второго легиона (III *Parthica*) в Месопотамии в то время является неопределенной. Сначала он мог базировался в Нисибисе

(Кеннеди 1987, 61), который был римской военной базой в конце эпохи Антонинов. Отсюда легион обеспечивал безопасность переправы через реку Тигр в Безабде и маршрута, ведущего в Армению и из Армении. Альтернативно, легион мог также располагаться в Резайне (Исаак 1990, 360; Вольф 2000, 251) с момента своего создания, а когда часть войск из более ранней прокураторской провинции Осроена были переданы новой провинции Месопотамии, легион стал частью новой провинции. По крайней мере, к тому времени, когда Сасаниды пришли к власти в Персии, легион, скорее всего, располагался уже в Резайне. К тому времени само выживание Армении зависело от ее союза с Римом, что уменьшало возможность враждебных действий и вторжения из Армении (через Безабду) в римские области, и необходимость содержать большое количество войск, охраняющих этот участок границы. Из Резайны же легион обеспечивал дополнительную безопасность дороги, идущей вдоль реки Хабур, на случай, если бы враг смог прорваться у Дуры и отразить контрудар легионов из Келесирии. В то же время легион не спускал глаз с клиентской Осроены. С севера римскую Месопотамию хорошо защищали горы Тавр, вассальные царства Армения и Адиабена защищали восточный фланг, а пустыня и Хатра обеспечивали безопасность на юге.

Как защищались другие провинции? В Сирии-Финикии восстановленный легион III Gallica был переведен из Рафаней в Данабу близ Дамаска, то есть на юг. Его прикрывали около 12 когорт и 2 алы ауксильев.

В Келесирии легион XVI Flavia Firma стоял гарнизоном в Самосате, в то время как IV Scythica находился в Зевгме. В комплексе с ними действовали около 20 ауксильев, доводя численность войск в Келесирии и Сирии-Финикии до 26 000 человек.

Каппадокию защищали легионы XV Apollinaris pia fidelis в Сатале и XII Fulminata certa constans в Мелитене. Они были дополнены многочисленными вспомогательными подразделениями, увеличив численность обороняющихся в провинции до 19 000 пехотинцев и 2800 кавалеристов.

В Сирии-Палестине находились легионы VI Ferrata fidelis constans и X Fretensis Antoniniana, а также около 15 ауксильев общим числом 11000 легионеров и около 10000 вспомогательных войск.

В Аравии стоял легион III Cyrenaica Severiana в Бостре, прикрываемый, примерно, 8000 ауксильяриев, а в Египте II Traiana Fortis Germanica в Никополе близ Александрии, а также 4 алы и 11 когорт вспомогательных войск (3500 всадников и 4300 пехотинцев без легионеров).

В общей сложности на Востоке насчитывалось 11 легионов и более восьмидесяти вспомогательных подразделений, охранявших границу Рима от Каппадокии до Египта. В целом, это, примерно, 60000

легионеров и 60000 ауксилиариев, что точно выдерживает нормальную пропорцию между этими частями римской армии.

Этих сил должно было хватить для защиты провинций от нападений Сасанидов. Однако недисциплинированность и открытые бунты подрывали римское сопротивление. Дион, писавший около 229 года, приходит в отчаяние из-за быстрого краха римских войск. Он пишет: «Многие восстания были начаты многими людьми, некоторые из которых вызвали большую тревогу, но все они были подавлены». Он описывает, как некоторые войска присоединились к Сасанидам, в то время как другие «отказывались защищаться».

Кто мог присоединиться к персам? Скорее всего, это были местные войска, набранные на Востоке, в пограничье, в основном, арабские. Они переходили на ту сторону, которую считали сильнее.

А вот отказывались защищаться, в основном, регулярные римские части. Мало того, какие-то части гарнизона Месопотамии убили своего командира Флавия Гераклеона. Не сохранилось надписей, сохраняющих его имя как наместника провинции, так что, вероятно, он был одним из префектов двух легионов, дислоцированных в провинции. Возможно, это был легион III Parthica Severiana в Резайне. То, что он продемонстрировал недисциплинированность, доказывается надписями из Ламбезиса в Африке, в которых сообщается о временном переводе двух ветеранов тамошнего легиона III Augusta Pia Vindex в III Parthica Severiana и назначении некоего Вирилиса в этот легион именно для восстановления дисциплины.

Писатель V века Полемий Сильвий в своем календаре, в котором рассказывается о праздниках, днях рождения императоров, консульских годах и ключевых событиях, пишет: «Элагабал Антонин был убит. После чего Марцелл и Саллюстий Ураний Селевк, и тиран Тауриний были провозглашены цезарями». Никакого Марцелла мы вовсе не знаем, однако и выдумывать его Полемию было ни к чему. По-видимому, восстание действительно начиналось с убийства Гераклеона и провозглашения некоего Марцелла цезарем и был он, скорее всего, офицером легиона. Имя его римское, а судьба его неизвестна. Потом восстание перекинулось в Эдессу, где императором был объявлен Саллюстий Ураний Селевк. Третье имя как раз могло бы означать его происхождение из Эдессы. С этим не все согласны. Рональд Сайм, например, предполагает, что этой загадочной фигурой может быть Юлий Антоний Селевк, легат Нижней Мезии при Гелиогабале, или консул 221 года Марк Флавий Вителлий Селевк. Надпись, датированная 231 годом, упоминает Юлия Антонина Селевка как правителя Келесирии.

Однако ни одна из этих фигур не имеет в своей номенклатуре имени Саллюстий или Ураний. Похоже, что это другой человек. А надпись Юлия Антонина Селевка как легата Келесирии наоборот, закрывает ему доступ в узурпаторы. Это явно был назначенец Александра. Отсутствие

надежных доказательств не позволяет делать какие-либо твердые выводы, кроме того, что Ураний продержался до самого прибытия Александра Севера в Антиохию или даже в Эдессу, где и предстал перед императором лично. Последнее может свидетельствовать о высоком положении Урания, не побоявшегося предстать перед императором. Возможно, они были родственники. Но Александр немедленно казнил его. После казни Урания, власть в Келесирии или в Осроене попытался захватить какой-то Тавриний, но был разбит, бежал и утонул в Евфрате.

Согласно *Epitome De Caesaribus*: «Во время его правления [Александра Севера] Тавриний, ставший Августом, из страха бросился в Евфрат». Других эпиграфических или литературных упоминаний об этом Тавринии нет, но, тот факт, что он покончил с собой, бросившись в Евфрат предполагает, что он возглавил восстание в Сирии и, возможно, покончил жизнь самоубийством или утонул, пытаясь бежать на территорию Сасанидов после прибытия в Сирию или Осроену войск законного императора. Дион действительно утверждает, что все восстания были подавлены.

Зосим тоже упоминает об этом восстании: «Солдаты после этого события [убийства Ульпиана], постепенно забыв о своем прежнем уважении к Александру, казалось, не желали ставить его приказы во исполнение и для того, чтобы избежать наказания за свою халатность, вызвали общественные волнения, в результате которых они возвели человека по имени Антонин в ранг императора. Но он, будучи неспособным выдержать столь весомый ранг, отказался от него. Они выбрали вместо него Урания, человека низкого и раболепного положения, которого немедленно поставили перед Александром, облаченным в пурпур, чем намеревались еще сильнее выразить свое презрение к императору».

Здесь Антонин, с которого всё началось, по-видимому, соответствует Марцеллу Полемию Сильвия. Потом был Ураний. Зосим описывает Урания как «человека низкого и раболепного положения», чтобы исключить его родственную связь с Северами, каковая наверняка была. Впрочем, для Диона Кассия и сама Юлия Домна была «плебейкой».

На самом деле семья Урания Антонина, похоже, входила в состав сирийской элиты. В 252/253 годах ещё один Ураний Антонин защищал Эдессу и часть Сирии после полного разгрома римских войск в битве при Барбалиссе и захвата всех баз легионеров в этом районе сыном и преемником Ардашира Шапуром I. Некоторые историки предполагают, что он был претендентом на трон Осроены, и близким родственником, возможно, даже сыном того узурпатора времён Александра, с которого мы начали. На некоторых монетах, выпущенных Эмесой около 252 года, указано имя Луция или Гая Юлия Аврелия Сульпиция Урания Антонина. На оборотной стороне некоторых выпусков изображена звезда Эмесы, символизирующая бога солнца Элагабала. Этот Ураний явно хотел

связать себя с Каракаллой и, возможно, был дальним родственником Юлии Месы и Юлии Домны. Возможно, он также был жрецом Элагабала, поскольку на обратной стороне некоторых монет изображен образ этого бога – чёрный камень. Утверждение о родственной связи с императорским домом облегчало солдатам, предварительно давшим торжественную клятву защищать императора и его семью, переход под власть узурпаторов.

Тот факт, что первый Ураний, лично предстал перед императором, говорит о том, что его восстание закончилось только летом 232 года, когда Александр Север прибыл в Антиохию. Узурпатор, возможно, считал или выдавал себя за родственника законного императора, защищавшего империю перед лицом агрессии Сасанидов, отсюда и его решение не вступать с Александром Севером в бой, а попытаться убедить его в своих благородных намерениях. Это было ошибкой, как и любая попытка взять на себя военные или политические полномочия, не предоставленные законными властями. Его развязку описывает Синкелл: «Некий Ураний был провозглашен императором в Эдессе в Осроене, и, придя к власти в оппозиции к Александру, он был убит им, когда Александр изгнал персов, совершавших набеги на Каппадокию и осаждавших Нисибис».

Мы очень плохо знаем этот вопрос. По большому счёту, все, что можно сказать с какой-либо уверенностью, так это то, что по прибытии в Сирию императору пришлось разобраться с тамошней хаотической ситуацией, прежде чем пытаться разгромить Ардашира.

Почему же римская Восточная армия оказалась настолько ненадёжной и нестойкой? Кажется, именно потому, что её воины не чувствовали своего императора. Александр Север так и не стал их отцом. И если мы и сейчас видим в нём «маменькиного сынка», то тогда солдаты тем более это чувствовали, видели и знали. Да, он усилил свою личную связь с армией, добавив свое имя к некоторым легионам, как это сделали Коммод и Каракалла. Например, I Minervia Antoniniana стал I Minervia Severiana Alexandriana в начале его правления. Да, он восстановил легион III Gallica, исправив несправедливость Гелиогабала, каковой это видели воины, но так и не приехал проинспектировать его и всю Восточную армию. Он не вылезал из Рима и не совершил ни одного похода со своими «товарищами» и не продемонстрировал никакого тёплого отношения к опоре своей власти – Армии. Её много лет никак не поощряли и не награждали, хотя Лампридий, всё же, насчитал три случая денежного подарка Александра воинам и столько же народу [Лампридий. Александр Север XXVI].

Армия вполне обоснованно могла считать себя заброшенной. Почти вся восточная политика Александра была провальной. Отсутствие императора на Востоке в течение столь длительного периода времени поражает. Война на границах империи в Месопотамии велась между соперничающими претендентами на трон шаханшаха с 221 года.

Предупреждающие знаки были заметны задолго до самих нападений на римскую территорию в конце 228 года. Однако Александр Север прибыл на Восток только летом 232 года. Это явно было ошибкой со стороны Александра, Юлии Мамеи и их советников. Во времена Александра Севера император был фактически обязан лично руководить армией, особенно в периоды кризисов. Не зря император носил титул императора и «однопольчанина». Септимий Север и Каракалла сами вели армии в бой. А отсутствующий император становился все более абстрактным понятием в умах солдат, сталкивающихся с ежедневной борьбой за выживание. Именно поэтому мятежные солдаты на Востоке обратились к другим, к тем, кто был рядом с ними – Марцеллу/Антонину, Уранию, Таврину.

Александр и его правительство сохраняли полнейшую безмятежность вплоть до полной гибели Парфянского царства и укрепления Ардашира у власти. Когда известие об агрессии Сасанидов дошло до Александра в Риме (это было в конце 228 года), император собрал свой консилиум и прислушался к его советам. Закономерно с характерами Александра и Мамеи, возобладала осторожность, и к Ардаширу было отправлено посольство с требованием прекратить агрессию и оставаться в пределах установленных территорий Парфянской империи. Ардаширу также напомнили о предыдущих успешных кампаниях римлян на Востоке, возглавляемых Августом, Траяном, Луцием Вером и Септимием Севером [Геродиан. История VI, 2].

Мы видим, насколько Александру не хотелось воевать, мы видим, что он промедлил и показал персам слабость. Ардашир всё прекрасно понял, и большая война стала неизбежна.

Никакого впечатления на персидского царя римские предупреждения и напоминания не произвели. Ардашир просто проигнорировал письмо и начал новую кампанию в Римской Месопотамии (229 год). Похоже, что персы невысоко оценивали римские возможности в открытом поле. Наместники восточных провинций Рима потребовали присутствия императора, поскольку провинции были охвачены внешним вторжением и внутренним мятежом. Ничего не произошло. Не был назначен командующий армией Востока, не была начата концентрация войск и припасов, не шли подкрепления, а сам император оставался в Риме.

На самом деле, правительство Александра уже поняло неизбежность войны с персами, но оказалось, что Рим к ней не готов. Причём, правительство Александра проспало не Персидскую войну, а любую войну в принципе. Годы мира и невнимания к армии, экономии на ней, привели к закономерному результату. Томмазо Гноли считает, что Александр не знал о ситуации на Востоке до некоего сообщения тамошних наместников о первом вторжении персов. После чего император развил бурную деятельность [Tommaso Gnoli. From *Praepositus Pretenturae* to *Dux Ripae*. The Roman 'Grand Strategy' on the

Middle Euphrates (2nd – 3rd Cento AD). In *The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest*. BAR International Series 1717. 2007. s. 49–55]. Однако, мы видим, что это не так. Он не мог не знать о событиях на Востоке, обладая прекрасной разведкой и развитой дипломатией, а вместо бурной деятельности отправил Ардаширу письмо, потеряв ещё один сезон. Только после этого Александр действительно развернул бурную деятельность. Начиная с 229 года имеются явные свидетельства масштабных приготовлений к войне. Теперь император не просто «задерживался» в Риме, как хотел бы заставить нас поверить Геродиан. Теперь он обнаружил гору проблем и был вынужден в авральном порядке ими заниматься. Одна из проблем, с которой столкнулся император, заключалась в том, что многие подразделения в армии содержались значительно ниже штатной численности, вероятно, из-за и без того напряженного характера имперских финансов. Требовалось время, чтобы набрать и обучить войска, способные противостоять агрессивному и опытному врагу. Геродиан описывает, как набирались новобранцы: «Из самой Италии и из всех провинций, подчинённых римлянам, собирались в армию отборные воины, которые по телесной крепости и цветущему возрасту признавались пригодными для войны. Вся Римская империя находилась в состоянии полного смятения, собирая силы, соответствующие заявленным размерам вторжения варваров» [Геродиан. История VI, 3].

Управленцем Александр был хорошим. Никакого хаоса не было. Продовольствие, фураж, материалы, новобранцы набирались именно там, где было положено. Например, анализ имен на надгробных плитах легионеров II Parthica показывает, что большинство солдат были выходцами с Балкан и, вероятно, присоединились к легиону, когда он проходил через регион в 232 году по пути на Восток. Тем не менее, этот набор войск и средств объективно занял много времени. Мы можем оценить его в 2–3 года (229–231 гг.).

Сам император выехал на Дунай, скорее всего, весной или летом 230, или 231 года. Как ни странно, эту важную во всех отношениях дату, мы до сих пор не знаем. Если судить по утраченной титулатуре некоторых легионов, это могло случиться и в 230 году. Да и для обучения новой фаланги (см. ниже) нужно было время.

Силы, размещенные в столице или вблизи нее, образовали мобильную резервную армию, находившуюся в распоряжении императора. Императорская охрана состояла из преторианцев (10240 пеших и 1920 конных?); 300 всадников спекуляторов; нумерус *statores Augusti*; *equites singulares Augusti* (2048 всадников варварского происхождения); *Leones*, фрументариев; peregrinorum; стаблезиан (конюших) под командованием *tribunus stabuli*; неизвестного числа эвокатов Августа (ветеранов преторианцев, которые были отозваны обратно на службу); и неизвестного числа *scolarii/aulici/candidati/collegia/ostensionales/protectores*. Армейские

части столицы были представлены легионом II Parthica, городскими когортами (*cohortes urbanae/urbaniciani*, 4500 полицейских, также используемых в качестве военной силы) и вигилами (7000 пожарных и полицейских). Существовали дополнительные городские когорты, по крайней мере, в Остии, ПUTEОЛАХ, Лугдунуме и Карфагене, но вполне вероятно, что существовали и другие, о которых мы ничего не знаем. Эти подразделения *urbaniciani* действовали на всей территории Империи и должны были обеспечивать снабжение столицы. В Риме были постоянные отряды морской пехоты/моряков, набранных из преторианских флотов Равенны и Мизенума, которые сопровождали императора во время важных кампаний. Наконец, в Риме всегда были солдаты в отпуске, чтобы насладиться многочисленными развлечениями декадентского города [Ilkka Syvanne. Gordian III and Philip the Arab. The Roman Empire at a Crossroads. Pen & Sword Military. 2021. S.10].

Вигилы, полиция и городские когорты, правда, в таких походах не участвовали, Остались и те преторианцы, которые приближались к концу своей шестнадцатилетней службы и ожидали увольнения. Таким образом, общее число вышедших из Города солдат вряд ли превышало 20000 человек.

Рим был оставлен в умелых руках кого-то из опытных сенаторов, назначенного префектом города. Макхью считает таковым будущего императора Марка Клодия Пупиена Максима. Он преданно служил Северам и был вознагражден стабильным продвижением по службе [Meppen, Inge, Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284, pp. 24, 260]. Впрочем, датировки его префектуры нет и может статься, что префектом тогда был кто-то другой, например, Тит Флавий Викторин Филиппиан. Пупиен же считается префектом, обычно, в 234–235 гг.

В Риме же оставались, видимо, умные и опытные сенаторы, и будущие императоры Бальбин и Гордиан.

Пожилый Гай Цезоний Макр Руфиниан, которого называют комитом императора, вероятно, тоже остался в Риме в качестве советника. В возрасте за 70, путешествие в Восток было бы ему не по силам. Он родился около 157 года в италийской семье неизвестного происхождения, его карьера поначалу была непримечательной, но достаточно продуктивной, чтобы занять должность консула-суффекта в 197 году. Эта должность вывела его на самую вершину общества. Около 200 года он стал легатом Верхней Германии, а затем был назначен на престижный пост проконсула Африки, возможно, уже Александром Севером. В какой-то момент между 225–230 годами его сын Луций Цезоний Луцилл Макр Руфиниан также был назначен консулом-суффектом [Mermen, Inge, Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284, pp. 56–60, 91–93; Gilliam, J.F., 'Caesonius Bassus: cos.ord AD 317', *Historia*, Bd.16. H.2 (April 1967), pp. 252–54; O'Hanlon, Michael Bernard, *The Army of Severus Alexander*, Loc. 1,583: C.].

Авторитет этих двух людей должен был обеспечить лояльность и повиновение сената и, в частности, членов аристократических семей. Также вероятно, что один из двух преторианских префектов остался присматривать за гвардейцами и городскими воинами, которые не были взяты в поход.

В Риме же оставались и консулы того года – Луций Марий Максим, сын известного историка и сенатора, и Луций Вирий Луп Юлиан, сын известного легата времён Септимия Севера и брат консула 230 года Луция Вирия Агриколы. Карьера Луция Мария Максима неизвестна, а Юлиан начал свою карьеру с очень почётной должности командира турмы молодых знатных римских всадников (*sevir equitum Romanorum*), после чего был назначен начальником тюрьмы (*triumvir capitalis*). Он был включен в состав сената после квестуры, после чего побывал эдилом и претором. Был Юлиан и легатом в провинции Ликия и Памфилия. Уже позже, в годы правления Гордиана III, Юлиан был легатом пропретором Келесирии. Возможно, его сыном был консул 278 года Вирий Луп [Inge Mennen. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. BRILL, 2011. p. 131].

Геродиан (VI, 3–4) даёт описание отъезда Александра из Рима. Он утверждает, что император очень не хотел уезжать, однако деваться было некуда. Отдав приказы на выдвижение войск из провинций, Александр собрал воинов, находившихся в Риме на сходку. Взойдя на трибунал, он выступил перед войсками, сказав им, что вынужден прервать долгий период мира в империи из-за наглого поведения царя Артаксеркса (Ардашира) Персидского. «Артаксеркс, убив своего владыку Артабана, перенеся верховную власть к персам и дерзко противостоя нашему оружию, презрев славу римлян, пытается совершать набеги и наносить вред владениям нашей державы. Сначала я пытался письмами и увещеваниями остановить его ненасытное безумие и жажду чужого; он же, влекомый варварской заносчивостью, не хочет оставаться дома и вызывает нас на битву». Он призвал воинов к походу и заверил, что Рим обязательно победит персов. Войска приняли речь императора радостными восклицаниями и обещали с полной готовностью воевать. Он же, щедро наградив их деньгами, приказал готовиться к походу.

После этого, Александр отправился в курию и на заседании сената произнёс речь того же содержания, а затем объявил о походе. Согласно Лампридию (XLV.2–3), о дне его выступления в поход было заранее объявлено за два месяца и был вывешен эдикт, в котором было написано: «В такой-то день, в такой-то час я выступлю из Рима и, если будет угодно богам, остановлюсь у первой остановки». Затем перечислялись по порядку остановки, затем – лагерные стоянки, затем места, где следует получить продовольствие, и так далее, вплоть до границ с варварами. С этого же места начиналось молчание, чтобы варвары не знали планов римлян.

Однако, похоже, что в Риме не все были согласны с военными планами императора. Лампридий (XLVIII) упоминает о попытке сенатора из древней фамилии Овиния Камилла, человека очень изнеженного, поднять против Александра восстание. Судя по характеристике, Камилл был из партии дружков Гелиогабала. Тайны они хранить не умели, поэтому Александру вскоре было донесено, причем вина Овиния сразу же была доказана. Зная цену подобным хлыщам, Александр пригласил его в Палатинский дворец, «поблагодарил» за то, что тот добровольно принимал на себя заботу о государстве, от которой отказываются хорошие люди, когда ее на них возлагают, затем отправился с ним в сенат и назвал его там участником верховной власти, между тем как тот был в ужасе и чуть ли не умирал от страха. Затем Александр вновь принял его в Палатинском дворце, пригласил на пир и наделил знаками императорского достоинства, да еще лучшими по сравнению с теми, какие носил он сам. Поиздевавшись подобным образом, Александр напомнил Овинию, что объявлен поход против варваров и предложил ему отправиться туда со своим войском, если желает, либо отправиться вместе с ним. Понятно, что своего войска у Овиния не было и предложение было лишь формой издёвки. После этого Камилл, видимо, был записан в дуксы штаба императора. Когда поход начался, Александр сам пошёл пешком и Овинию предложил идти рядом. Тот, пройдя пять миль, стал отставать; тогда Александр приказал ему сесть на коня. Когда же после двух переходов тот устал и от верховой езды, Александр посадил его в крытую повозку. Овиний начал умолять простить его или даже казнить, но прекратить издевательства. Только тогда Александр отпустил его под домашний арест, поручив его охрану своим преданным гвардейцам. Он приказал Овинию отправиться в свои имения, где тот еще долго прожил. Впоследствии, однако, он был убит – по приказу императора Максимиана. Лампридий оговаривается, что подобный случай рассказывали и о Траяне, но уверяет, что дело было именно при Александре.

Итак, когда настал заранее определенный день, Александр, принеся положенные при выступлении в поход жертвоприношения, сопровождаемый сенатом и всем народом, вышел из Рима. Плебс провожал императора со слезами, привыкнув к его мягкому правлению.

Дальше опять включается Лампридий, который описывает марш Александра по Италии и Балканским провинциям. «Он провел его при такой дисциплине, таком уважении к императору, что можно было бы сказать, – поход совершают не воины, а сенаторы. Всюду, где проходили легионы, трибуны были всегда молчаливы, центурионы скромны, воины вежливы. На самого Александра... провинциалы смотрели как на бога. Да и сами воины любили молодого императора... Они были прекрасно одеты, обуты даже красиво, великолепно вооружены, обеспечены конями с отличными уздечками и седлами.

Вообще, всякий, кто видел войско Александра, понимал, что такое Римское государство. И сам он старался казаться достойным своего великого имени и – мало того – превзойти великого македонянина. Он говорил, что должна быть большая разница между римским Александром и македонским». Он завтракал и обедал в раскрытых палатках, причем ел солдатскую пищу на виду у всех и ко всеобщему удовольствию. Он обходил почти все палатки и никому не позволял отлучаться из части. Если кто-нибудь сворачивал с дороги в чье-нибудь владение для мародёрства, то – в зависимости от достоинства этого владения – подвергался в его присутствии наказанию палками или розгами, или же – штрафу; если же такие наказания были несовместимы с высоким положением виновного, Александр обращался к нему с самыми тяжкими упреками. Он говорил: «А ты хочешь, чтобы на твоей земле было сделано то, что ты делаешь у другого?». Он часто повторял слова, которые он запомнил, услышав их от каких-то иудеев или христиан, и, наказывая кого-либо, приказывал глашатаю говорить: «Не делай другому того, чего не хочешь самому себе». Он так любил это изречение, что приказал написать его в Палатинском дворце и в общественных сооружениях.

Питание воинов во время похода он распределял так, что они получали продовольствие на остановках и не носили с собой, как это обычно делается, съестных припасов на семнадцать дней. Больных воинов, даже самых младших, он сам навещал в палатках, возил в крытых повозках и помогал им всем необходимым. Если они заболели очень тяжело, он распределял их по городам и поместьям у наиболее уважаемых отцов семейств и у безупречных матрон. Понесенные последними расходы он возмещал независимо оттого, выздоравливали ли воины или умирали [Элий Лампридий. Александр Север XLVII, L, LI].

Услышав о том, что один воин обидел какую-то старушку, Александр лишил его воинского звания и отдал ей в рабы, чтобы тот кормил ее, так как он был тележным мастером. Эта мера огорчила воинов, но Александр заставил воинов принять её. Он не боялся армейских солдат, легкомысленно завышая их моральные качества и считая, что достаточно относиться к ним справедливо. Он говорил: «Воин не внушает опасения, если он одет, вооружен, обут, сыт и имеет кое-что в поясе» [Элий Лампридий. Александр Север LII. 1]. Очень упрощённое представление.

Позже в Азии местные династы начали присылать и привозить императору дары. Их он помещал в храмах. Преподнесенные ему драгоценные камни он продал, полагая, что владеть драгоценными камнями – женское дело: их нельзя раздать воинам, и мужчине нельзя их иметь. Когда какой-то посол преподнес его жене через него же самого две жемчужины огромного веса и небывалой величины, он приказал продать их. Оказалось, что продать их нельзя, ввиду невозможности установить их цену. Тогда он предназначил их на

серьги Венере (в храм) – чтобы императрица, если она будет пользоваться тем, чего нельзя купить, не подавала дурного примера другим. Это рассказ Лампридия. Вопрос в том, что к этому времени Александр давно развёлся. Неужели правы те, кто утверждает, что император женился вторично?

Всё же, если Лампридий не сильно преувеличивает, то итальянский корпус Александра показал высокую дисциплинированность и отличное оснащение. Передвигался он высоким темпом. Тогда же, конечно, были мобилизованы преторианские флоты из Мизен и Равенны, и они должны были обеспечить снабжение армии. Поставки и подкрепления по морю были гарантированы назначением префекта Публия Саллюстия Семпрония Виктора, на которого была возложена ответственность за избавление морей вокруг Сардинии от пиратов. Остров, должно быть, использовался в качестве базы для их набегов вдоль побережья Италии и Галлии. Это значит, что римского гарнизона на Сардинии тогда уже не было, как, возможно, и на других крупных островах Средиземного моря, что и позволило пиратству возродиться. После разгрома пиратов, корабли Семпрония должны были патрулировать морские пути, обеспечивая доставку провизии, отправляемой армии на Востоке, по назначению. Должно быть, он хорошо выполнил свои обязанности, поскольку в конце правления был назначен прокуратором Мавретании Цезарейской (233–236 гг.).

В Аквилее к армии присоединился новоизбранный легион IV Italica, о чём ниже.

Дальнейший маршрут Александра нам неизвестен, хотя Геродиан оговаривается, что император посетил иллирийские провинции и воинские лагеря. Таким образом, возможно, что из Аквилеи Александр отправился в Наисс, а затем в Аквинк, Карнунт и Виндобону. Там вся прежняя благостность картины начала кампании была взорвана. Сначала в поход отказалась идти часть паннонских войск. Они опасались скорого нападения языгов и других задунайских варваров на римские земли, где жили семьи солдат и находилось их имущество. Потом Александр узнал, что верхнегерманское, а возможно, и ретийское войско тоже отказались выступить в поход. В связи с полной невероятностью таких фактов, сообщения о них должны были быть крайне болезненным для императора. Тем более, что много лет это были лучшие войска империи. И раскассировать паннонские и верхнегерманские легионы было нельзя, поскольку их нечем было заменить, а находились они в провинциях, которым угрожали варвары. Пришлось утешиться тем, что нижнегерманское войско прислало вексилляцию легионов XXX Ulpia Victrix pia fidelis, стоявшего в Ветере на Рейне и I Minervia pia fidelis Antoniniana, стоявшего в Бонне. Ауксилиии тоже присутствовали. По мере того как вексилляции постепенно выводились из гарнизонов вдоль Рейна и отправлялись по Дунайской дороге, должны были делаться официальные и частные пожертвования

за благополучное возвращение армии и воинов. Одно из таких посвящений сохранилось из Бонны от 26 июня 231 года. Алтарь был воздвигнут легионерами I Minervia и подчинёнными ему ауксилиями в лице их командиров (CIL 13.8017).

А в Эфесе была найдена эпитафия, в которой сослуживцы почтили память центуриона легиона XXX Ulpia Victrix pia fidelis, должно быть, умершего в походе. Датируется эпитафия 232–235 годами. Так что с нижнегерманской вексилляцией в этой войне всё ясно.

Пожалуй, такого не было со времён смерти Августа. Не забудем, что в то же время, в Месопотамии своими солдатами был убит командующий Гераклиан, а Сирию захватил очередной узурпатор. И опять римские источники ничего не рассказывают нам об этих событиях. Мы узнаём о них лишь по косвенным данным. Оказывается, в 230/231 году несколько рейнских и дунайских легионов были лишены почётных наименований «Alexandriana», «Severiana» или «Severiana Alexandriana»; конкретно, два из Верхней Германии и по одному из Верхней и Нижней Паннонии. Так, II Adiutrix в Нижней Паннонии, базирующийся на Аквинкум, лишился титула в 230 году, в то время как X Gemina из Верхней Паннонии потерял титул в 232 году, но восстановил в 234-м. верхнегерманские VIII Augusta и XXII Primigenia утратили свои титулы в 231 году. К 232 году их титулатура не была восстановлена. Лишение титулатуры могло быть сделано только в ответ на волнения, вызванные возмущением легионеров, которые должны были отправиться далеко от дома, чтобы сражаться против Сасанидов. Возможно, все отказы легионов произошли в 230 году, а наша разница в датах объясняется лишь неполнотой материала.

Вот тут, пожалуй, впервые, сказалась ошибка Септимия Севера, позволившего легионерам жениться. Большинство из них теперь оказались возмущены тем, что вынуждены будут оставить свои семьи ради кампании, из которой многие никогда не вернутся. Мы не знаем, ни как происходили эти волнения, ни как с ними справились и пошли ли эти легионы в поход. Если нет, то это тоже первый такой случай в истории империи. И ещё раз обратим внимание, что впервые в римской истории отказалась идти в поход целое войско – верхнегерманское. И что в ответ сделал Александр Север? Лишил тамошние легионы почётных наименований, связанных с Северами и с ним самим. И всё! Можно, конечно, принять во внимание ситуацию в Верхней Германии, где уже явно ожидалось вторжение аламаннов, однако нельзя исключать и того, что это вторжение произошло как раз в ответ на кризис в отношениях верхнегерманского войска с императором.

Мы не знаем, пытался ли Александр вызвать на Восток вексилляцию Британской армии. Ведь тогда в Британии было достаточно спокойно, что позволяло снять часть войск с Адрианова вала. Однако, этого сделано не было, как, впрочем, и в Испании.

Рецию и Норик Александр не тронул, возможно, из-за угрозы аламаннов, однако ниже по течению Дуная римские войска приняли участие в экспедиции.

Перед самым выступлением в 232 году, в Виндобоне, видимо, также отказался идти в поход легион X Gemina p.f. Он также был лишён титула Severiana Alexandriana. И всё же, видимо, с этим легионом удалось договориться. Воины согласились отправиться на Восток и там проявили себя весьма доблестно, за что легиону вернули его титул в 234 году.

Легион XIV Gemina из Карнунта отправил свою вексилляцию без проблем (есть надгробия в Апамее), как и оба легиона Нижней Паннонии (I и II Adiutrix). Правда мы знаем, что II Adiutrix p.f. в 230 году также потерял свои северовские титулы, но, скорее всего, и его удалось уговорить.

Войско Верхней Мёзии отправило вексилляцию обоих своих легионов (IV Flavia Felix и VII Claudia p.f.) и всех ауксилиев соответственно. На этот счёт сохранились надгробия воинов обоих легионов.

Из опасной в военном отношении Дакии, забрали вексилляцию только одного легиона – XIII Gemina p.f. из Апулума с соответствующими ауксалиями, а легионы Нижней Мёзии остались дома целиком. Но, правда, надписи сообщают о присутствии алы I Flavia Gaetulorum из Нижней Мезии на Востоке под командованием её командира Седация Аполлония. Значит, вексилляция нижнемёзийских ауксалиев в поход ходила. Имена многих погибших легионеров указывают на то, что они были уроженцами Фракии и Балкан. По всем Балканам на могилах и эпитафиях высечены имена этих солдат, погибших вдали от родины: Боскила, Битиус, Келепор, Дисса, а также Мукатра, Муциан, Номипор и Сеутес, и ещё один памятник Любиусу Януарию, в котором записано, что он умер «в Барбарико». В другой эпитафии Аврелию Мукапору говорится, что он был центурионом преторианцев, ранее служивших в легионе II Parthica. Вероятно, он умер естественной смертью. Другая надпись относится к Игнотусу, центуриону II Parthica, родом из Иллирии. Так что, Александр явно добирал численность своей походной армии именно на Балканах и во Фракии. Отсюда и очередная задержка похода.

Самым сильным ходом Александра было создание нового легиона, о чём мы уже упоминали. Сильно поврежденная надпись CIL 10, 03856, по-видимому, сообщает о назначении сенатора Луция Фульвия Гавия Нумизия Эмилиана, которому было поручено собрать солдат в Транспадане. Участвовал в этой операции и Максимин Фракийец. В подозрительном рассказе о Максимине Фракийце в АЖА сообщается, что Максимин был назначен трибуном в «Четвертый легион, который он сам сформировал из новобранцев». Некоторые историки сомневаются, что Александр Север набрал новый легион для своей кампании на Востоке. Однако доказательств, подтверждающих это, достаточно.

Надпись, описывающая ремонт дорог в Аквилее при императоре Максимиане Фракийце, указывает на то, что он был завершён «(legio) nova Italica sua» [CIL 05, 07989]. В Notitia Dignitatum начала V века – списке должностей по всей империи, действительно есть IV Италийский легион под командованием магистра военного дела на Востоке. Макхью удивляется, что легион, созданный Александром Севером, его преемник называл «своим» легионом. Дэвид Мэги даже предполагает, что автор «Истории Августов» на самом деле имел в виду легион IV Flavia, дислоцировавшийся в Верхней Мезии, и перепутал трибунат, занимаемый будущим императором, с более поздней должностью, которая отвечала за набор рекрутов для кампании на Рейне. Есть и другие версии, однако все они выглядят неубедительно. У нас есть «новый», «IV», «Italica» легион, набранный при Александре Севере, участие в формировании которого принял Максимин Фракийец. Потому он и называл его своим. Существование нового легиона Italica подтверждается надписью времён Максимиана и АЖА. По нашему мнению, доказательств вполне достаточно и нечего выдумывать лишние сущности.

Что же до того, что Максимин Фракийец сформировал новый легион, будучи всего лишь трибуном, то тут-то как раз в тексте и просматривается преувеличение роли Максимиана. Он действительно участвовал в наборе и обучении нового легиона, но вовсе не был главным в этом деле. Возможно, первым командиром IV Italica был упомянутый выше сенатор Луций Фульвий Гавий Нумизий Эмилиан. Он принадлежал к италийскому патрицианскому роду, который приблизительно с I века стал родственником фамилии Бруттиев. Его отцом был консул 206 года Луций Фульвий Гавий Нумизий Петроний Эмилиан.

Эмилиан занимал должность квестора, будучи кандидатом от императора, а также был претором. В эпоху правления Александра Севера он находился на посту сборщика налогов в транспаданских областях. Между 223 и 235 годами Эмилиан был консулом-суффектом. Возможно он и получил его за формирование нового легиона. В 249 году он занимал должность ординарного консула с Луцием Невием Аквилином. Также Эмилиан был понтификом. Родной брат Эмилиана был консулом и префектом Рима.

А зачем вообще был создан этот новый легион IV Italica? Скорее всего, легион формировался в Аквилее, где, собственно, и обнаружена его надпись. Напомним, что там же формировались Марком Аврелием легионы II и III Italica. И набирались они также среди транспаданцев, отсюда и названия всех этих легионов. С этим мы определились. Теперь, зачем создавался и куда легион собирались поставить? Поскольку легион набирался для Персидского похода, его, определённо, собирались дислоцировать на Востоке, где мы его позднее и обнаруживаем, правда место дислокации неизвестно. По-

видимому, легион предназначался для Осроены или Месопотамии, где уже стояли легионы, состоявшие из европейских солдат, набранных на Балканах. Их и должен был усилить легион, укомплектованный воинами европейского и даже италийского происхождения. Прорыв Ардашира до Евфрата показал, что римских войск там недостаточно и их контингент надо усилить. Вторым вариантом может быть провинция Сирия-Финикия, где дислоцировался всего один легион. В любом случае, легион создавался для усиления Восточной армии. Таким образом, Александр Север стал ещё одним императором, создавшим новый легион, не считая восстановления раскассированного, а всего империя теперь насчитывала 34 легиона.

В целом, по нашим подсчётам, Александр привёл из Европы в Азию 60 тысяч воинов. Это не очень много, но не забудем, что на Востоке у Рима было ещё 120 тысяч солдат. В совокупности это число могло превзойти численность армии Ардашира.

Финансовые последствия этих масштабных приготовлений к войне, должно быть, были огромны, хотя мы и не знаем, насколько. Ситуация усугубилась решением отпраздновать в это время десятилетнее правление императора, декенналии. Традиция эта была начата Августом и теперь стала уже привычной и, главное, ожидаемой. Александр Север стал императором в 222 году, значит декенналии приходились на 232 год. Однако летом этого года Александр должен был оказаться на Востоке, поэтому ему надо было отпраздновать декенналии весной. Праздновать же было необходимо. Нужно было устроить игры и празднества для людей, которые попросят богов об успехе и вечности империи. Да и страх перед беспорядками в столице во время длительного отсутствия императора присутствовал. Это значит, что весной 232 года Александр временно вернулся в Рим, а возможно, и провёл там зиму 231-232 года.

О прибытии императора возвещает серия монет. На монетах изображен император на трибуне со своим префектом претория и другими военачальниками, обращающийся к трем солдатам. На оборотной стороне монеты изображен император в военной форме. На другой снова изображен Александр Север на помосте рядом с двумя полководцами, а три солдата несут штандарт, щит и копье. На другой стороне монеты выбито имя Мамеи.

Геродиан в своей истории приводит смысл речи Александра Севера перед собравшимися преторианцами и легионерами перед отъездом императора. Историк, возможно, присутствовал при этом; он описывает ритуальную голосовую реакцию сомкнутых рядов воинов – крик-рычание. Затем было роздано крупное пожертвование, чтобы закрепить лояльность солдат. Деньги должны были быть розданы перед изображением императора и его матери. Надпись сообщает о какой-то особой церемонии на этот раз, возможно, после его выступления, в котором армия посвятила себя своему императору и Мамее, связав

императорскую семью с Юпитером. Возможно, она включала в себя публичную молитву о благополучном возвращении императора и его армии, как это сохранилось в *Acta Fratrum Arvalium*. Затем император выступил с речью перед Сенатом, объявив дату своего отъезда. Вероятно, это было поздней весной 232 года. Путешествие должно было занять около пяти месяцев и покрыть 2000 миль, что позволяет предположить, что он прибыл в Антиохию в конце лета, возможно, даже, в сентябре. Это было в самом конце сезона. Геродиан удручающе расплывчат в отношении точного маршрута следования императора и его армии, просто заявляя, что он «был совершен со всей возможной скоростью, сначала в гарнизоны иллирийских провинций, где он собрал большое войско; затем в Антиохию». Тщательная подготовка и планирование императора сократили бы время в пути и позволили солдатам прибыть к месту назначения в наилучшем состоянии, готовыми к сражению.

Уходя из Европы, Александр постарался расставить в важных провинциях способных и верных людей. К сожалению, мы опять знаем об этом лишь немного. Посты наместников в двух ключевых провинциях Германии были отданы людям, доказавшим свою лояльность власти. Сенаторам, ответственным за эти две провинции, предстояла трудная работа. Секст Катий Клементин Присциллиан был назначен на высший пост в Верхней Германии в 231 году, только что закончив ординарный консулат в паре с Луцием Вирием Агриколой, сыном Вирия Лупа. Он занимал пост легата Верхней Германии до 234 года. Максимин Фракиец неожиданно назначил его легатом Каппадокии (235–238 гг.), и эту должность он занимал в присутствии сына Максимиана. Возможно, его каким-то образом обвиняли в неудачном отражении аламаннов в 233 году, и он, по-видимому, поддержал восстание сенаторов в 238 году.

Флавий Юлий Латрониан был назначен легатом Нижней Германии также в 231 году. В какой-то момент до этой даты он был консулом-суффектом. Он также удачно женился на представительнице аристократической семьи Поллиенов, а позже стал префектом Рима при Гордиане III в 243 году.

Обе Паннии тоже столкнулись с аналогичными проблемами мятежей легионов, причём падение дисциплины там началось ещё раньше. Мы знаем об этом от непосредственного свидетеля и участника событий – Диона Кассия. Он был легатом Верхней Паннии в 222–223 годах. Там он встретил сильнейшее разложение дисциплины в войсках и когда попытался исправить положение, попал под мощное давление воинов, которые списались со знакомыми преторианцами в Риме, а последние вышли на самого Ульпиана с жалобой на Диона и требованием убрать его под угрозой убийства. И даже император ничего не смог поделать. Он, конечно, награждал Диона всякими почестями, а позже и консулатом 229 года в паре с самим собой, причём оплатил все расходы сенатора, но из Паннии убрал. Да и

консулат знаменитого историка был чисто формальным, поскольку Александру прямо намекнули о намерении убить Диона, если он появится в Риме. Император посоветовал сенатору и консулу в городе не появляться. То есть, мы видим, что преторианцы, да и простые легионеры, ни во что не ставили Александра и в 223 году, когда убили Ульпиана, и в 229 году, когда изгоняли Диона Кассия, и в 230 году, когда отказывались идти в поход (X Gemina), и в 235 году, когда убили его самого. Таким образом, катастрофическое разложение римской императорской армии произошло именно при последних двух императорах династии Северов. Ну, а последующие легаты Верхней Паннонии, после Диона Кассия, к сожалению, неизвестны.

В Нижней Паннонии отказывался идти в поход легион II Adiutrix, но его удалось уговорить. Уходя на Восток, Александр назначил легатом Нижней Паннонии Флавия Марциана, этот пост он занимал до 233 года. Его сменил член аристократической семьи Эгнациев, возможно, Луций Эгнаций Виктор Лоллиан, консул-суффект между 225-230 годами, который до Паннонии был легатом Галатии. Как уже говорилось, эта семья, начиная с консула-суффекта примерно 206 года Луция Эгнация Виктора, поднялась на самую вершину римского истеблишмента при Септимии Севере и оставалась там при всех Северах и ещё долго после. Кстати, супруга Луция Эгнация, предположительно, была дочерью ещё одного выдвиженца Септимия Севера, авторитетнейшего сенатора Квинта Хедия Руфа Лоллиана Гентиана.

Верхней Мёзией с 231 по 233 годы, кажется, управлял ещё один Эгнаций – Эгнаций Виктор Мариниан, сын Луция Эгнация Виктора. Мариниан был братом Лоллиана и Эгнации Маринианы, жены Лициния Валериана, будущего императора. Валериан, тогда известный как Публий Аврелий Лициний Валерий, был знатного рода и прошёл сенаторскую карьеру, однако до 238 года она совершенно неизвестна, хотя предположительно мы её разбирали выше. Мариниан же в 20-х занимал должность консула-суффекта и легата Аравии. Эти назначения являются замечательным свидетельством доверия, которое император оказывал этой могущественной аристократической семье, учитывая количество войск, которыми они командовали [O'Hanlon, Bernard Michael, *The Army of Severus Alexander*, Loc. 2,273, citing PIR E 25, 37; Mennen, Inge, *Power and Status in the Roman Empire, AD 193-284*, pp. 100-03; Bowersock, G.W., *Roman Arabia* (Harvard University Press, 1998), p.162.].

Нижней Мезией с 230 года управлял Квинт Аниций Фауст Паулин. Ранее мы упоминали об этом. Карьеру его отца Квинта Аниция Фауста мы уже описывали. Он был «новым человеком», который прославился во время правления Септимия Севера, став первым из своей семьи, получившим консульство в 198 году и закончивший карьеру в 219 году проконсулом Азии. И вот его сын Паулин был удостоен суффектного консульства, примерно, в 229 году. Ранее он был наместником Нумидии

и воздвиг почетную надпись императору и Ориане. В Нижней Мёзии он был заменен в 234 году Гаем Мессием Квинтом Траяном Децием, будущим императором [O'Hanlon, Bernard Michael, *The Army of Severus Alexander*, Loc. 2,273, citing *Numidia AE 1967.573*, *PIR A 599*; Mennen, Inge, *Power and Status in the Roman Empire, AD 193-284*, pp. 86-89.].

Проходя с армией по территории Фракии, Александр взял в свой штаб наместника этой провинции, каковым был Рутилий Пуденс Криспин, который сопровождал императора в Сирию и там был назначен легатом Сирии-Финикии на 232-234 годы. Его *cursus honorum* сохранился благодаря надписи, но, к сожалению, как и всегда, в ней не указаны даты его пребывания на каждом посту.

[. Ruti]lio Pud[en]ti Cri[spi]no, c.v., / [leg.] Aug. pr. pr. ad [cens]us acceptandos / prov. Lugdunens[is et H]isp[an]i[a]e Baeti[ca]e, / curator[i] Teanen[sium] Interamnatum 5/ Venafranor[um] Aquinatum, / leg. Aug. pr. pr. prov. [His]paniae citerioris / et Gallaecia[e, elect]o duci ex s.c. / bello Aquil[ei]en[si], cos., procos. / prov. Achaiae, [leg.] Aug. pr. pr. prov. 10/ Syriae Phoenic[es], leg. Aug. pr. pr. prov. / Thraciae, leg. Au[g. pr. p]rov. Lusitaniae, / leg. leg. XV Apollina[ris, s]odali Marciano / Antoniniano [Comm]odiano Helviano / Severiano Ant[onini]ano, iuridico 15/ Aemiliae et L[iguri]a(e) (sic) et Tusciae, / curator[i] viarum [Clodiae] Cassiae Cimin., / curator[i] Fanestr[ium P]isaurensium, / praetori, aed. [pleb. Ce]riali, quaestori / urbano, Illi vir [v. c., p]r. urbi feriarum 20 / Latinarum, p[raef]. coh. I Lusitano / eq. q.

Он принадлежал к знати, но, насколько нам известно, ни один член его семьи не занимал консульского поста. Начал свою карьеру Криспин ещё при Септимии Севере. Одной из его милитий было командование когортой I Augusta praetoria Lusitanorum equitata в Египте. Вряд ли она была первой, поскольку когорта была преторской и командование ею ещё надо было заслужить. После этого последовало назначение Пуденса в городскую префектуру *feriarum Latinarum*, которым обычно награждались молодые представители аристократических семей. Затем последовал ряд административных должностей, но реально его карьере помогло покровительство Каракаллы, который вознаградил его за поддержку во время конфликта с Гетой. Быстро поднявшись до должности претора, Криспин резко затормозил при Макрине, вероятно, из-за слишком тесных связей с Каракаллой. Гелиогабал назначил Пуденса на ряд второстепенных должностей, но тут к власти пришёл Александр Север, вернувший ему благосклонность верхов. Он был назначен командующим каппадокийским легионом XV Apollinaris (223-225 гг.), за которым последовали пропреторства в Лузитании (226-228 гг.), Фракии (229-231 гг.) и Сирии-Финикии, а затем должность проконсула Ахайи. В какой-то момент между 234-238 годами ему была оказана честь стать консулом. Мы мельком видим его в 232 году, сопровождающим императора и его армию, в почетной надписи на колонне на главном проспекте Пальмиры: - «Сенат и народ установили

это в честь Юлия Аврелия Зенобия Забдила, сына Дималха, сына Нассума, который был стратегом во время прибытия божественного Александра и его бессрочного заместителя Рутилия Криспина, командующего конницей; надзирателя за распределением зерна, либерального человека, не щадящего своей частной собственности, весьма похвально управляющего государственными делами, и по этой причине одобренного божественным Джариболом и Юлием [Филиппом], самым прославленным префектом и священным претором, а также великим возлюбленным своей страны, в 554 году [датировка Пальмиры]».

Надпись Юлия Аврелия Зенобия в Пальмире

Рутилий Криспин, несмотря на большую разницу в возрасте, явно был близким другом императора, тем более что его имя было указано в надписи рядом с самим императором. Должно быть, он был одним из важных командиров имперского штаба. Сам династ Зенобий возглавил пальмирские когорты, в состав которых во время кампании входила как легкая, так и тяжелая кавалерия. После убийства Александра Севера Рутилий Криспин описан Геродианом в 238 году как вероятный член избранного сенаторского совета двадцати, который назначил его руководителем обороны Аквилеи. Он явно был хорошим управленцем,

способным организовать снабжение города продовольствием в условиях длительной осады. Его действия в Аквилее показывают, что он был прирожденным лидером, «человеком, который естественным образом завоевывал уважение, был отличным оратором и справедливым командиром». Он был человеком, продвигавшимся благодаря своим способностям, а не происхождению. Следующий император, Гордиан III, даровал ему важные и почетные должности (легата пропретора Дальней Испании (239-241 гг.), куратора Теана и ещё нескольких городов, легата пропретора по переписи населения Лугдунской провинции и Бэтики. Там, на взлёте своей карьеры, Рутилий Криспин и умер.

Некоторые археологические находки дают нам краткое представление о маршруте армии Александра. Одна из таких подсказок была получена в результате обнаружения группы золотых медальонов, посвященных Александру Македонскому. На них изображен он сам с копьем в руках и Афина, бросающая камень в его нагрудную пластину – изображение, символизирующее победу над врагом-варваром. Высокая стоимость медальонов указывает на то, что они, вероятно, были вручены в качестве наград самим императором. К сожалению, их трудно датировать. Возможно, они были созданы Каракаллой, когда он проезжал через Македонию. А может быть, это был Гордиан III во время своего путешествия на Восток в 242/243 годах. Но это мог быть и Александр Север, который подтвердил древние привилегии Македонии в 232 году, желая ассоциировать себя со знаменитыми предшественниками, которые сражались с персами и парфянами и одерживали значительные победы. В последнем случае, император двигался по Эгнатиевой дороге.

Переправившись через Геллеспонт в Малую Азию летом 232 года, армия Александра двинулась по обычной дороге через Понт, Вифинию, Галатию, Исавию, Киликию. Наместником Понта тогда, вероятно, был Луций Юлий Апроний Мэний Пий Саламаллиан, чье имя встречается на двух милевых столбах. В 222-224 годах он был наместником Бельгии, а потом Нумидии и мы видим, что карьеру этот человек сделал как раз при Александре. Его карьера описана в надписи из Ламбезиса в Северной Африке, в которой нет никакого упоминания о таком наместничестве. Однако надпись фрагментарна, и прочтение поврежденной строки может означать «Р», то есть «Понт». Альтернативным кандидатом на этот пост является Квинт. Фальтоний Реституциан, который, очевидно, был очень способным администратором, поскольку позже стал прокуратором Мавретании Цезарейской в 239 году, префектом вигилов в 244 году и префектом Египта в 250 году. Интересно, что провинция Понт-Вифиния, по-видимому, была разделена Александром Севером, возможно, для того, чтобы предоставить больше постов для продвижения способных всадников.

Наместником Галатии Александр поставил Квинта Сервея Фуска Корнелиана, который, судя по всему, был надежной парой рук императора. Сервей происходил из плебейского умбрийского рода, предки его перебрались в Африку в город Гитгис. При Домициане Сервей стали сенаторами. Сам Квинт Сервей сделал вполне сенаторскую карьеру. Он был городским квестором Рима, народным трибуном, куратором Соляной дороги, судебным чиновником в Калабрии, Лукании, Апулии и Бруттии, претором. Он был легатом легиона XIII Gemina (222–224 гг.) и I Italica (225–227 гг.) легионов, затем был назначен пропретором Нижней Мёзии (примерно в 228–230 гг.), а затем Галатии (232–233 гг.). По-видимому, Корнелиан как-то совмещал управление Галатией и Каппадокией на время отсутствия тамошнего легата Прокулеана, иначе сложно объяснить это назначение, ведь оно выглядит понижением по сравнению с Нижней Мёзией.

Вероятно, Корнелиана сменил Марк Домиций Валериан (234–235 гг.) [O'Hanlon, Bernard Michael, *The Army of Severus Alexander*, Loc. 1,926, citing for I Italica AE 1972.526; Sherk, Robert K., 'A Chronology of the Governors of Galatia AD 122–285', *The American Journal of Philology*, Vol. 100, no.1 (Spring 1979), pp. 166–75; Bowersock, G.W., *Roman Arabia*, p.162]. Карьера Домиция известна по надписи на греческом языке. Он был родом из Прусы в Азии и начал свой *cursus honorum* при Каракалле. В начале его принципата Домиций побывал военным трибуном в легионе III Gallica в Рафанее, впоследствии прошёл все положенные гражданские посты квестора, эдила и претора (223 г.). После претуры он командовал легионом XII Fulminata в Каппадокии (224–226 гг.), когда соседним легионом XV Apollinaris командовал Рутилий Пуденс Криспин, затем VII Claudia p.f. в Верхней Мёзии (227–229 гг.). После этого, Домиций занимал пост корректора городов Памфилии (231 г.). Он должен был побывать и консулом-суффектом. Затем он последовательно был наместником в четырех провинциях: сначала в качестве проконсула в Сицилии (232–233 гг.), а затем в качестве легата Августа пропретора в Галатии (234–235 гг.), Киликии (236–237 гг.) и Аравии (238–239 гг.).

Жизненно важной и сильно милитаризованной провинцией Каппадокия, после Арадия Патерна, по-видимому, был поставлен управлять Квинт Юлий Прокулеан (есть и другие мнения на этот счёт). Он и командовал в будущем походе Северной римской армией. К сожалению, мы ничего не знаем об этом человеке. В последний год правления Александра Севера его сменил Лициний Серениан, чье имя, как и у легата Верхней Германии Секста Катия Клементина Присциллиана было стерто со многих милевых столбов в своей провинции в результате проклятия памяти. Нет никаких сомнений в том, что это осуждение было вызвано его поддержкой восстания сенаторов против Максимиана Фракийца. Такой случай в отношении легатов Каппадокии был единственным.

Что до Киликии, то наличие милевого столба из Аданы, дающей имя Азиния Лепида, датируемого 231 годом, предполагает, что в это время он был наместником этой провинции [Harper, R.P., 'Roman Senators in Cappadocia', *Anatolian Studies*, pp. 163-68; French, D.H., 'Roman Roads and Milestones of Asia Minor', *British Institute at Ankara*, pp. 11-12.].

Также, по-видимому, император ненадолго остановился в городе Эгее по дороге из Киликии в Сирию и Антиохию. В честь его визита город выпустил монеты неокорийского типа (македонские монеты неокоры впервые появились во время правления Макрина. Мы уже писали о неокориях, однако, добавим. Неокорами назывались наблюдатели и стражи храмов. Сначала они были низшими храмовыми служителями, но в более позднее время, это звание стало почетным. В эпоху поздней империи города восточных провинций считали за особую честь быть неокорами храма, посвященного императору. Об этом свидетельствуют монеты, сохранившиеся в большом количестве).

Личность наместника главной из восточных римских провинции – Келесирии, вызывает сомнения. Судя по поврежденной надписи, (? Клавдий Соллем)ний Пакациан был назначен наместником провинции в конце принципата Александра Севера *или*, возможно, вскоре после этого. Несомненно, до этого он был легатом Аравии, а ранее командующим легионом III Cyrenaica Severiana Alexandriana, а также занимал должность консула-суффекта.

Проблему представляет и личность наместника Месопотамии. С тех пор как Септимий Север создал провинцию, её наместники были всадниками, а не сенаторами. Это продолжалось и при его преемниках. Провинция выступала в качестве оплота Сирии. Географически она представляла собой широкую открытую равнину, а ее оборона была сосредоточена на городах-крепостях, а не на географических барьерах, таких как горы или реки. Небольшой горный массив Джебель-Синджар был важным стратегическим пунктом и удерживался рядом римских крепостей с центром в Зингаре. До завоевания Месопотамии, границей Римской империи служила река Евфрат, контроль над местами переправы через который, по-прежнему служил линией обороны Сирии. Прошлые вторжения римлян на парфянскую территорию также происходили вдоль реки вплоть до Ктезифона, поскольку река обеспечивала постоянный запас воды для войск и животных и служила удобной линией снабжения, по которой войскам можно было доставлять всё необходимое. Обратный путь также шёл вдоль реки, но был более проблемным, поскольку шёл против течения. Чтобы облегчить передвижение войск по Евфрату, по-видимому, в это время было создано новое военное ведомство – *Dux Ripae* со штаб-квартирой в Дура-Европос. Задачей этого нового штаба был контроль верхнего и среднего течения Евфрата вплоть до Хабура на излучине реки. Впервые *Dux Ripae* упоминается в 245 году, но очевидно, что командование было создано до этой даты. Папирус, датируемый 245 годом, упоминает трех

предыдущих обладателей этого поста, предполагая правление Александра Севера в качестве наиболее вероятной даты его создания. Это было территориальное командование, а не конкретное подразделение, вероятно, охватывавшее гарнизоны вдоль реки и речной флот. Аналогичные более поздние командования вдоль Дуная осуществлялись как сухопутными, так и речными войсками. Командование Dux Ripae было подчинено наместнику Келесирии.

К сожалению, личность префекта Месопотамии на 232 год остается неизвестной. Одним из кандидатов на эту должность считается Максимин Фракиец. В его речи, современный ему историк Геродиан, заставляет полководца напомнить своим солдатам, что: «персы, которые прежде опустошали Месопотамию, теперь успокоились, довольствуясь тем, что они имеют, так как их сдерживает ваша слава и военное мужество, известное им по моим действиям, которые они испытали, когда я командовал войсками на берегах» [Геродиан. История VII 8]. Имеются в виду берега Евфрата и Тигра. При описании карьеры Максимиана, Геродиан пишет, как «он продвинулся по всем званиям в армии и ему было поручено командование легионами и провинциями». Он не может иметь в виду должность Dux Ripae, поскольку префекты легионов в провинции подчинялись наместнику. Он также не был префектом ни одного из легионов. Наиболее вероятным объяснением является то, что он был либо префектом Месопотамии, либо Praeses Mesopotamiae, исполняющим обязанности наместника, хотя позднеримский историк Зосим утверждал, что в 235 году он командовал алой. Что ясно, так это то, что Максимин был опытным и талантливым военным, а именно такого человека требовала ситуация в Месопотамии.

Мы уже рассказывали о карьере Максимиана Фракийца в годы правления последних Северов, однако, кое-что следует добавить. Гай Юлий Вер Максимин (Максимин Фракиец) в начале правления Александра Севера возглавил какую-то ауксилию, а затем был военным наместником – «префектом общин мезов и трибаллов» (лат. *praefectus civitatum Moesiae et Trebellia*) в Нижней Мёзии. Ауксилиями командовали обычно три года, поэтому можно считать, что на посту префекта алы (а скорее всего, это была ала) он был в 222–224 годах. Вспомним сообщение Зосима (I, 13).

Тогда *Praefectus civitatum Moesiae et Trebellia* Максимин был, примерно, в 225–227 годах [см. Аврелий Виктор. Цезари, XXV, 1, где Максимин назван «начальником трибаллов»].

Из надписи, обнаруженной неподалёку от марокканского города Сиди-Касем, известно о некоем президе Мавретании Тингитанской *Гае Юлии Максимине*, занимавшем свою должность между 222 и 235 годами. Скорее всего, его следует идентифицировать с Максиминем Фракийцем. И был он на этом посту в 228–230 годах.

В 231 году Александр начал формирование нового легиона в Транспадане. Участвовал в этой операции и Максимин Фракийец, правда должность его неизвестна.

Со следующим постом Максимиана тоже возникают проблемы. Считается, что в 232 году он был назначен префектом египетского легиона II Traiana Fortis Germanica. В принципе, это возможно. Вопрос вот в чём. Судя по нашим скудным данным, II Traiana Fortis тогда тоже восстал против императора. Если бы им уже тогда командовал Максимин, вряд ли после такого афронта его карьера продолжилась бы. Значит, если он и побывал префектом II Traiana Fortis Germanica, то только после восстания. После чего получил назначение исполнять должность префекта Месопотамии с двумя легионами (PIR I 619). Ведь мы помним утверждение Геродиана, что Максимин командовал «войсками на берегах», а также «легионами и провинциями». А в Месопотамии было дислоцировано два легиона. Вот что мы знаем или предполагаем о Максимине Фракийце.

Что до Египта, то там в 231 году префекта Клавдия Маскулина ненадолго сменил Марк Аврелий Зенон Януарий. Вероятно, он приобрел административный опыт в качестве прокуратора Мавритании Цезарейской. Подробностей мы не знаем, но боевые действия имели место. Януарий успешно справился с конфликтом, упомянутым в ряде надписей, в том числе в Волюбилисе. Теперь ясно, что он действовал как дукс, а не как префект провинции, что наводит на мысль о военной функции его роли в ответ на беспорядки в Мавретании. Януария послали туда как дукса, не снимая наместника провинции. Там он справился и был направлен в Египет. А вот там Януарий сделал что-то не то. Вскоре в том же году префектом Египта почему-то был назначен Мэвий Гоноратиан (231-237 гг.), который ранее был командующим флотом в Равенне. Вероятно, Януарий не справился и был заменён.

Легатом Сирии-Финикии стал Рутилий Пуденс Криспин (232-234 гг.), которого Александр, как мы помним, выдвинул с поста наместника Фракии.

Легат Сирии-Палестины нам неизвестен. Прокуратор же Гай Фурий Сабин Аквила Тимесифей получил экстраординарные полномочия начальника снабжения походной армии (*exactori reliquorum annonae sacrae expeditionis*). Обширные реквизиции были проведены в Египте и Памфилии.

Тимесифей был человеком с несомненными большими способностями. Кульминацией его карьеры станет служба префектом претория при Гордиане III, фактически же Тимесифей был регентом при малолетнем императоре. Именно под его командованием римская армия разгромила Сасанидов в битве при Резайне в 242 году, что позволило Риму вернуть Нисибис и Зингару. Однако его неожиданная смерть привела к катастрофическому поражению римлян и временному краху римской власти на Востоке.

Гай Фурий Сабин Аквила родился около 190 года, судя по имени, в анатолийской всаднической семье. Его карьера описана в надписи из Лугдуна в Галлии:

CIL 13, 01807 C(aio) Furio Sabinio Aquilae / Timesitheo proc(uratori) / prov(inciarum) Lugud(unensis) et / Aquit(anicae) proc(uratori) prov(inciae) Asiae ibi vice XX / et XXXX itemq(ue) vice proco(n)s(ulis) proc(uratori) / prov(inciarum) Bithyniae Ponti Paphlagon(iae) / tam patrimoni(i) quam rat(ionis) privatae / ibi vice proc(uratoris) XXXX item vice proc(uratoris) / patrimon(ii) prov(inciarum) Belgic(ae) et duarum / Germaniar(um) ibi vice praesid(is) prov(inciae) / German(iae) inferior(is) proc(uratori) prov(inciae) Sy/riae Palaestinae ibi exactori reli/quor(um) annon(ae) sacrae expeditio/nis proc(uratori) in urbe magistro XX ibi / logistae thymelae proc(uratori) prov(inciae) / Arabiae ibi vice praesid(is) bis proc(uratori) / ration(is) privat(e) per Belgic(am) et duas / Germ(anias) praef(ecto) coh(ortis) I Gallic(ae) in Hispan(ia) / C(aius) Atilius Marullus Arvern(us) / et C(aius) Sacconius Adnatus Me/ diomatr(icus) patrono optimo.

Карьера Тимесифея началась с типичного назначения на должность командира вспомогательного подразделения, в данном случае префекта когорты I Gallica equitata civium Romanorum в Испании. Видимо, это было в самом конце правления Септимия Севера. Вскоре на способности Тимесифея обратил внимание Каракалла, который назначил его частным прокуратором Rationis Privata, ответственным за императорские владения в Бельгике и двух германских провинциях. Продвижение по службе продолжалось и при Гелиогабале, сделавшем его прокуратором провинции Аравия, осуществляющим надзор за финансами. Его карьера набирала обороты, и он стал исполняющим обязанности легата, вице-президом в 218 году и снова в 222 году. Это назначение 218 года, вероятно, было ответом на хаос, возникший в результате смерти Макрина и восстания Гелиогабала, поскольку сторонники старого режима были казнены или смещены. Эта практика, когда всадники служили заместителями наместников на сенаторском посту, становилась все более распространенной, особенно после правления Александра Севера.

За этим последовал ряд административных должностей, включая важную финансовую должность *magister XX hereditium*. На первый взгляд они могут показаться государственными должностями низкого ранга, но на самом деле они давали ему доступ во внутренний придворный круг. Здесь его способности явно вызывали восхищение, поскольку в начале войны он был назначен прокуратором провинции Сирия-Палестина и начальником снабжения всей походной армии. Это было всеобъемлющее поручение. Таким образом, во времена кризиса император и его советники были готовы отказаться от традиции местнического прохождения должностей и назначать на должности жизненной важности надежных людей, доказавших свою лояльность,

способности и опыт, даже в ущерб статусу сенатора или престижу должности.

Император взял с собой своих близких друзей и придворных чиновников. Модестин и Павел, по всей вероятности, сопровождали императора, на что указывает шквал юридических указов о военной дисциплине. Вся имперская бюрократия переехала в Антиохию, включая руководителей четырех главных административных департаментов: а *rationibus*, отвечающего за финансы, двух *ab epistulis* для императорской переписки на греческом и латыни, а *libellis* для петиций и а *cognitionibus* для запросов. Они взяли с собой опытных имперских вольноотпущенников и рабов. Мамея также сопровождала императора. На серебряном денарии 230 года изображена императрица с волосами, частично прикрытыми драпировкой, с пробором по центру. Её лицо выглядит энергичным и умным. Александр Север обращался за советами к матери. Император провел большую часть своей жизни в Риме, и его воспоминания о Сирии были эфемерными. Его мать знала народ и землю, обычаи, религию, культуру эллинистического Востока. Она, без сомнения, свободно владела арамейским и/или сирийским языками, используемыми жителями провинции, греческий и латынь были, в основном, достоянием элиты и солдат. Поэтому, греческий она тоже знала. Не было ничего необычного в том, что император брал с собой в поход свою мать. Когда Каракалла вёл кампанию против парфян, его мать Юлия Домна также отправилась с ним, управляя правительством и администрацией из Антиохии, в то время как ее сын сосредоточился на своих военных приготовлениях. Имя и титулы Мамеи появляются на милевых столбах из Адрианополя во Фракии и Аназарба в Киликии. Что уникально, так это еще один столб из Фракии, который носит только ее имя. Это единственный пример столба, который носит исключительно имя императрицы. И вот тут мы видим разницу между Домной и Мамеей. Первая была государственным деятелем, а вторая – нет. Она не понимала, что нельзя загораживать имя императора своим именем.

Сасанидский клибанарий

Теперь разберёмся, к какой войне готовился Александр. Основные приготовления Александра Севера, по-видимому, были направлены на противодействие преимущественно кавалерии Сасанидов. На массивном фризе Ардашира в Фирузабаде подробно изображены его клибанарии. Эти кавалеристы в тяжелых доспехах носили панцирь и были вооружены длинным копьем. Сам Ардашир на фризе имеет колчан со стрелами. На одном из амулетов также изображен клибанарий, вооруженный булавой, подобной тем, что носили жрецы парсов. Гелиодор в своей «Эфиопике», написанной в середине III века, дает более подробное описание этих кавалеристов, эквивалента современного танка в древнем мире. Он описывал, что голова клибанария была защищена цельнокованным шлемом с очками для глаз и бармицей, прикрывавшей шею. В правой руке он держал длинную пику, а в левой – поводья. Меч был подвешен у воина на ремне через плечо. Металлический панцирь, покрывающий всё его тело, состоял из прямоугольных бронзовых или железных пластин внахлест. Это обеспечивало определенную степень гибкости доспеха. Ноги клибанария были прикрыты поножами от ступни до колена, а то и выше. Конь был также закован в пластинчатые доспехи, иногда весь, иногда только передняя его часть. Атаки производились массово, спереди пика крепилась к шее лошади ременной петлей, чтобы помочь сохранить равновесие и гарантировать, что она не потеряется при ударе. Мощь удара была такой, что пика часто пронзала насквозь двух вражеских солдат. Клибанарии, формировавшиеся из знати, в бою поддерживались хуже вооруженными конными лучниками и

пехотинцами. Эти лучники могли быть убийственно эффективными, что император Макрин и обнаружил в битве при Нисибисе в 217 году, где его армия сильно пострадала от дождя стрел.

Но это не была постоянная профессиональная армия, подобная римским войскам, она должна была распускаться в конце сезона, когда знать возвращалась в свои поместья, а пехота и лучники – на свои фермы.

Римляне долгое время использовали тяжелую кавалерию, называемую катафрактами, но они были защищены не так хорошо, как клибанарии, шлемы их были проще, меч коротковат, щит великоват и, как правило, лошади были незащищены. Однако к III веку римские катафракты начали тоже превращаться в клибанариев. Римляне постепенно адаптировали тактику и снаряжение, чтобы соответствовать использованию конницы их врагами, особенно сарматами на Дунае и парфянами на Востоке. К третьему веку гладиус, короткий колющий меч, давно был заменен более длинной рубящей спатой, которая позволяла достигать большего радиуса действия, что было необходимо для конного воина. И спата тоже постепенно удлинялась. Старые щиты мешали нанесению рубящих ударов, которые использовались при применении спаты, поэтому их постепенно заменили плоскими овальными щитами меньшего размера. Конструкция шлема также изменилась, чтобы лучше защищать от ударов, наносимых кавалеристом, которые приходились по верхней части шлема. Все большее распространение получал шлем Niedermormter с поперечным ребром жёсткости в верхней части, удлинённым воротником и нащёчниками. Защитное ребро поперек лба обеспечивало защиту от удара, наносимого сверху вниз по лицу. Однако за это пришлось заплатить определенную цену. Тяжелая кавалерия теперь не могла смотреть вверх, так как этому мешал длинный воротник, заставляя воинов пригибаться за своими щитами.

Конечно, у римлян сохранялись и лёгкая кавалерия, и конные лучники. Регулярная легионная и вспомогательная кавалерия была экипирована и обучена как многоцелевые войска, способные сражаться и на дистанции, и в рукопашной схватке. Обычно всадники использовали кавалерийское седло с четырьмя рогами, которое давало им надежную платформу для любого вида боя, но также использовались сёдла без рогов или просто одеяла. Регулярная кавалерия в равной степени использовалась в качестве копьеметателей, копьеносцев, фехтовальщиков, лучников и арбалетчиков. Следовательно, боевое снаряжение, используемое кавалерией, состояло из различных типов копий (ланцея, ксисстон, гаста, галльский контос/контарион), меч спата, кинжал пугион, праща, составной лук и арбалет. Ланцея и ксисстон либо метались, либо использовались для колющих ударов с использованием различных техник. Гаста и галльский контос (длиной около 3,74 м) в основном

использовались для нанесения ударов, но при необходимости их можно было также метать. Те подразделения, которые использовали сарматский контос, не носили щитов, потому что это копье требовало удержания двумя руками.

Кавалерийские подразделения римской армии, по-видимому, пережили длительный период инноваций и развития в конце II и начале III веков. Во времена правления Марка Аврелия на надписи из Рибчестера появилось упоминание о новом подразделении, называемом кунеем (*cuneus*) – «клин», видимо, связанным с сарматской кавалерией. Оно не описано как *ala*, что наводит на мысль о том, что это было другое, отличное по типу кавалерийское подразделение. Этот тип подразделения в III веке все чаще встречается при упоминании об увольнении.

Увеличенное значение, придаваемое кавалерии, нашло отражение в создании новой должности, которая впервые появляется в правление Александра Севера. На надписи, относящейся к легиону III Augusta и когорте XX Palmyrenorum, сохранилось название *magister campi*. Предполагается, что эта должность была каким-то образом связана с использованием увеличенного количества кавалерии в войне против Ардашира.

Римские военные понимали необходимость увеличения численности кавалерии и вот, в Бостре Аравийской, возможно, была набрана новая ала катафрактиев – *Ala Nova Firma Milliaria Catafractaria*. Ещё одним свидетельством обширной вербовки кавалерии Александром Севером является римский каструм в Айн-Сину в Месопотамии. Лагерь возвышается над перевалом Голет, контролирующим дорогу между Нисибисом и Хатрой через стратегически важный горный хребет Синджар, возвышающийся над обширной равниной. В самом каструме дислоцировался легион III Parthica, но рядом с лагерем была построена большая кастелла без обычных административных зданий площадью 11,5 гектаров. Для сравнения, легионная крепость II Парфянского легиона в Альба-Лонге занимает площадь в 10,5 гектаров. Это подтверждает небольшие размеры «Парфянских» легионов, созданных на принципах, отличных от классических легионов. Некоторые монеты, найденные в кастелле, относятся ко времени правления Каракаллы, но большинство – ко времени правления Александра Севера. Крепость, по-видимому, была разобрана после непродолжительного периода использования, в то время как в каструме сохранился более поздний слой разрушений, относящийся ко времени правления Максимиана Фракийца, поскольку не было найдено ни одной монеты времен правления его преемника Гордиана III. Открытая местность внутри кастеллы наводит на мысль, что она использовалась в качестве тренировочной площадки для кавалерии. Контекстуально это, вероятно, соответствует восстановлению римского контроля над территорией Месопотамии между 232 годом и возвращением

императора на Запад в 233 году. Эти вспомогательные силы, вероятно, легкая кавалерия, были привлечены или набраны из района между Тигром и Евфратом, старой парфянской провинции Арабайя, которая теперь контролировалась Хатрой – врагом Ардашира и новым союзником Рима. Глиняные черепки, найденные в кастелле и лагере, удивительно похожи на те, что были обнаружены в Хатре середины III века. Другие подобные тренировочные лагеря вероятно, существовали в Телль-Браке и Телль-Брати, но они ещё ждут раскопок [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 267-268].

Основу римской пехоты, по-прежнему, составлял легион старой имперской организации и вооружения. Он не очень подходил для манёвренной войны на Востоке в условиях жары и нехватки воды. Поэтому уже Септимий Север создал три легиона новой организации, меньшие по численности и легче вооружённые, так называемые «Парфянские». Два из них постоянно базировались в Месопотамии. В этих легионах пилумы были заменены ланцеями. На надгробных плитах в Апамее времён кампании Каракаллы видно, что эти войска несли связки такого оружия, а Макрин использовал их в битве при Нисибисе, чтобы заполнить бреши между римскими линиями и осуществлять стремительные атаки на вражеские формирования. Воины назывались ланциариями. Всадников в этих легионах было больше, чем в обычных.

Во время похода Александра, в качестве зимней базы его походной армии использовалась Апамя. Город был идеально расположен на важном перекрестке дорог, в трех-пяти днях пути от портов Селевкии и Эгеи. Расположенную лагерем армию можно было легко снабдить продовольствием, а императорская штаб-квартира в Антиохии находилась в пределах легкой досягаемости, всего в 56 милях.

Так вот в Апамее на надгробиях отчетливо видны фалангрии, вооруженные сверхдлинными копьями. Защищены они чешуйчатыми доспехами и усиленными шлемами, щиты овальные. Они напоминают фалангу, использовавшуюся Александром Македонским и эллинистическими армиями, только те, как и фалангрии Каракаллы, были облачены в льняные доспехи и кожаные шлемы. Римские фалангрии, вероятно, образовывали первые три шеренги линии, чтобы противостоять кавалерийской атаке клибанариев. Ряды позади, скорее всего, метали свой пилум или ланцею, чтобы сорвать атаку противника. А ведь у Лампридия есть рассказ и о том, как при подготовке к Персидской кампании Александр Север, из 6 легионов, дислоцированных, по-видимому, на Балканах, создал фалангу численностью в 30 тысяч человек.

Если быть точным, то это звучит так: «Он создал себе отряд среброщитников и златошитников, создал и фалангу из тридцати тысяч воинов, которых приказал называть фалангариями, и с ними очень успешно действовал в Персидской земле. Фаланга состояла из шести

легионов, одинаково вооруженных; после Персидской войны они получали повышенное жалование» [Лампридий. Александр Север, L, 5].

У историков, критически относящихся к АЖА как к источнику, эта информация сразу вызвала отрицание как чистый вымысел. Более уравновешенные, вроде Макхью, считают, что фаланга была создана, но это был не отдельный корпус численностью в 30000 человек, состоящий из шести легионов, а переформирование всей походной армии с использованием небольших элитных подразделений, набранных для противодействия тактике Сасанидов.

Однако, нам кажется, что прав, всё-таки, Лампридий. Он совершенно чётко описывает то, что создал Александр и даже уточняет, что после Персидской войны легионеры-фалангари получили повышенное жалование. Идея Александра, несомненно, была рождена Каракаллой в 214 году, когда он набрал в Македонии и Греции свыше 16000 фалангариев и 6000 спартанцев. Они и составили фалангу, ставшую центром строя Восточной армии, который должен был остановить любой удар конных клибанариев парфян и начать их теснить, обходя флангами легионов и ауксильев. Так оно, видимо, и получилось. Вероятно, и Макрин использовал фалангу Каракаллы в битве при Нисибисе в 217 году, причём, с успехом. Иначе, Александр не вернулся бы к этой идее. Многие офицеры, служившие с Александром Севером, ранее ходили в походы с Каракаллой. Неудивительно, что идея Каракаллы была быстро воскрешена. Сивенне разумно считает, что фаланга Александра состояла наполовину из сариссофоров и наполовину из арги-распидов и хризаспидов. Общая численность последних составляла 16 384 человека, в каждом из отрядов было по 8192 человека [Syvanne. Gordian III and Philip the Arab. The Roman Empire at a Crossroads. Pen & Sword Military. 2021. – p.38].

Последнее, конечно, чистое предположение и нам оно кажется необоснованным. Нам кажется, что римляне вряд ли стали бы разрывать легион на части, а 16384 человека – это три легиона. Чтобы разделить это число на две равные части, нужно распилить один из легионов. Это вызвало бы значительные проблемы. Поэтому мы считаем, что численность аргираспидов и хризаспидов соотносилась как 2 к 1, и все легионы оставались целыми. Но это тоже лишь предположение.

Обратим внимание, что в фаланге Александра были не только фалангари сариссофоры, но и легко вооружённые аргираспиды и хризаспиды, то есть фаланга была сбалансированной.

Мы видим, что набирать новую фалангу Александр не смог или не захотел. Во втором случае, он мог решить, что подготовка новобранцев займёт слишком долгое время и лучше переобучить уже готовых воинов шести легионов, которых он впоследствии не собирался распускать, судя по тому, что назначил им после войны повышенное жалование. В Риме было достаточно ясно, что война с персами будет не

последней, поэтому распускать фалангу больше не собирались. Какие легионы вошли в состав фаланги? Точно мы не знаем. В фалангу не могли войти дунайские легионы. Дело в том, что в 6 легионах, составивших фалангу, было 30000 человек, а это значит, что легионы были практически полными. Дунайские же легионы шли в поход на Восток в виде вексилляций, что давало бы меньшую численность. А верхнемёзийские вексилляции IV Flavia и VII Claudia p. f. вообще воевали в Каппадокийской группе войск, отдельно от остальных легионов, составлявших фалангу. Они тоже не могли быть частью фаланги. Как и нижнегерманские. Александр не собирался распускать фалангу после войны, значит европейские легионы, пришедшие с Востока, должны были воевать фалангой и позже, уже в Европе. Но мы об этом ничего не слышим. Да и не было в этом никакой нужды. Война в Европе не требовала тяжёлой фаланги. Боевые действия против германцев и славян, наоборот, требовали манёвренности, что постепенно приводило к уменьшению численности легионов и росту значимости вспомогательных войск. Удар европейских варваров легионы спокойно выдерживали, а горно-лесистый характер местности требовал разделения больших группировок на малые отряды. Тяжёлая конница в Европе была только у языгов и роксоланов, но старые римские легионы давно приспособились к этому и успешно воевали. Фаланга македонского типа тут была совершенно не нужна. В каппадокийских и армянских горах ситуация была аналогичной. «Парфянские» легионы уже были нового типа, но принципиально отличного от тяжёлой фаланги. Их никто не стал бы переучивать. Новый IV Italica состоял из неопытных новобранцев и вряд ли за год смог бы освоить сложную технику и тактику фаланги. А значит, в состав фаланги Александра вошли именно сирийские легионы.

Согласно древним римским принципам, помимо легионов граждан, половину армии составляли регулярные вспомогательные части (ауксилии). До 212 года ауксилии были представлены негражданами империи, иногда, со своим национальным вооружением, но теперь они получили гражданство и, казалось, должны были быть расформированы. Однако такая организация уже давно прижилась и оправдала себя гибкостью использования, поэтому ауксилии сохранялись как специфические воинские части меньшего размера и большей манёвренности, чем легионы. Их пехота и кавалерия состояли либо из пятисотных, либо из тысячных ал и когорт, но существовали также смешанные алы и когорты. Существовали специализированные ауксилии лучников, разведчиков и дротико-метателей, но большинство обладали такой же гибкостью, как и легионы, в том смысле, что их можно было использовать либо как линейные войска, либо как застрельщиков.

А вот среди так называемых «нумерус» не было единообразия в размере или типе. Эти подразделения набирались сверх обычной нормы

рекрутирования по мере необходимости. Союзники (федераты) тоже предоставляли для использования римлянами все имеющиеся у них силы, поэтому невозможно провести какую-либо классификацию их типов. Они, как и *pumegi*, были разных размеров, и их оснащение было столь же разнообразным.

В эту эпоху снаряжение легионеров и регулярной вспомогательной пехоты было в принципе, одинаково. Экипировка подразделений гвардии отличалась от этой только тем, что их снаряжение было более модным, с добавлением украшений и т. д. Типичное снаряжение этой эпохи состояло из: 1) меча (спата – длинный меч, используемый в основном для рубящих ударов, но также мог использоваться и для уколов; и кинжала (использовался в бою только в чрезвычайных ситуациях); 2) оружия с древком (как правило, традиционный тяжелый дротик пилум или же лёгкое копье гаста, или ланцея); 3) плоский или полуцилиндрический щит (обычно продолговатой или прямоугольной формы, но также мог быть круглым, шестиугольным и восьмиугольным); 4) доспехи (традиционная пластинчатая броня *lorica segmentata*; чешуйчатая броня *lorica squamata*; кольчуга *lorica hamata*; жесткие и мягкие кожаные доспехи; анатомический панцирь из бронзы или жесткой кожи; *thoracomachus* или *subarmalis*); 5) шлем (обычно так называемый имперский шлем *H/Niedermormter* или подобные; но продолжали использоваться и более старые шлемы).

Примерно в 233–234 годах Юлий Африкан, живший и воевавший как раз на Востоке, утверждал, что у этого типа оснащения были некоторые серьезные недостатки. Типичная рукоятка для щита состояла из единственного захвата в умбоне, что означало, что ее нельзя было использовать для ударов. Это верно, но в то же время ясно, что имеется в виду только skutum и проблема в его весе и размере, а захват этого щита был вполне пригоден для боя на мечах. Другие щиты вполне годились для ударов. Африкан также утверждал, что типичный шлем того периода, доходивший до плеч, мешал римским солдатам уклоняться от вражеских снарядов, он настолько сильно мешал зрению, что солдатам было трудно разглядеть метательные снаряды. Ну, тут надо выбирать, слабый шлем и хорошая видимость или наоборот. Он также утверждал, что римское копье было слишком коротким, чтобы остановить атаку вражеской кавалерии. Это определенно относилось к пилуму, а также к стандартному размеру гасты, потому что, по-видимому, оно было всего лишь около 2,5 метров в длину. Однако, судя по археологическим находкам, римляне также использовали и более длинное кавалерийское копье длиной 3,74 метра (контарион, контос), хотя оно, по-видимому, не было стандартным для пехоты. Понятно, что Африкан упускает важный момент, который заключается в том, что хорошо обученные и мотивированные войска вполне могли противостоять атаке вражеской кавалерии даже с короткими копьями, лучшим доказательством чего являются

многочисленные случаи, когда римские легионеры оказывали сопротивление вражеской кавалерии, когда они были экипированы только пилумом. Сивенне считает, что подобные жалобы поступали от командиров, которые объясняли свои поражения якобы неподходящим оснащением. Однако, понятно, что требовалась оптимизация доспехов и снаряжения пехотинца, и удлинение его боевого копья.

В римскую армию входил ряд и других специалистов: дубинщики, лучники, пращники, осадные инженеры и артиллеристы. От четверти до трети легионеров были обучены стрельбе из лука, и все они были обучены пользоваться пращами и метать камни. Это означает, что так называемая тяжелая пехота при необходимости могла быть развернута и в легком снаряжении. При необходимости легионеры могли использовать лопаты, топоры, топоры, кирки и так далее. Виды стрелкового оружия, использовавшиеся римлянами, состояли из изогнутых составных луков, деревянных луков, арбалетов с композитной или металлической конструкцией (аркабаллиста) и арбалетов с торсионным приводом (манубаллиста). Пращники использовали либо традиционную пращу, либо пращу с удлинительной палкой. Артиллеристы использовали баллисты/катапульты с приводом от кручения или растяжения, метавшие дротики, копья и камни, а также онагры различного калибра (каменёты). Осадные инженеры, в свою очередь, использовали различные виды осадных машин.

Снабжение этой огромной массы людей и животных требовало тщательного внимания. Каждому солдату требовалось 1,5 кг зерна в день, в то время как лошадям требовалось 4,5 кг зерна и эквивалентное количество фуража. Таким образом, одному легиону ежедневно требовалось 7,5 т зерна и 1500 кг фуража. К этому надо добавить эквивалентное количество для вспомогательных подразделений. Армии потребовалось пять месяцев, чтобы добраться до места назначения, и ее повседневные потребности должны были удовлетворяться по ходу марша. На Востоке уже находилось 60 000 солдат, которые потребляли не менее 22000 тонн зерна в год. Голод был недопустим, он приводил к недисциплинированности и беспорядкам в войсках. Часть провизии доставлялась из других провинций империи. Руководил снабжением армии целый штаб. Во время войны *a rationibus* отвечал за наличие необходимых финансовых средств, в то время как префект анноны планировал, организовывал и контролировал сбор, транспортировку и хранение зерна. Перед *a vehiculis*, или *praefecti vehiculorum*, была поставлена задача перевозить его по дорогам. Требования о поставках и ресурсах рассылались *a epistulis* в провинции.

Чтобы облегчить перевозку зерна и солдат по всей империи, была начата масштабная программа ремонта дорог, сосредоточенная на Паннонии, Балканских провинциях, Малой Азии, Сирии и Месопотамии. Зерно должно было быть собрано и складировано на огромных складах,

называемых «мансио», вдоль запланированного маршрута. Ожидалось, что деревни и города будут вносить дополнительный взнос зерном в виде *appa militaris* и волов или ослов пропорционально их налоговым обязательствам. Больше всего пострадали те населенные пункты, которые были расположены вдоль основных транспортных маршрутов. Реквизированные волы, использовавшиеся для перевозки телег с зерном, редко возвращались в каком-либо пригодном состоянии, если солдаты вообще когда-либо возвращали их. Взятое зерно, вероятно, было запасом, который крестьяне сохраняли на годы неурожая или для посева семян на следующий год. Многих это доводило до разорения и голода. Вплоть до правления Каракаллы солдатам приходилось оплачивать свой паек и снаряжение из своего кармана.

Однако, стремясь заручиться поддержкой армии после убийства Геты Каракалла снял с воинов это обязательство. От жителей провинций все чаще ожидали, что они будут предоставлять продукты бесплатно во время чрезвычайной ситуации, и после 230 года это стало нормальным положением дел. Оплату крестьянам через *appa militaris* так и не ввели [John S McHugh. *Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235* Pen and Sword History 2017. p. 274].

Строительство дорог также потребовало реквизиции ресурсов у местного населения в виде материалов, рабочей силы и животных. Сами солдаты были вовлечены в строительство, и это рассматривалось как полезное средство установления дисциплины и формирования боевого духа. Об этом может свидетельствовать значительное количество ремонтных работ на дорогах в Нижней Паннонии. Понятно, что были улучшены не только основные дороги, ведущие из Аквинкума в Сирмий и Бригенцион, но и большое количество менее важных дорог [Hopkins, Richard, *The Life of Alexander Severus*, p.180: CIL III. 3715, 3719, 3721, 3731, 3738, 3703, CIL III 10628-30, 33, 50-52, CIL III 10655, 10657, CIL III 10984, CIL III 11331, 11335, CIL III 1349].

Ремонт дорог близ Зелы носит имя легата Каппадокии в 231 году Квинта Юлия Прокулеана. Еще одной важной вехой стал ремонт дороги Кесария – Мелитена в 11 милях от Киликийских ворот и дополнительные строительные работы в 2 милях от ворот при том же легате. Одна надпись датирована 230/231 гг., в то время как об улучшении дорог в самой Киликии свидетельствует милевой столб из Аданы, датируемый 231 годом. Дороги вокруг Себастополиса также были улучшены. Два милевых столба носят имя Квинта Юлия Прокулеана, а третий – Арадия Патерна. Мы можем предположить, что Патерн был предшественником Прокулеана, поскольку столбы указывают на то, что он был легатом в том же 231 году. Этот стратегический маршрут к Киликийским воротам открывал доступ в Киликию, Сирию и Антиохию через Таврские горы и был артерией, на которую армия могла положиться в плане снабжения, подкреплений и

связи с остальной империей. К тому же в горах Киликии восстали исавры и потребовался доступ к их поселениям.

Строительные работы еще на двух дорогах наглядно свидетельствуют о поспешном характере ремонта. Обе дороги были жизненно важными коммуникационными путями. Первая шла через Каппадокию к Евфрату у Мелитены, а вторая – с востока на запад через Киликийскую равнину. Из хронологии ремонта видно, что работы начались одновременно с обоих концов дорог, вместо того чтобы следовать обычному методу, когда начинают с одного конца и постепенно продвигаются вдоль него. Маловероятно, чтобы эти работы начались сразу после нападения Сасанидов. Наверняка они были отложены и начались только перед прибытием армии императора из Европы, что и привело к поспешному характеру ремонта. В рамках этой программы также были отремонтированы мосты.

Согласно «Истории Августа», мосты сохранили имя императора, построившего их, несмотря на то, что некоторые были практически перестроены. Обычно в таких случаях имя предшественника убирали, либо добавляли своё. Однако многие из этих мостов были построены более прославленными предшественниками Александра Севера, такими как Траян и Александр решил сохранить их имена. Этот же момент можно найти в Диррахии, где акведук, построенный во времена правления Адриана, был реконструирован при Александре Севере с сохранением имени Адриана. Диррахий был важным портом на Эгнатиевой дороге, где выгружались люди и провизия из Брундизия в Италии, прежде чем продолжить свое путешествие через Македонию и Фракию до Геллеспонта и через него в Малую Азию. Обеспечение же армии водой было так же важно, как и снабжение её продовольствием, во время похода на восток [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 276].

Не забывали и о пропаганде. Монеты и медальоны, отчеканенные в 232 году, были типичными пропагандистскими изделиями, которые должны были обеспечить лояльность солдат обещаниями победы. На монетах все чаще изображался император в доспехах, с коротко стриженными волосами, как обычно носили солдаты. Появляется божественное воплощение Виртуса с копьем и трофеем в руках. Легенда провозглашает «Virtus Augusti», а «Виктория» возлагает корону на его голову. На монетах, выпущенных как до, так и после кампании, написано «Victoria Augusti». Эти монеты должны были убедить население в победе. На выпусках монет этого времени также появляется Ромул. Ну, и как сын бога войны Марса, император превозносил своё мужество и военные способности. Эта пропаганда указывает на то, что народ и армия были слишком хорошо осведомлены о том, что у него было мало военного опыта или вообще не было его, в отличие от всех его предшественников, включая его двоюродного

брата Гелиогабала. В это время император отказывается от титула «Север», сохраняя при этом имя «Александр». Это был явный намек на его тезку, завоевателя Персидской империи. Начиная с 229 года, он также добавил к своим титулам «Непобедимый». Такая настойчивость говорит о неуверенности Александра в собственных способностях, вызванной, вероятно, критикой, которая распространялась из гарнизонов империи. Не случайно другие монетные выпуски продолжают провозглашать «*Fides Militum*». Это, видимо, была попытка опровергнуть слухи о мятежах солдат в Германиях, Паннонии, о ситуации в Месопотамии и Сирии.

Существовала также необычная серия монет *adluctio*, имевшая смысл официального обращения императора к войскам накануне похода и носившая изображение Юлии Мамеи или Александра и Юлии лицом друг к другу. Замысел был поднять популярность Юлии Мамеи для солдат, но, как отметил Макхью, это была плохая пропаганда, потому что это как раз делало Александра похожим на маменькиного сынка, каковым он и был в действительности.

Но кое-что Александр умел делать хорошо. Он был хорошим организатором. Геродиан (VI. 3–7) подтверждает большую скорость перемещения армии Александра Севера. К 232 году все нужные войска были собраны и переброшены, дороги отремонтированы или построены, а склады подготовлены. Были предприняты огромные организационные усилия по переброске войск с Дунайского лимеса и из Египта, а также из всех провинций Ближнего Востока. И вот, в августе-сентябре 232 года армия Александра Севера прибыла в Антиохию. Все восточные легионы конечно тоже приняли участие в походе, включая II *Traiana Fortis* из Никополя близ Александрии. Присутствие этого египетского легиона было подтверждено обнаружением журнала стратегов номов Омбос и Элефантины. Восточные легионы тоже были собраны в Келесирии, кроме каппадокийских, которые формировали отдельную армию на севере у Мелитены.

Выдающийся армянский историк V века Агафангел описывает, как войска перебрасывались из Египта в сирийскую и аравийскую пустыню и даже к Черному морю. Это подтверждается археологическими и эпиграфическими свидетельствами, повествующими о сборах, взивавшихся в Мавритании, Пальмире и Осроене.

Только вот пришёл Александр поздногато. Ко времени его прибытия на Восток, там уже давно творилось нечто неопишваемое. Война шла уже четыре года. Часть провинций была разорена, а Месопотамия большей частью захвачена персами. Персы стояли на Евфрате и совершали налёты на Сирию. Вспомним сообщение Полемиа Сильвия. Некий тиран Саллюстий Ураний Селевк был провозглашён цезарем, вероятно, в Эдессе и продержался до прибытия императора, после чего предстал перед императором лично. То есть, он сам приехал в Антиохию. Возможно, он пытался оправдаться обстоятельствами и тем, что хотел

сохранить римскую власть в Сирии для Александра, но оправдания не помогли. Селевка казнили, но власть в Келесирии или в Осроене попытался захватить какой-то Тавриний. Можно представить себе возмущение императорского двора и штаба. Они прибыли в Антиохию с мощной армией и встретили там узурпатора. Александр проявил решительность и сразу ликвидировал Урания, но сирийцы продолжали мятеж и тут же поставили нового узурпатора. И тот рискнул бросить вызов самой империи. С ним даже пришлось вступить в схватку. Правда, к счастью, войск у Тавриния оказалось немного. Он был разбит, бежал и утонул в Евфрате.

Однако, это было не всё. Ещё когда Александр только прибыл в Антиохию, ему сообщили, что воины местного легиона IV Scythica проводят время в банях, с женщинами, в наслаждениях. Он приказал всех их схватить и заключить в оковы. Когда весть об этом распространилась, поднялся мятеж среди воинов легиона, сотоварищи которых были заключены в оковы. Эта непрерывная череда мятежей в легионах показывает, насколько армия не уважала Александра уже тогда и насколько упала дисциплина в принципе за последние годы. Система, созданная Септимием Севером, уже не могла существовать без авторитета некоего идеального выдающегося государя, однако, на самом деле, она не могла существовать вообще, поскольку в последующие годы солдаты доказали, что для них никакой император не является полным авторитетом. Они смещали и убивали любого, в том числе тех императоров, которых сами же считали хорошими, например, Аврелиана и Проба. Изменить эту ситуацию смог только Диоклетиан, уменьшивший роль армии и поставивший её под контроль своей тетрархии. Но сейчас всё только начиналось.

Александр поднялся на трибунал, к трибуналу были приведены все заключенные в оковы и он, окруженный воинами, притом вооруженными, начал так: «Соратники, впрочем, соратники только в том случае, если вы не одобряете поступков ваших товарищей, – дисциплина предков охраняет существование государства. Если она поколеблется, мы потеряем и имя римлян, и империю. Под нашей властью не должно происходить то, что делалось недавно при той грязной скотине (Гелиогабале). Римские воины, ваши товарищи, мои товарищи и соратники, занимаются любовью, пьянствуют, купаются по греческому обычаю и предаются роскошной жизни. Неужели я буду дальше терпеть это? Неужели я не предаю их казни?». После этих слов поднялся шум. Тогда он продолжал: «Что же вы не можете удержать вашего крика? На войне он нужен против врага, а не против вашего императора. Ваши инструкторы научили вас, конечно, издавать его против сарматов, германцев, персов, а не против того, кто дал вам полученное от провинциалов продовольствие, дал одежду, дал жалованье. Итак, удержите ваш дикий крик, нужный на поле битвы и на войне, чтобы я сейчас же не распустил вас всех одним движением

уст и одним словом: квириты. Да и неизвестно, квириты ли вы еще. Ибо вы недостойны принадлежать даже к римскому простому народу, раз вы не признаете римского закона».

И так как воины стали шуметь еще сильнее и даже угрожать ему оружием, он сказал: «Опустите ваши руки, которые должны быть подняты против врага, если вы храбры, ибо меня это не пугает. Ведь если вы убьете одного человека, то останется еще государство, останется сенат, останется римский народ – и они отомстят за меня». Так как воины и после этого продолжали шуметь, он воскликнул: «Квириты, разойдитесь и сложите оружие!» [Элий Лампридий. Александр Север LIII-LIV].

Так описывает дело Лампридий. По нашему мнению, примерно так оно и должно было обстоять. Император попытался образумить воинов IV Скифского легиона, однако они начали угрожать ему. Ясное дело, что за спиной у Александра стояли европейские войска и гвардия, проинструктированные заранее. Мятежный легион IV Scyphica, а собственно, видимо, несколько когорт, стоявших в Дафне, после слов императора, объявившего мятежников «гражданами», был мгновенно окружён и разоружён или разоружился добровольно ввиду явного превосходства сил Александра.

Именно поэтому Лампридий пишет, что все мятежники сложили оружие, сбросили даже военные плащи сагумы и ушли не в лагерь, а на разные постоянные дворы. Ведь они больше не были воинами. Свита и те, кто окружал императора, принесли в лагерь значки, а народ, собрав оружие, понес его во дворец (видимо, какие-то работники). Мятеж был подавлен в зародыше. Восточные войска поняли, что европейцы их не поддержат, а поблажек не будет и начали приходить в себя. Александр, в свою очередь, тоже не хотел обострять отношения с армией, и так уже сильно испорченные, поэтому намекнул, что IV Scyphica может быть прощён и заслужить в бою полное восстановление своих прежних заслуг. Лишиться пяти тысяч легионеров в момент начала тяжёлой войны с персами, император не хотел. Было организовано массовое раскаяние провинившихся и после долгих просьб, через тридцать дней, перед отправлением в персидский поход, Александр восстановил IV Scyphica в его прежнем виде. Легион вошёл в состав его корпуса и прекрасно показал себя в походе. Тем не менее, трибунов последнего он, предал казни за то, что вследствие их нерадивости воины предавались роскошной жизни в Дафне, или за то, что по их попустительству войско подняло мятеж. Напомним, что военных трибунов в легионе было шестеро.

Макхью, в общем не верит деталям этого мятежа, описанного АЖА и Геродианом, однако, на наш взгляд, эти источники вполне логичны и правдоподобны.

Подавив мятежи, Александр смог заняться другими делами. И тут опять он начал не с того, чего от него ждали. Прибыв в Антиохию,

Александр счел необходимым снова отправить посольство к Ардаширу, надеясь либо уговорить его на мир, либо устрасить своим присутствием. Вероятно, это было ещё до подавления мятежей Урания и Тавриния, когда Александр не был уверен в прочности своего положения на Востоке, но всё равно это было ошибкой. Воинам, жаждущим побед, мечтавшим о разорении Востока, становилась непонятна позиция правителя, к тому же, упавшая за последнее время дисциплинированность армии не добавляла очков военной мощи. Как справедливо отмечает Дион Кассий, «опасность заключается не столько в серьезности его (Ардашира) намерений, сколько в том, что войска у нас находятся в столь плачевном состоянии... В армии настолько укоренилась распущенность, своеволие и вседозволенность, что солдаты осмелились убить... командующего войсками в Месопотамии». Здесь имеется в виду Гераклиан.

Авторитет Александра в армии упал ещё ниже, когда Ардашир не испугался и отослал римское посольство ни с чем, а сам начал такую же игру в затягивание времени. Он отправил в Антиохию своё посольство из 400 человек персов, самых высокорослых, разукрашенных драгоценными одеждами и золотом, а также блещущих убранством коней и луков. Посольство объявило, что великий царь Артаксеркс приказывает римлянам и главе их оставить Сирию и всю Азию, лежащую против Европы, и предоставить персам владеть всеми землями вплоть до Ионии и Карики и народами, отделяемыми Эгейским морем и Понтом, ибо это наследственные владения персов. Более наглого вызова на Востоке Рим ещё не получал и всем было понятно, что это прямое следствие нерешительной политики Александра. Надо было как-то реагировать и Александр приказал схватить персидских послов, сорвать с них украшения и выслать во Фригию, предоставив им там деревни для жительства и землю для возделывания. Возвращаться на родину им было запрещено. И опять Александр проявил слабость. Персидских послов не казнили, чтобы отрезать пути к миру. Александр заявил, что он почитает бесчестным и неблагородным убивать не сражавшихся против него, а только сообщивших ему приказанное им их владыкой. Формально и морально он был прав, однако в той ситуации воины, несомненно, гораздо лучше приняли бы казнь персов как решительное объявление войны.

Кажется, тогда Александру стало ясно, что дальнейшее откладывание наступления, приведёт к полной потере власти. Поэтому, несмотря на позднее время года, он запланировал решительное наступление, возможно, надеясь на осеннюю прохладу, которая облегчит его воинам поход в жарких пустынях. Кампания получалась короткой, но помогла бы поднять моральный дух армии. И снова его планы были нарушены восстанием: «Император готовился переправиться через реки и вторгнуться со своей армией на территорию варваров. Но некоторые из базировавшихся в Египте войск,

к которым присоединились некоторые сирийцы, подняли мятеж в попытке добиться смены императора» [Геродиан. История. VI, 4]. Скорее всего, этот мятеж произошёл в Зевгме, куда был направлен египетский легион II Traiana Fortis и где ещё оставались воины легиона IV Scyphica («некоторые сирийцы» Геродиана). И видимо, тогда ещё IV Scyphica был распущен, потому что, вряд ли бы он посмел восстать сразу после восстановления. Многих из восставших, вероятно, возмущало длительное отсутствие императора в зоне боевых действий, что они истолковывали как свидетельство его трусости. Ведь война шла уже 4 года. Поэтому они и требовали смены императора. Как был подавлен этот мятеж, мы не знаем, но он был подавлен. Видимо, до крови дело не дошло. И раскассировать египетский легион Александр не стал, так как пора уже была выступать в поход, а это лишало его уже второго легиона. Наоборот, Александр восстановил IV Scyphica, но при этом объявил рокировку мятежных частей. Легион IV Scyphica Александр приказал передислоцировать впредь в Александрию Египетскую, а II Traiana Fortis оставить в Зевгме. Рокировка легионов из Зевгмы и Александрии косвенно говорит о причастности обоих легионов к восстаниям.

Понятно, что реальное перемещение IV Scyphica в Египет произошло только после окончания боевых действий. А передислокация легиона II Traiana Fortis совпадает с назначением дукса в провинцию Египет, без сомнения, с инструкциями подавлять любые признаки восстания среди оставшихся египетских солдат, ветеранов легиона II Traiana Fortis или их семей. И именно тогда префектом легиона II Traiana Fortis был назначен Гай Юлий Вер Максимин, он же Максимин Фракиец, который должен был перебазировать оставшихся легионеров и имущество в Зевгму и навести в легионе порядок.

Мы видим, с какими трудностями столкнулся Александр при попытках навести порядок в армии. Началось всё в 230 году с отказа европейских войск идти в поход на Восток и продолжилось восстаниями восточных сибаритов в 232 году. Это если не считать убийства Гераклеона и выдвижения узурпаторов на Востоке ещё в 229 году. На этот раз инициатива мятежей явно шла «снизу», из солдатской массы. Эти мятежи чем-то похожи на мятежи 14 года после смерти Августа, но там обошлось без убийства командиров. И там легионы быстро вернулись в нормальное состояние. Здесь же, такое впечатление, что они и вовсе в него не вернулись, оставшись при своём мнении, что теперь они должны управлять императором, а не он ими. Так что, реально, новый кризис Рима начался не в 235 году, как общепризнано, а в 229-м.

Теперь разберём основную часть персидской кампании. Она, в общем-то, довольно цельно присутствует в тексте Геродиана. Он пишет: «Когда был наведен такой порядок и собралось великое множество войска, Александр счел, что его войско не уступает в силе и

количестве всей массе варваров; посоветовавшись с друзьями, он разделил армию на три части и первой части отдал приказ повернуть на север и, пройдя через Армению, которая считалась дружественной римлянам, вторгнуться в страну мидян».

Эта первая армия, которую обычно называли Каппадокийской или Северной, состояла из смешанных сил, пришедших из Европы и Каппадокийской группировки. Собственно, к этому времени в Риме уже давно сложилась традиция и применялись стандарты использования европейских вексилляций, для них были определены маршруты и места дислокации на Востоке. Например, британские и рейнские вексилляции всегда действовали как раз в Каппадокии на северном фланге театра военных действий, а дунайские на Евфрате. Так было и сейчас. Только, в связи с малым размером нижнегерманской вексилляции, к ней была добавлена верхнемёзийская вексилляция. Мы знаем, что солдаты легиона VII Claudia p.f. принимали участие в Армянской кампании, поскольку воин из этого легиона записан в надписи как «interfectus (умерший) в экспедиции Participa et Ar(meniaca). По логике следует, что там же находились и остальные войска из Верхней Мёзии.

Европейские вексилляции обычно прибывали в Каппадокию по северной припонтийской дороге, не заходя на территорию Сирии. Возможно, так было и в этот раз, не случайно, как мы уже знаем, римляне срочно отремонтировали ту самую северную дорогу и мосты от Амасии и Зелы до Мелитены, да и южную дорогу от Тианы до Мелитены, хотя последняя оставалась плохой. К Мелитене и собралась вся Северная армия. С ней была большая кавалерийская вексилляция. Если верить армянским историкам, к римлянам подошло значительное количество союзных войск, включая армян Тиридата II: «На подмогу быстро прибыло большое количество храбрых и сильных кавалерийских отрядов. Хоеров [Тиридат II] взял с собой значительную часть своей армии, а также всех копейщиков, прибывших поддержать его в войне» [Зонара. Хроника XII, 15]. Вероятно, изгнанники-Аршакиды также присоединились к силам вторжения, их целью был центр Парфии – Мидия. У Армении были веские причины встать на сторону Рима. Ее правящая семья, которой были Аршакиды, уже давно воевала против Ардашира вместе с парфянской царской семьей. Их вторжения на территорию Сасанидов привели к аналогичным вторжениям на их собственные земли. Рим был официальным покровителем Армении, и Римская армия беспрепятственно могла проходить по её территории. Геродиан упоминает «армянских лучников, некоторые из которых были там в качестве подданных, а другие – на условиях дружественного союза». К ним присоединились парфяне, влияние которых было чрезвычайно полезно в завоевании поддержки местного населения. Командовал Северной армией легат Каппадокии Квинт Юлий Прокулеан и его главной целью было освобождение Осроены и всей Северной Месопотамии с последующим прорывом с юга в Армению и

Мидию. Кроме того, в стратегическом плане, удар Северной армии отвлек бы силы Сасанидов от целевых районов второй и третьей колонн.

Очевидно, Александр и Тиридат надеялись, что атака на Мидию через Армению приведет к парфянскому восстанию в поддержку династии Аршакидов. Мидийские парфяне относились к вассалам и подданным аристократической семьи Каренов. Часть других крупных семей, вроде Аспахбедов и Сурен, до сих пор воевали против Ардашира при поддержке армян. Была надежда и на Карен.

В конце сентября 232 года Северная армия первой пересекла Евфрату Мелитены – базы легиона XII *Fulminata certa constans*, тоже присоединившегося к походу. Прокулеан вторгся в Месопотамию, имея не менее 40 тысяч римских войск и неизвестное число армян и парфян. Кампания началась хорошо. Похоже, что войска Прокулеана очень быстро очистили от персов Осроену и северную Месопотамию, освободив от осады города и крепости, включая Карры и Нисибис. Эти пункты, должно быть, подверглись нескольким персидским осадам, поскольку они не смогли бы выдержать длительной осады, продолжавшейся несколько лет. По всей вероятности, города и крепости подвергались осаде с начала до конца каждого сезона военных действий, а каждую осень войска Сасанидов отступали. Теперь, перед лицом концентрированного удара армии Прокулеана, разбросанные персидские отряды, без особого сопротивления были изгнаны из римских областей. [Аврелий Виктор. Эпитомы о Цезарях 22; Зосим. Новая история 1.11].

Вряд ли истощённые римские гарнизоны Месопотамии присоединились к армии Прокулеана. Скорее всего, они оставались в своих кастеллах и занимались срочным ремонтом и восстановлением пограничной системы.

Дальше Северная армия переправилась через Тигр и двинулась на северо-восток в Мидию. Основной целью Северной армии теперь было выманить персидскую армию на себя, позволив остальным двум римским армиям беспрепятственно вторгнуться в южную Месопотамию. И поначалу всё шло именно так, как надо. По словам Геродиана, войско, посланное через Армению, с трудом и риском перевалив через горы этой страны, скалистые и крутые (впрочем, в летнюю пору путь там был еще довольно сносен) и вторгшись в страну мидян, опустошало ее, сожгло много деревень и увело большую добычу. Однако никакого восстания в Мидии против персов не случилось. Моисей Хоренский ссылается на «непослушание» княжеской семьи Каренов, которое противопоставляется лояльности, продемонстрированной Аспахбедами и Суренами. Тиридат II и Александр Север надеялись, что присутствие крупных сил в Мидии убедит Каренов присоединиться к ним. Если это так, то их ожидало разочарование, поскольку Карены возглавляли список придворных чиновников при сыне и преемнике Ардашира

Шапуре. Не произошло и народного восстания. Мы уже знаем, что Ардашир тесно связывал свое правление с зороастрийской религией, в частности с ее религиозными лидерами-магами. Агафий комментирует: «Этот человек [Ардашир] был связан правами магов и владел тайнами. Так случилось, что племя Магов также стало могущественным и властолюбивым благодаря ему. Они никогда не пользовались таким почетом и такой свободой... и государственные дела ведутся по их желанию и подстрекательству». Все сасанидские правители датировал и начало их правления «огнями», а не годами, имея в виду храмы огня, основанные каждым правителем при их восшествии на престол или коронации.

Ардашир основал храм огня в Адур-Гушнаспе в самом начале своего правления. О его важности свидетельствует тот факт, что Ардашир отправился в пешее паломничество именно к этому храму и ни к какому другому. Археологи определили местоположение этого храма как Тахт-э-Сулейман в иранском Азербайджане. Идеологически храм был связан с классом воинов, к которому принадлежали и цари, и поэтому считался «священным огнем» царской семьи. Этот храм, вероятно, был основан для распространения зороастризма по всей Мидии и соседнему Адхарбайджану, а оттуда и Армении. Надпись времен Ардашира сохранила запись о том, как «огни и волхвы» распространились по всему региону, включая Армению и Албанию, благодаря усилиям некоего мага Кирдера, который поднялся до должности верховного жреца, получив огромную власть и влияние при Ардашире и его преемнике. В надписи сам верховный жрец Кирдер открыто признается в преследовании других религий с целью распространения веры в божественного Ахура Мазду и его земного представителя Ардашира. Так что персы действовали быстро и жёстко в утверждении своей религии и идеологии на этих западных землях. Разрушение этого храма римлянами подорвало бы притязания Ардашира на божественную поддержку как защитника Ахура Мазды на земле в войне против зла, но вряд ли римляне тогда были в курсе столь сокровенного значения храма. И вряд ли они ставили себе целью его разрушение. Это сделал только византийский император Ираклий в VII веке, который сжег храм дотла.

Тогда, в конце 232 года, Ардашир, который уже ждал римского наступления, но не знал, где оно последует, узнав о вторжении в Мидию, бросился туда с основными персидскими силами. Как мы видели, ему удалось предотвратить восстание местных парфян, но Северную армию Прокулеана он остановить не сумел, «ибо сама страна, будучи каменистой, давала возможность идти пехоте уверенным шагом по удобному пути; конница же варваров из-за крутизны гор замедляла свой бег и с трудом могла преследовать и нападать» [Геродиан. История VI 5]. Под пехотой, видимо, имеется в виду римская пехота, ибо

вряд ли Геродиан стал бы так описывать и называть армянскую или грузинскую. Для него они были бы «толпой».

Удачно действуя в горах, Прокулеан изматывал конную армию Ардашира, не давая ей генерального сражения. Часть парфян, очевидно, всё же, заколебалась и перешла на сторону Аршакидов и римлян. Однако, парфяне были разобщены, а римляне и армяне не могли успеть всюду. Ардашир имел большое численное превосходство и мог выделить достаточно сил для подавления восстания. Мы знаем, что в 232 году парфянская столица Адхарбайджана Фрааспа была заброшена и перенесена в Ганзак, недалеко от храма огня Адур Гушнасп. Более поздний наскальный рельеф в Салмасае был истолкован как изображение правителей Адхарбайджана, стоящих перед Ардаширом и Шапуром I в знак признания лояльности. Это предполагает своего рода признание того, что их лояльность, возможно, ранее была нарушена. Персы быстро провели зачистку. Фрааспа была взята и разрушена Ардаширом. Столицу Адхарбайджана перенесли поближе к персидскому центру влияния. А римляне избегали открытого иранского плато и не смогли предотвратить эту персидскую операцию. Армия Прокулеана продолжала держаться высоких горных хребтов, которые защищали её от удара кавалерии Сасанидов.

Неизвестно, чем бы всё кончилось, но в этот момент к Ардаширу прибыли гонцы с юга с сообщением, что другое войско римлян в восточных парфянских областях наступает по равнинам. Мгновенно оценив римские планы, Ардашир оставил в Мидии часть сил для борьбы с Северной армией, а сам с основными силами бросился на юг.

Вторая римская армия, по-видимому, должна была переправиться через Евфрату Дура-Европос. Это была основная группировка и возглавлял её сам император, хотя реально командовал легат Сирии-Финикии Рутилий Пуденс Криспин. Судя по надписям, Александр прошёл через Пальмиру, где к нему присоединились местные когорты династа Юлия Аврелия Зенобия. Хвалебная надпись из Пальмиры, посвященная выдающемуся гражданину, гласит: «Статуя Юлия Забдилы, сына Дималха, сына Нассума, который был стратегом [Пальмиры] во время пришествия божественного императора Александра, который помогал Рутилию Криспину, главнокомандующему, во время его пребывания здесь, и когда он неоднократно приводил сюда свои легионы». Торговый город Пальмира был естественным союзником Рима, особенно после того, как Ардашир захватил Спасину Харакс, находившийся на берегу Персидского залива, тем самым лишая Пальмиру жизненно важных торговых путей и обрывая его связи с Индией. Правящая семья Пальмиры добавила к родовому имени Юлий Аврелий ещё и Септимия, что отражало не только её тесный союз с Римом, но и с его императорским домом конкретно.

Интересно отсутствие каких-либо упоминаний о Мамее в этих надписях. Видимо, они были выбиты уже после тяжёлых потерь римлян в этой войне и Мамея не хотела такой рекламы.

Основу Центральной армии Александра составляли, несомненно, фаланга из 6 легионов и Итальянская армия Рима, пришедшая с императором из столицы. Напомним, что, по нашему предположению, в состав фаланги вошли восточные легионы II Traiana Fortis, III Gallica, IV Scythica, VI Ferrata, X Fretensis и XVI Flavia Firma. На новый манер они вооружались в Антиохии, где, возможно, было складировано оснащение фаланги Каракаллы. На подготовку с новым оснащением и новой тактикой боя ушло меньше месяца, но легионеры были опытными воинами и могли научиться действиям с сариссой в плотном строю даже за такой короткий срок. Отметим, что сариссофоров из них была только половина, а арги-распиды и хризаспиды оснащались и воевали во многом подобно легионерам, что не требовало нового обучения. Всего фалангитов было около 30 тысяч воинов плюс ещё около 20 тысяч из Рима и его окрестностей, оснащённых и воевавших по римским правилам. Вероятно, несколько тысяч добавляли ауксии и союзники, например, из Пальмиры. По-видимому, в состав этой же армии входили также дунайские вексилляции из Нижней Мёзии (ауксии) и Дакии (XIII Gemina и его ауксии). Общая численность армии представляется в 80 тысяч человек. Месопотамские легионы I и III Parthica позже тоже вошли в состав этой армии. Насчёт IV Italica, неизвестно.

Армия Александра/Криспина выступила из Антиохии в сентябре 232 года чуть позже Северной армии. Она прошла либо прямо к Пальмире, либо по большим дорогам через Апамею и Эмесу, родину Александра и Мамеи. Переправившись через Евфрат у Дура-Европос, эта армия направилась к Хатре, осаждаемой войсками Ардашира. Кроме арабов-хатранов, там защищалась римская когорта IX Maurorum, о чем свидетельствуют три латинские надписи.

Присоединение к союзу с Римом города-крепости Хатра стало жемчужиной дипломатических маневров Александра. И Траян, и Септимий Север пытались захватить город, но потерпели неудачу, поскольку он находился посреди засушливой пустыни и был окружен почти неприступными двойными стенами длиной в 4 мили. Он лежал в 60 милях от римской границы, проходившей вдоль хребта Джебель-Синджар. Этот крупный торговый центр контролировал караванные пути через центральную Месопотамию до Зингары, Зевгмы и Евфрата, но теперь всё это находилось под угрозой Сасанидов. Именно поэтому хатранские правители-Аршакиды обратились за спасением к своему старому врагу Риму, особенно после попытки Сасанидов захватить город. Александр Север, в свою очередь, стремился интегрировать Хатру в римскую оборонительную систему и распространить свой контроль от северной до центральной Месопотамии, угрожая самому Ктезифону. Одна римская когорта уже стояла в Хатре с 229 года, но

этого было мало. Хатру нужно было усилить гарнизоном и протянуть к ней римскую дорогу. Это и было главной задачей похода к этому городу.

Милевые столбы, датируемые 232 годом, показывают нам ремонт римских дорог вокруг Зингары и вблизи Тигра. Примечательно, что ремонт дороги Зингара – Хабур датируется 233 годом, уже после похода Александра. Эти ремонтные работы предполагают, что дороги были жизненно важным коммуникационным маршрутом, для их прокладки пришлось задействовать значительное количество солдат в зоне военных действий. Дорога также связала Хатру с римской территорией. Она должна была облегчить передвижение римских войск по хатренской территории для поддержки нового союзника. И царь Хатры шёл навстречу Риму. Некоторые статуи Санатрука II, последнего царя Хатры, показывают его в панцире, украшенном изображением Геркулеса, божественного защитника императорской семьи Рима. На его монетах также имеется надпись SC (Senatus Consulta), окруженная орлом с распростертыми крыльями. Один из сыновей Санатрука, М'н, по-видимому, имел некоторый контроль над Аравией WT, которая идентифицируется как регион Суматар-Арабеси, расположенный к юго-востоку от Эдессы. Арабская традиция объединяет власть и деяния Санатрука II с деяниями его предка Санатрука I в образе легендарной фигуры Сатируна. Земли Санатрука II простирались на обширные территории между Тигром и Евфратом и, по-видимому, прихватывали некоторые районы римской провинции Месопотамии. Его союз с Римом, вероятно, обеспечил ему сюзеренитет над кочевниками арабских общин в степных районах, но города, поселки и крепости в провинции и вдоль Евфрата он не контролировал. Тем не менее, благодаря ему, Римская власть теперь распространялась на центральную Месопотамию [John S McHugh.

Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 297-298].

Итак, Центральная армия Александра/Криспина, по-видимому, вышла к Хатре и сняла персидскую осаду с крепости Санатрука. Очевидно, Александр оставил в Хатре дополнительные римские силы в виде когорты или алы, однако точнее мы не знаем. Вряд ли Санатрук допустил бы резкое усиление римского гарнизона. Дружба дружбой, но бережёного бог бережёт.

Оставаясь в Хатре или лично выдвинувшись на север, Александр освободил также южную Осроену с лагерями месопотамских легионов (Лампридий. Александр Север, LXI, 8), но дальше не пошел. Именно тогда была построена кастелла у Айн-Сины и другие для тренировки арабской конницы и начаты прокладка и ремонт дорог в Месопотамии. Также к востоку от Хатры были построены многочисленные римские крепости, призванные стать форпостами, обращенными к вероятному маршруту наступления Сасанидов.

Очевидно, что для строительства этих укреплений и защиты от вражеского нападения требовались значительные римские силы. Между тем, многокилометровый марш через пустыню от Апаimei до Пальмиры, а потом от Пальмиры до Хатры включал в себя пересечение 750 км открытой пустыни. Это серьёзно ослабило Римскую армию, тем более, что ожидалось генеральное сражение против Ардашира. Он, действительно, явился с севера с основными силами армии, которые Александр перечислил потом в речи перед сенатом. По его словам, у Ардашира I было 120 тысяч всадников, 1800 серпоносных колесниц и 700 слонов [Элий Лампридий. Александр Север 1_X]. Всех всадников Александр назвал клибанариями, в чём мы позволим себе усомниться. Скорее всего здесь имеется в виду общее число кавалерии персов. Армия была серьёзной, однако, колесницы и слоны являлись на тот момент полным анахронизмом, который римляне многократно и без труда били. Зато слоны задерживали передвижение персидской армии и вывести их на острие удара в обширной степи было весьма сложно. Тем не менее, армия Ардашира оказалась быстрее и манёвренней армии Александра, поэтому успела перехватить её в районе Хатры и Зингары. Похоже, что в этих местах поздней осенью 232 года развернулись-таки боевые действия, хотя нам неизвестно ни об одной битве. Однако Лампридий, например, описывает действия Центральной римской армии так: «Отправившись затем в Персию с большим военным снаряжением, он победил могущественнейшего царя Артаксеркса. Сам Александр обходил фланги, ободрял воинов, находился в пределах досягаемости копий, очень много действовал и своей собственной рукой, воодушевлял словами отдельных воинов на славные дела». И далее из выступления Александра перед сенатом по возвращении в Рим: «Отцы сенаторы, мы победили персов. Нет нужды в долгом красноречии. Вы должны лишь знать, каково было их оружие, каково снаряжение. Прежде всего семьсот слонов, на них башни со стрелками и грузом стрел. Из них тридцать мы захватили, двести лежат убитые, восемнадцать мы привели сюда. Тысяча восемьсот колесниц, снабженных серпами. Мы могли бы привезти сюда двести колесниц, у которых животные были убиты, но так как это можно было и подстроить, то мы сочли излишним делать это. Мы разбили сто двадцать тысяч их всадников – конников-панцирников, тех, кого они называют клибанариями, – мы убили во время войны десять тысяч; их оружием мы вооружили своих. Много персов мы взяли в плен и продали. Мы вернули себе междуречные земли (то есть земли Месопотамии), о которых не заботилось это грязное чудовище (Гелиогабал). Артаксеркса, и на деле, и по имени могущественнейшего царя, мы разбили и обратили в бегство, так что бегство его видела Персидская земля, и сам царь, бросив свои значки, бежал по той дороге, по которой некогда были пронесены значки наших войск. Вот

что совершено, отцы сенаторы» [Элий Лампридий. Александр Север. LV-LVI].

Вряд ли Александр стал бы считать потери персов в боях с другими армиями, поэтому мы можем быть уверены в том, что цифры, приведённые в отчёте сенату, показывают потери персов в боях только с Центральной армией самого Александра. Потери, кстати, достаточно большие. 200 убитых слонов из 700, да ещё 30 захвачено. Правда в Рим Александр привёз только 18, но может быть, остальные пали или утонули во время перевозки. Слоны могли быть истреблены, попав на минные поля из металлических колючек калытропов и расстреляны из катапульт. 200 колесниц из 1800 было захвачено, но их Александр почему-то не привёз в Рим для триумфа. Они уже никого не впечатляли. В свой актив Александр записал и 10 тысяч убитых клибанариев, причём их оружием и доспехами римляне вооружили своих кавалеристов. Ну, и ещё какое-то количество пленных персов, проданных в рабство. По словам Лампридия, Александр позволил трибунам, другим командирам и самим воинам сохранить у себя то, что они захватили в персидских селениях. Тогда впервые у римлян появились рабы-персы; впрочем, он возвратил их, получив за них выкуп, так как персидские цари считают позором для себя, чтобы их подданные были где-либо рабами; выкуп он частью отдал тем, кто собственноручно взял в плен рабов, частью – внес в государственную казну. Таким образом, были частично компенсированы государственные затраты, однако вряд ли компенсация была сколько-нибудь существенной, иначе об этом упомянули бы римские авторы.

Тем не менее, похоже, что дела у Ардашира шли плохо. Он ничего не смог сделать с Северной армией и понёс большие потери в боях с Центральной. Южная римская армия, видимо, уже подходила к Ктезифону. А Ардашир не смог прорваться в Римскую Месопотамию и опять понёс потери. Положение персов можно оценить, как серьёзное, но Ардашир был чертовски удачливым правителем и всегда умел использовать ошибки врагов и свою удачу. Так случилось и в этот раз.

Макхью считает, что Александру лучше было использовать северный маршрут от Зевгмы до Зингары, а оттуда в Хатру, используя дорогу Зингара-Хабур в качестве линии снабжения. Римские войска были бы хорошо обеспечены продовольствием, когда они маршировали бы по римской территории, а затем пересекли бы земли, контролируемые их новым союзником, Хатрой. И армия Александра сохранила бы силы и здоровье. Вероятно, британский историк прав. В таком случае, третью, Южную армию, можно было двинуть по маршруту Апамея – Пальмира – Дура – Хатра, облегчив снабжение и передвижение обеих южных армий. А дальше можно было выбирать. Обеспечив лояльность и безопасность Хатры, можно было поддержать Центральной армией Северную или Южную, гарантировав превосходство там объединённых римских сил. Тогда римляне смогли бы выполнить хотя бы часть задач и

безболезненно вывести большую часть войска. Но Александр выбрал совершенно другую стратегию.

Это привело к крайне негативным последствиям. Несмотря на прохладную осеннюю погоду октября-ноября 232 года, Центральная армия, состоявшая в значительной степени из европейских солдат, страдала от жары и обезвоживания. Даже осенью дневная температура в пустыне высока, часты пыльные бури. Для европейских солдат жара и обжигающий песок были почти невыносимы. Вес доспехов усугублял трудности, когда солдатам пришлось их носить. Песок, попадавший в одежду и доспехи, вызывал дополнительный дискомфорт. А ведь кольчуга весила примерно 14 кг, а щит – еще 8 кг. Общий вес снаряжения превышал 30 кг. Отсюда тепловые удары как серьёзная проблема. Геродиан также упоминает о сокращении рациона воинов, без сомнения, в результате удлинения линий снабжения. Вряд ли в этом был виновен Тимесифей.

Ну, а когда армия надолго остановилась у Хатры или Зингары, появилась ещё одна проблема – дизентерия. Геродиан описывает, как «вся армия императора страдала от болезней, но особенно иллирийские войска, которые серьёзно болели и умирали, потому что привыкли к здоровому зимнему климату и обычно ели больше пищи». Сам император также серьёзно заболел, и его жизни угрожала опасность. Хатра и Зингара расположены в пустынных оазисах, но потребности огромной армии, вероятно, привели к нормированию рационов. А самое главное, что возникла проблема сточных вод и нечистот. Дизентерия погубила многие армии, особенно те, которые находились в лагерях в течение длительного периода времени. Санитарные условия быстро ухудшались по мере того, как попытки справиться с удалением сточных вод оказывались безуспешными. Удивительно, как Александр, считавший себя большим специалистом в военном деле, не смог этого предвидеть и предотвратить, хотя бы рассредоточив армию. Видимо, книжная теория не совсем совпадает с реальной практикой.

Персидская война 229–233 гг.

Мы можем представить себе Центральную армию, расположившуюся лагерем вокруг Хатры или Зингары, выведенную из строя болезнями и обезвоживанием. По мере того, как все больше и больше солдат заболело, ее способность успешно вступать в бой с силами Сасанидов резко снижалась. Шпионы Ардашира должны были сообщить ему о снижении боеспособности этих сил, и он пришел к выводу, что опасность миновала и теперь Центральную армию можно игнорировать. Угрозу представляла теперь только Южная армия, шедшая вдоль Евфрата к Вавилону и Ктезифону. Её-то Ардашир и решил разгромить, правильно оценив, как самую слабую. Северную защищали горы и в ней служили европейские солдаты, имевшие высокую боеспособность. Центральная находилась под командованием самого императора и использовала фалангу, способную остановить любой натиск. А вот Южная римская армия дальше всех была оторвана от баз снабжения, состояла из азиатских легионов, да и командование ею показало себя не лучшим образом. Ардаширу, наверняка, доложили и об этом. Поэтому основная армия Сасанидов снялась с места и быстро двинулась наперехват ничего не подозревающей Южной армии. Сивенне считает, что по плану Центральная армия должна была спуститься по Тигру и объединиться с Южной у Ктезифона, но этого не случилось. Александр Север, вероятно, был настолько болен, что не был в состоянии принимать решения. Трудные решения предстояло принимать его матери и консилиуму. И было принято решение остаться там, где они были.

Не может быть никаких сомнений в том, что гонцы были отправлены, чтобы предупредить своих товарищей на юге и севере, но последующие события показывают, что они не смогли прибыть до того,

как Ардашир нанес удар. Геродиан обвиняет Александра Севера и, в частности, Мамею, в трусости, в том, что они не придерживались плана. Однако, в сложившихся условиях их осторожность, вероятно, спасла Центральную армию от полного разгрома.

Вот, наконец, мы подошли к истории похода третьей римской, Южной армии, а также теперь стоит оценить базовую стратегию Рима в этой войне. Обычной целью римлян при вторжении в Месопотамию был захват вражеских полей, стад и городов, и разграбление парфянской столицы Ктезифона. Это причиняло большие убытки и приводило к попыткам поиска мира с парфянской стороны. Ещё лучше было нанести поражение парфянской армии в открытом бою. Римляне обычно старались концентрировать свои силы и наступали либо одной, либо двумя армиями, причём предпочитали перевозить солдат и припасы на кораблях. Это давало хорошие результаты и после печального похода Марка Антония в 36 г. до н. э. римским армиям всегда удавалось отходить из Месопотамии в достаточном порядке. На этот раз Александр Север всё сделал не так. Он разделил свою армию на три части и разбросал эти части по совершенно изолированным театрам. Северная армия Прокулеана изначально предполагала действовать изолированно, а Центральная и Южная должны были соединиться в Междуречье у Ктезифона и Селевкии. Геродиан так объясняет стратегические цели императора: «Он рассчитывал, что с помощью этих различных направлений наступления он застанет врага врасплох, когда они его не ожидают. Кроме того, персидские силы были бы постоянно разделены перед лицом многочисленных сил вторжения и, таким образом, были бы слабее и затрудняли бы координацию действий» [Геродиан VI. 5. 2; John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 300]. То, что римляне тоже разделили свои силы, Геродиан, как и Александр, не учитывал.

Важной частью стратегии Александра была попытка раздуть пламя восстания Аршакидов и уничтожить армию Сасанидов по частям, поскольку Ардашир вынужден был бы противостоять многочисленным нападениям в Мидии и Адхарбайджане на севере, Мезене и Антемузии на юге, и в древнем парфянском сердце вокруг Ктезифона. В этих трёх центрах инсургентам как раз и помогли бы три римские армии. Вроде бы план логичный, однако нет ничего хуже логичных военных планов. Всё сразу же пошло насмарку. Во-первых, римляне не смогли поднять на восстание Аршакидов и других противников Сасанидов, так что Ардаширу удалось сосредоточить главные силы своей армии под единым командованием, а это сразу дало ему преимущество. Во-вторых, римляне разбросали свои силы тремя частями на огромном расстоянии друг от друга, совершенно не допускающем какое-либо взаимодействие и взаимопомощь. В-третьих, Александр командовал своей армией так плохо, что довёл её до эпидемии дизентерии, отрезав

тем самым всякую возможность оказать предполагавшуюся помощь Южной армии и погубив значительную часть собственных солдат.

Что же до Южной римской армии, то её состав представляет наибольшую проблему. Надписи в Дуре, называют легионы III Cyrenaica, III Gallica, IV Scythica, XVI Flavia Firma. Однако, было бы опрометчиво относить эти легионы к Южной армии, поскольку Центральная также проходила через Дуру. Наверняка в состав Южной армии входил арабийский легион III Cyrenaica и возможно IV Italica. К ним должны были присоединиться ауксилиии из Египта, Аравии и других восточных провинций, что дало бы общую численность армии в 30 тысяч человек. Возможно, это было всё, поскольку Южная армия характеризовалась античными авторами как слабейшая из трёх.

Южная армия сначала двигалась вместе с Центральной через Пальмиру до Дуры. Они дождались начала вторжения Северной армии в Армению и Мидию, чтобы отвлечь силы Сасанидов, и только потом двинулись на восток. Здесь армии, вероятно, разделились. Южная армия должна была следовать вдоль Евфрата или по Евфрату на юг, мимо последней римской крепости в Кифрине и выйти прямо к Персидскому заливу. Евфрат позволял снабжать эти войска специальной флотилии, которой командовал недавно созданный Dux Ripae, о котором мы упоминали выше. Целью Южной армии были парфянские провинции Мезена и Антемусия у слияния Тигра и Евфрата, расположенные у берегов Персидского залива. Эти районы, вероятно, оставались враждебными Сасанидам после захвата персами порта Спасину-Харакс в 225 году. Поэтому задачей Южной армии, как и в Атахарбайджане, было разжигание восстания против Ардашира. Возможно, из болотистой местности этих областей римляне должны были проникнуть в засушливую Элимаиду на востоке, которая была вассальным царством до тех пор, пока Сасаниды не ликвидировали её автономию. У Южной армии никогда не было намерения вступать в бой с главными силами Сасанидов, но она должна была быть достаточно сильной, чтобы победить местные ополчения. Геродиан добавляет к задачам Южной армии то, что она должна была «разведать восточные границы территории варваров, где, согласно сообщениям, реки Тигр и Евфрат при их слиянии впадают в обширные болота и по этой причине оказываются неизвестными их устья», и она ожидала незначительного сопротивления, поскольку «Александр с третьей колонной [которая была самой сильной и многочисленной группой] вторгся в центральную часть сектора варваров».

Мы, к сожалению, не знаем, кто командовал Южной римской армией, но командовал он плохо. Геродиан пишет, что Южная армия продвигалась, не соблюдая порядка, так как противник не появлялся и никто не оказывал сопротивления, и была надежда, что Александр отвлечёт на себя варваров в центре, а потом подойдёт на помощь Южной армии. Было даже назначено место, где должны были сойтись

армии, разорив всё вокруг. Сивенне считает (р.49), что командовал Южной армией Максимин Фракиец, однако это выглядит совершенно непохожим на всё, что мы знаем об этом способном и активном полководце.

Неизвестно, насколько далеко продвинулась Южная армия, видимо, достаточно далеко, чтобы оказаться в полном одиночестве. Солдаты Южной армии не знали о эпидемии в Центральной армии, не знали о том, что Александр не ведёт её им на помощь, зато Ардашир со всей своей армией (вряд ли у него под рукой было больше 50 тысяч воинов) быстро приближается, отрезая их от других римских сил. Наконец, Ардашир догнал Южную армию и навалился на неё всеми силами, сразу окружив, стеснив на небольшом пятачке земли и начав обстрел конными лучниками. Судя по описанию Геродиана, сражение напоминало битву при Каррах, погубившую Марка Красса. «Перс, напав со всеми своими силами на ничего не подозревавшее войско, окружив его и как бы опутав сеть, поражая со всех сторон стрелами, истребил армию римлян, которые были слишком малочисленны, чтобы противостоять превосходящему противнику, и только беспрестанно прикрывали большими щитами незащищенные части своих тел, поражаемые стрелами; они довольствовались уже тем, что защищали свои тела, а не сражались. Наконец, все они, собравшись в одно место и устроив из выставленных вперед щитов подобие стены, отбивались в положении осажденных и, со всех сторон забрасываемые стрелами и получая ранения, отражали неприятеля со всей возможной храбростью до тех пор, пока все не были перебиты. Поражение это было величайшим и неслыханным для римлян, ибо погублена была великая сила, не уступавшая силой духа и мощью никакой из древних; персу же удача в столь великом деле внушила надежду на еще большие подвиги» [Геродиан. История VI, 5].

Здесь опять подчёркивается малочисленность Южной армии, беспечность её командования и неправильность выбранной тактики боя, заставившей римлян скучиться на малом участке земли и погибнуть под обстрелом. Где были римские лучники, кавалерия, метательные машины, инженерные сооружения? Всё это неизвестно. С другой стороны, Геродиан называет Южную армию «великой силой, не уступавшей мощью никакой из древних». Считается, что здесь он преувеличивает последствия разгрома ради риторики.

Из текста Геродиана выходит, что Южная армия погибла и была взята в плен почти вся. Скорее всего, так и было, поскольку спастись в её положении было крайне сложно. Это могли сделать кавалеристы и солдаты, пробившиеся к кораблям на Евфрате. Например, есть вероятность, что в состав Южной армии входили войска из Пальмиры. Засушливые условия вокруг Дура Европос сохранили отчет за девятый месяц 233 года о подразделении пальмирской кавалерии, входившем в состав гарнизона (RMR 48). Присутствовало всего 120 человек;

половина пропала без вести. Можно было бы ожидать, что во время войны

подразделение будет укомплектовано в полном составе, если только пропавшие без вести солдаты не погибли. Возможно, они погибли как раз в Южной армии. Тем не менее, значительному числу, удалось пережить резню. Позднеримский военный историк Вегетий описывает стандартное развертывание римской армии на марше. Во главе располагалась основная часть кавалерии, обоз располагался в центре, пехота располагалась по обе стороны, а легкая кавалерия и стрелки замыкали тыл. Такое расположение, возможно, позволило пальмирским кавалеристам избежать окружения и прорвать оборону противника до того, как основные силы были окружены. Впрочем, это лишь предположение. Пальмирцы могли потерять половину состава и в Центральной армии [Elliot, Paul, *Legions in Crisis: Transformation of the Roman Soldier AD 192–284*, pp. 82–83, 115; O'Hanlon, Bernard Michael, *The Army of Severus Alexander*, Loc. 12,392, n. 1,310].

Мы не знаем, были ли раскассированы какие-либо части и подразделения, входившие в состав Южной армии. По крайней мере, легионы не были. Видимо, их орлы оставались дома и не были захвачены.

Когда об уничтожении Южной армии стало известно Александру, а узнал он об этом, видимо, от персов, хотя не исключены и речники с Евфрата, он был потрясён. Ещё больше были потрясены гибелью товарищей воины его Центральной армии. Сразу же проявилось возмущение тем, что Южная армия оказалась брошенной, обманутой своим императором, который предал наступавших на юг воинов, не придя к ним на помощь. Особенно ругали Мамею, обвиня её в том, что именно она удерживала женской боязливостью Александра, сдерживая его мужественные порывы, убеждая, что другим следует подвергать себя опасностям ради него, а не ему самому вступать в сражение; это и привело к гибели наступающее римское войско. Вероятно, открытого восстания не случилось только потому, что Александр был серьёзно болен, как и многие воины.

Так как теперь стало ясно, что кампания провалена, Александр решил срочно отводить войска назад за Евфрат. Центральной армии было объявлено, что её отводят из-за болезни, от которой особенно страдали «иллирийские воины», то бишь, европейские вексилляции, «употребляющие большое количество пищи» [Геродиан. История. VI, 6]. Был послан приказ возвращаться и Северной армии. «Возвращаясь, это войско в большинство своем погибло в горах, а многие в холодной стране отморозили конечности, так что возвратились из всего множества лишь очень немногие; бывший с ним отряд Александр довел до Антиохии, но и из этой части армии многие также погибли, так что великое уныние распространилось в войске и дурная слава пошла об Александре, утратившем прозорливость и счастье; и из трех частей

армии, которые у него были, большинства он лишился вследствие разных несчастий – болезни, войны, мороза» [там же]. Кстати, рассказ Геродиана о возвращении Северной армии, подтверждает, что кампания Александра проходила в холодное время года, то есть осенью 232 года.

Таким образом, тщательно задуманная и подготовленная кампания против персов, была, в целом, провалена. Формально Александру удалось восстановить статус-кво и вернуть римские земли на Востоке, но персы не только не были разбиты, но и сами уничтожили целую римскую армию, чего не было уже 285 лет. Две другие армии понесли тяжёлые потери. Ни один персидский город не был взят и никакой добычи не получено. Всего через пару лет Ардашир продолжил наступление на Римский Восток, демонстрируя превосходство империи Сасанидов. Все огромные затраты на войну ушли в песок. Авторитет Римской империи упал, что привело к тяжёлым последствиям. Упал и авторитет Александра, да и всей династии, что тоже привело к тяжёлым последствиям. Собственно, итог правления Александра Севера был ясен уже тогда, однако в условиях огромной империи потребовался ещё один удар, чтобы свалить династию Северов. Этот удар чуть не случился, ибо Ардашир шёл по пятам за отступающими римлянами и собирался отнять у них, как минимум, Месопотамию. Ему казалось, что римляне совершенно разбиты. Одна их армия была полностью уничтожена, другая отступала, страдая от болезней и морального упадка – в то время как Северная армия отступала обратно в Каппадокию по обледелым горам, страдая от голода и холода. Почему же Ардашир не воспользовался в полной мере военной ситуацией? Потому, что положение персов тоже было тяжёлым. Они понесли большие потери, а военный сезон закончился и армию надо было распускать. Да и положение римлян вовсе не было безнадёжным. Потери Северной армии, согласно нашим источникам, были вызваны не действиями противника, а холодом и голодом, поэтому войска Сасанидов даже не пытались препятствовать её отступлению. Ей лишь загородили дорогу на равнину Месопотамии, вынудив отступать через Армению. Была уничтожена Южная армия, но она погибла на персидской территории за Евфратом. Стратегически это ничего не давало Ардаширу. Дорога на Рим по-прежнему была закрыта. В Месопотамии Хатра, Зингара, Резайна, Нисибис, благодаря деятельности Центральной римской армии стали мощными крепостями. Попытка захватить эти города повлекла бы за собой длительную осаду с неизвестным результатом, но обязательно с большими потерями. И наконец, кажется, римскую Месопотамию теперь защищал способный полководец и управленец. Вероятно, это был не кто иной, как Максимин Фракийец. Наши фрагментарные источники дают несколько кратких сообщений о тогдашних событиях. Речь, предположительно произнесённая Максиминем Фракийцем в 238 году перед своими

легионерами, упоминает его роль «командующего легионами на пограничном берегу реки». Река эта, должно быть, Евфрат. Он также упоминает «персов после их вторжения в Месопотамию некоторое время назад». Было принято считать, что имеется в виду вторжение Сасанидов в провинцию в 228–232 годах, в то время, когда Александр Север тщательно готовился к Восточной кампании в Риме. Однако, по мнению Макхью, гораздо вероятнее, что Максимин Фракийец упоминает о вторжении, которое он сам отбил, когда командовал легионами в 233 году, и эти же ветераны теперь выстроились перед ним в 238 году [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 301].

В «Гетике», написанной готским историком VI века Иорданом, сохранилась традиция, что Максимин «с поразительным успехом сражался против парфян под командованием Александра». На эту ссылку саму по себе полагаться нельзя, но она в некоторой степени подтверждается другими общепризнанными поздними источниками. Иоанн Малала, греческий хронист VI века из Антиохии, также упоминает о защите римской Месопотамии Максимин Фракийцем, но в менее лестных выражениях: «Он [Александр Север] вместе со своей матерью предпринял поход против персов и в Антиохии назначил Максимиана полководцем. Последний участвовал в битве против персов, но потерпел поражение, и император разгневался на него». Складывается впечатление, что указание на поражение, понесенное Максимин, могло отражать имперскую пропаганду. Все наши источники, кроме Малалы, сходятся во мнении, что военная репутация Максимиана Фракийца была безупречна и поражение не соответствовало бы его положению. Контекстуально этот рассказ соответствует ситуации 233 года. Присутствие императора в Антиохии, безусловно, верно, но не ясно, было ли назначение Максимиана полководцем произведено до кампании 232 года или после. Тот факт, что Малала называет Максимиана полководцем, а не наместником, может свидетельствовать о том, что он был назначен на свой пост в ответ на отступление из-под Хатры и необходимость защищать Римскую Месопотамию от наступающих сил Сасанидов. Но кто бы ни стоял у руля в Месопотамии, он проделал замечательную работу, поскольку провинция стойко противостояла многочисленному и победоносному врагу. В настоящее время не зафиксировано ни одного захваченного персами города. Очень быстро персы начали отходить из Месопотамии на зимние квартиры.

Поэтому итоги войны на рубеже 232/233 года в Антиохии, куда привезли больного императора, казались не такими уж драматическими. Ситуация казалась поправимой. Было объявлено, что кампания против персов блестяще выиграна, они понесли большие потери и выбиты с римской территории. Доказательства были тут же – разбитые колесницы, захваченные слоны, 10 тысяч комплектов

снаряжения клибанариев, какое-то количество пленных персов. Центральная армия Александра в военном отношении показала себя хорошо и персов била, а то, что в ней случилась эпидемия, так на то воля богов. Северная армия Прокулеана тоже воевала удачно, а то, что при отступлении понесла большие потери, так на то тоже воля богов и «генерала Мороза». Ну, а то, что погибла Южная армия, так она была самой маленькой и состояла из худших войск, но погибла доблестно.

Геродиан, который критически оценивает эту кампанию, тем не менее пишет, что «хотя и вышло так, что варвары в целом казались победителями, тем не менее они понесли ничуть не меньшие потери в частых стычках, происходивших и в Мидии, и в сражении в Парфии, где было множество убитых и еще более раненых...при почти одинаковом с обеих сторон числе павших воинов представляется все же, что оставшиеся в живых варвары одержали победу благодаря превосходству в числе, а не своей мощью. Немалое доказательство серьезного урона у варваров вот в чем: года три или четыре они оставались спокойными и не брались за оружие [Геродиан. История. VI, 6].

Макхью заметил, что обычно тщеславные Сасаниды не вырезали никаких рельефов в честь этой предполагаемой победы. С чего бы такая скромность? В отличие от персов, римская пропаганда приветствовала кампанию как великую победу. В Галатии милевые столбы прославляют императора как «Parthico Max» и «Persico Max». Другие надписи тоже сообщают о победе римлян, в то время как на монетах указано «Victoria Augusti». В победной надписи хатранцев содержатся слова *domita Midia*. Видно, что жители Хатры трезво оценивали результаты кампании, опустив поражение Южной римской армии и выпятив успехи Северной.

Монеты конца 233 года несут надпись «*Liberalitas*» – Щедрость. Бронзовый медальон, изготовленный в то же время, изображает Победу, венчающую императора, который стоит на двух речных богах, вероятно, представляющих Тигр и Евфрат. Это, по-видимому, наводит на мысль, что потери римлян были не так велики, как хотел бы убедить нас Геродиан. Значительное поражение потребовало бы оборонительной стратегии, но, очевидно, император планировал еще раз перейти в наступление. Сами греко-римские историки разделились в своих оценках от полной победы до полного поражения.

По современным оценкам, Персидская война Александра Севера закончилась ничем. Обе стороны потеряли огромное количество людей. Вторгшиеся римские армии нанесли большой ущерб территории Сасанидов, но южное крыло потерпело сокрушительное поражение. Тем не менее, стратегически Римская империя занимала гораздо более сильные позиции в центральной Месопотамии, чем когда-либо, а Хатра представляла угрозу столице Сасанидов Ктесифону. Римская Месопотамия продолжала выступать в качестве оплота жизненно

важных сирийских провинций, в то время как Армения, ставшая теперь верным союзником, защищала Каппадокию и Малую Азию. Однако, кампания нанесла смертельный ущерб военному престижу императора. Многие солдаты не могли простить ему того, что, по их мнению, он бросил северную и южную армии на произвол судьбы. Как там точно было дело, мы не знаем, но император, как главнокомандующий, был ответственен за всё. Присутствие его матери только обострило ситуацию. Солдаты потеряли уверенность в военных способностях своего императора и его советников. С этого момента его судьба была предрешена. Точно так же, как нерешительность и огромные потери в битве при Нисибисе привели к падению морального духа и уверенности в Макрине, точно так же было и с Александром Севером. Позднее новости с Рейна только усилили гнев солдат [John S McHugh. *Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235* Pen and Sword History 2017. p. 310-311].

Ну, а тогда, быстро выздоровевший в курортных условиях Антиохии Александр сам верил в победные выводы. Он вполне себе собирался продолжить войну с Ардаширом на следующее лето. Европейские войска и фаланга не уходили по домам и не распускались. Основная часть армии расположилась на зимовку в районе Апамеи и Зевгмы, а каппадокийская – в районе Мелитены. Александр возвратил себе расположение воинов, утешив их щедрыми денежными подарками, ибо это он считал единственным средством для приобретения благорасположения солдат. На деле же данный метод мог лишь временно успокоить армию, подлинный авторитет императора рождается военными победами. Победы одерживал Максимин Фракиец, его авторитет среди солдат рос.

Сразу после возвращения, Александр начал лихорадочно собирать и снаряжать войска, чтобы отбить ожидаемое наступление Ардашира на Сирию, однако, пришло известие, что тот, распустив свое войско, отослал всех по домам [Геродиан. История VI, 6]. Узнав об этом, Александр отменил подготовку к походу и уже спокойно перезимовал в Антиохии. Почувствовав себя более уверенно и в безопасности, освободившись от забот о войне, он посвящал свой досуг удовольствиям города. Под предлогом слабости здоровья, он даже отменил поездку по восточным провинциям, запланированную на эту зиму. Мы знаем об этой поездке из папируса, датированного 232/233 годом и отправленного префектом Египта одному из его высокопоставленных чиновников. Текст показывает, что подготовка к визиту императора и Мамеи шла полным ходом, чиновники, под угрозой смерти, производили реквизиции продовольствия, однако, визит не состоялся, к большому облегчению всех чиновников и провинциалов. Возможно, именно для этого визита была повторно использована большая мраморная статуя в Мемфисе с добавлением лепнины, чтобы она внешне напоминала молодого императора.

Император и его мать проводили зимние месяцы во дворце в Антиохии. Не то, чтобы Александр кутил или развратничал. Вовсе нет. Юлия Мамея использовала эту возможность, чтобы углубить свое понимание христианства. Церковный историк Евсевий сообщает, что знаменитый христианский философ Ориген той зимой был вызван на аудиенцию к Августам и удостоился чести сопровождения императорской гвардии. Согласно Евсевию, в императорском доме было много христиан, что вполне правдоподобно, учитывая открытое отношение императора к калейдоскопу религиозных верований того времени в сочетании с интеллектуальной любознательностью Мамеи. Видимым результатом встречи Оригена с Александром и Мамеей, было получение статуса метрополии Кесарией, где тогда жил христианский богослов. Сам же Ориген провёл в Антиохии достаточно много времени, что говорит о том, что общение с ним оказалось интересным для императорской семьи. Возможно, именно тогда Александр и выразил желание построить храм Христа [Евсевий Кесарийский. Церковная история VI, 21, 3-4; Элий Лампридий. Александр Север XLIII, 6].

Но этот интерес Северов к маргинальным, с точки зрения большинства римлян, религиям, вызывал раздражение в широких кругах населения. У Лампридия есть странная история, действие которой происходит в неопределенное время, когда египтяне, александрийцы и антиохийцы оскорбляли императора на каком-то празднике, называя его сирийским архисинагогом, или еврейским первосвященником. Терпимость императорской семьи к иудаизму и их сирийскому наследию была хорошо известна. Вполне возможно, что такой случай мог иметь место весной 233 года, когда результатом зимовки тысяч солдат, расположившихся в Сирии осенью и зимой 232/233 годов, стал рост цен на продовольствие и фураж, что усилило враждебность населения. В Антиохии всегда присутствовали большие общины греков, сирийцев, египтян и евреев. Присутствие египтян, а точнее александрийцев, возможно, увеличилось, благодаря приезду туда семей легионеров II Traiana Fortis. Хотя это всего лишь предположение, оно свидетельствует о нестабильной ситуации, с которой столкнулась партия Северов на Востоке [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 301].

В общем, похоже, что Александр жил в Антиохии тихой спокойной жизнью, занимаясь философией, восстановлением армии и подготовкой к новой кампании на Востоке. Зимние месяцы были потрачены им на планирование предстоящей кампании и налаживание дипломатических связей. Императорский совет разработал новый план. Целью кампании 233 года, по-видимому, было привлечение дополнительных союзников и новая попытка разжечь пламя восстания против Ардашира, только уже далеко на востоке. Геродиан пишет о том, что Александр знал о проблемах в Персии, о мятежах против Ардашира в Средней Азии, о

том, что у Ардашира имеются задержки и препятствия к новой мобилизации войска, «которое, раз распущенное, нелегко было собрать вновь, так как оно не является ни упорядоченным, ни постоянным, и запасов провианта у них имеется только такое количество, сколько каждый, приходя, приносит с собой для собственного потребления; с неохотой и великим трудом покидают они детей, жен и родную страну» [Геродиан. История VI, 7, 1].

К тому же, кажется, что армия Ардашира на севере также пострадала от обморожений, как и Северная римская армия. Эту деталь добавляет Зонара. Весной 233 года в центре внимания Ардашира внезапно оказался Мерв, куда он был вынужден отправиться, и кампания против мятежников Хорасана затянулась на год, а местами и до 238 года. Так что, всё для римлян шло хорошо. Возник очень удачный момент переломить ход войны, воспользовавшись отсутствием персидской армии, но удача вновь была на стороне Ардашира. Александру Северу не суждено было продолжить эту войну. Весной 233 года до него дошли вести от его наместников на Рейне и Дунае, что огромные армии германцев вторглись на территорию Империи и угрожают самой Италии. Война на Востоке была приостановлена, что дало императору возможность выступить на запад.

Глава 7

Аламаннская война. 255-255 годы

Как пишет Геродиан: «В это время Александра смутили и ввергли в большее беспокойство неожиданные сообщения и письма: сообщали ему те, кому было вверено управление Иллирией, что германцы, перейдя Рейн и Истр, опустошают Римскую державу и нападают с великой силой на лагеря, расположенные на берегах, города и деревни и что иллирийские провинции, сопредельные и пограничные с Италией, находятся в немалой опасности. Возникли серьезные проблемы, поскольку уход вексилляций паннонских легионов с императором в Персию обнажил среднедунайский лимес, который подвергся нападению германских и сарматских племен; необходимо поэтому его присутствие там вместе со всей имеющейся у него армией».

Вести из Европы были столь тревожными, что Александр и сам, и его штаб, прекрасно понимали необходимость срочного выступления туда с европейскими вексилляциями. Прорыв паннонского лимеса угрожал самой Италии, подобно тому, как это было при Марке Аврелии 66 лет назад. Очень неохотно, досадуя, поскольку понимал, что нерешённость проблемы Персии подрывает его авторитет, Александр был вынужден объявить поход на запад. Мало того, рассчитав все условия, Александр

был вынужден не ограничиться уводом на запад только европейских векилляций, но прихватить с собой и часть восточных войск. Для этого ему пришлось даже задержаться на Востоке, чтобы тщательно укрепить стенами лагеря и сторожевые пункты, пополнить их определенным количеством войск, перераспределив их в соответствии с новыми требованиями. Сам же Александр с остальной массой войск летом 233 года поспешил в Европу против германцев, славян и сарматов.

Итак, что же случилось в Европе? А в Европе случилась вторая фаза Великого переселения народов. Первую римляне отразили в 167-180 годах, а последние вспышки в 181-182 гг. Отдельно пришлось повозиться в Британии в 184-211 годах с перерывами, а также в Таврике и на Боспоре. Явно опасаясь новой волны, Каракалла в 213 году осуществил серьёзный погром Германии, на 20 лет затормозив формирование коалиций аламаннов и франков. В 214 году он же прошёлся по дунайским провинциям, устроив дела с маркоманнами, квадами, вандалами, бастарнами, карпами, бурами, сарматами и готами. После этого Рим явно потерял интерес к европейским племенам и отдельные действия легатов серьёзной роли не играли. Время было явно упущено. Стремительное разложение римских войск в Европе при Гелиогабале и Александре Севере способствовало росту самоуверенности среди племён за лимесом, их отказу от политики союза с Римом, переходу к собиранию сил для удара по империи, тем более, что в варварской Европе в принципе ничего не менялось, продолжался стремительный рост населения, только теперь он сопровождался ухудшением климата и сокращением доходности хозяйства племён. Торговля с Римом шла, но её было недостаточно, глубинные племена были почти не задействованы в ней. Войны между племенами продолжались, выталкивая на лимес новые союзы, да и старые тоже теснились. К 233 году за Рейном уже оформились союзы аламаннов, франков и саксов, а за Дунаем давно существовали союзы вандалов, карпов, бастарнов, скиров, языгов, роксолан. Теперь же там появился союз готов, стремительно набиравший силу за счёт объединения славян, фракийцев (гетов) и германцев под властью готских королей.

В тылу у этих союзов располагались не менее мощные объединения англов, данов, лангобардов, тюрингов, свевов, вагров, герулов, уругундов, гуннов, алан, ругов и так далее. Они и подталкивали пограничные союзы на войну с Римом. От них шли волны Великого переселения народов, хотя их римляне знали хуже всего. Чуть лучше они знали причерноморские народы. Обычно римляне и греки называли причерноморские племена скифами, продолжали они делать так и в III веке. Принято считать, что название просто прижилось за долгие годы, в реальности обозначая всю совокупность причерноморских народов. Возможно, что это и так, но для того, чтобы веками называть самые

разные народы скифами, у греко-римлян должны были иметься веские основания. Такими основаниями, по нашему мнению, могли быть схожие образ жизни и привычки местных народов. Но не только. Должен был быть ещё общий субстрат местного населения, составлявший основу причерноморских народов, подобно тому, как современные русские составляют скрепляющий субстрат на территории России и позволяющий называть всё это население «русскими». Кстати, название «скифы» в X-XI вв. сменилось в Причерноморье именно на «русских». Делаем выводы.

Европейские варвары за пределами империи по происхождению делились на несколько групп. Возможно, самой массовой и агрессивной была германская группа. Именно поэтому она была лучше других известна римлянам. Большинство германских племён руководили короли или верховные короли, но в мирное время они имели лишь очень ограниченную власть над своими подданными. Основные боевые силы всех германских народов состояли из личной свиты короля и знати, и они, естественно, были лучше экипированы, чем все остальные, потому что положение их нанимателя зависело от его способности обеспечивать их, в том числе, снаряжением. Германские народы могли выставять действительно значительные силы, потому что всё их свободное мужское население было обязано служить по призыву, но для германцев было более типично использовать в войнах только молодежь, потому что от неё требовалось доказать свою мужественность, прежде чем парням разрешат жениться. Например, готы со своими союзниками могли выставить армию, численностью чуть ли не до 300 000 человек, в то время как франки могли выставить армии численностью 100 000 человек или даже больше. Римляне считали все германские племена бесстрашными и храбрыми воинами, которые предпочитали сражаться в рукопашном бою. Большая часть германских кавалерийских войск предпочитала избегать сложных маневров, потому что германские армии обычно были недостаточно подготовлены для этого, но из этого правила было несколько заметных исключений – например, при короле Книве готская кавалерия выполняла довольно сложные маневры. Западные германцы часто просто бросались галопом прямо на врага и повторяли этот манёвр, используя запасных лошадей, если враг не убегал. Получавшаяся в результате дикая и стремительная кавалерийская атака представляла собой ужасное зрелище и могла напугать до полусмерти зеленых новобранцев, хотя римская пехота ветеранов обычно была способна противостоять таким атакам. Восточногерманские племена готов и гепидов скопировали тактику стрельбы из лука верхом у славян и сарматов, хотя, на самом деле, готы объединили целые племена обоих названных групп в свою нацию. Типичное снаряжение гота или славянина состояло из копья и/или дротика, меча, лука и, возможно, щита. Западногерманский всадник обычно использовал копье и/или

дротик, меч и щит – только элита носила доспехи и шлем. Готы были исключением из правил: они обычно носили больше доспехов, чем другие германцы, поскольку копировали у славян и сарматов то, что считали полезным. Все германские племена и конфедерации были искусны в использовании пехотной фаланги/стены из щитов и знали, как сформировать клин для атаки и круг/полый квадрат в обороне. На уровне подразделений германцы использовали сомкнутый строй, черепаху и разомкнутый строй, чтобы приспособить свои пехотные силы к местности. В целом, германские народы были способны использовать все основные боевые порядки и подразделения, и поэтому были грозным противником.

Использование пехоты в качестве основной ударной силы племенной армии было более типично для западногерманских племен. У них было три основных варианта пехоты: франки обычно использовали небронированную пехоту, оснащенную копьями и/или метательным топором Франциской, или щитом и мечом. Дротики и топоры сначала металась, после чего воины бросались на врага. Второй из вариантов состоял в том, что воины были вооружены тяжёлыми копьями, щитами и мечами. Третий вариант представлял пеших лучников. Основными слабостями германцев были: 1) плохо организованное материально-техническое обеспечение; 2) плохие навыки ведения осады; 3) племенные рекруты были обучены не так хорошо, как римские профессионалы; 4) за исключением готов, метательное вооружение было относительно слабым; 5) германские народы носили в целом меньше доспехов, чем римляне. Но были и исключения. Западногерманские племена, чьи земли граничили с Северным морем или Атлантическим океаном, представляли морскую угрозу для римлян, но это принимало лишь форму пиратства, потому что их корабли не могли сравниться с римскими военными кораблями. Их корабли были гораздо меньшими с экипажами примерно от 12 до 60 человек, но в этот период подавляющее большинство их судов принадлежало к самой малой категории – примерно от 12 до 16 человек на корабль. Их основная тактика заключалась в том, чтобы совершать набеги на прибрежные районы без необходимости сражаться с римлянами. Римляне противостояли этому, используя комбинацию следующих методов: 1) размещая сторожевые башни, форты и кавалерийские войска вдоль побережий; 2) вступая в бой с врагом; 3) платя пиратам/рейдерам за то, чтобы они не вторгались в римские пределы; 4) заключая союзы с племенами, которые можно было бы использовать против рейдеров; 5) совершение набегов на их территории. Восточногерманские и славянские племена еще не представляли морской угрозы, но ситуация изменилась в 250-х годах, когда им удалось завладеть кораблями Боспорского царства. Сарматы, а также карпы, бастарны, скиры и другие племена, которых мы считаем славянами, были знаменитыми всадниками, и именно в этом качестве

они угрожали римлянам. Как правило, они совершали набеги на римскую территорию и отступали до того, как римляне могли организовать эффективный ответ. Основным ответом римлян на это было увеличение численности кавалерии и совершение набегов на их земли. Степняки славились своей тяжёлой кавалерией и её способностью эффективно сражаться на близком расстоянии копьями и мечами. Тяжёлая конница была известна под двумя названиями: катафракты и контофоры (с меньшим количеством доспехов). У степняков также было большое количество конных лучников, которые могли быть экипированы как катафракты или контофоры. Их стандартная боевая тактика состояла в том, чтобы использовать своих «застрельщиков» впереди основного строя, чтобы нарушить строй противника с помощью стрельбы из лука и преследования, а затем вступить в бой с дезорганизованным врагом с помощью контосов. Их боевая линия состояла из 3000 всадников. Мы очень мало знаем о боевых методах карпов. Единственное описание их тактики этой эпохи относится к правлению Филиппа Араба, и в нем описывается, как они использовали кавалерию. Если учесть, что все их соседи были сарматами или сарматизированы и использовали кавалерию в качестве своей основной боевой силы, становится вероятным, что и карпы тоже сражались таким же образом, как копейщики и конные лучники. Однако нельзя исключать возможности того, что они тоже использовали пехоту, потому что у готов была пехота, как и у склавинов, и у антов в том же районе позже [Syvanne. Gordian III and Philip the Arab. The Roman Empire at a Crossroads. Pen & Sword Military. 2021. s. 56].

В целом, славяне, сарматы и немногочисленные фракийцы, иллирийцы, кельты, чей взлёт уже давно прошёл и которые теперь доживали свой век в удалённых изолированных районах, постепенно ассимилируясь молодыми народами, жили, выглядели, управлялись и сражались в III веке примерно также, как германцы.

За 300 лет сосуществования с Римской республикой, а потом империей, европейские варвары многому научились. Их общество и экономика несколько модернизировались, расширились связи между собой и Римом, улучшилось вооружение и военная организация. Последнее римляне заметили ещё во время Маркоманнских войн. Конечно, варвары всё ещё сильно уступали римской армии, да по-другому и быть не могло, но тут уже ситуация стала меняться не в сторону Рима. Дело в том, что боевые качества римской армии во времена последних Северов резко упали в первую очередь из-за снижения дисциплины. Это ясно показали массовые мятежи в лучших частях имперской армии в 230–231 годах с отказом легионов и ауксильий идти в поход на Восток. Европейские варвары, несомненно, знали об этом, как и об общем падении боевых качеств и мотивации у римлян. Они общались с римскими солдатами и членами их семей, с

жителями пограничья, многие сами служили в римской армии и знали её изнутри, видели её расширяющиеся недостатки. Римская государственная система теперь тоже, вряд ли, вызывала восхищение у варваров, поскольку механизмы империи начали пробуксовывать. Обнищание и понижение статуса простого населения империи вряд ли могло вызвать понимание у варваров, сохранявших ещё общинные демократические порядки. Как и продолжающееся падение нравов. Это тоже сыграло свою роль. В общем, варвары перестали уважать Римскую империю.

Они бы напали раньше, но ещё опасались Рима, его многовековой силы и славы. А тут сложилась очень благоприятная ситуация – 60 тысяч лучших римских солдат из Европы ушли на Восток, а многие из оставшихся подняли бунты против императора и его семьи. Сам император тоже был на Востоке и станут ли за него воевать оставшиеся в Европе войска, было неизвестно. Варварские племена Европы, а также Мавритании, Кавказа, Малой Азии, Боспора, внимательно следили за ходом Персидской войны и когда до них стали доходить рассказы о тяжёлых потерях и поражениях римлян, об эпидемии в армии, немедленно и с большим удовольствием сделали вывод в пользу нападения на римские пределы. Знали ли римляне о подобных настроениях за лимесом? Конечно, знали. Римская разведка всегда славилась своим качеством. Однако, такая ситуация в различных местах могла продолжаться годами и ничего серьёзного не происходило. Варвары уважали силу Рима и ограничивались мелкими разбойничьими набегами, а если не терпелось подраться, могли записаться в римскую армию, в какую-нибудь нумерус. Никогда варвары заранее не собирали большие армии, подобно Риму, ведь у них отсутствовала система снабжения. Так и сейчас. Внешне ничто не предвещало новой фазы войны Рима с варварами не на жизнь, а на смерть. Какая-то суэта за лимесом происходила и её правильно объясняли плохими известиями с Востока. По нашему мнению, варварские армии были собраны очень быстро, причём сразу по всей Европе, условно, от среднего течения Рейна до устья Дуная. Возможно, в течение месяца, не больше. В связи с огромными масштабами мероприятия, римские власти на местах ничего не смогли предпринять. Они могли успеть объявить тревогу, собрать войска в каструмах и кастеллах, начать эвакуацию населения и товаров туда же, а также в защищённые стенами города, которых, впрочем, было мало. Могли успеть свезти продовольствие и снаряжение в оборонительные пункты. Могли разобрать настилы мостов и начать ломать лёд на реках. Вот, пожалуй, и всё.

Сивенне считает, что варвары напали на римские границы ещё осенью 232 года, однако, нам это предположение не кажется верным. Дело в том, что неприятности римлян на Востоке начались только в октябре 232 года и серьёзные, проверенные сообщения об этом могли

дойти до Европы и других окраин Рима не раньше ноября-декабря этого года. После чего, варварам понадобилось время для срочного сбора и организации армии, и выдвижения её к границе. Затем, варварам надо было разобраться в ситуации на Востоке. Слишком раннее нападение вынудило бы Александра заключить мир с Ардаширом и вернуться с армией в Европу, а до варваров, конечно, доходили слухи о подготовке Александра к новой кампании против персов. Это не было никаким секретом. И наконец. Европейские варвары всегда нападали на Рим зимой, а вовсе не летом. Это объяснялось необходимостью форсировать крупные европейские реки, вроде Рейна или Дуная и организовывать через них постоянные переправы для снабжения и пополнения войск, вывоза трофеев и рабов. Рейн и Дунай тогда замерзали в декабре, а крепким лёд на них становился только в январе. Вот тогда и происходили нападения. Соответственно, и сейчас, взлом лимеса в Европе произошёл наверняка в крещенские морозы 233 года. Эту дату и можно считать датой начала второго этапа Великого переселения народов в Европе. В отличие от сжатого по времени первого этапа, этот этап оказался куда более растянутым и продолжался примерно лет 70. В римской истории он захватывает этапы «эпохи солдатских императоров» и начало «эпохи домината». И начинался второй этап в условиях хорошо всем знакомой классической Римской империи принципата, а заканчивался практически в другом государстве, непохожем на предыдущее не только системой власти, но и образом жизни. Объясняется такая продолжительность второго этапа слабостью Рима, оказавшегося не способным оказать достойный отпор европейским варварам и перемолоть их живую силу. Они успевали восстанавливаться и всё начиналось сначала. Перелом начал наступать при Клавдии II Готском, укрепился при Аврелиане и Пробе и закончился во времена Тетрархии. Рим победил и в этот раз. Он победит и в третий (с 378 по 451/453 годы), а потом сам потихоньку умрёт без боя.

Итак, как же начинался второй этап Великого переселения народов? Серьезность и масштабы вторжения варваров через Рейн и Дунай сильно оспаривались историками, которые указывали на медленную реакцию императора на этот кризис. Однако этому явно противоречат как древние источники, так и археологические свидетельства. Возникла реальная чрезвычайная ситуация, когда лимес на значительной протяжённости был прорван в Верхней Германии, Реции, Норике, в обеих Паннониях, Мёзии, Дакии, Мавритании. Орды варваров пересекли по льду Рейн и Дунай, и начали уничтожать гарнизоны, города и деревни, убивая и мародерствуя на своем пути. Согласно АЖА, набеги распространились и на Галлию, а такого не было с 70 года. Захват Панноний привёл к тому, что безопасность Италии оказалась под угрозой. Истощенные гарнизоны на северных окраинах Рима не могли остановить натиск варваров. Им не хватало единого руководства

и людей для противодействия. Они защищали только сами себя. Геродиан описывает прибытие в Антиохию гонцов от наместников иллирийских провинций, под которыми он, должно быть, имеет в виду Паннонии, Рецию и Норик, с настоятельной просьбой о возвращении императора и его армии.

Теперь мы опишем это эпическое вторжение, исходя из тех скуднейших материалов, которые у нас есть на сегодняшний день. Начнём мы с запада и закончим на востоке.

В нападении варваров, должно быть, участвовали многие тысячи человек. Их численность должна была существенно превышать численность римских армий на Рейне и Дунае. На землях, подвергшихся нападению, служило 140 тысяч римских солдат, 60 тысяч из которых тогда находились на Востоке. Значит, противостояли варварам около 80 тысяч человек. Это, конечно, предельные цифры, в реальности они должны были быть меньше на 10-20 тысяч. Успешно воевать с таким количеством римлян, варвары могли, превосходя их как минимум, вдвое по численности. Значит, их было примерно 150 тысяч человек или больше. Скорее больше.

Следы разрушений показывают, что сначала варвары обрушились на Декуматские поля, равнину, граничащую с верхними Рейном и Дунаем, и горы Таунус на севере. Эта область была завоевана Флавиями в 70-90 годах, чтобы сократить пути сообщения из Реции в германские провинции и защитить их от вторжений германцев. Да и земли были плодородные и богатые ресурсами. Серия кастелл, построенных в этом районе, была дополнена интегрированной системой военных дорог, деревянными частоколами, сторожевыми башнями и рвами, называемыми лимесом. Во времена Флавиев это были земли племени хаттов, однако теперь они, по-видимому, объединилось с соседями, образовав более крупную конфедерацию под названием аламанны. Вероятно, это было ответом на ситуацию, когда хатты и их соседи оказались между молотом давления мигрирующих племён с тыла и наковальней римского лимеса впереди. У аламаннов не было верховного правителя, ими руководили короли отдельных племён, которые объединялись под руководством временного лидера во времена кризиса или благоприятных возможностей, как это случилось в 233-235 годах. Для воинов аламаннов война была единственным стоящим делом и настоящим испытанием доблести. У аламаннов было мало кавалерии, но было большое количество пехоты. Только их короли и вожди носили панцири и шлемы, которые были показателями богатства и статуса. Большинство дружинников носило деревянный щит с центральным круглым умбоном и длинный обоюдоострый меч спату, который все чаще использовался и римской пехотой. У некоторых были луки, но чаще они были вооружены топором, который можно было использовать для метания или в ближнем бою. Они не были опытны в осадной войне, им не хватало инженерных навыков для

изготовления осадного оборудования и материально-технического обеспечения для длительной осады. Атаки на укрепленные позиции врага основывались на внезапности и численном превосходстве. Исследование погребальных комплексов показало, что с начала III века богатство племени постепенно сосредоточивалось в руках всё меньшего числа людей. Эти элиты монополизировали экономическую и политическую структуру аламанный общества. Доблесть и богатство использовались для укрепления их положения, поскольку они получили возможность одаривать своих последователей, что привлекало ещё больше воинов, создавая, таким образом, более крупные военные отряды и позволяя этим лидерам захватывать больше земель, которые также можно было раздавать своим вассалам. Римские власти всё прекрасно понимали, поэтому издавна подкупали германских, в том числе и аламанных, вождей с помощью дипломатии, обеспечивая их золотом и предметами роскоши в обмен на мир и союз. Однако, постепенно такая политика стала приводить к тому, что германская элита стала ещё больше укреплять свои позиции, пока её военная мощь не стала угрозой безопасности границ. Каракалла заметил это и напал на аламанных, разгромив их в 213 году. Как следствие, на Декуматах в течение двух десятилетий царил мир. Однако аламанны ничего не забыли и не простили римлянам. Теперь они копили силы в тайне от римлян, внешне демонстрируя дружелюбие. Через границу осуществлялись регулярное взаимодействие и торговля. Аламанные вожди демонстрировали вкус к оливковому маслу, вину, драгоценным чашам, изделиям и оружию. Благодаря этим торговым контактам им было очевидно, что гарнизоны вдоль Рейна и Дуная истощены и ослаблены сначала из-за экономии и пренебрежения властей, а потом из-за войны на Востоке. Это давало аламанным возможность разграбить богатые и плодородные земли региона Таунус-Веттерау. Вожди могли бы завоевать репутацию воинской доблести и накопить невообразимые богатства на землях империи. Учитывая общее желание европейских варваров напасть на римские границы, аламанны оказывались не одни и могли рассчитывать на союз другими племенами. Считается, что нападение было внезапным и хорошо подготовленным. Хотя, насчёт внезапности можно поспорить. У римлян были специализированные подразделения солдат, называемые эксплораторами, чья работа заключалась в разведке территории варваров с целью обнаружения любых угроз, включая наращивание вражеских сил. Были и другие виды разведки, весьма разнообразные, так что не знать о подготовке нападения римляне не могли. Скорее всего, именно сведениями разведки объясняется мятеж верхнегерманских легионов против похода на Восток в 231 году. У солдат должна была быть веская причина для отказа идти в Персию. Они потому так и упёрлись, что не хотели бросать свои семьи на верную смерть или рабство. Ради этого воины жертвовали статусом и репутацией лучшей и вернейшей

армии империи и, видимо, были готовы к кассации. Тот мятеж не был простым капризом. К тому же, с 229 года в римском приграничье Верхней Германии и Реции начинают появляться денежные клады, что тоже говорит о том, что римляне подозревали приближение потрясений.

Интересно, что в Нижней Германии царили тишь да благодать. Видимо, молодые союзы франков и саксов ещё не были готовы к войне. Там не обнаружено никаких признаков вторжения, хотя вексилляция Нижней Германии как раз находилась на Востоке. Так что легату Нижней Германии Флавию Юлию Латрониану (231-234 гг.) повезло.

Судя по тому, что мы видим на лимесе Верхней Германии и Реции, зимой 233 года аламанны обрушились на римскую оборону двумя армиями. Одна напала на Таунский выступ и Декуматские поля, хлынув через лимес на всей его протяжённости единой волной, захлёстывая римские кастеллы и города. Возможно, задачей этой армии и был захват всех римских земель к востоку от Рейна. Римские войска и население должны были быть уничтожены. После этого, аламанны должны были сосредоточиться у легионных лагерей Могонциака и Аргентората, где заняться уничтожением легионов. Эта стратегия первое время вполне срабатывала. Действительно, либо большинство, либо все гарнизоны вдоль Рейна и Верхнего Дуная были просто разгромлены. Если смотреть условно с севера на юг, доказано, что в Верхней Германии были разрушены кастеллы Хольцхаузен, Цугмантель, Кляйнер Фельдберг, Заальбург, Каперсбург, Бутцбах, Эхцелль, Обер-Флорштадт, Альтенштадт, Валлдюрн, Остербуркен, Эринген. Но это минимум, многого мы просто не знаем.

Если поставить себя на место римских лимитанов, то что мы увидим? Мы увидим, что уже несколько лет ожидавшееся вторжение варваров началось, и через границу хлынул необозримый поток аламанных воинов. У вас в кастелле стоит одна когорта или ала, максимум две – это 500 -1000 воинов. Ваша семья живёт в вилле рядом с кастеллом и, в лучшем случае, сможет укрыться в вашей крепости. Но и там её надо будет беречь от стрел врага, защищать от его копий и топоров, от пожаров, а ещё чем-то кормить и поить, лечить, если понадобится. А всякий ли префект согласится пустить «мирняк» в крепость? Да и сколько вы продержитесь под ливнем зажигательных стрел со стороны многократно превосходящего вас врага? Два-три сосредоточенных штурма и всё, на стенах некому будет стоять. В лучшем случае кастелл выстоит около месяца, в худшем будет взята с налёта. Ещё возникнут проблемы с продуктами, водой, нечистотами. А ведь потом вы уже не прорвётесь к своим, поскольку передовые отряды аламанных уйдут далеко вперёд к Рейну. Ожидать помощи бессмысленно, её не будет, пока император не вернётся с Востока через несколько месяцев. И что делать ауксилиариям и нумерусам в таких условиях? Скорее всего, большинство из них решало бросить всё и улёпётывать к своим

родным легионам за Рейн и Дунай, прихватив семьи. Лимес был сдан со всей его инфраструктурой в мгновение ока. Для этого аламанным понадобилось бы 40-50 тысяч воинов, осадивших кастеллы лимеса. Остальные воины, пусть их было ещё 100 тысяч, быстро захватили Декуматские поля и вышли к Могонциаку и Аргенторату. Оттуда часть воинов проникла в Галлию диверсионными и грабительскими отрядами. Как и в 167-170 годах, римское население уничтожалось или обращалось в рабство, населённые пункты сжигались, имущество и скот захватывались и вывозились за лимес. В целом, удар был тяжёлым, а разрушения катастрофическими.

Вторая армия аламанных направилась на юг. Лимес Реции был прорван так же легко, как и в Германии. Затем, используя римские дороги, аламанны направились на восток, нападая на крепости по берегам рек, уничтожая все сельские поселения на своем пути, прежде чем разграбить процветающие города, обслуживавшие гарнизоны, вырезая семьи солдат. Были сожжены Бирициана, Ветониана, Регенсбург, Бёминг и так далее. Римляне, те, кто успел, откатились за Дунай и дальше на юг к горам. В пятидесяти километрах к востоку от Ветонианы находилась крепость легионеров Кастра Регина (Регенсбург), в которой дислоцировался легион III Italica. Командир этого легиона был также наместником Реции, официальная резиденция которого находилась южнее, в Августе Винделикорум (Аугсбург). И крепости, и городу был нанесен огромный ущерб. В Сорвиодуруме археологами обнаружен уровень разрушений, содержащий лошадей, оружие и разбитые статуи, датируемые 233 годом. Там находился отряд сирийских лучников. Непосредственно к западу от крепости на территории сельской виллы был обнаружен довольно необычный, но ошеломляющий клад. В него входил большой бронзовый таз, возможно, зарытый командиром местного гарнизона, в дополнение к роскошной коллекции парадных кавалерийских доспехов, семи шлемам и четырем церемониальным маскам, украшенным волнистыми прическами в греческом стиле или завитыми волосами, отражающими восточное влияние. Было также несколько кирас, поножей и пластин лошадиных доспехов. Человек, зарывший клад, явно чувствовал, что крепость была не самым безопасным местом. Ему не повезло. Как и многие другие, он не смог вернуться и забрать свои ценные вещи.

Разрушение Куинтаны также датируется 233 годом, хотя, возможно, и 242 годом. Археологи здесь обнаружили последние отчаянные попытки гарнизона спасти себя и свои семьи. При первых известиях о вторжении варваров были проведены ремонтные работы на оборонительных стенах, и пять отдельных рвов, окружающих форт, были объединены в один. После того, как оружие было роздано всем, кто мог сражаться, излишки снаряжения были закопаны к востоку от здания штаб-квартиры, где они хранились. Командир, очевидно, опасался худшего. В случае захвата крепости это оружие, по крайней

мере, не будет использовано аламанными. Действительно, оружие так и не было найдено ни аламанными, ни римлянами, а начавшийся в здании принципии пожар был настолько сильным, что расплавил бронзовые парадные доспехи, шлемы и поножи, которые были оставлены в западных помещениях здания.

Соседняя провинция Норик также пострадала. Столица провинции Лауриакум, в которой находились легион II Italica и резиденция наместника, был сожжен дотла. Лауриакум был немедленно восстановлен в 234–235 годах, но только для того, чтобы снова и снова разрушаться в результате серии катастроф на протяжении ближайшего столетия. В Норике было обнаружено несколько монетных кладов, в том числе один, захороненный на северном берегу озера Аттерзее близ Зеевальхена в Верхней Австрии, и скопление других вокруг Виндобоны в Верхней Паннонии.

Значительное количество монетных кладов, датируемых периодом между 229–235 годами в Верхней Германии и Реции, являются свидетельством паники, которая царила тогда в этих провинциях. Многие из незащищенных поселений, окружающих лагеря, были полностью заброшены после 233 года. Скопления монет, датируемые 231, 233 и 235 годами были обнаружены в Кирхматтинге, Вигг. енсбахе и Нидерашау соответственно. Понятно, что мирные жители закапывали свои богатства перед лицом кризиса, надеясь, что когда-нибудь смогут вернуться к обеспеченной жизни и восстановленным домам. То, что они этого так и не сделали, говорит о том, что их постигла безвременная кончина. Даже воины гарнизонов вдоль рек, похоже, отчаялись сохранить свои жизни.

Далее несомненному удару подверглись Нижняя Паннония и Дакия, а также обе Мёзии. У нас нет никаких точных данных об этом, однако ещё А.М. Ременников в своё время отметил, что Геродиан повествует о событиях во всём Иллирике, не выделяя отдельных районов, а понятие «Иллирик» охватывало не только Рецию и Норик, но и обе Паннонии, Верхнюю Мёзию и даже Дакию. И так как, по словам того же Геродиана, «иллирийские войска» римской восточной армии при известиях с запада охватила «сильнейшая тревога», то можно, следовательно, заключить, что что и эти провинции тоже находились под непосредственной угрозой. Именно сюда и направился позднее Максимин сразу же после победы над аламанными [А.М. Ременников. Борьба племён северного Причерноморья с Римом в III веке. М. 1954. с. 21].

Но тот же Ременников, видимо, неправ в отношении Верхней Паннонии. Во-первых, он считает, что её вексилляция тоже участвовала в Персидской войне, а мы знаем, что это не так. Во-вторых, у археологов нет никаких данных о нападении на Верхнюю Паннонию. К северу от этой провинции жили маркоманны и квады. Оба племени были замирены римлянами ещё в ходе Маркоманнских войн.

Маркоманны даже считались друзьями Рима, о чём советники предупреждали ещё Каракаллу. Племена эти слабели и не представляли теперь особой угрозы для римлян. Со временем они были поглощены другими союзами племён и исчезли как самостоятельные единицы.

А вот насчёт языгов Ременников прав. Нижняя Паннония, Дакия и Верхняя Мёзия сотни лет были объектами нападений языгов, которые сами являлись весьма трудным объектом для Рима в силу кочевого образа жизни. Для языгов переход по льду через Дунай или Тису был стандартным манёвром, поскольку большинство из них были конными, а кораблей для перевозки лошадей не имели. С другой стороны, это вынуждало языгов действовать быстро, не задерживаясь на римском берегу, поэтому они могли захватывать римские города или крепости только налётом, не имея времени для длительной осады. В этот раз сильные вексилляции Нижней Паннонии и Верхней Мёзии, да и Дакии, ушли в поход, что поставило эти провинции в уязвимое положение для удара языгов. Можно согласиться с Ременниковым: «участие в нападении языгов не может быть подвергнуто сомнению и война с ними, документально установленная для несколько более позднего времени эпиграфическими данными (CIL III 3735; 3736, 3740; V 8076), была лишь продолжением борьбы, начавшейся ещё в 232-233 годах». [А.М.Ременников. Борьба племён северного Причерноморья с Римом в III веке. М. 1954. с. 21]. Мы ограничиваем датировку 233 годом. Языгов было численно немного, и они не собирались захватывать Паннонию, отличающуюся от их привычных условий жизни в степи, но пограбить могли основательно. С севера и востока Дакию могли атаковать вандалы и карпы. Там, правда, оставался целый легион V Macedonia. Да и часть XIII Gemina p.f. оставалась в Апулуме, поэтому вряд ли варварам удалось многое.

Войско Верхней Мёзии, ослабленное уходом на Восток, могло поддержать любую из соседних провинций и наверняка сделало это, но какую, мы не знаем.

Прекращение чеканки монет в городах Нижней Мёзии именно в последние годы правления Александра Севера служит ярким доказательством того, что усилили свой нажим и племена, расположенные у нижнего течения Дуная. Это были, в первую очередь, роксоланы, но должны были присутствовать и карпы, а также скиры, бастарны, готы. Последние для римлян тогда были всего лишь одним из скифских племён. Правда, в отношении, по крайней мере, Нижней Мёзии, Геродиан сгустил краски. Хотя территория, подвергшаяся нападению, была, по-видимому, довольно значительной, но Геродиан не называет ни одного большого города, захваченного вторгшимися племенами. Археологические данные, подтверждающие факты взятия городов, массового бегства населения, также относятся к несколько более позднему времени. Здесь, видимо, сыграла свою роль

предусмотрительность Александра, оставившего в Нижней Мёзии практически всё её войско. Но основной смысл событий остаётся несомненным. Европейские варвары, воспользовавшись ослаблением обороны по Рейну и Дунаю, уходом на Восток больших сил римской армии, напали на пограничные провинции. Они не прорвались так далеко, как в 167–170 годах, только Декуматские поля были захвачены полностью, но пограничные провинции подверглись серьёзному разгрому, и варвары не собирались из них уходить, продолжая разорять и разрушать. Надо было выгонять непрошенных гостей, а для этого император с армией должны были вернуться в Европу.

Позиция Александра Севера была чрезвычайно уязвимой. Его восточная армия серьезно пострадала в войне, исход которой был спорным. Эти потери необходимо было восполнить, а его людям дать время восстановиться. Оборона восточных провинций нуждалась в укреплении, Ардашир не был побежден и не просил мира. Местонахождение царя Сасанидов, вероятно, оставалось для Александра неизвестным. Можно было предположить, что он готовится к весенней кампании против Рима. В то же время любая задержка с выступлением на помощь осажденной армии и провинциям на Рейне и Дунае только еще больше разожгла бы негодование солдат. Вторжение в Рецию сделало даже Италию уязвимой. Наконец, существовала вероятность узурпации власти. В военных неудачах всегда обвиняли императоров, и армии в районах, которым угрожали вражеские вторжения, теперь стремились, в отсутствие императора на месте, назначить своего собственного императора командовать войсками, необходимыми для сопротивления противнику. Именно это произошло в Месопотамии в 228–232 годах, и существовала вероятность того, что армии на Рейне или Дунае взбунтуются. Наместники этих провинций, находящихся под угрозой, подвергались давлению с двух сторон. Во-первых, недовольные солдаты искали возможных кандидатов для возведения в императорский сан, причём отказ грозил смертью, но, во-вторых, тоже самое грозило и от реального императора и всей системы законной власти империи. Наместникам приходилось делать нелёгкий выбор. Согласно АЖА, к тому времени легионы действительно были в мятежном настроении.

Очень опасной для Александра оказалась реакция солдат европейских вексилляций, которые, как мы знаем, вообще неохотно отправились на Восток. Их опасения полностью подтвердились. Они только что потерпели неудачу в Персидской войне, понесли там тяжёлые потери, многие едва оправались от болезни и обморожений и тут они получают сообщения, причём, многие личные, от друзей и родственников, о давно ожидаемом вторжении в их родные места, об уничтожении или захвате их семей варварами, о сожжении и разграблении их имущества. Их моральный дух и так был низок, а тут такое. Многие воины были возмущены тем, что император увёл их на

Восток, несмотря на уже тогда имевшиеся серьёзные опасения по поводу возможного удара варваров. Таким образом, для солдат главным виновником их двойной трагедии стал император. «Они негодовали и обвиняли Александра в том, что он по беспечности или из трусости погубил дело на Востоке, а теперь медлит и боится идти на Север».

Александр действительно медлил. Сначала он просто не мог поверить в такой масштаб вторжения, но вскоре этому пришли подтверждения. Масштаб был действительно огромен. Затем надо было как-то закрыть тему войны с персами. Ардашир оказался в Хорасане, и переписка с ним заняла много времени. Мы не знаем, был ли заключён формальный мир. С точки зрения Ардашира, ему не было никакой нужды торопиться, ведь Александр всё равно был бы вынужден уходить в Европу. Ардашир же пока не выполнил своих задач на западе, ему не удалось захватить ни сантиметра римской территории. А ведь он во всеуслышанье объявил о намерении дойти до Геллеспонта и Александрии. Стоило ли ему в таких условиях заключать с Римом мир? Александру же в любом случае перед уходом в Европу надо было укрепить оборонительные позиции на Востоке, что тоже требовало времени. Для этого ему пришлось даже задержаться на Востоке, чтобы тщательно укрепить стенами лагеря и сторожевые пункты, пополнить их определенным количеством войск, перераспределив их в соответствии с новыми требованиями. В рамках этой задачи, были укреплены пути возможного нападения персов из южной Месопотамии: Легион III Gallica выдвинул свои передовые посты к Пальмире; VI Ferrata был переведен из Капаркотны куда-то на север в Сирию Финикийскую. Была укреплена Дура-Европос, а Хатра получила дополнительный гарнизон, правда, видимо, из арабских частей.

Перевод легиона VI Ferrata представляет большую проблему. Вообще эпиграфические памятники VI Железного необычайно редки, – в отличие от других легионов Востока. Да и сама его предпоследняя известная стоянка Капаркотна/ Legio/Lejjup стала раскапываться очень недавно. Идея о переводе легиона на север возникла оттого, что появились надписи VI Ferrata из района Дамаска. Заслуживает внимания монета, чеканенная при Филиппе Арабе в Дамаске, реверс которой демонстрирует волчицу с близнецами, а за ними надпись на вексиллуме: *LEG VI F(errata)* (Eckhel, III, S. 333). Монета именно дамаская, волчица изображена и на других монетах этой колонии. Однако остается неясным, причём здесь VI Ferrata? Лучше всего было бы предположить, что этот город, владевший с правления Александра Севера правами колонии, обрел в качестве поселенцев ветеранов VI легиона. В пользу этого могла бы говорить и другая дамаская монета, чеканенная при Гереннии Этруске между 249 и 251 г., на которой изображена женщина с короной в виде замковых зубцов, а справа и слева по вексиллуму с буквами *S* и *T* (Ibid.), которые Экхель

расшифровывает как *sexto* и *tertia*, ибо при Требониане Галле на монетах города появляется и III Галльский легион (PWRE. Stuttgart, 1925. Bd. XII. HBd. XXIV. Sp. 1528.40 ff.). Расселение в Дамаске ветеранов этого легиона вполне понятно, так как он дислоцировался в той же провинции Финикия и совсем рядом с Дамаском. Но VI Железный тогда дислоцировался в соседней провинции Сирия-Палестина. Может быть Александр Север, как известно, внесший некоторые изменения в организацию обороны на востоке (Геродиан, VI, 7.5), перевел VI легион из Палестины в Финикию? Или в Дамаске была основана лишь его колония ветеранов? Ведь была же таковая в Арелате. Может быть. Вообще же VI Ferrata постоянно смещался на юг. В 303/304 году он был переведён в Адру/Августополис, что в 15 км к востоку от Петры. Видимо, это – самое позднее датированное свидетельство существования VI легиона. В *Notitia dignitatum* он, во всяком случае, уже не упоминается, и потому остается проблемой – куда и каким образом он исчезал в III в. и когда был расформирован в IV веке?

Как мы уже говорили, произошла также ротация легионов II Traiana Fortis Germanica, занявшего Зевгму на Евфрате, и IV Scyphica, ушедшего в Александрию Египетскую. Конечно, эта ротация была вызвана не военными причинами, а стремлением повысить боевые качества легиона IV Scyphica, убрав его из разлагающей сибаритской атмосферы Антиохии. II Traiana Fortis, видимо, считался более надёжным, несмотря на недавний бунт. Неясно, куда был направлен новый легион IV Italica. Вообще же, Александр не очень опасался наступления Ардашира и даже позволил себе ослабить группировку римских войск на Востоке. Он оценил ситуацию в Европе как очень опасную и был вынужден не ограничиться уводом на запад только европейских вексилляций, но прихватить с собой и часть восточных войск. Легионы он не брал, они ему были не нужны. Для борьбы с варварскими ватагами, он предпочёл взять значительные контингенты парфянских и армянских конных лучников, которые были очень полезны в войнах против германцев, сарматов и даков. Это было признано еще со времен Августа. По тем же причинам он также взял с собой осроенских конных лучников и мавров, и снабдил часть регулярных римских кавалерийских сил снаряжением клибанариев. Вполне вероятно, что солдаты, выведенные из местных гарнизонов для похода в Европу, были восполнены местными наборами.

К сожалению, мы не знаем толком, какие восточные части Александр взял с собой в Европу. Известно только несколько из них. Пошла в Европу вексилляция восстановленного Александром легиона III Gallica Severiana Alexandriana. Вместе с ней до самой Германии дошла ала Nova firma Milliaria Catafractaria из Востры в Аравии. Её тяжёлые бронированные всадники были хорошим средством против легко вооружённых алеманнов. А в Паннонии пришли: когорта I Nova Severiana Surorum Milliaria sagittaria, ала II Septimia Syrorum milliaria,

когорта I Hemesenorum Milliaria sagittariorum и когорта IX Severiana Surorum.

В общем, летом 233 года Александр с армией и дворцом поспешил в Европу. Макхью почему-то считает, что это произошло лишь через год [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 324]. Очень сомнительно предполагать, что император просидел в Антиохии полтора года в тех условиях, которые столь ярко описал сам Макхью. Правда он считает, что Персидская война Александра происходила как раз летом 233 года. Мы же относим её к концу 232 года. Поэтому мы, как и некоторые другие историки полагаем, что римская армия вернулась на запад к концу лета 233 года. К.Р. Уиттакер в своих заметках в издании Лозба «Геродиан» и Брайан Кэмпбелл в своей книге «Кембриджская древняя история» утверждают, что Александр отправился в Рим осенью 233 года и остался на зиму в Риме, где отпраздновал свой триумф, прежде чем отправиться в зону боевых действий весной 234 года.

Императора сопровождали его мать и советники. Рутилий Криспин, его главный военный советник, должно быть, был одним из них. Надпись, указывающая на его *cursus honorum*, указывает на то, что в какой-то момент он был удостоен должности консула-суффекта, за которой последовало назначение на пост проконсула Ахайи. Это весьма странно, поскольку в то время император нуждался в услугах людей с военным опытом больше, чем в какое-либо другое. Наиболее вероятной датой консульства Криспина является 234 год, когда он занимал эту должность по представлению императора. Правление Ахайей пришлось на середину-конец 234 и весь 235 год, и Максимин Фракиец сохранил его назначение, чтобы фактически убрать влиятельного сторонника своего предшественника в провинцию, в которой не было сильного военного присутствия; при этом он не был в состоянии влиять на политику сената в столице.

Как армия отходила? Маршруты и дороги нам, в общем, известны. Каппадокийская группировка отходила по северной дороге, а сирийская – по южной через Киликию и Галатию. Вопросов с продовольствием и фуражом возникнуть было не должно, поскольку система снабжения тоже была отработана веками и склады стояли по всему пути. Геродиан недвусмысленно утверждает, что император и его армия выступили прямо против германцев «с огромной скоростью». Допустим, так оно и было. Когда император переправился в Византий, в соседней Нижней Мёзии шли бои с готами. Более поздние императоры, когда им приходилось возвращаться в Европу в подобных условиях, поворачивали на север, переходили Родопы и шли вдоль дунайской дороги, выбивая варваров за реку. Так ли поступил Александр, мы, к сожалению, не знаем. Судя по времени его возвращения в Рим, у Александра был месяц-другой для кампании на Дунае. По нашему мнению, оставлять варваров в тылу Александр никак не мог, хотя бы,

по моральным соображениям, ведь многие его солдаты имели семьи в разоряемых дунайских провинциях и стремились их освободить, а многие семьи погибли или были захвачены в рабство. Тут Макхью прав, какой солдатам был триумф при таких условиях. Вот и выходит, что Александр должен был очистить дунайские провинции летом 233 года. Есть интересная ссылка на победу, одержанную Александром над аланами в «Кестоях» Юлия Африканского. Все комментаторы, думают, что Александр, о котором там идет речь, вероятно, Александр Македонский. Однако, при Александре Македонском аланов ещё не существовало. А вот в III веке в этой области жили аланы как внутри Римской империи (обратите внимание на происхождение Максимиана Фракийца), так и по ту сторону границы в качестве подданных или союзников готов. Если мы отождествим этого Александра с Александром Севером, то становится очевидным, что это он разгромил аланов. Готов Юлий Африкан тогда мог и не знать. Если Александр победил аланов и готов, то это наступление усмирило их на следующие три года, потому что они не вторгались на римскую территорию до 238 года. Не исключено, что с аланами и готами, в нападении на Мёзию участвовали роксоланы. Африкан приписывает победу Александра использованию ядовитого цветка морозника, которым отравились аланские кони. Действительно, распространение морозника на полях могло затруднить проход кавалерии, если не было другого фуража, но случилось ли это на самом деле и в какой степени, неизвестно. Скорее всего, что-то подобное имело место, иначе зачем бы Африкану это выдумывать.

После этого Александр, очевидно, двинулся маршем в Иллирию, оставил часть войск на Балканах под командованием своего родственника Бария Макрина, а сам продолжил свой путь в Рим. Ни о каких других боях мы не знаем и может быть, варвары сами заблаговременно ушли за Дунай при известии о подходе римской армии.

Александр вернулся в Рим в сентябре 233 года и отметил триумф над Персией, а также 25 сентября произнес речь в сенате (АЖА, Александр, LVI, 1-2). Именно в этой речи, как утверждает Лампридий, Александр и озвучил те данные о потерях персов, которые мы уже приводили.

Яркое и подробное описание триумфа императора приводится у Лампридия, а также встречается у историка конца IV века Феста, который утверждает: «В Риме он [Александр Север] с необычайной пышностью отпраздновал победу над персами». Лампридий же пишет так: «После этого он прибыл в Рим и, отпраздновав блестящий триумф, прежде всего произнес в сенате следующую речь... Отпустив сенат, он поднялся на Капитолий и, совершив священнодействие и поместив в храме персидские рубашки, произнес на народной сходке следующую речь: «Квириды, мы победили персов. Воинов мы привели назад богатыми. Вам обещаем раздачу, а завтра дадим Персидские игры в

цирке». Это мы нашли и в анналах, и у многих писателей. После этого Александр с необыкновенной славой, в сопровождении сената, всаднического сословия и всего народа, среди обступивших его со всех сторон женщин и детей, главным образом – жён воинов, поднялся пешком на Палатин, а четыре слона повезли назад триумфальную колесницу. Александра люди несли на руках и почти не позволяли ему идти в течение четырех часов. Со всех сторон неслись общие крики: «Рим благоденствует, государство благоденствует, ибо благоденствует Александр!». На следующий день, по окончании цирковых игр и театральных представлений, он произвел раздачу народу. Подобно тому как Антонин учредил коллегия «фаустининских девочек», Александр учредил «мамеинских девочек» и «мамеинских мальчиков» [Элий Лампридий. Александр Север LVI-LVII.]. Хотя более вероятно, что они были созданы для празднования десятилетия правления императора.

Лампридий утверждает, что речь, произнесенная императором перед сенатом по случаю его предполагаемого возвращения, взята из официальных записей, но она, как и все подобные речи в АЖА, отвергается академическим сообществом как чистый вымысел.

Оба автора, вероятно, использовали общий источник. А вот Геродиан заявляет, что Александр Север направился прямо к Рейну, что косвенно исключает посещение им Рима. Триумф был значительным событием, поэтому очень удивительно, что он не упоминается Геродианом. Макхью даже всерьёз сомневается в факте триумфа [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 325], но некоторые историки признают его. Мы также. Лампридию и Фесту не было никакого смысла выдумывать этот триумф, в первом случае ещё и с подробностями. А вот Геродиан мог умолчать о триумфе, ведь он не соврал и обвинять его современникам можно было только в неаккуратности.

В качестве доказательства достоверности Лампридия и Феста можно использовать монеты, выпущенные в 233/234 годах. На них изображен император, увенчанный Победой, верхом на Тигре и Евфрате. Кроме того, на монетах Мамеи того времени имеется надпись «Фортуна». На другой монете, выпущенной в честь триумфа, изображен Александр Север с ветвью в руках, сопровождаемый Победой, в колеснице, запряженной лошадьми, ведомыми двумя воинами с каждой стороны. Правда, это противоречит Лампридию, у которого прямо говорится, что триумфальная колесница была запряжена слонами. Но изображение на монете может быть условным и стандартизованным. Само изображение может лишь символизировать триумф над врагами Рима. Конечно, сами по себе эти монеты не являются убедительным доказательством того, что император устроил триумф. Ни одна монета или надпись не прославляет императора, как «императора-воина», что произошло бы, если бы он устроил триумф. Подобные монеты были выпущены перед

Восточной кампанией в ожидании победы, и ряд выпусков был сделан для распространения информации о победе, но не может быть использован в качестве убедительного доказательства этой самой победы и триумфа. Монеты, посвященные Фортуне, могли быть посвящены благополучному возвращению армии с Востока или фактическому возвращению императорской семьи в Рим. Такое тоже было. Например, в Паннонии Юлий Канин воздвиг алтарь Гераклу 'в честь спасения и возвращения императора Александра Севера.

Понятно, что измученные войска не могли продолжать кампанию в этом году. Поэтому Александр решил перезимовать с Итальянской армией в Риме и его окрестностях, отдохнуть, подлечиться, обновить снаряжение, организовать новый набор, а ранней весной двинуться на освобождение Германии. Дунайские войска тоже отдыхали. Германоретийская вексилляция или вексилляции, отдыхали с товарищами в Риме, не имея возможности в одиночку пробиться к своим родным кастеллам и викусам. Правда, если признать фактом походы Вария Макрина и Пупиена, описанные ниже, боевые действия на Дунае продолжались.

Обратим внимание читателя, что Восток и Европа не исчерпывали собой римские границы. У Империи были и другие территории, которые тоже подверглись нападениям в те же самые годы. Мы знаем об этом только из краткого сообщения Лампридия, подробности же этих войн совершенно неизвестны. Лампридий пишет, что победы римлянами были одержаны в провинции Мавритания Тингитана под командованием Фурия Цельза, в провинции Иллирик Варием Макрином, родственником Александра, о котором мы уже упоминали, и в Армении Юнием Пальматом, и из всех этих мест Александру были отправлены письма, увенчанные лаврами. Из Исаурии также поступили желанные вести. Они были публично зачитаны Сенату и народу в разное время той осенью, поэтому Александр почувствовал себя победителем и охотно приветствовался всеми титулами/когноменами, которые носили эти места... Он отдавал пленников, которых он захватил из разных народов, своим друзьям, если только они не были королевской крови или благородного звания. Они были зачислены для ведения войны, но не на высокие посты [большинство из них, предположительно, состояло из парфянских и персидских дезертиров]. Земли врага, которые были завоеваны, были распределены с его согласия между офицерами и солдатами лимитанов [пограничья] при условии, что их наследники после них должны взять в руки оружие и что эти земли никогда не должны перейти к лицам другого положения. Александр сказал, что мужчины сражались с большим рвением, когда защищали свои собственные поместья. Он снабдил их скотом и слугами, необходимыми для обработки почвы [наличие слуг позволяло солдатам сосредоточиться на тренировках и сражениях], чтобы не случилось так, что земли, граничащие с варварами, стали необитаемыми из-за

отсутствия жителей или старости владельцев [Элий Лампридий. Александр Север LVI11].

Приведенная выше цитата дает нам важные подсказки относительно последовательности других войн, имевших место в 231–234 годах. Поскольку увенчанное лаврами письмо о победе Фурия Цельза над маврами в Мавритании Тингитане было зачитано в Сенате осенью 233 года, ясно, что война в Мавритании Тингитане произошла примерно в 232–233 годах. Сивенне считает, что причиной войны стала переброска мавританских кавалерийских подразделений на восточный театр военных действий в 231 году, что создало вакуум власти в этом районе, которым воспользовались местные племена. Это позволяет датировать другую войну, имевшую место в Северной Африке во время правления Александра Севера. У нас есть надпись, в которой упоминается победа Квинта Гаргилия Марциалиса над фараксенами/фраксиненсами в Мавритании Цезарейской. Поскольку вполне вероятно, что неприятности с маврами произошли одновременно в соседних областях, то нам следует датировать и эту войну примерно 232–233 годами. Также весьма вероятно, что эта война тоже была вызвана выводом мавританских кавалерийских ауксилиев на Восток. Римляне одержали победу в обоих случаях. Римляне того времени явно умели действовать в пустынной и горной местности Северной Африки, но мы точно не знаем, как римляне добились этих побед. Не было бы ничего удивительного, если бы они победили мавров в ожесточенных сражениях, потому что подавляющее большинство мавров были очень легко экипированы по римским стандартам. Типичное снаряжение мавров состояло из небольшого щита и двух дротиков, которыми пользовались как пешие, так и конные воины. Они также использовали луки и другое оружие, но их значение было невелико. Источники ясно дают понять, что римляне обычно побеждали мавров, даже когда те превосходили их численностью. Поэтому вполне возможно, что мавры совершили ошибку, решившись на открытый конфликт с римлянами. Как правило, они пытались компенсировать свое легкое снаряжение за счет использования превосходящего числа людей, собранных в форме конфедерации из нескольких племен, и использования труднопроходимой местности, такой, как горы. Кроме того, они строили обнесенные частоколом лагеря, служившие базами нападения, тылы которых, обычно прикрывали лесистые горы, укрывавшие мавров при отступлении. Типичной римской контрмерой было изолировать мавров и отнять у них стада животных. Обычно это заставляло мавров либо сдаваться, либо принимать вызов на решительное сражение.

Информация, касающаяся войны в Иллирике, особенно важна, потому что это были ворота в Италию и Рим, а после ухода войск из Италии на Восток в этой области тоже возник вакуум власти. Именно из-за этой угрозы, в основном, Александр был вынужден отказаться от своей

восточной кампании и отправиться обратно в Европу. Но победу в Паннонии одержал не он, а некий Барий Макрин, родственник Александра. Новость об этой победе была зачитана в Сенате и зачитал её Александр, который уже вернулся в столицу. Это датирует победу в Иллирике концом 233 – началом 234 года. Сивенне предпочитает середину 234 года, но мы считаем, что Макрин отбил очередное зимнее нападение варваров по льду Дуная в начале 234 года. Ранее это произойти не могло. Если бы Барий Макрин уже разгромил врага летом 233 года, Александр и его советники не опасались бы за судьбу Италии, как было заявлено Геродианом (6.7.3–5). В августе 233 года Александр с армией сам был в Паннонии, как и летом 234 года.

Хорошие известия в конце 233 года пришли также из Армении. Там одержал победу некий КЭний Пальмат. Он не может быть легатом Каппадокии, каковым в 234 году был Лициний Серениан. Разве что Пальмат был легатом Каппадокии в 233 году, но тогда непонятно, почему Александр снял удачливого полководца. Сивенне считает, что Пальмат командовал Северной римской армией во время Восточной кампании 232 года, но нам кажется, что Пальмат вёл боевые действия позже, что довольно ясно вытекает из сообщения Лампридия, ведь письмо с донесением о победе Пальмата Александр получил уже в Риме. Можно предположить, что в Армении в 233 году после ухода Александра происходили какие-то боевые действия. Вероятно, персы пытались вернуть восточные районы, но армяне Хосрова и римляне Пальмата их отбили. Скорее всего, Пальмат имел какой-то меньший чин, нежели легат провинции. Может быть, препозит вексилляции в Армении.

В Месопотамии тоже что-то происходило. Геродиан (7.8.4) вкладывает в уста Максимиана Фракийца, утверждение, что именно храбрость римских солдат и собственные действия Максимиана сдерживали персов в 233 году. К сожалению, это сообщение слишком неточно, поэтому возможны альтернативы. Но мы к этому ещё вернёмся при рассказе о Максимине.

Элий Лампридий также упоминает о победе над исаврами, но нет никаких указаний на дату или обстоятельства. Возможно, что исавры восстали после ухода Александра; или даже раньше. Это было первое из известных нам исаврийских восстаний после 75 г. до н. э., продолжавшихся затем с перерывами сотни лет. Исавры занимались грабежом в горах до конца V века, пока не влились в византийское общество. Нам не хватает подробностей этого исаврийского конфликта, но на основе конфликтов, имевших место в этом районе ранее и позже, легко увидеть, что все происходило по типичной схеме в которой нищие, легко экипированные исавры, обычно вооруженные только щитами, дротиками и мечами, спустились со своих горных укреплений на равнины и грабили местность до тех пор, пока римляне не пришли с достаточным количеством солдат, что вынудило горцев искать

убежища в своих укреплениях, где их затем осаждали, пока они не сдались. Причиной же восстания вполне могло стать ослабление власти на Востоке, которое подобные горские сообщества чувствуют очень хорошо.

В целом, к концу 233 – началу 234 года, ситуация в Империи начала выправляться. Все атаки и бунты были отбиты и ликвидированы, дунайская граница вплоть до Норика была восстановлена, армия и император вернулись в Италию. Конечно, потери были велики, особенно материальные и людские на рейнско-дунайской границе, а также потери во время Персидского похода. Однако, они могли быть компенсированы. Ресурсов империи пока хватало. В конце 233 – начале 234 года по всей империи была начата еще одна вербовочная кампания, чтобы восполнить недавние потери. Значительная часть уничтоженной южной армии, вероятно, была родом из Пальмиры и арабских областей, которые предоставляли войска вспомогательным подразделениям по всей империи. Надписи, сделанные солдатами из числа пальмирцев в Эль-Катаре и Эль-Гахре в провинции Нумидия, носили восточные имена до момента, когда три посвящения богу Мелагбелу были изготовлены воинами уже с африканскими именами, которые, вероятно, были местными новобранцами. Видимо, это было связано с тем, что ресурс пальмирцев был исчерпан из-за больших потерь 232 года. Как видим, арабов просто заменили нумидийцами.

Северным легионам и ауксилиям также требовался новый призыв, чтобы пополнить свои поредевшие ряды. Эти новобранцы призывались, в основном, с Балкан. Особых проблем с призывом тогда не было, поскольку статус, доходы и перспективы солдат в III веке значительно превосходили таковые у простого народа. Стать солдатом было престижно и выгодно. Но тут завязалась новая смертельная интрига, приведшая к большим последствиям. Обучать этих новых новобранцев в качестве *praefectus tironibus* было поручено Максимино Фракийцу как имеющему большой «военный опыт». Однако этот пост явно был понижением в должности по сравнению с наместником Месопотамии, которым, возможно, был тогда Максимин. Вероятно, Александр и Мамея решили отстранить Максимино от солдат, которыми он командовал в провинции, поскольку его лояльность вызывала подозрения. Если это так, то Максимин Фракиец сгорал от гнева и негодования. Правда, есть предположение Макхью, о том, что Максимин был назначен не только префектом тиронов, но и препозитом паннонской вексилляции. Это многое меняет в положении Фракийца, но об этом ниже. Геродиан описывает его как выполняющего свои обязанности чрезвычайно добросовестно, завоевав большую популярность среди войск, потому что он не ограничивался только обучением солдат, но и сам во всех делах показывал им пример, так что они были не просто учениками, но брали его в пример и подражали его мужеству. Кроме того, он привязал их к себе подарками и разными отличиями. Он имел свободу

передвижения, которую использовал в полной мере. Есть надпись, в которой говорится о том, что некоторые из его рекрутов ремонтировали дорогу близ Аквилеи. Это было, должно быть, в начале 234 года, когда ситуация на Востоке успокоилась. Ещё он, должно быть, ездил в разные тренировочные лагеря и водил своих людей в походы к разным крепостям и лагерям, используя эту возможность, чтобы наладить связи и получить поддержку. И ему это удавалось, в том числе и потому, что сам Александр опять сидел в Риме, поручив борьбу с варварами своим полководцам. Так, мы уже знаем, что языгов в Паннонии разбил Варий Макрин. А кто воевал на западе большую часть 234 года? Сивенне считает, что это был будущий император Пупиен. Текст Юлия Капитолина (5.6-10 с новым переводом Сивенне) объясняет, что произошло: «Он [Марк Клодий Пупиен Максим, более известный как Пупиен] был послан в качестве специального легата в Иллирию, где он разгромил сарматов. Оттуда его перевели на Рейн, где он успешно провёл кампанию против германцев. Затем его назначили городским префектом, в этом качестве он проявил себя очень практичным, очень способным и очень негибким». Мы можем датировать эту серию событий на основании назначения Пупиена ординарным консулом и городским префектом в 234 году. Это означает, что Пупиен привел экспедиционные силы в Иллирию в конце 233 года, с их помощью он одержал победу над языгами, изгнав их за Дунай, что позволило ему прорваться на Рейн, по дороге разгромив аламаннов и очистив от них Норик и Рецию, последнюю, по крайней мере, до Дуная. За эти достижения Пупиен был награжден ординарным консульством и городской префектурой в 234 году, и именно благодаря этим достижениям Александру Северу не пришлось лично участвовать в кампании в Иллирике или в Галлии в 233 – начале 234 года. Александр ещё польстил Пупиену назначением его старшего сына Тиберия Клодия Пупиена Пульхра Максима консулом-суффектом предположительно на январь 235 года. Подводя итог, можно сказать, что Пупиен и его воины (состоявшие в основном или исключительно из кавалерии) действовали в качестве авангарда основной армии, которую Александр привел обратно в Европу. Что несомненно, так это то, что в этой армии было значительное количество всадников, потому что они были необходимы для войны против быстро передвигающейся сарматской кавалерии и лёгкой германской пехоты. Поэтому вполне возможно, что отцом более широкого использования римлянами кавалерии на самом деле был именно Пупиен, а не Галлиен. Кроме восточной кавалерии, в его корпусе должны были быть вспомогательные алы из самих провинций Норика, Реции и Германии.

Победы Пупиена, конечно, спасли империю, однако заслоняли деяния императора. Александру нужны были военные успехи, потому что его достижения бледнели по сравнению с достижениями Пупиена. Именно поэтому Пупиен был мягко отстранен от службы в армии и назначен

сначала консулом, а потом городским префектом (Praefectus Urbi) в 234 году.

Это мнение финского историка Сивенне и оно вовсе не бесспорно. Выше мы уже указывали о гораздо более распространённой версии, что Пупиен был легатом Нижней Паннонии в 211–213 годах, а Верхней Германиии в 214–216 годах, то есть, гораздо раньше описываемых нами событий. Какое из предположений верно, мы не знаем. Слабостью версии Сивенне является стремительность пути Пупиена от Паннонии до Германии, а оттуда в консулат и городскую префектуру. Ординарный консул должен был быть в Риме 1 января – в день принятия присяги. Что же, это значит, что Пупиен со своей конницей прошёл от Паннонии до Германии и обратно в Рим за какие-то пару месяцев в 233 году? Это выглядит невероятным. Разве что, он стал консулом заочно и воевал всю зиму и весну. А ведь консулом 234 года Пупиен был точно. Вместе с Марком Мунацием Суллой Урбаном, сыном консула 215 года, казнённого Гелиогабалом в 219 году, между прочим. Но самое главное! А когда же он успел побывать легатом Верхней Германиии? Тоже всего лишь в декабре 233 года? Это уж явно чересчур. Так что Сивенне придётся постараться, чтобы его версию событий 234 года признали. Мы видим выход из положения в том, чтобы признать легатуру Пупиена в Нижней Паннонии и Верхней Германии в 211–216 годах. В 233–234 годах он мог быть дуксом или препозитом (специальным легатом, согласно АЖА). Тогда всё остальное по идее Сивенне вполне возможно, даже учитывая короткие сроки кампании. Капитолин же мог просто сжать два схожих случая из жизни Пупиена о его деятельности в Н. Паннонии и В. Германии в один рассказ.

Видимо, стоит предположить, что Александр Север и Мамея очень не хотели лично ехать на Аламаннскую войну, предпочитая спокойную и весёлую жизнь в Риме тяжёлым лишениям и большим хлопотам на фронте. Лампридий пишет, что после возвращения с Востока Александр жил, окруженный любовью народа и сената. Понятно, что какая-то часть сената и плебса были счастливы, что ими правит добрый и хозяйственный император, который вместе с ними каждый день ходит в цирк на гонки колесниц и на другие развлечения. И ему это нравилось. Ну, не был Александр воином по-духу. Кто-то из полководцев потихоньку воевал на Рейне, кто-то на Дунае. А Александр оставался в Риме. Геродиан подтверждает, что Александр уезжал в Германию очень нехотя. А ехать туда пришлось, потому что главную победу должен был одержать именно он, иначе Германские и Паннонские войска вполне могли провозгласить и другого императора. Провозгласили же в Месопотамии и Сирии. Возможно, у Александра были какие-то сведения о подобных намерениях на Дунае и Рейне. К тому же, очень тяжко было и для государства, и для Александра самого то, что германцы грабили и опустошали Галлию. Тогдашнее римское общество считало, что «в довершение позора этот народ, который,

казалось, всегда подчинялся даже ничтожным императорам, теперь угрожал Римскому государству уже после победы над парфянами» [Элий Лампридий. Александр Север. 59 (3)]. Это замечание Лампридия сильно бьёт по предположению Сивенне о разгромном походе Пупиена против аламаннов. Не похоже, чтобы аламанны как-то сильно пострадали к моменту похода самого Александра. Поэтому, где-то весной 234 года Александр, всё же, отправился на север с Италийским корпусом. Мамея тоже была с сыном, не желая отпускать великовозрастного 26-летнего мужика одного. Все в Риме были уверены в победе, но неохотно отпускали императора, а некоторые даже провожали на протяжении ста и даже ста пятидесяти миль. Хотя, по рассказу Лампридия (60.7), перед выступлением в поход в Риме произошёл неприятный инцидент. Когда Александр поднялся на трибуну, чтобы обратиться к воинам и хотел сказать что-нибудь благоприятное, он начал так: «После убийства императора Гелиогабала...». Знамение заключалось в том, что, готовясь отправиться на войну, он начал речь к воинам неблагоприятными словами. Для тогдашних римлян это было важно.

Похоже, что оба префекта претория отправились в поход вместе с императором. Одним из них был юрист Юлий Павел, зафиксированный в качестве префекта претория после убийства Ульпиана в 223 году, а вторым – Марк Аттий Корнелиан, отмеченный как префект в 230 году. Очевидно, Мамея опасалась оставлять кого-то из префектов в Риме.

Состав Италийского корпуса нам, в общем, известен. Преторианцы там были – это точно.

Надписи из германских провинций сообщают о присутствии там преторианцев в 234–235 годах. Другие гвардейские части также пошли в поход. Они были обязаны охранять императора. Как всегда, в поход отправился альбанский легион II Parthica. Может быть, в Италии зимовала и теперь пошла в поход также нижнегерманская вексилляция.

Александр шел большими переходами, ведя радостных воинов, которые считали, что, наконец-то, дождались момента мести аламаннам за свои семьи и имущество. Этот момент, кажется, должен нам говорить о том, что и ретийцы с верхнегерманцами тоже были в Персидском походе и теперь возвращались домой. Александр шёл, несомненно, через Паннонии, где присоединил к экспедиционной армии местные вексилляции. Мы знаем, что в 234 году легион X Gemina из Верхней Паннонии вернул себе почётное звание Severiana Alexandriana. Возможно, оно было присвоено в ответ на выдающиеся заслуги в войне против Ардашира, а может, за поддержку императора в Аламаннском походе. Другим легионам Паннонии явно не удалось восстановить свои титулы. Зосим подтверждает, что император сохранял слабую власть над этими легионами: «Армии в Паннонии и Мёзии, которые ранее были далеки от того, чтобы уважать его, теперь

были более склонны к восстанию» (I, 13, 1). Конечно, воины понимали необходимость Германского похода, поэтому на этот раз восстаний на Дунае не было. Легионы и ауксилиии безропотно собрались и пошли. Точно известно об участии в аламаннском походе дунайских легионов IV Flavia Felix, I и II Adiutrix, II и III Italica, X Gemina, но, наверное, их было больше. Пошли и

новобранцы-тироны Максимиана Фракийца. Последний явно выражал полное послушание и всяческую лояльность, однако среди его новобранцев уже шли разговоры о том, что Максимин был бы куда лучшим императором, нежели Александр. Пока Максимин эти разговоры сдерживал, но репрессий никаких не применял, а значит внутренне был согласен с мнением своих бойцов. Насмотрелся он на плохих императоров за последние годы.

Ещё Александр включил в походную армию многочисленных восточных лучников и копейщиков, приведённых специально для войны против германцев. Конкретно называются мавританские метатели копий и большое количество лучников, как правило, из сирийцев, осроенцев, а также армян, которые частично служили в римской армии, а частично были переданы армянским царём как союзники, был также вспомогательный персидский отряд, состоящий из перебежчиков, наемников и военнопленных. Восточные воины, по-видимому, были организованы в виде нумерус, состоящих, в основном, из всадников. Эти подразделения, по-видимому, были оставлены прошлой осенью в обеих Паннониях. В восточных районах Паннонии были обнаружены двадцать три надгробия, свидетельствующие о том, что многие ауксилиарии были выходцами из Осроены, Самосаты и Апамеи, но имена их жен указывают на то, что они были женаты на местных женщинах. Значит, они прожили в Паннонии достаточно долго, чтобы успеть жениться. Их преданность сирийскому императору не вызывала сомнений, их присутствие среди беспокойных северных легионов на Дунае могло помочь стабилизировать нестабильную ситуацию, или на них можно было положиться в подавлении мятежей. Было обнаружено значительное количество надписей, посвященных как императору, так и его матери, сделанных «во здравие господина нашего Александра Августа». Они действительно оказались верны Александру, о чём свидетельствует одна из надписей, где название осроенцев стерто, вероятно, по приказу Максимиана Фракийца в отместку за их неудавшееся восстание. Надписи также свидетельствуют о присутствии этих войск на Рейне. Не забудем и вексилляцию легиона III Gallica.

Присутствовали в армии также бритты и фризы. Возможно, они присоединились к ней уже в Германии (Геродиан. 6,7,8; 7,2,1; Элий Лампридий. Александр Север 61,8; Юлий Капитолин. Двое Максиминов 11,7; Зосим 1,15,1; Зонара 12,15). Зафиксировано наличие в армии Александра numeri Brittonum, Frisiorum/ Frisiavonum, Nemesenorum,

Maurorum, Osrhoenorum, Palmyrenorum, Sarmatarum и Syrorum. Ещё в Аламаннском походе отмечена новая ала Nova Firma Milliaria Catafractaria из аравийской Бостры. В Паннониях же были размещены, пришедшие с Востока, армейские, когорта I Nova Severiana Surorum Milliaria sagittaria, ала II Septimia Syrorum milliaria, когорта I Hemesenorum Milliaria sagittariorum и когорта IX Severiana Surorum. Они тоже двинулись в поход.

Против германцев названные воины были особенно эффективны и Александр это знал, что положительно свидетельствует о его компетентности. Он знал, что в ближнем бою германцы часто были не хуже римлян и надо это было как-то компенсировать кавалерией и дальним боем.

Прибыв на Дунай (а может быть, ещё в 233 году), Александр и Мамея сменили тамошних наместников. Легат Верхней Паннонии нам не известен, а в Нижней Флавия Марциана сменил Луций Эгнаций Виктор Лоллиан, консул-суффект в 225-230 годах, который перед новым назначением был легатом Галатии.

В Верхней Мёзии Эгнация Виктора Мариниана тоже сменили, но мы не знаем, на кого. А вот в Нижней Мезии в 234 году Квинта Аниция Фауста Паулина сменил будущий император Гай Мессий Квинт Траян Деций. Возможно, Паулин удержался в 233 году потому, что сумел удержать дунайскую границу, в отличие от наместников обеих Панноний и Верхней Мёзии. Но теперь его всё равно сменили, поскольку срок наместничества в дунайских провинциях составлял, в среднем, 3 года. А ещё наверняка были сменены легаты Норика и Реции, не сумевшие сдержать вторжение в свои провинции [O'Hanlon, Bernard Michael, *The Army of Severus Alexander*, Loc. 2,273, citing Numidia AE 1967.573, PIR A 599; Mennen, Inge, *Power and Status in the Roman Empire, AD 193-284*, pp. 86-89.].

Мы абсолютно ничего не знаем о кампании 234 года. Возможно, никаких боевых действий и не было, поскольку никто из наших источников о них никак не упоминает. Не исключено, что южное побережье Дуная уже было освобождено кем-то из римских полководцев осенью-зимой 233-234 года. Возможно, это был и Пупиен. Вспомним теорию Сивенне о походе будущего императора в Германию зимой 233/234 годов, приведённую выше. Она основана на текстах Геродиана (8.6) и Юлия Капитолина (12.2 и далее). Там есть одно дополнение. Согласно Геродиану, германские симмахи (союзники) прибыли, чтобы помочь Пупиену Максиму в Равенне против Максимиана Фракийца в 238 году, потому что они питали к нему теплые чувства с тех пор, как он был их наместником. Их присутствие подтверждено Юлием Капитолином. Таким образом, становится ясно, что эти германцы пришли на помощь Пупиену в борьбе с Максимином Фракийцем из-за своих теплых воспоминаний о нем и в надежде на долгосрочный мир с Римом в случае победы Пупиена. По мнению

Сивенне, такие приятные воспоминания могли возникнуть только тогда, когда Пупиен победил германских захватчиков в 233–234 годах. Наверняка он предложил побежденному врагу очень мягкие условия мира, и вполне вероятно, что Александр на самом деле отправился в Могонциак только для того, чтобы подтвердить эти условия, чтобы затем повести армию обратно на восток против персов. Последующее вторжение на территорию Германии, осуществлённое Максимином Фракийцем, естественно, вызвало сильную ненависть среди германских племён, которые в 238 году с готовностью послали помощь Пупиену. В пользу предположения Сивенне здесь играет хронология событий, укладывающаяся всего в несколько лет. Однако, мы думаем, что хорошие отношения между Пупиеном и аламанными могли сложиться ещё при Каракалле, а в 233–234 годах они возобновились. Это вполне могло подвигнуть германцев прислать ему помощь в 238 году. Сивенне считает, что имея недостаточно сил для решительного разгрома аламаннов, Пупиен (или кто-то другой) ограничился вытеснением их из областей к югу от Дуная и к западу от Рейна, после чего заключил с ними какие-то договоры или договор, которым аламанны остались весьма довольны. Может быть, он гарантировал аламанным сохранение Декуматских полей и добычи, полученной в результате вторжения, хотя это была прерогатива императора, но полководец мог получить на это право от императора.

В общем, к лету 234 года, или даже позже, Александр с армией прибыл в столицу Верхней Германии Могонциак. Геродиан сообщает, что император двигался «с великой поспешностью», но мы не знаем, насколько можем в этом доверять писателю.

Прибыв в Могонциак, Александр и Мамея сменили легата Верхней Германии. Секст Катий Клементин Присциллиан, консул 230 года, был заменен на неизвестного нам пока человека. Эта замена была обусловлена, видимо, двумя основными причинами. Катий должен был ответить за захват аламанными Декуматских полей, допущенный им, а также из опасения возможной узурпации им императорской власти, поскольку он поддерживал хорошие отношения с войском Верхней Германии. Похоже, что солдаты Верхней Германии не очень-то скрывали своё намерение насчёт Катия, что вызвало гнев императора и отставку легата, а в отношении легионов Верхней Германии ещё более жёсткие меры. Поскольку сам Катий никак не засветился, он не был казнён, ведь Александр всячески пропагандировал свою мягкость и справедливость. Скорее всего, Катий вернулся в Рим. Вскоре, после гибели Александра и Мамеи, Максимин Фракиец назначил его легатом Каппадокии (235–238 гг.). Найденная надпись также сообщает о присутствии рядом с ним сына Максимиана. Преемник Александра Севера явно доверял Катию, что он сделал бы только в том случае, если бы был уверен во враждебности его к Северам.

Согласно Лампридию, по прибытии на Рейн императору пришлось столкнуться с мятежной ситуацией: «По прибытии он обнаружил, что и там легионы готовы к мятежу, и, соответственно, приказал их распустить» (59.4). Эта информация также подтверждается Аврелием Виктором, который утверждает, что Александру пришлось подавлять множество мятежей в «Галлии» (24.4). Под Галлией римский историк подразумевает германские провинции. В то время выпускалось все больше монет с надписью «Fides Militum» – верный признак того, что лояльность солдат вызвала сомнения. Вполне вероятно, что отсутствие императора во время вторжения аламаннов привело к тому, что солдаты стали искать сильного лидера на месте для организации сопротивления вторжению. Отсюда и «дело» Катия Клементина. То же самое происходило на Востоке, пока император тщательно готовился к войне в Риме. [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 326; O'Hanlon, Bernard Michael, The Army of Severus Alexander, Loc. 1,435, citing RIC231, 662].

Оба названных источника являются поздними и ненадежными и явно опираются на общий утраченный источник, который историки называют «Kaisergeschichte». Исходя из этого, Макхью, например, считает, что утверждения о том, что Александр Север распустил целые легионы, следует отвергнуть. Нет никаких эпиграфических свидетельств, подтверждающих это и Макхью считает, что эта история является попыткой античных историков ошибочно объяснить включение в имя императора слова «Север», означающего суровый [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 327].

Однако, версия о кассации находит отражение у Евтропия, который тоже утверждает, что Александр Север «очень строго соблюдал военную дисциплину, распустив несколько взбунтовавшихся легионов целиком».

Получается, уже три источника, правда, действительно, более поздние, нежели сами события, утверждают о роспуске легионов. Вряд ли это можно считать выдумкой. Дыма без огня не бывает. Александр был возмущён отказом верхнегерманского войска идти в поход на Восток ещё в 231 году и лишил тамошние легионы почётных наименований. Потом они позволили аламаннам захватить важнейшие и богатые Декуматские поля со всей инфраструктурой. Теперь он узнаёт о брожении среди верхнегерманских легионов с поисками нового императора и недовольством им лично, которое они могли выразить ему в лицо при прибытии императора в Аргенторат, а потом в Могонциаке. Александр иногда бывал резок и порывист именно с армией, что мы видели в Антиохии. Так почему бы ему не отреагировать в кастромах Верхней Германии кассацией VIII Augusta и XXII Primigenia. Но эти легионы существовали впоследствии, а это

значит, что даже, если они были распущены по прибытии Александра в их лагерь, то скоро были восстановлены и инцидент посчитали исчерпанным. Также было и на Востоке два года назад. Возможно, что и распускали германские легионы тоже на месяц.

Прибывшая с императором армия сосредоточилась у Могонциака, а сам он, возможно, ещё посетил Нижнюю Германию, где сменил легата Гая Флавия Юлия Латрониана, бывшего консула и сенатора, всадником Гаем Фурием Сабиним Аквиллой Тимесифеем. Последний явно хорошо проявил себя на посту прокуратора провинции Сирии-Палестины и в качестве *Exactor Reliquorum Annonae Sacrae Expeditionis*. Последняя должность предоставила ему необходимые полномочия для сбора продовольствия и других ресурсов на войну с Ардаширом. Его наградой была аналогичная должность на Рейне, которая сочетала в себе полномочия исполняющего обязанности наместника (вице-презида) и прокуратора всех имперских владений в Бельгии и двух Германиях. Это давало ему власть собирать припасы и ресурсы из этих провинций, имея тот же ранг, что у наместников Верхней Германии и Бельгии. Он также командовал двумя легионами Нижней Германии – *I Minervia p.f.* и *XXX Ulpia Victrix*, и всеми ауксилиями. Должность Тимесифея называлась *Procurator patrimoni provinciarum Belgica et duarum Germaniarum ibi vice praesidis provinciae Germaniae Inferioris*. Сделать возможным назначение Тимесифея командующим легионами при сохранении его статуса всадника, вероятно, было главной целью Юлии Мамеи, а добиться для него назначения прокуратором – еще одно доказательство доверия, которое она ему оказывала. Пфлаум считает, что Тимесифей оставался всадником, скорее всего, по собственному выбору. Он вполне мог быть избран в сенат и, таким образом, получить право быть назначенным преторианским *легатом* Нижней Германии вместо простого *викария*, то есть того, кто действовал от имени (*вице*) легата, но не захотел этого. Вполне вероятно, что он уже нацелился на преторианскую префектуру, которая была самой влиятельной должностью, доступной всаднику в Римском государстве в III веке. В соответствии с действующим римским административным правом ему было бы отказано в этом, если бы он стал сенатором [Pflaum, H.-G. *Les carrieres procuratoriennes equestres sous le Haut-Empire Romain*, Paris. 1960. S. 317].

Реакция сената на такое назначение была проигнорирована. Однако, когда Тимесифей выполнил свою задачу наведения порядка в Рейнских провинциях, а мирные переговоры были в самом разгаре, в качестве подачи сенату, Тимесифей был заменён в конце 234-го или в начале 235 года выдающимся сенатором Гаем Мессием Квинтом Траяном Децием, более известным как будущий император Деций, переведённым из Нижней Мёзии. Но, в любом случае, мы видим, что при возникновении кризиса, в Германии, как важнейшие провинции для безопасности империи, были направлены лучшие люди Рима.

Латрониан же никак не пострадал, благополучно вернулся в Рим и ещё успел побывать префектом города около 243 года.

Ну, а насчёт легата Верхней Германии, выдвинуто такое предположение. В те годы в Германии служил малоизвестный нам человек. Его звали Тиций Квартин. Геродиан описывает его как «одного проконсульских друзей Александра». После убийства Александра он был уволен со своего поста, но, по-видимому, остался в провинции и был провозглашён императором, несмотря на его явное нежелание, неким Македоном, трибуном осроенских лучников. Мятеж не удался, хотя и продолжался полгода, и однажды Македон убил своего протеже ночью в палатке, чтобы оправдаться перед новым императором Максимином, но тот казнил Македона как предателя, а имя Квартина было стерто с надписей. Так вот, было высказано предположение, что стертое имя на надписи, сделанной где-то после 225 года, командиром легиона I Minervia p.f. – «Квартин», соответствует будущему узурпатору. Значит, Тиций Квартин был легатом легиона в Нижней Германии. Возможно, потом он участвовал в Персидской войне как препозит нижнегерманской вексилляции или в другом качестве. Не случайно, за него высказались осроенские лучники. В любом случае, Квартин должен был показать себя перед Александром с лучшей стороны, результатом чего стал высокий пост. Сначала предположили, что к 235 году Квартин стал легатом Нижней Германии. Однако убедительные эпиграфические свидетельства подтверждают пребывание Тимесифея и Деция на этом посту в это время. Но и текст Геродиана ясно показывает, что должность «проконсула» была официальным постом, занимаемым Квartiном, а не какими-нибудь неофициальным членством в *consilium principis*, а также то, что Квартин был достаточно важен, чтобы называться другом императора, да и то, что с ним считались в войсках как с потенциальным императором. Отсюда возникло следующее предположение, что именно он сменил Секста Катия Клементина Присциллиана на посту наместника Верхней Германии в 234 году. Однако, это всего лишь предположение за неимением лучшего. Не забудем, кстати, что наместник Верхней Германии не имел титула «проконсул», а был лишь пропретором [Геродиан VII, 1. (9-11); Капитолин. Два Максимины XI, 1-8].

Однако, вернёмся в Могонциак. Туда, кстати, из Испании была вызвана вексилляция легиона VII Gemina Felix Alexandriana. Об этом известно по алтарной надписи CIL XIII 7564, найденной в Аква Маттиакорум: *In h(onorem) d(omus) d(ivinae) / Apollini Tou/tiorigi / L(ucius) Marinius / Marinia/nus | (centurio) leg(ionis) VII / Gem(inae) [[Alexan/d[r]ianae]] vo/ti compos*

А вот присутствие подразделений легиона III Augusta Pia Vindex из Африки пока не отмечено. Как и британских легионов.

Получается, что общая численность армии Александра Севера, собранной им против аламаннов, составляла примерно 80-90 тысяч

человек (20 тысяч из Италии, 20 тысяч из Верхней Германии, 10 тысяч из Норика и Реции, 10 тысяч из Нижней Германии, 5 тысяч из Испании, 5 тысяч с Востока и 10-20 тысяч из дунайских провинций). Некомплект был восстановлен новым набором.

В связи с плохим состоянием наших источников, мы практически не знаем, чем занимался Александр на Рейне летом и осенью 234 года. Похоже, что он, всё-таки, совершил пробное вторжение на Декуматы. Рейн был форсирован по понтонному мосту, построенному из связанных друг с другом лодок, покрытых настилом (*pons navalis*). Такие сооружения римляне строили быстро. Геродиан об этом не упоминает, но этот мост изображён на монете, выпущенной в начале 235 года и посвященной событиям кампании предыдущего года. Император изображен пересекающим Рейн по мосту из лодок, впереди него – богиня Виктория, а за ним следуют его солдаты, один из которых несет легионного орла. На реверсе изображены император и его мать. Этот мост, вероятно, был построен недалеко от его штаб-квартиры в Могонциаке. Такой мост не понадобился бы, если бы сохранился и продолжал функционировать мост через Рейн в Могонциаке, построенный в 27 году и перестроенный в 70-х. Значит капитальный мост был разрушен. Скорее всего, отступающие римляне снесли деревянный настил между каменными быками в феврале 233 года, чтобы не допустить прорыва аламаннов в Могонциак. Восстановить настил можно было только захватив вражеский берег, где находилась кастелла Маттиакорум, поэтому Александр построил рядом понтонный мост.

Целью римлян было освобождение Декуматских полей. Перейдя через Рейн, они двинулись по дороге на Ниду, но скорее всего быстро разделились на несколько частей, двинувшихся по основным дорогам Декумат. Поскольку мы ничего не знаем ни о каком решающем сражении, вероятно, аламанны приняли тактику партизанских действий. Это была обычная тактика воинов-германцев – уход в болота и леса, которыми был покрыт регион. Вряд ли Александр собирался в этом году дойти до поселений аламаннов, чтобы уничтожить их собственные дома и семьи. Впрочем, часть семей аламаннов уже должна была переселиться на завоёванные земли Декуматов. Стратегия римлян, по-видимому, была успешной, и аламанны были выбиты с Декумат или значительной их части. Император перешел в наступление и вторгся на территорию противника. Его тактика, по-видимому, заключалась в том, чтобы избегать ближнего боя, уничтожая плотно сомкнутые ряды воинов противника на расстоянии, используя лучников и копьеметателей. Аламанны сильно страдали от такого обстрела, поскольку у большинства из них не было доспехов, и они были защищены лишь тонкими деревянными или плетеными щитами. Когда германцы атаковали, пытаясь вступить в ближний бой, римские стрелки отступали за линию тяжелой пехоты и могли продолжать

обстрел из-за стены римских прочных щитов. Наступление осени положило конец этой кампании. Проливные дожди в это время года усилили течение в Рейне, увеличив вероятность того, что деревья или сильный поток разрушат понтонный мост и армия застрянет на вражеской территории. Поэтому римляне вернулись на левый берег Рейна. Сам мост, по-видимому, был разобран, поскольку весной его пришлось восстанавливать. Для римлян это не было трудной задачей.

Зима 234–235 годов прошла спокойно. Армия была уверена, что весной будет организован второй поход за Рейн, который добьёт аламанных, что будут освобождены угнанные в рабство семьи римских солдат. Надо было освободить Декуматские поля и восстановить лимес с его инфраструктурой. Враг не был разгромлен, хотя на Декуматах его войск, скорее всего, уже не было. Той зимой Декуматы, видимо, стали «серой зоной». Там действовали только разведотряды обеих сторон. Дошедшие до нас источники утверждают, что римляне, наконец, были готовы начать масштабную кампанию в начале 235 года, но затем всё рухнуло. Согласно Геродиану, Юлия Мамея и ее советники сочли, что предпочтительнее купить у аламанных мир золотом, чем вторгаться в Германию, и поэтому отменили кампанию. Элий Лампридий добавляет, что были те, кто утверждал, что план Мамеи состоял в том, чтобы увести солдат обратно на Восток против персов, но он утверждает, что это была всего лишь пропаганда, распространяемая сторонниками Максимиана. Однако же, многие современные историки согласны с этим предположением. Брайан Кэмпбелл и Илья Сивенне считают, что Александр планировал купить аламанных вождей, чтобы расколоть их единство и гарантировать мир на Декуматах, а самому ему можно было уйти с армией на Восток. Ситуация тогда была благоприятной для войны с Персией. На Востоке была возможность добиться успеха, потому что Ардашир потерпел поражение как в сражениях с армянами, так и с римлянами, а в 235 году сражался против других своих врагов. Как бы то ни было, в свете имеющихся свидетельств доводы в пользу прекращения Аламаннской войны показались Александру более убедительными, чем доводы за нее. Переговоры с аламанными велись в глубокой тайне, поскольку Александр и Мамея понимали негативное отношение к ним среди воинов. Однако, они недооценили глубину этого недовольства. Для прикрытия переговоров, которые, очевидно, проходили непросто и затянулись, весной 235 года через Рейн вновь был построен наплавной мост из лодок. Это подтверждает Геродиан. Но аламанны, кажется, были уверены в том, что войны не будет, потому что засеяли свои поля зерновыми культурами, чего они не сделали бы, если бы ожидали, что римские солдаты вторгнутся на их земли [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 326].

И вот, в марте 235 года Александр неожиданно собрал войска на сходку. Воины решили, что будет объявлен поход в Германию, однако

император вдруг заявил, что с аламанными достигнут мир и войска с ним во главе возвращаются домой. Ошарашенные воины разошлись по палаткам и казармам, где сразу началось активное обсуждение новости. Оно быстро переросло в возмущение. В очередной раз интересы армии и императора не сошлись. Император, возможно, считал, что честь Рима восстановлена. Захваченные территории удалось вернуть. Угроза границе была снята. Что ещё нужно? Однако это была не вся правда. На самом деле, заречные племена и союзы не были разгромлены и сохраняли свои боевые возможности. Судьба Декуматов была неясна. Максимино Фракийцу пришлось потом проводить по целому сезону в каждой из приграничных провинций, чтобы разгромить варваров за лимесом. Германия, Реция, Норик, Паннония – вот эти провинции. Макхью считает, что ситуация вообще делала даже Италию уязвимой для вторжения. Такое стратегическое понимание военной ситуации было главной заботой многих солдат на Рейне и Дунае. К тому же их жажда крови и жажда мести не были удовлетворены. Аламанны могли потерять много людей в боях 234 года, но у них все еще были свои семьи, дома и земли. А многие римские солдаты потеряли всё это. В их глазах справедливость не восторжествовала, а теперь император, похоже, ещё и награждал тех самых людей, которые убили или мучают сейчас их близких. Это об обещанных субсидиях германцам. Солдаты были собраны у границы в готовности отомстить тем, кто напал на их дома. Они также могли ожидать, что во время кампании их поддержат денежными пожалованиями, не говоря уже о перспективе получения добычи и военной славы, а теперь выходило, что они ничего не получают. Какой бы ни была правда, солдаты были крайне разочарованы, потому что считали отказ от продолжения войны с аламанными трусостью. Пошли слухи о готовящемся походе в Персию, от чего воины были вовсе не в восторге, ведь их проблемы с аламанными не были разрешены, а до персов им не было дела, да и тяжесть войны на Востоке они уже испытали на собственной шкуре. Вдобавок ко всему, роспуск легионов и введение суровой дисциплины также не добавили Александру популярности и теперь всё это сказалось [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 328; Элий Лампридий, Александр Север, LXIII, 5–6; Юлий Капитолин. Двое Максиминов VII, 5–6].

Глава 8

Заговор и убийство

Результатом несвоевременного и неудачного решения Александра были заговор и мятеж, стоивший ему жизни. Часть древних авторов считает, что инициатором заговора был Максимин Фракиец, однако другие пишут, что это было дело рук его сторонников; у Капитолина (Двое Максиминов VII, 4) говорится о трибунах-варварах как об инициаторах выступления. Зосим (I, 13, 1) сообщает, что мятеж начался среди легионов Паннонии и Мезии, которые были враждебно настроены по отношению к Александру. На самом деле, скорее всего, о смещении Александра теперь думали многие в армии, включая перечисленных выше, но до весны 235 года эти мечты оставались теоретическими и не приводили к организации реального заговора. И вот теперь терпение лопнуло.

Что до Максимина, то стоит принять во внимание возможное понижение его с должности дукса Месопотамии до должности наставника новобранцев паннонского и фракийского происхождения. Александр или Мамея могли позавидовать успеху Максимина в обороне Месопотамии, почему и лишили его высокого поста там, переведя на должность воспитателя новобранцев. В таком случае это понижение серьёзно обидело Максимина – это было личное оскорбление и уже тогда он разочаровался в Александре. Что бы ни думал Максимин раньше, теперь он решился.

Есть, правда, предположение, не очень акцентированно высказанное Макхью (р. 332), исходя из текста Зосима (I, 11), что Максимин был не просто командиром балканских новобранцев, а препозитом паннонской вексилляции, приведённой на Рейн, или даже препозитом всех балканских вексилляций. Или дуксом, командовавшим теми же балканскими вексилляциями. Такое уже бывало, например, в ходе Маркоманнских войн. Нам это предположение кажется весьма интересным. Тогда никакого понижения в должности у Максимина не было. Однако, это не принципиально. Любви к Александру у Максимина это не добавило.

Свою новую должность префекта тиронибус Максимин выполнял с большим усердием и завоевал любовь солдат. К этому он добавил и другие популярные мотивы для завоевания их расположения, такие как щедрые подарки и почетные посты. Молодые солдаты, в большинстве были паннонцами [Геродиан 8.5.6 добавляет к этому списку «варваров» – фракийцев, которые были частью варварами-поселенцами на римской земле, как сам Максимин, частью реальными фракийцами]. Сивенне считает, что именно поэтому Максимин был назначен ответственным за их обучение, потому что он был их соотечественником [Syvanne. Gordian III and Philip the Arab. The Roman Empire at a Crossroads. Pen & Sword Military. 2021. s. 61]. Может быть. Только Геродиан добавляет, что Максимин получил это назначение потому, что был чрезвычайно опытен в военном деле и сам лично демонстрировал воинское умение новобранцам, что давало ему высокий авторитет и уважение тиронов.

Кстати, Сивенне, на основании использования паннонских фаланг в качестве авангарда (Геродиан 7.8.11, 8.2.2), считает, что большинство этих новобранцев тиронов были кавалеристами и поёт дифирамбы Александру, как полководцу, предвосхитившему Галлиена в расширении использования конницы. Мы не можем с этим согласиться, поскольку в данном случае использование слова фаланга/phalanxes греком Геродианом никак не могло означать кавалерию, а определённо относилось к легионам. Для греков фаланга всегда была синонимом пехоты, а после римского завоевания, ещё и синонимом легионов. В данном случае, паннонских легионов, куда было распределено большинство местных новобранцев. Паннонцы и фракийцы давно были римскими гражданами и могли служить в легионах. В тех же местах недавно был набран легион IV Italica. Сивенне почему-то считает, что авангард армии всегда состоял из конницы, а это не так. Крупный авангард вполне мог быть пешим. Это доказывается, в том числе, первой попыткой штурма этим самым авангардом Аквилеи в 238 году. Кавалерия не пошла бы на штурм стен города. Штурмовали город паннонские легионы.

В общем, тироны видели, что их командир Максимин Фракиец, делит с ними тяготы, ест их пищу, участвует в боевых учениях и марширует рядом с ними. Это была хорошо продуманная военная хитрость, направленная на то, чтобы собрать собственную армию, преданную ему одному. Эти люди ещё не воевали ни на Востоке, ни в Германии, и, конечно, плохо понимали сложности управления империей, в том числе особенности влияния на него Мамеи. Новобранцы боготворили внушительного вида голиафа Максимиана и с легкостью верили всему, что он им говорил. А Максимин не упускал возможности расположить к себе солдат личным примером – он разделял их трудности и был хорошо известен своей храбростью. Это резко контрастировало с репутацией Александра. Над последним все насмехались за то, что им управляет мать и все дела устраиваются по воле и замыслам женщины, сам же он малодушен и лишен мужества в ратных делах. Бедствия во время Персидской войны, которые, как считали в армии, были вызваны трусостью и медлительностью Александра, а также покупка мира у аламаннов, вполне могли быть использованы для разжигания гнева, в том числе среди новобранцев. Последняя кампания в Германии в 234 году тоже не вызвала энтузиазма. Солдаты считали, что Александр, идя против германцев, не проявил ни мужества, ни отваги. Как будто этого было недостаточно, один из префектов наложил дисциплинарные взыскания на телохранителей Александра, также оказавшихся недовольными императором, по их мнению, недостаточно поощрявшим солдат. А опытные ветераны беспокоились, что теперь у Александра не будет средств для донатива войскам.

Популярность Максимиана Фракийца среди родных ему фракийцев, мёзийцев и паннонцев, отражена даже в надписях. Основание статуи

из Одиавума в Паннонии, воздвигнутое в честь его сына Максима Цезаря, ошибочно присваивает ему титул императора, видимо, из энтузиазма и восторженности. Поддержка Максимиана Фракийца также обнаружена на пяти статуях из фракийского города Филиппополь. Нам, конечно, следовало ожидать заверений в верности, записанных на постаментах статуй, но что удивительно, так это то, что эти почести были оказаны за счет «избыточных средств» в то время, когда денег в империи не было, когда расходы на войны на Рейне и Дунае вынудили императора увеличить налоги для имущих классов, а также забрать из храмов все подношения, сделанные из драгоценных металлов. Состоятельные люди подвергались большому финансовому давлению, но они явно были готовы поддержать своего фракийского императора любым возможным способом [Whittaker, C.R., *Herodian*, Books 5–8, p.131, п. 3, citing PIR J 407; Syme, Ronald, 'Danubian and Balkan Emperors', *Historia*, pp. 310–16; Cooley, Alison E., & Salway, Benet, 'Roman Inscriptions 2006–2010', *Journal of Roman Studies*, Vol. 102 (November 2012), pp. 172–286.].

Паннонцы, мёзийцы и фракийцы служили не только в учебных частях. Много фракийских и паннонских солдат было в рядах всех легионов, расположенных вдоль Рейна и Дуная, а также в Итальянской армии, состоящей из преторианцев, гвардейцев и легиона II Parthica, которые базировались в Риме. На многих надгробиях в окрестностях Апамеи, где этот легион регулярно бывал во времена правления Каракаллы, Макрина, Гелиогабала и Александра Севера, высечены фракийские имена. Со времён Септимия Севера многие паннонцы также назначались центурионами в северные легионы и командирами нумерус, многие из которых стояли гарнизонами в кастеллах в Германии. Надпись, датируемая периодом 215–225 годов, найденная в Монте-Сакро на окраине Рима, содержит полные имена пятнадцати преторианцев, двенадцать из которых были родом из Паннонии, Дакии, Мёзии и Фракии. Гордиану III (238–244 гг.) преторианцем, который, вероятно, служил ещё при Александре Севере, была подана петиция от имени его родной деревни Скаптопара во Фракии.

Одна недавно обнаруженная табличка содержит диплом легионера легиона XXII Primigenia. Уроженец Платинополя во Фракии, Марк Аврелий Авлусан был завербован Каракаллой, вероятно, когда его армия проходила через провинцию, 28 февраля 215 года. Поскольку он носит имя «Аврелий», он, несомненно, получил римское гражданство благодаря Антониновой конституции. Он должен был служить под началом Каракаллы, Макрина и Гелиогабала на Востоке, а затем вернулся на базу легионеров в Могонциаке. Возможно, он был членом вексилляции этого легиона, если таковая вообще существовала, которая сопровождала Александра Севера в его персидской кампании. Он был свидетелем убийства своего императора, штаб-квартира которого находилась недалеко от города. Что поразительно, так это тот факт,

что все свидетели, подписавшие диплом об увольнении, являются ветеранами из Фракии [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 330].

Поддерживали Максимиана Фракийца и солдаты, уроженцы Рейнско-Дунайской границы. Детальное изучение надписей, обнаруженных в двух Германиях, позволяет предположить, что 45 % новобранцев там были выходцами из поселений, выросших за пределами баз легионеров в Могонциаке, Бонне и Аргенторате, тех самых районах, которые больше всего пострадали от нашествия аламаннов. Из тридцати надписей, сделанных центурионами двух германских провинций, о происхождении тринадцати можно судить по их именам. Три надписи были сделаны выходцами из двух германских провинций, четыре – выходцами из колоний в Паннонии, одна – уроженцем Галлии и шесть с Востока. Таким образом, в армии, собранной на Рейне, преобладали солдаты и офицеры из северных провинций, у которых было множество причин возмущаться своим императором и искать ему альтернативу.

Мы уже указывали на паннонские и мёзийские легионы, поддерживавшие восстание. Из других источников (Синкелл, I, 674) известно, что Максимиан поддержала и Кельтская армия (то есть, армия в Германии). По поводу Верхней Германии – это очевидно, если учесть недавний роспуск её легионов Александром. А Верхнюю Германию всегда поддерживала Реция, боровшаяся с теми же врагами и страдавшая от тех же аламаннов. С Нижней Германией вопрос сложнее. Легионы на нижнем Рейне контролировал Гай Фурий Сабин Аквила Тимесифей. Это был человек Северов, как и Максимиан, но он был моложе и карьеру делал уже после смерти Каракаллы. Тимесифей всё время шёл на повышение и никак не пострадал от Александра. Перед ним уже маячила высшая всадническая должность префекта претория. Вряд ли он поддержал бы Максимиана, но восстание в Могонциаке произошло так быстро, что войска Тимесифея явно не успели принять участие в событиях. А вот после, узнав о перевороте, Тимесифей наверняка выразил «радость» от случившегося и полную поддержку Максимиана, почему и уцелел. Даже карьера его не была прервана. Максимиан убрал его из Германии, но назначил на пост наместника провинции Вифиния и Понт, а потом он был наместником Азии.

Невозможно представить, что такой опытный и умелый командир, как Максимиан, мог рассчитывать на то, что его рекруты, независимо от того, насколько хорошо они были обучены, смогли бы успешно противостоять элитным солдатам, составлявшим преторианскую гвардию, другие гвардейские части и легион II Parthica. Даже если бы их поддерживали дунайские вексилляции. Возможно, поэтому Максимиан и сдерживал их. Он, должен был установить контакт с воинами гвардии, а также легионов II Parthica и XXII Primigenia. Последний было

необходимо привлечь на свою сторону, поскольку он стоял в Могонциаке, рядом со штаб-квартирой императора. Надо было оценить уровень их поддержки Александра Севера и вероятность присоединения к нему. Работа по формированию мятежных настроений и готовности поддержать Максимиана продолжалась всю зиму 234/235 годов. И вот, после отказа Александра от кампании против аламаннов, недовольство охватило всю армию и гвардию. Интересы и настроения новобранцев совпали с настроениями ветеранов и гвардейцев императора.

Ещё одной проблемой Максимиана была необходимость заручиться поддержкой и лояльностью сената, демонстрируя управленческие способности, деловую хватку, стратегическое видение ситуации, кругозор. Сам Сенат, конечно, был далеко в Риме, но представителей его было много в армии, готовившейся сейчас к войне, и в прифронтовых провинциях. С ними Максимиану и надо было найти общий язык.

Именно баланс между интересами сенатской аристократии и простого солдата удавался «хорошим» императорам, таким, как Марк Аврелий, Септимий Север и Каракалла, в то время как Александр Север потратил много времени на умиротворение исключительно сенаторского класса. «Хорошим» императорам удавалось находить золотую середину между этими двумя противоположностями, а Александру не удалось [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 328].

Ещё до решающего восстания, в армии уже имели место какие-то волнения. Это следует из действий самого Максимиана. Публичная амнистия, объявленная Максимианом тем солдатам и подразделениям, которые понесли наказание, свидетельствует о массовых беспорядках в армии или гвардии перед этим. Эти люди не могли быть его недавними новобранцами, поскольку акция была направлена против подразделений, которые уже несли службу вдоль Рейна и Дуная. Возможно, волнения последовали вслед за объявлением Александра об отмене аламаннского похода. А может быть, имеется в виду тот случай, когда префект наказал каких-то гвардейцев.

В целом, исходя из того, что мы знаем, мы можем предположить, что восстание Максимиана не было спонтанным бунтом. Горячую молодёжь на него спровоцировали и сделал это сам Максимиан, предварительно договорившись с командованием других частей и руководством ближайших провинций. Заговор среди командования должен был иметь место. Проблема была только в происхождении Максимиана. Как мы знаем, он был сыном переселенцев-варваров во Фракии. Юлий Капитолин и Иордан, опиравшиеся на более ранние работы, сообщают, что Гай Юлий Вер Максимиан был родом из приграничного посёлка в провинции Фракия. Согласно их рассказу, его отца звали Микка и он

происходил из племени готов, а мать звали Абаба и она была аланкой. Нам неизвестно, имел ли Максимин при рождении римское гражданство, или получил его после поступления на военную службу, что произошло до 212 года, на что указывает его родовое римское имя Юлий. Тут не исключена связь этого имени с военачальником эпохи Марка Аврелия Гнеем Юлием Вером. Касательно когномена Максимины Белецкой выдвинуто интересное предположение: так как предполагаемое имя его отца *Микка* отсылает к готскому *mikils* – большой, то когномен *Максимин* может быть римским аналогом данного понятия.

Согласно рассказу Юлия Капитолина, «в раннем детстве он был пастухом, был он также главарём молодёжи, устраивал засады против разбойников и охранял своих от их нападений» [Юлий Капитолин. Двое Максиминов. II. 1.]. Максимин имел огромный рост (2 м 40 см) и недюжинную силу. Он «мог руками притянуть к себе телегу; нагруженную дорожную повозку он вёз один; ударяя коня кулаком, он выбивал ему зубы, ударяя его ногой – ломал ему голени; туфовые камни он растирал в порошок; раскалывал молодые деревья» [Юлий Капитолин. Двое Максиминов. IV. 8–9]. Историк сообщает, что Максимин отличался храбростью и его «называли Геркулесом, другие – Ахиллом, третьи – Гектором, а иные – Аяксом». При этом, он вовсе не был тупым солдафоном. Он интересовался наукой. Известен факт, что, будучи императором он награждал консульскими знаками отличия софиста Валерия Апсина. Когда Максимин достиг зрелого возраста, он поступил на военную службу – единственный способ повысить социальный статус, который был доступен людям его положения. На военную службу Максимины принял сам император Септимий Север, причём сразу в свою личную гвардию. В гвардии Максимин прошёл много постов, часть которых нам неизвестна. Теперь ему было больше 50 лет, он был очень авторитетен и популярен в армейских кругах, независимо от его происхождения, что дало ему возможность претендовать на звание императора. Армия была готова его выдвинуть и Максимин был готов к этому. Происхождение его не играло уже никакой роли после Макрина, да и Гелиогабал с Александром имели не чисто патрицианское и не чисто римское происхождение. Но теперь вопрос власти держала в руках исключительно армия, а солдатам было всё равно, римлянин ли их император или гот, патриций или пастух. Многие из солдат сами имели не римское происхождение и уж тем более не патрицианское.

Противник Максимины Александр Север, в свою очередь, мог рассчитывать на беспрекословную преданность «сирийских» солдат, особенно из Эмесы. Восточные подразделения, пришедшие с Александром в Европу, даже не должны были возвращаться назад, а были разбросаны по всей Паннонии в попытке разбавить окружавшие их паннонские части. В данный момент они находилась в Германии,

составляя костяк экспедиционной армии и хорошо показали себя в боях 234 года. Они действительно были верны Александру, но их было гораздо меньше, чем европейских солдат, поэтому ситуация была не в их пользу. Верность Александру преторианцев, гвардейцев и легиона II Parthica вызывала большие вопросы. Они явно колебались и ими надо было уметь управлять, чего Александр явно не умел. Во время восстания Максимиана, это неумение сыграло роковую роль в судьбе императора.

Максимиану Фракийцу, по-видимому, было приказано разместить своих балканских рекрутов неподалеку от императорской ставки. Это в некоторой степени подтверждается Капитолином, который говорит, что «когда Александр был в Галлии [автор рассматривал две Германские провинции как части географической области Римской Галлии], и разбил лагерь недалеко от некоего города [Могонциака], он был неожиданно убит, в то время, как он пытался бежать к матери, воинами, подосланными, по словам одних, самим Максимином, а по словам других, трибунами – варварами» (7.4). Макхью считает этих трибунов паннонцами (с. 331), однако это вряд ли. Паннонцы имели римское гражданство и не могли называться варварами. Последними могли называть вождей союзных Риму племён, командовавших нумерус, составленных из их соотечественников. Вот они это, скорее всего и были.

Восстание произошло в марте 235 года. Точная дата его неизвестна. Учитывая, что в Риме об этом стало известно 25 марта, когда была сделана запись о вступлении Максимиана Фракийца в *sodales antoniniani*, событие имело место в период между 15 и 22 марта. Лампридий сообщает, что Александр Север правил тринадцать лет и девять дней. В таком случае, переворот нужно датировать 22 марта. Сумели бы гонцы доскакать до Рима за три дня, нам неизвестно. В Нумидию это известие пришло 3 мая. 4 апреля в некоторых местах Египта Максимиан Фракиец все еще не был провозглашен императором, а в Дура Европос о его восшествии на престол не знали ещё 21 июня.

Если мы допускаем, что Александр стал императором 13 марта, то замечание Лампридия о том, что он правил на несколько дней дольше 13 лет, означает, что переворот произошёл, всё-таки, после 13 марта 235 года. Отсюда и наш расчёт. Прожил он, по словам того же Лампридия, двадцать девять лет, три месяца и семь дней. Это неверно, поскольку родился Александр 1 октября 208 года. Это значит, что он прожил 26 лет, 5 месяцев и несколько дней. Вряд ли Лампридий был настолько слаб в математике, что не смог правильно сосчитать этот срок, скорее у нас просто ошибки переписчиков, которые за много лет и копирований сильно исказили счёт [Элий Лампридий, Александр Север LX, 1; Евтропий VIII, 23; Аврелий Виктор. Цезари XXIV, 7).

Как происходило восстание? Оно описано Геродианом. Новобранцы Максимиана были размещены недалеко от лагеря императора, где-то

поблизости от Могонциака. На основании данных Элия Лампридия (Александр Север 59. 6), Юлия Капитолина (Двое Максиминов 74.5) и Аврелия Виктора (О Цезарях 24.4), было высказано предположение, что лагерь находился в Вукесе Британникус (Бретценхайм близ Майнца) или в месте под названием Сицилия тоже близ Могонциака.

В тот день новобранцы собрались на учебном поле, одетые в доспехи, как на обычной тренировке, и, когда Максимин вышел вперед, чтобы руководить ими, они накинули на него пурпурный императорский плащ и провозгласили императором. Первой внешней реакцией Максимина было отказаться и сбросить порфиру. Тогда воины стали настаивать, угрожая убить его. Оба наших основных источника скептически относятся к притворному поведению Максимина. Его демонстративное нежелание взойти на трон было отчасти вызвано желанием выяснить силу поддержки среди новобранцев, а отчасти попыткой оправдать свои действия перед сенаторским классом. Максимин сыграл свою роль правильно. Он заявил, что раз воины так настаивают, то он принимает эту честь, поскольку и оракулы, и вещие сны уже ранее часто предсказывали ему подобную судьбу. А это означает уже волю богов, с которыми не поспоришь. Сказав воинам, что он против своей воли и вопреки желанию, только повинаясь их просьбе, принимает эту долю, Максимин потребовал, чтобы они делом подтвердили свое решение, взяв оружие, поспешили бы, упреждая молву, напасть на Александра, пока он еще ничего не знает, с тем, чтобы, ошелобив неожиданностью сопровождающих его воинов и телохранителей, или убедить их перейти на свою сторону, или принудить. А пока Максимин объявил об удвоении жалования новобранцам и обещал большие раздачи, отменил все наказания и взыскания и сам отправился с ними в путь. Это было сделано правильно. Перед началом войны финансы империи находились в тяжелом положении. По этой причине жалование армии не повышалось, хотя было принято решение, по крайней мере, не повторять ошибку Макрина и не сокращать его. Теперь солдатам, в том числе новым, набранным с 229 года, нужно было платить, как и оплачивать ремонт дорог во многих провинциях, закупку продовольствия, фуража и других военных припасов, а финансы были на исходе. Армия, получила донативы в честь празднования десятой годовщины правления императора и по окончании войны на Востоке. Но солдаты явно ожидали большего. Ладно в мирное время, было бы трудно оправдать рост жалования и донативы, но теперь, по мнению солдат, оно было оправданным, потому что они постоянно сражались с момента прибытия в Антиохию в 232 году. Эти ожидания денег не оправдались, что привело к обвинениям Александра в алчности. Максимин учёл это и сразу выдал солдатам деньги, источник которых нам неизвестен [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 333].

Время было тревожное и люди тщательно оценивали обстановку, чтобы понять, что их ожидает. Лампридий приводит несколько моментов из последнего года жизни Александра, которые потом были сочтены знамениями его скорой смерти. «Когда он молился в день своего рождения (1 октября), окровавленное жертвенное животное убежало и обагрило кровью его белую одежду, в которой он стоял, – ведь он держал себя как простой гражданин и находился среди народа. Огромное старое лавровое дерево во дворце какого-то города, откуда он отправлялся на войну, внезапно рухнуло целиком на землю. Три фиговых дерева – из тех, что приносят так называемые александровские фиги, – внезапно упали перед его палаткой, когда императорская палатка была прикреплена к ним. Когда он проходил, женщина-друидесса крикнула ему по-галльски: «Иди, но не надейся на победу и не верь своим воинам!» [Элий Лампридий. Александр Север LX, 3-6]. Первые три события чисто бытовые, а вот четвёртое интересно. Оно явно произошло уже в Германии или Галлии и, оказывается, там даже невоенное галлское население уже знало о мятежных настроениях в римской армии.

Считается, что идти к лагерю Александра было не очень далеко. От Викуса Британникуса до Могонциака всего 6 км. Однако, мы знаем, что Максимин подошёл к лагерю Александра только на следующий день. Как же так? Значит, либо Максимин вовсе не сразу выступил из своего лагеря, а чем-то весь день был занят, либо расстояние между лагерями было гораздо больше, чем предполагается. Древние авторы говорят о небольшом расстоянии, значит, Максимин был занят. Чем? Скорее всего, оповещением своих сторонников в других частях и координацией действий с ними. В Могонциаке у Александра стоял легион XXII Primigenia, там же II Parthica, в то время как преторианцы, всадники Augusta Singula и другие гвардейцы, вероятно, расположились где-то в непосредственной близости. Идти против этой силы с новобранцами было бы самоубийством, но раз это случилось, значит Максимин знал, что войска предадут Александра. Поэтому, хотя Максимиனு не удалось застать Александра врасплох, это уже не имело значения.

Александр узнал о мятеже ещё днём. Ему доложили о восстании и приближении Максимиана с вооружёнными воинами, хотя тогда это было не так. Александра охватила паника. Он выскочил из своего царского шатра, рыдая и дрожа. Собрав своих воинов на сходку, он обвинил Максимиана в неверности и неблагодарности, а молодых рекрутов в государственной измене. Обвинения Максимиана, кстати, косвенно свидетельствуют о том, что он был не простым префектом тиронов. В этом случае, ему не за что было быть благодарным императору. Похоже, что пост Максимиана, всё-таки, был повыше рангом, о чём мы уже писали.

Своим воинам Александр обещал дать всё, чего они потребуют, и, если они чем-либо недовольны, исправить. Солдаты и телохранители, окружавшие его, все дружно кричали в его пользу и сопровождали его, обещая положить свои жизни ради его защиты. Александр успокоился и вечером отправился спать. Надо полагать, по соседним лагерям и частям были разсланы гонцы с сообщением о мятеже и требованием выступить на помощь императору. По-видимому, войска так и не пришли, и не откликнулись. Макхью обратил внимание на то, что многими местными отрядами нумерус командовали центурионы легиона XXII Primigenia, который явно не симпатизировал императору. Значит, они также не оказали поддержки Александру. Ауксилиии Верхней Германии тоже подчинялись легионам и рассчитывать на них не приходилось. Так и случилось. Никто не пришёл на помощь Александру. Прошла ночь и наступило утро. Разведчики доложили, что Максимин уже близко и вдалеке видна клубящаяся пыль, слышен шум и крики многочисленного войска.

Император мог либо сразиться с мятежниками в открытом бою, либо отступить и дожидаться дополнительной поддержки за стенами Могонциака. Город был расположен на берегу Рейна у впадения в него Майна, его стены все ещё были деревянными. Правда, они оказались достаточно прочными, чтобы защитить город во время нашествия аламаннов. Могонциака был большим городом. Его амфитеатр, крупнейший к северу от Альп, вмещал 10 000 человек. Ряд впечатляющих каменных сооружений возвышался над городом, создавая эффект небоскрёбов. Большой храм Юпитера, построенный во времена Нерона, был покрыт рельефами с изображением пантеона богов и богинь, включая Юнону, Марса, Нептуна, Аполлона, Диану, Геркулеса и Фортуны, и был увенчан бронзовой статуей Юпитера с молнией в руке. Император, его мать и императорский двор в зимние месяцы здесь совершали богослужения. В другом храме – Изиды, расположенном неподалеку, потолок был украшен звездами и посвящен Веспасиану в день его восшествия на престол. Над преторием, который император обычно использовал для своих встреч, возвышалась триумфальная арка, воздвигнутая в честь победы Домициана над хаттами. На ней были изображены легионер, держащий копье, которое вот-вот вонзится в открытый живот распростертого варвара, и два закованных в цепи пленника рядом с плачущим изображением персонифицированной Германии, обезумевшей от ошеломляющей победы Рима. Многие солдаты армии Александра Севера, потерявшие всё в войне с аламаннами, должно быть, проходили под аркой и мечтали о возвращении в те дни, которые были на ней изображены.

Лагерь императора, вероятно, располагался в непосредственной близости от города. У Лампридия и Аврелия Виктора говорится, что он был расположен недалеко от деревни под названием Сицилия, которая

почему-то описывается Аврелием Виктором как британская столица. Вообще, большое количество солдат, завербованных из Британии, стояло гарнизонами во многих крепостях Верхней Германии. Тогда их крепости на Декуматах были разрушены и они перебазировались за Рейн. В какой-то из новых крепостей под названием Сицилия и мог обосноваться Александр. Вероятно, к утру он уже знал, что гарнизон Могонциака предал его и не придёт на помощь, да и в сам Могонциаке теперь отступать было бесполезно. Легионный каструм в Аргенторате был слишком далеко, да и тамошний легион VIII Augusta тоже недавно был раскассирован Александром и явно не горел желанием ему помогать. Оставалось надеяться только на тех воинов и гвардейцев, которые находились при императоре в лагере.

Александр снова вышел и, созвав солдат, стал умолять, чтобы они сражались и спасли его, которого они сами вскормили и в тринадцатилетнее правление которого жили вполне удовлетворительно. Это обращение свидетельствует о том, что у Александра в лагере находились только войска из Италии, то есть легион II Parthica, преторианцы и другие гвардейцы. Призывая воинов к верности долгу, он приказал им вооружаться и, выйдя из лагеря, строиться к бою. Воины сначала обещали, потом же мало-помалу разошлись и не хотели браться за оружие. Напротив, некоторые из них начали требовать выдачи им для расправы военного префекта (возможно, префекта претория) и друзей Александра, выдвигая как основание то, что они, якобы, явились причиной смуты. В том смысле, что именно префект приказал разобрать только что построенный мост через Рейн и ввёл суровую дисциплину. Друзья Александра уговорили его прекратить войну и заплатить аламаннам. Другие бранили Юлию Мамаю, как сребролюбицу и скопидомку. Возможно, что эти жалобы были спонтанной реакцией солдат, но также возможно, что среди них были агенты Максимиана, разжигавшие страсти. А возможно, что имело место и то, и другое.

Вероятно, всё это происходило во время построения армии на плацу перед трибуналом. Солдаты продолжали выкрикивать подобного рода обвинения, пока Максимин не приблизился к валам лагеря Александра. Его воины криками начали призывать воинов Александра оставить скарредную бабу и трусливого мальчишку, раба своей матери, и присоединиться к сильному и разумному мужу, соратнику, который всю жизнь провел среди оружия и в ратных делах. Кричали явно не тироны, поскольку они не были никаким авторитетом для гвардейцев и отборных воинов в лагере. Значит, у Максимиана в войске находились боевые части, способные убедить воинов Александра изменить ему. Наверняка это были воины дунайских вексилляций. В лагере Александра, солдаты и гвардейцы, уже готовые на предательство, побросали значки, вышли из ворот, присоединились к Максимиану и дружно провозгласили его императором.

Бледный, дрожащий Александр, после этого, вернулся в императорский шатер, и стал ждать убийц, прижавшись к своей матери, плача и обвиняя ее как причину своих несчастий. Если это правда, то значит, он всегда понимал пагубность действий и влияния Юлии Мамеи, однако ничего не хотел с этим поделать. Максимин отправил трибуна с несколькими центурионами убить Александра, его мать и любого, кто попытается оказать сопротивление. Элий Лампридий, (Александр, 61,3-62,5) утверждает, что убийцы состояли из германских телохранителей, то есть, либо *equites singulae res Augusti*, либо из какого-то другого гвардейского подразделения-спекуляторов, *statores Augusti*, *Leones*, фрументариев, схолариев, протекторов. Точно мы не знаем. Максимин, очевидно, ранее служил как раз в этом подразделении. Сивенне же считает, что Максимин создал новое подразделение личных охранников из германских поселенцев Фракии [Syvanne. Gordian III and Philip the Arab. The Roman Empire at a Crossroads. Pen & Sword Military. 2021.s.65].

В любом случае, надо полагать, что убийцы вошли в лагерь Александра совершенно беспрепятственно. Время было седьмой час дня (первый по нашему счёту). Александр находился в своём шатре с близкими. Он позавтракал, получив солдатскую пищу (ничего другого воины, разбирая палатку, не нашли). В то время как он после еды отдыхал, один из германцев, исполнявший обязанности щитоносца, вошел в палатку. Все спали, бодрствовал между тем только император, который и увидел его. Александр спросил у германца: «Что там такое, товарищ? Ты принёс какую-то весть о врагах?». Так описывает обстоятельства дела Лампридий (LXI. (2-7)). И эти обстоятельства выглядят странно. Перед лагерем императора стоит мятежная армия, а собственная армия императора перешла на сторону мятежников. В это время императорский штаб спит после обеда. И сам император тоже дрыхнет. И где охрана императора? И почему он не убежал к верным войскам? Чего он ждёт? В общем, всё это сильно смахивает на какой-то анекдот.

А дальше абсурд разрастается. Солдатик перепугался и, не надеясь оправдаться в том, что он грубо ворвался в палатку государя, бросился к своим сотоварищам по палатке и поднял их на убийство сурового государя. Те, вооруженные, вбежали в большом числе в палатку, изрубили безоружных и сопротивлявшихся, а самого Александра поразили множеством ударов. Некоторые говорят, что не было сказано никаких слов и только воины кричали: «Выходи, уходи».

Ясно, что всё было не так. Лампридий просто пытается сделать сцену убийства благородней. На самом деле убийцы, посланные Максиминем, пришли в лагерь, где их встретили гвардейцы Александра, возможно, как раз щитоносцы германцы, несшие охрану в тот день. Они были готовы предать своего императора. Возможно, один из них зашёл в палатку, чтобы проверить обстановку и оценить расположение людей

внутри. После того, как его окликнул Александр, гвардеец выскочил и рассказал, всё, что увидел внутри. Убийцы, поддержанные щитоносцами, ворвались в шатёр и прикончили всех, кто там был, включая императора Александра Севера, его мать Юлию Мамею и обоих префектов претория [Зосим. I, 13, 2]. В «Эпитамах» у Аврелия Виктора приводится рассказ, где император сначала обвиняет мать в своей смерти, а затем накрывает голову плащом и подставляет шею убийце, чтобы тот мог быстро покончить с ним одним ударом.

Это стандартная римская формула поведения уважаемых людей со времён Республики и вряд ли она имело место в этом случае. Слишком слабым для этого был Александр.

Некоторым из друзей Александра удавалось какое-то время скрываться, но люди Максимина вскоре находили их и убили всех до единого. После этого Максимин начал жестокую чистку всех тех, кого он считал потенциальной угрозой своему правлению. Всего было убито 4000 человек.

Можно согласиться с Макхью, что бессмысленно строить догадки о последних мгновениях жизни Александра Севера. Ясно лишь, что вместо того, чтобы пытаться бежать, предприняв последнюю отчаянную попытку избежать своей участи, он остался ждать в шатре с матерью, которую, несомненно, любил и которой безмерно доверял. Он был еще молодым человеком и последним в своем роду. Династия Северов прекратила своё существование. После его смерти, легитимность больше не будет основываться на благородной крови, текущей в жилах императора, а будет выковываться в огне сражений.

Как было воспринято убийство Александра Севера? Рассказывает об этом только Лампридий, однако мы понимаем, что это весьма пристрастный источник, открыто симпатизирующий Александру. Поэтому его текст нужно воспринимать очень осторожно. Например, он пишет, что «смерть его причинила величайшее огорчение воинам, даже тем, которые были когда-то раскассированы им, и они перебили виновников убийства» (LXIII 1). Это настолько невероятно, что невозможно принять всерьёз. В ходе начавшегося мятежа, Александр не нашёл никого в армии, кто был бы готов его защищать, так с чего бы это воинам раскассированного легиона XXII Primigenia вдруг кинуться мстить убийцам последнего Севера? В отношении реакции римского Сената и плебса, с Лампридием, частично, можно согласиться. Для них Александр был вполне приемлемым императором. Вряд ли они прямо так уж грустили о нём, но они никогда не были противниками или, тем более, врагами его. Тут можно согласиться с Лампридием, «что грубость и неотесанность его преемника Максимина, как военного человека, к которому вместе с его сыном перешла после Александра императорская власть, предвещали, по-видимому, неизбежность наступления более тяжелых времен» (LXIII. 2). А вот насчёт провинций, грустивших о смерти Александра, можно возразить. Провинциалам,

жившим без войны, Александр был неинтересен, а подвергшимся вражеским вторжениям, глубоко антипатичен. Они-то, как раз рассчитывали на военные таланты Максимиана.

Подавляющее большинство армии явно поддерживало свержение Александра Севера. И преторианцев ему так и не удалось взять под контроль. Их близость к императору и его семье обеспечивала им огромную власть и влияние. Преторианцы и другие гвардейцы считали, что император обязан своим положением их поддержке в 222 году. И это было правдой. А Александр всё время пытался дисциплинировать преторианцев и гвардейцев. Это вызывало недовольство. Ульпиана вообще убили, а Диона Кассия чуть не убили. А ещё преторианцы сохраняли тесные связи со своими товарищами в северных легионах, особенно в Паннонии и Мезии, но эти войска поддерживали как раз Максимиана.

Лампридий пишет, что «Сенат причислил Александра к богам» (LXI11. 2). На самом деле, после убийства Александра Севера его память была проклята по приказу Максимиана. Отсюда и разбитые изображения Александра и Мамеи. Многие из их статуй и надписей были намеренно повреждены, особенно статуи Мамеи. Три скульптуры в Капитолийском музее и Бохуме демонстрируют доказательства нападения. Одна из фрагментарных статуй Александра Севера была расколота пополам многократными ударами, в то время как другой экспонат Бохума подвергся ударам кирки. У бюста в Лувре изуродованы глаза, брови, нос, рот и подбородок, а другой бюст, из Остии, подвергся удару кувалды. Бронзовый портрет, хранящийся в Национальном музее Романо-делле-Терме, был изуродован, а затем брошен в реку Тибр, где и был обнаружен недалеко от моста Спето. Это была преднамеренная попытка убрать правление Александра Севера из официальных источников. По мнению большинства населения империи, люди после смерти жили только в воспоминаниях и записях о своих деяниях. Уничтожение глаз, ушей и рта представляет собой символическую попытку лишить императора и его мать возможности общаться с живыми из могилы. Нападки на эти изображения были как осуждением предыдущего режима, так и подтверждением лояльности новому.

Должно быть, Александр был обожествлен только после устранения Максимиана. Он упоминается как божественный в недатированном эдикте Гордиана III (Кодекс Юстиниана. 9. 51. 6). Ещё, согласно Лампридию, Александр «был почтён кенотафом в Галлии и великолепнейшей гробницей в Риме» (LXIII. 3). И то, и другое ничем не доказано и считается вымыслом. Учреждено было товарищество жрецов, названных «Александровыми». Добавлено было и празднество в память его матери и его самого, которое дожило до времён Лампридия и «весьма набожно» справлялось в Риме в день его рождения (LXIII. 4). Об этом тоже ничего не известно, но, как и с кенотафом, и с гробницей, возникает вопрос, для чего Лампридию было

врать в ситуации, когда его запросто разоблачили бы читатели. Представьте, что вы пишете о великолепнейшей гробнице в Риме, а её там нет. Или о празднестве, которого нет. Это же конец вашей репутации и карьеры. Зачем это Лампридию или кто бы там ни выступал под таким именем, непонятно. Так что, в этом случае Лампридию вполне можно верить.

Finita la comedia.

Заключение

Резюмируем итог политики и всего правления двух последних Северов. Условно говоря, приход к власти сирийской ветви династии Северов, был попыткой римской армии вернуть «лучшие» времена Септимия и Каракаллы, а аристократии – «лучшие» времена Антонина Пия и Марка Аврелия. Обратим внимание, что гвардия выступила против и пыталась сохранить власть Марка Оппеллия Макрина, считая именно его своим кандидатом. Все гвардейцы были выходцами из низов, но и Макрин тоже. И это их устраивало. Но армия и Сенат были не готовы к такой радикальной трансформации общества. Для них происхождение всё ещё имело значение. Таким образом, Гелиогабал определённо стал выдвиженцем армии. Именно армия решила, что она лучше знает, какой император нужен Риму. А Сенат с этим согласился, поскольку ненавидел выскочку Макрина и предпочитал ему даже сомнительного Севера. Дело в том, что реформы Септимия Севера нарушили государственную стабильность, поэтому имели временный характер. Рост армии и превращение ее в автономную, обладающую политической волей структуру ставило под вопрос полноту власти принцепса, который должен был теперь максимально учитывать интересы армии и максимально удовлетворять их. Противовесом армии ранее были Сенат и аристократия, включая императора, его двор и гвардию, а также простой народ, который ждал от армии эффективной защиты. Однако, к началу III века, устойчивость треугольника армия-власть-народ была нарушена. Тогдашняя императорская армия Рима располагалась на границах империи, где жила изолированно от мирного населения, за исключением канабов и викусов, то есть того же приграничного населения. Армия надёжно защищала границы, поэтому население внутренних областей империи потеряло интерес к войне и политике, поскольку первая до него не доходила, а от второй оно было отрезано. Конституция 212 года размыла гражданское население империи множеством инородцев, ещё менее интересующихся делами власти и армии. Поскольку армия давно была наёмной, мнение народа перестало учитываться как имперскими властями, так и самой армией.

Политических сил осталось две и роль армии росла, начиная превышать роль императора. Сенат был давно лишён реальной власти и имел слабые возможности. В результате, армия начала сама определять, какой император ей нужен, а какой нет. Этот период доминирования армии в государственной политике империи получил название кризиса III века или эпохи «солдатских императоров». Переход к этой системе происходил в годы правления династии Северов. Заговор и захват власти Макрином был флуктуацией, которая была быстро исправлена армией, вернувшей развитие империи на нужный ей путь. Гелиогабал и его семья имели достаточно косвенное отношение к династии Северов и к самому Риму, но других, более близких кандидатов не было, и армия удовлетворилась сирийцами. Она даже согласилась с высокой ролью женщин в этой ветви династии, тем более, что сирийки оказались явно умнее своих детей и внуков. Очевидно, командование армии и солдаты считали, что новое поколение Северов со временем закроет женскую тему и вернёт ситуацию к обычному порядку. Так последние Северы пришли к власти.

В империи существовала ещё одна проблема – кризис мировоззрения. Первый из сирийских императоров – Гелиогабал, почти всё своё правление посвятил попытке решить эту проблему, хотя лично он явно не представлял, что занимается таким сложным делом. Для него, все его реформы были личным делом, не более. Глобальности проблемы он не понимал и вряд ли задумывался над этим. Мало того, Гелиогабал, по нашему мнению, подчеркнём это, искажил эмесскую веру в Элагабала и начал с фанатичным усердием создавать чудовищную фантазмагорию, оказавшуюся неприемлемой для большинства населения, включая армию и аристократию. Именно поэтому он и был свергнут так быстро. Собственно, больше про Гелиогабала сказать нечего, настолько ограниченным был этот человек. О деятельности Месы во время его принципата, мы, к сожалению, почти ничего не знаем, поскольку наши источники целиком увлечены выкрутасами Гелиогабала. Мы знаем, что Меса проводила твёрдую кадровую политику, умела находить общий язык с сенатом и аристократией, да и с чиновничеством, а о хозяйственной и военной деятельности Августы мы не знаем ничего, разве что известно, что она или сам Гелиогабал пытались ввести новую монету и последовательно удерживались от войны, но при этом, сам Гелиогабал растратил огромные средства империи на свои религиозные реформы и личные увеселения.

Об Александре Севере можно сказать больше. Его правление является характерным в принципе, поэтому его стоит разобрать подробнее. Он был выдвиженцем аристократии, временно договорившейся с гвардейцами. Армия смирилась с этим после своего фиаско с Гелиогабалом, однако, это было временное отступление. Взяв власть, Александр стал действовать соответственно. Аристократии был

предоставлен доступ к императору, которого она желала, и к императорским привилегиям, которых она желала, таким как высокие посты в государстве, которые укрепляли их достоинство и престиж. Это было ключом к стабильности режима, но только до начала больших войн. Те аристократические семьи, которые были изгнаны Каракаллой, Макрином и Гелиогабалом, были приглашены обратно в придворный круг, им был предоставлен доступ к титулам и почестям. Оригинальным решением Маimei было создание сенатского совета, от которого в дальнейшем императорская бенефиция распространилась на значительную часть ведущих сенаторов. Все наши источники сходятся во мнении, что политическая власть принадлежала исключительно императору, а в начале правления его матери и бабушке, а совет, когда его созывали, просто обсуждал то, что ему предлагал император и предлагал свои варианты. Его функции заключались в том, чтобы предлагать императору свои варианты решений и предоставлять более широкие возможности для повышения статуса, доступного представителям аристократической элиты. Это никоим образом не означало ослабления власти императора.

Имперская пропаганда провозглашала восстановление наследия Августа, где, по крайней мере теоретически, принцепс обладал властью с законного согласия сената. Термин «принцепс» сам по себе был попыткой скрыть реальную власть императора, представив его просто как «первого среди равных». Это вымышленное равенство между императором и сенаторской элитой было безупречно сыграно «хорошими» императорами, включая Августа и Марка Аврелия. Эту роль также хорошо играл Александр Север. Поэтому аристократия и оплакивала его потерю.

Он и его правительство, последнее особенно в начале принципата, попытались опереться на аристократию и чиновничество, но сохранение возможностей армии и гвардии не позволило сделать это. Ситуация с трудом удерживалась пока не было войн, но после их начала роль армии быстро начала перевешивать всё остальное и закономерно привела к смене власти в пользу армейских кругов. Александр пытался понравиться армии. Существует значительное количество произведений, на которых император изображен в военном облачении. В скульптурах он представлен с короткой военной стрижкой, но выражение его лица безмятежное и спокойное, в отличие от напряженных и властных образов Каракаллы и Максимиана Фракийца. Акцент сделан на сенаторской и конституционной роли императора.

Правительство Александра видело угрозы его правлению: отсутствие у него военного опыта; сомнительная легитимность; ограниченность ресурсов, которыми государство могло располагать в это кризисное время. Последствия Антониновой чумы в начале III века продолжали сказываться на всей территории империи. Повышение налогов на

богатую землевладельческую элиту подорвало бы её поддержку режима Александра. Вместо этого государственные и местные чиновники стали предъявлять более высокие требования к жителям провинций. Социально-экономический разрыв между богатыми и бедными становился все шире, государство все больше служило интересам высших слоев общества, в то время как бедные были низведены как в социальном, так и в правовом плане до положения, немногим превосходящего положение рабов. Это привело к росту разбоев на протяжении всего III века (движение багаудов) и множеству юридических различий между простолюдинами и знатью, владеющей собственностью. Высокие требования, предъявляемые к денежной массе, и отказ от сокращения количества драгоценного металла в чеканке монет привели к тому, что все больше стали полагаться на оплату натурой, военную аннону. Это неизбежно привело к дальнейшему конфликту власти с крестьянством. Обращения к императору и множество императорских указов по этому вопросу отражают масштабы этого конфликта. Солдаты брали у обывателей то, что, по их мнению, они заслуживали, но были недовольны таким вознаграждением. Это была неадекватная мера по экономии денег, которая деморализовала солдат и потенциально влияла на боеспособность. Император «щедро раздавал деньги» солдатам: первый раз непосредственно перед отъездом из Рима, а второй – по возвращении в Антиохию из похода в 232 году. Однако против него и его матери выдвигались обвинения в скупости. Возможно, его раздачи солдатам были недостаточными с их точки зрения, да и в Германии раздач не было совсем. В то же время солдаты все чаще использовались для приведения в исполнение указов, выполнения полицейских функций, сбора провизии и борьбы с разбойниками.

Александр и его правительство прекрасно осознавали духовный кризис империи и пытались преодолеть его. Они продолжали поддерживать поздний расцвет греческой культуры, что нашло отражение во Втором Софистическом движении, закончившемся смертью Александра и Мамеи. Интеллектуальная и теологическая открытость царя по всей империи, до такой степени, что христианский богослов был приглашен ко двору, который, по словам церковного историка Евсевия, уже состоял из многих христиан. Однако, Александр так и не определился с генеральной линией духовного развития населения империи. Его поддержка античной классики была ошибочной, ибо новому населению империи она была неинтересна и не объединяла его.

В мирные 222–228 годы Александр Север (а точнее Юлиа Меса) умело развил свою роль принцепса, что сделало его приемлемым для сенаторского класса, но ему не удалось совместить эту роль с ролью «товарища по оружию» в армии. Связь преторианцев с Александром, в частности, его заявления о том, что он сын Каракаллы, возможно,

смягчили их непослушное поведение. Однако Гелиогабала такие заявления не спасли. Правда у Гелиогабала не было поддержки и в сенате, поэтому ему удалось удержаться у власти намного меньше, чем Александру.

Война с Ардаширом и опустошения, вызванные вторжением аламаннов на Декуматы, настолько сильно подорвали военный авторитет Александра Севера и его советников, что военный мятеж был практически неизбежен. переворот не был подготовлен несколькими подразделениями или легионами, а назревал настолько широко, что положение императора стало безнадежным. Во время конфликта армия не обращала внимания на юридические тонкости. Император был их повелителем, их главнокомандующим, и поэтому трон должен был занимать человек, доказавший свои военные способности. Щедрая раздача денег Александром Севером оказалась неэффективной, поскольку не отменяла сомнения в его способности быть правителем и полководцем, а также его храбрость. Для солдата деньги бесполезны, когда ты мертв. Большая часть армии полагала, что решения их императора стоили жизни многим их товарищам на Востоке и семьям на Рейне. Более того, солдаты видели альтернативу – проверенный полководец Максимин, который не стал бы рисковать их жизнями без необходимости. Он был воплощением идеи «боевого товарища». Римская армия оставалась грозной боевой силой. Однако, как и во всех армиях, ее нужно было хорошо руководить, а ее солдаты должны были иметь уверенность в своем командире. Военное руководство Александра Севера было разумным, и, как показывают его приготовления к Восточной кампании, он был основательным командующим, но тяжеловесным и скучным. Он не обладал военным талантом и солдаты это поняли.

Как и многие из его предшественников, Александр Север и его советники стремились восстановить предполагаемый «Золотой век», существовавший в другое, более спокойное время, когда император жил в Риме, управляя мирным и стабильным государством, главным образом в интересах богатой землевладельческой элиты. Следует сказать, что во времена Александра император обладал возможностью обеспечивать удовлетворенность и лояльность элиты в большей степени, чем Домициан, Коммод или Каракалла. Однако начавшиеся крупные войны привели к тому, что сильно выросла роль армии, а физическое присутствие императора в войсках, с которыми он теперь проводил большую часть времени, привело к тому, что теперь солдаты стали определять политику власти. Провал Александра Севера заключался в том, что он никогда по-настоящему не добивался лояльности римского солдата, родившегося на полуроманизированных окраинах империи, где жизнь, по словам Томаса Гоббса, была «противной, грубой и короткой» [Hobbes, Thomas, Leviathan, ch. 12].

Александр Север, возможно, и был их императором, их главнокомандующим, но он никогда не был их «товарищем по оружию».

Показательна ситуация, когда судьбу императора решает не сенат, не население, а именно армия. Если раньше в ходе заговоров армейские группировки как правило убивали несносных правителей, каковыми их считали и аристократия, и народ, то в случае с Александром наблюдался диссонанс общественного мнения. Как и в случае с Каракаллой, кстати. Значительную часть населения империи, в том числе аристократию, Александр вполне устраивал и мог бы править очень долго, однако армия оказалась против и ничто её не остановило. Подобный расклад во многом предрешил кризисное состояние империи на последующие полстолетия. Правящая династия Северов, пришедшая с помощью армии к власти, была ею и низвержена. *Finis coronat opus* («конец венчает дело»). Армия, уже давно скрытно управлявшая политическими процессами в верхах, вышла из тени и открыто заявила о своих потребностях перед высшей властью, тем самым уничтожив принципат-систему, когда сохранялась видимость республиканской формы на основе сотрудничества сената, народа и императора. Начался глубочайший кризис империи. Пример следующего, истинно «солдатского императора» Максимиана показал, что угодить армии очень трудно даже её любимцу. Например, жестокое отношение к новоявленному «источнику власти» может привести к перевороту. Не оставивший надежд сенат так же вступил в политическую борьбу, назначая некоторых императоров в своих интересах, это привело еще к большему расколу государственности. Всесторонний, структурный кризис поставил острый вопрос дальнейшего существования Рима как господствующей Средиземноморской державы. [Гусев, К. Д. Правление и личность Александра Севера как проявление «скрытого кризиса III века» / К. Д. Гусев. – // Молодой ученый. – 2015. – № 13 (93). – С. 539–545.]

Постепенно армия превращалась в самостоятельную, трудно управляемую силу, понимающую спектр своих возможностей и не особо боящуюся давить на высшую власть. Но вскоре оказалось, что общество ещё не готово к таким переменам ни в политическом, ни в социальном, ни в экономическом плане.

При первых Северах постоянно увеличивались выплаты солдатам, в конце концов они оказались столь велики, что казна опустела и пришлось выпускать новую полноценную валюту *антониниан*, а это было предвестником экономических проблем. Одной из задач Северов оказался непрерывный поиск ресурсов, к ним можно отнести военные трофеи, добытые Септимием и Каракаллой на Востоке, либо же конфискованное имущество богатых сенаторов. Другой задачей стали попытки Макрина и Александра Севера уменьшить расходы казны при одновременном увеличении доходов посредством реформ в экономике. Правда в последнем римляне разбирались плохо и результаты были

минимальными. Перекос в несоразмерном повышении роли армии и понижении качества управления при росте экономических проблем и духовном кризисе имперского населения можно назвать «Скрытым кризисом» (или начальным этапом «Кризиса III века»). Его начало можно датировать временами Септимия Севера, во времена Каракаллы и Гелиогабала наступил пик «Скрытого кризиса», а при Александре ситуация дозрела и до открытой фазы, апофеозом чего стало убийство принцепса. Именно на фоне внешне весьма благополучного правления последнего Севера ярко была видна главная черта этого переломного момента – инкорпорирование интересов армии в главный политический запрос императору, за невыполнение которого следует свержение посредством убийства. Именно теперь армия взяла власть над империей, о чём, кстати, свидетельствует требование почти постоянного нахождения императора в войсках. Не случайно последующих императоров называла «солдатскими» [John S McHugh. Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235 Pen and Sword History 2017. p. 340].

Убийство последнего из Северов стало переломным моментом между скрытым и открытым кризисом империи. Десятилетия после 235 года сопровождались почти непрерывной гражданской войной и нашествиями варваров. Эти два фактора явно взаимосвязаны, и во многом Александру Северу повезло в том, что он не сталкивался с внешними угрозами с начала своего правления до 228 года. Даже после этой даты он прожил еще шесть лет. В таких обстоятельствах вопрос, который необходимо задать, справедливо замечает Макхью, заключается не в том, почему Александр был свергнут, а в том, как его режим просуществовал так долго?

Литература

1. Секст Аврелий Виктор. О цезарях // Римские историки IV века. – М., 1997.
2. Авторы жизнеописаний Августов / ред. А. И. Доватур // Властелины Рима. – М., 1992.
3. Агатангелос. История Армении/ пер. с древнеарм. К. С. Тер-Давтяна и С. С. Аревшатяна. – Ереван: Наири, 2004.
4. Афиней. Пир мудрецов: в 15 кн. Книги I–VIII. / Пер. Н. Т. Голинкевича. Комм. М. Г. Витковской, А. А. Григорьевой, Е. С. Иванюк, О. Л. Левинской, Б. М. Никольского, И. В. Рыбаковой. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М.: Наука, 2003. (серия «Литературные памятники») Книги IX–XV. / Пер. и примеч. Н. Т. Голинкевича. – М.: Наука, 2010.

5. Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела. В сборнике «Греческие полиоркеттики. Вегеций.» (Серия «Античная библиотека». Раздел «Античная история»). СПб, Алетея. 1996.

6. Гелиодор. Эфиопика. М.: Худож. лит., 1965. – (Библиотека античной литературы)

7. Авл Геллий. Аттические ночи. / Под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер. (Серия «Bibliotheca classica») СПб.: Гуманитарная Академия, 2007–2008. Книги 1–X. / Пер.

А. Б. Егорова (кн. 1–5), А. П. Бехтер (кн. 6–10). СПб, 2007. Книги XI–XX. / Пер. А. Г. Грушевого (кн. 11–15, 17, 18), О. Ю. Бойцовой (кн. 16, 19, 20). СПб, 2008.

8. Геродиан. История императорской власти после Марка / ред. И. А. Савкин. – М., 1994.

9. Дион Кассий Коккеян. Римская история / ред. А. В. Махлаюка. – СПб, 2011.

10. Евсевий. Церковная история. Пер. М. Е. Сергеенко, комм. С. Л. Кравца. (Серия «Памятники церковной письменности») М., 1993.

11. Флавий Евтропий. Бrevиарий римской истории / Пер. и прим. Д. В. Кареева, Л. А. Самуткиной. – СПб.: Алетея, 2001.

12. Зосим. Новая история. – Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010.

13. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступ. ст., пер. с латин., коммент. Е. Ч. Скржинской. – СПб.: Алетея, 1997. – (Византийская библиотека. Источники)

14. Киприан, еп. Карфагенский. Письма. / Пер. М. Е. Сергеенко. // Богословские труды. 1985. № 26.

15. Иоанн Малала. Хронография. Книги VII–XII / Мир поздней античности. Документы и материалы. Выпуск 7 / Отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2016.

16. Мовзес Хоренаци. История Армении. Перевод с древнеармянского, введение и примечания Гагика Саркисяна, сканирование и электронная редакция Врежа Атабекяна. Ереван: Айастан, 1990.

17. Павел Орозий. История против язычников. / Пер., вступ. ст., комм, и указ.

В. М. Тюленева. В 3 т. Серия: Византийская библиотека. – СПб.: Алетея, 2001–2003.

18. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь-Пассек, С. И. Соболевского. – В 3 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1961–1964; второе издание: в 2 т. – М.: Наука, 1994.

19. Порфирий. Жизнь Плотина. / Пер. М. Л. Гаспарова. // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. 1979. С. 449–476.

20. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. О знаменитых людях (фрагменты). / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова, статья

Е. М. Штаерман. Отв. ред. С. Л. Утченко. (Серия «Литературные памятники»). – М.: Наука, 1964.

21. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. / Перевод, статья и примечания С. А. Ошерова. Ответственный редактор М. Л. Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). – М.: Наука, 1977.

22. Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 1-2. Т. 1. Анналы. Малые произведения. / Пер. А. С. Бобовича. 2-е изд., стереотипное. Т. 2. История. / Пер. Г. С. Кнабе. 2-е изд., испр. и перераб. Статья И. М. Тройского. Отв. ред. С. Л. Утченко. – (Серия «Литературные памятники»). – СПб.: Наука, 1993.

23. Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. / Пер. О. Л. Левинской. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа (Против Апиона). / Пер. А. В. Вдовиченко. (Серия «Библиотека Флавиана». Выпуск 3). М.-Иерусалим, Гешарим – Еврейский университет в Москве. 1994.

24. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. / Пер., ст. и комм. Е. Г. Рабинович. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1985.

25. Флавий Филострат. Жизни софистов. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

26. Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. / Сост. и ред. М. Л. Гаспарова, С. А. Ошерова, В. М. Смирин. Вступ. ст. Г. С. Кнабе. – М.: Худож. лит, 1975.

27. Беседы Эпиктета. / Пер. и прим. Г. А. Тароняна. // 2-е изд., испр. предисл. Г. А. Кошеленко, Л. П. Маринович. (Серия «Античная классика»). М.: Ладомир, 1997.

28. Ювенал. Сатиры. (Серия «Античная библиотека») СПб.: Алетейя. 1994.

29. *Feriale Duranum*, extract taken from Oliver Hekster, *Rome and its Empire AD 193-284, Debates and Documents in Ancient History* (Edinburgh University Press, 2008).

30. Hyppolitus, *Philosophoumena*, trans. Patrice Franois Marie Cruice (Saraswasti Press, 2012).

31. Georgios Synkellos. *The Chronography: A byzantine chronicle of universal history from the Creation* / Transl. by W. Adler, P. Tuffin. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

32. Ioannes Zonaras. *Epitome Historiarum*. – Lpz.: Lipsiae, 1870.

33. Арто, А. Гелиогабал / А. Арто. – Тверь, 2006.

34. Банников А. В. Эволюция римской военной системы I-III вв. (от Августа до Диоклетиана). – СПб.: Евразия; М.: Клио, 2013.

35. Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья (Причерноморье в античную эпоху, 7). М. 1954.

36. Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А.: Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб. 2009.

37. Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная смерть Римской империи/пер. А. В. Короленкова. – М.: АСТ, 2014.

38. Горончаровский В.А.: К вопросу о римском военном присутствии на Боспоре // Мемнон. 9, 2010, 289–296.

39. Грант М. Римские императоры. Биографический справочник правителей Римской империи. – М.: Терра-Книжный Клуб, 1998.

40. Гусев, К. Д. Проблемы изучения личности императора Элагабала и кризиса системы принципата / К. Д. Гусев // Приволжский научный вестник. – Ижевск, 2015. -№ 6 (46).

41. Гусев, К. Д. Правление и личность Александра Севера как проявление «скрытого кризиса III века» / К. Д. Гусев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2015. -№ 13 (93).-С. 539–545.

42. Дандо-Коллинз Стивен. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской Империи / Пер. с англ. Н. Ю. Живловой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2013

43. Иванчик А. И. Новые данные о римском военном присутствии на Боспоре. Вестник древней истории № 1, 2013, с. 59–77

44. Ковалев, С. И. История Рима/С. И. Ковалев. – Л., 1948.

45. Коннолли Питер. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

46. Кравчук, А. Галерея римских императоров/А. Кравчук. – М., 2009.

47. Кузищин, В. И. История древнего Рима / В. И. Кузищин, И. А. Гвоздева. – М., 2010.

48. Махлаюк, А. В. Историк «века железа и ржавчины» / А. В. Махлаюк. – СПб, 2011.

49. Мостовщикова, Е.А. Сакрализация власти в Римской империи/Е.А. Мостовщикова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2009.-Т. 2, № 3–2.

50. Ременников. А.М. Борьба племён северного Причерноморья с Римом в III веке. М. 1957.

51. Сарновски Тадеуш. Боспорская война периода правления Септимия Севера в Риме и Савромата II на Боспоре. Проблема с нижнемёзийской перспективой. Centre d'archeologie mediterrannee de l'academie polonaise des sciences. Etudes et Travaux XX. 2005. S. 236–246.

52. Сарновски Т.: О Боспорской войне в конце II в. н. э. // Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000, 246–248.

53. Сергеев И. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. – Х.: Майдан, 1999.

54. Соболевский, С. И. Научная проза I–III вв. н. э. Дион Кассий Коккеян /С. И. Соболевский // История греческой литературы. – Т. 3. – М., 1960.

55. Федорова, Е. В. Императорский Рим в лицах / Е. В. Федорова. – М., 1979.
56. Циркин Ю. Б. «Военная анархия» в Римской империи. – СПб.: Нестор-История, 2015.
57. Alram, Michael, 'Ardashir's Eastern Campaign and the Numismatic Evidence', in Joe Cribb and Georgina Herrmann (ed.), *After Alexander: Central Asia Before Islam* (Vienna British Academy, 2007).
58. Altmayer Klaus: Elagabal. Roms Priesterkaiser und seine Zeit. Bautz, Nordhausen 2014, 258 S. ISBN 978-3-88309-928-6.
59. Ando, Clifford, *Imperial Rome AD 193 to 284: The Critical Century* (Edinburgh University Press, 2012)
60. *Arrizabalaga y Prado, Leonardo de (2010). The Emperor Elagabalus: Fact or Fiction?. Cambridge: Cambridge University Press. ISBN 978-0-521-89555-2.*
61. *Ball, Warwick (2016). Rome in the East: The Transformation of an Empire. Abingdon-on-Thames: Routledge. ISBN 978-0-415-71777-9.*
62. Barnes T. D. Philostratus and Gordian // *Latomus*. – Bruxelles: Societe d'Etudes Latines de Bruxelles, 1968. – T. 27. – P. 581-597.
63. Baitap R. The Death of Ulpian, the Irresistible Force and the Immovable Object // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung fur Rechtsgeschichte*. 1995. Bd. 112. P. 385-399.
64. Batty, Jean Ch., 'Apamea in Syria in the Second and Third Centuries AD', *Journal of Roman Studies*, Vol.78 (1988).
65. Benario, Herbert W., Alexander Severus (A.D. 222-235). URL: <http://www.romanemperors.org/alexsev.htm> (дата обращения: 17. 06. 2015).
66. Benario, Herbert W., 'The Titulature of Julia Soaemias and Julia Mamaea: two notes', *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, Vol.90 (1959), published by John Hopkins University Press.
67. The Date of the "Feriale Duranum", *Historia*, Bd.II, H.2 (April 1962).
68. Benefiel, Rebecca R.J., 'A New Praetorian Laterculus from Rome', *Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik*, Bd.134 (2001).
69. Bennett, Julian, *Trajan: Optimus Princeps* (Routledge, 1997).
70. Bertrand-Dagenbach, C., *Alexandre Severe et l'Histoire Auguste* (Collections Latomus 208 Brussels, 1990).
71. Bingham, Sandra, *The Praetorian Guard: A History of Rome's Special Forces* (LB. Taurus, 2013).
72. Birley, A., *The African Emperor Septimius Severus* (B.T. Batsford Ltd, 1988).
73. Birley A. *The Roman government of Britain*. – Oxf.: Oxford University Press, 2005.
74. Bivar, A.D.H., 'Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier', *Dumbarton Oaks Papers*, Vol. 26 (1972).

75. Blanchard, Philippe, Castex, Dominique, Coquerelle, Michael, Giuliani, Raffaella, & Ricciardi, Monica, A Mass Grave from the Catacomb of Saints Peter and Marcellinus in Rome Second-Third Centuries AD (Antiquity, 2007).
76. Blazquez, J.M., 'The Latest Work on the Export of Baetican Olive Oil to Rome and the Army', Greece and Rome, Vol.39, Issue 2 (October 1992).
77. Bowersock, G.W., Roman Arabia (Harvard University Press, 1998).
78. Bowman, Alan K., Garnsey, Peter, and Cameron, Averil, The Cambridge Ancient History: The Crisis of Empire AD 193-337, Volume XII (Cambridge University Press, 2007).
79. Braunert, Horst, Die Binnenwanderung. Studien zur Sozialgeschichte Agyptens in der Ptolemaer- und Kaiserzeit (Bonn: Ludwig Rohrscheid Verlag, 1964).
80. Burton, Graham P., 'The Roman Imperial State, Provincial Governors and Imperial Finances of Provincial Cities, 27 BC-235 AD', Historia, Bd.53, H.3 (2004).
81. Butcher, Kevin, Roman Syria and the Near East (The British Museum Press, 2003).
82. Campbell, Brian, 'The Severan Dynasty', in Cambridge Ancient History volume 12, 'The Crisis of Empire AD 193-337', ch.11 (Cambridge University Press, 2008).
83. Campbell, J.B., The Emperor and the Roman Army 31 BC - AD 235 / J. B. Campbell.-Clarendon, 1984.
84. Canduci. Alexander, Triumph & Tragedy: The Rise and Fall of Rome's Immortal Emperors / Canduci. - 2010. - Pier 9.
85. Chausson F. Un portrait de groupe avec dame: autour de Cornelia Praetextata // Cahiers du Centre Gustave Glotz. - 1996. - Vol. 7. - P. 319-368.
86. Cleve R.L. Cassius Dio and Ulpian // AHB. 1988. Vol. 2. P. 118-124.
87. Cooley, Alison E., & Salway, Benet, 'Roman Inscriptions 2006-2010', Journal of Roman Studies, Vol.102 (November 2012),
88. Christol, M. Essai sur devolution des carrieres senatoriales dans la 2e moitie du Hie siecle apres J.-C. - Paris, 1986.
89. Davenport Caillan. The Provincial Appointments of the Emperor Macrinus. Antichthon. Volume Forty-Six 2012. S.184-203.
90. Dietz, K.-H. Senatus contra principem. Untersuchungen zur senatorischen Opposition gegen Kaiser Maximinus Thrax. - Munich, 1980.
91. Edwell, P. M. 2007. Between Rome and Persia. The Middles Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman Control. London - New York.
92. Elliot, Paul, Legions In Crisis: Transformation of the Roman Soldier AD 192-284 (Fonthill, 2014).
93. Gawlikowski, M. 1994. A Fortress in Mesopotamia. In: Dqbrowa, E. (ed.) The Roman and Byzantine Army in the East. Proceedings of a colloquium held at the Jagiellonian university, Krakow in September 1992. Krakow. 47-56.

94. Gilliam, J.F., 'The Dux Ripae at Dura', Transactions and Proceedings of the American Philological Association, Vol. 72 (1941).

a) Caesonius Bassus: cos.ord AD 317', Historia, Bd.16, H.2 (April 1967).

b) The Governors of Syria Coele from Severus to Diocletian', American Journal of Philology, Vol.79, no.3 (1958).

c) Gilliam, J. F. 1959. The Roman Army in Dura. In: Welles, C.B. / Fink, R. O. / Gilliam, J. F. (eds.) The Excavations at Dura-Europos, Final Report V. Part 1. The Parchments & Papyri. New Haven. 22-27.

95. Gnoli Tommaso. From Praepositus Pretenturae to Dux Ripae. The Roman 'Grand Strategy' on the Middle Euphrates (2nd – 3rd Cento AD). In The Late Roman Army in the Near East from Diocletian to the Arab Conquest. BAR International Series 1717. 2007. s. 49-55.

96. Grant, Michael (1996). *The Severans: The Changed Roman Empire. Abingdon-on-Thames: Routledge. ISBN 978-0-415-12772-1.*

97. Grasby K. D. The Age, Ancestry, and Career of Gordian I // The Classical Quarterly, New Series. – Cambr.: Cambridge University Press, 1975. – Вып. 1 (25). – P. 123-130.

98. Harper, R.P., 'Roman Senators in Cappadocia', Anatolian Studies, Vol.14 (1964) 'Podandus and the via Tauri', Anatolian Studies, Vol. 20 (1970)/

99. Hay, J. Stuart (1911). The Amazing Emperor Heliogabalus. London: MacMillan, p. 124. Archived from the original on 2 February 2008. Retrieved 3 May 2008. Additional copy. Introduction by J. B. Bury.

100. Hilali A. La crise de 238 en Afrique et ses impacts sur l'empire romain // Crises and the Roman empire: proceedings of the Seventh Workshop of the International Network Impact of Empire, Nijmegen, June 20-24, 2006. – Leiden: BRILL, 2006. – P. 57-65.

101. Hopkins, Richard, The Life of Alexander Severus (Forgotten Books, 2012; first published 1907)/

102. Hose. M. Cassius Dio: A Senator and Historian in the Age of Anxiety // A Companion to Greek and Roman Historiography. Ed. by J. Marincola. – Volume 2. – Malden-Oxford: Blackwell, 2007.

103. Kai Juntunen. The Origin of cohorts IX Maurorum and the Severan Frontier of Mesopotamia/ in Proceedings of the 22nd International Congress of Roman Frontier Studies, Ruse, Bulgaria, September 2012/

104. Ieks, Martijn (2011). The Crimes of Elagabalus: The Life and Legacy of Rome's Decadent Boy Emperor. London: LB. Tauris. ISBN 978-1-84885-362-1.

105. Isaac, B. 1990. The Limits of Empire: The Roman Army in the East. Oxford.

106. Kennedy, D. 1997. Ala Phrygum and Ala VII Phrygum. – Zeitschrift fur Papyrologie und Epigraphik 118, 300-304.

107. Kennedy, D. 1994. The cohorts XX Palmyrenorum at Dura Europos. In: Dqbrowa, E. (ed.) The Roman and Byzantine Army in the East. Proceedings of a colloquium held at the Jagiellonian university, Krakow in September 1992. Krakow. 89-98.

108. Kennedy, D. 1987. The Garrisoning of Mesopotamia in the Late Antonine and Early Severan Period. – *Antichthon* 21, 57–66.
109. Kennedy, D. 1983. Cohors XX Palmyrenorum: An Alternative Explanation of the Numeral. – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 53, 214–216.
110. Keresztes H. The Emperor Maximinus' Decree of 235 A.D.: Between Septimius Severus and Decius // *Latomus*. – 1969. – Vol. 28. – P. 601–618.
111. Kienast, Dietmar (2017) [1990]. «Elgabal». *Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie (in German)*. Darmstadt, Germany: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. ISBN 978-3-534-26724-8.
112. Kienast D. *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. –Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. – 399 S.
113. Lorient X. Les premières années de la grande crise du IIe siècle: De l'avènement de Maximin de Thrace (235) à la mort de Gordien III (244) // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. – B.: De Gruyter, 1975. – Вып. 11.2. – S. 657–787.
114. McHugh John S. *Emperor Alexander Severus: Rome's Age of Insurrection, AD 222 to 235* Pen and Sword History 2017.
115. Maksymiuk Katarzyna, *Geography of Roman-Iranian wars. Military operations of Rome and Sasanian Iran*, Siedlce 2015.
116. Maricq, A. 1957. Les dernières années de Hatra: L'alliance Romaine. – *Syria* 34, 288–305.
117. Mattingly, H., *Coins of the Roman Empire in the British Museum V, Pertinax to Elagabalus, and VI, Severus Alexander to Balbinus and Pupienus* (London, 1940).
118. Mennen, Inge. *Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284*. – BRILL, 2011.
119. Mitford, T. B. 1980. Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes. In: Temporini, H. (ed.) *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt* 2.7, 1169–1228.
120. Modrzejewski J. Zawadzki T. La date de la mort d'Ulpie et la prefecture de prétoire au début du règne d'Alexandre Sévère // *Revue historique de droit français et étranger*. 1966. Vol. 45. P. 565–611.
121. Nash-Williams, V.E., 'Iuppiter Dolichenus', *Greece and Rome* 1952, Vol.21 (62), Cambridge University Press, pp.72–77.
122. Nutton V. *Herodes and Gordian* // *Latomus*. – Bruxelles: Société d'Études Latines de Bruxelles, 1970. – T. 29. – P. 719–728.
123. O'Hanlon, Bernard Michael, *The Army of Severus Alexander* (Amazon Media EU S.a r.l, Kindle edition, 2015)
124. Peachin, M. *Iudex vice Caesaris. Deputy emperors and the Administration of Justice during the Principate*. – Stuttgart, 1996.
125. Peppers, Jeanne, 'Four Roman Votive Bronzes in the Getty Museum', *The J. Paul Getty Museum Journal*, Vol. 8 (1980), pp. 173–180.

126. Pflaum, H.-G. Les carrieres procuratoriennes equestres sous le Haut-Empire Romain, Paris. 1960.
127. Pollard, N. 2000. Soldiers, Cities, & Civilians in Roman Syria, Ann Arbor.
128. Potter D. S. The Roman Empire at Bay, AD 180-395. - London: Routledge, 2004. -762 p.
129. von Rohden Paul. Antonius 61 // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. - 1894. - Bd. I, 2. - Kol. 2628-2631.
130. Rostovtzeff, M. I. / Brown, F. E. / Welles, C. B. 1939. Excavations at Dura-Europos conducted by Yale university and the French Academy of Inscriptions and Letters. Preliminary report of the seventh and eighth seasons of work 1933-34 and 1934-35. New Haven.
131. Rufino Antonio Caballos. Universidad de Sevilla. Diploma militar en beneficio de M. Aurelio Silvino (7.1.234). Anejos de *AEspA* XLVIII S.77-84. Merida, 2009.
132. Settipani C. Continuite gentile et continuite familiale dans les families senatoriales romaines a l'epoque imperiale: mythe et realite. - Oxf.: Unit for Prosopographical Research, Linacre College, University of Oxford, 2000.
133. Sidebottom Harry: The Mad Emperor. Heliogabalus and the Decadence of Rome. Oneworld, London 2022.
134. Sidebottom, Harry, 'Roman Imperialism: The Changed Outward Trajectory of the Roman Empire', *Historia*, Bd.54, H.3 (2005)
135. Sidebottom, Harry, Severan Historiography: Evidence, Patterns and Arguments', in *Severan Culture* (Cambridge University Press, 2007)
136. Southern, P. 1989. The Numeri of the Roman Imperial Army. - *Britannia* 20, 81-140.
137. Spaul, J. 2000. Cohors 2: The Evidence for and a Short History of the Auxiliary Infantry units of the Imperial Roman Army. Oxford.
138. Speidel, M. A. 2009. The development of the Roman forces in northeastern Anatolia. New evidence for the history of the exercitus Cappadocicus. In: Speidel, M. A. (ed.) Heer und Herrschaft im römischen Reich der Hohen Kaiserzeit. Stuttgart. 595-631.
139. Speidel, M. P. 1978. Guards of the Roman Armies. An Essay on the Singulares of the Provinces. Bonn.
140. Speidel, M. P. 1977. The Roman Army in Arabia. In: Temporini, H. / Haase, W. (eds.) Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt 2.8, 687-730.
141. Speidel, M. P. 1975. The Rise of Ethnic units in the Roman Imperial Army. In: Temporini, H. (ed.) Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt 2.3, 202-231.
142. Syvanne. I. Gordian III and Philip the Arab. The Roman Empire at a Crossroads. Pen & Sword Military. 2021.
143. Syvanne Ilkka, Maksymiuk Katarzyna, The Military History of the Third Century Iran, Siedlce. 2018

144. Southern, Pat. The Roman Empire from Severus to Constantine /P.Southern.-Routledge, 2001.

145. Syme R. Emperors and biography: studies in the Historia Augusta. - Oxf.: Clarendon Press, 1971.

146. The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars AD 226-363: A Documentary History (edited by Michael Dodgeon and Samuel N.C. Lieu, Routledge, 1994)

147. Wolff, C. 2000. Legio III Parthica. In: Le Bohec, Y. / Wolff, C. (eds.) Les Legions de Rome sous le Haut-Empire, tome 1. Lyon. 251-252.